Наредра русской литературы.

P. C. HABUPOB

СОПИАЛЬНАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ ПРОВЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО 1859—1866 ГОДОВ

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата

филологических наук.

Научный руководитель - доктор филологических наук А. Н. СОКОЛОВ.

МГУ им 11 в сосмости Научил индерствия Отны писсаривали

MockBa.

1966 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	1
Глава 1. Возвращение Достоевского к творческой деятельности	19
Глава П. Второй идейный кризис Достоевского	73
Глава Ш. "Записки из подполья" и начало второго периода творчества Достоєвского 2	95
Заключение	47
Виблиогратия	58

Вокруг творчества достоевского не прекращаются жаркие идеологические споры. Различные идейно-политические группы часто стремятся превратить его в своего союзника, виделяя тот или иной аспект его искусства или интерпретируя последнее в своем духе.

При этом толкователи отвлекаются от всей сложности и бо - гатства творчества достоевского в целом. Иногда на место пи-сателя ставится апостол, а на место искусства - новая религия. Естественно, такое толкование вызывает острую реакцию, которая в конечном счете ведет в столь же одностороннему и упрощенному утверждению, что достоевский был гениальным писателем, но слабым мыслителем: его идеи / равно как идеи его героев/ уже не имеют значения и не должны приниматься в расчет при аналиве его произведений.

Такое решение, сводящее литературоведческий анализ в ос новном к описанию художественной структуры, повволяет одним
ударом разрубить Гордиев увел противоречий творчества достоевского, подняться над схваткой и занять в споре вокруг этого
творчества повицию "tertius gaudens". Однако это решение уход от существа вопроса, ибо искусство, как явление социальной действительности, может бить понятно лишь в его возникновении и развитии, в связи с другими явлениями этой действи тельности. Достоевский велик потому, что его мировозарение
поднималось до высочайших проблем жизни человечества и обнимало собой всю полноту социальной действительности /речь не
идет об исследовании им внутренней причинности этой действительности/.

поэтики - не самоцель, а основа для общего анализа, ведущего к научной индукции основных творческих принципов писателя, пколи, течения, эпохи.

Идейное содержание искусства не мыслится вне искусства, т.е. существует только в адекватной этому содержанию форме. Идеи, высказанные писателем в дружеской беседе, интимном дневнике или запальчивой журнальной статье, изменяют свою форму, входя в сферу художественного воплощения. Это значит, что сами они в большой степени изменяются, подчиняются законам искусства и начинают жить другой жизнью.

живнь идей в романе заключается не в самом изложении или драмативированном представлении их, а в том, как это представление организуется. В романах Достоевского сталкиваются противоположные идеи, представленные с одинаковым искусством. Здесь для нас становится особенно важным соотношение идей в структуре романа. Вместе с тем нам далеко не безразличен карактер этих идей, их конкретно-исторический смысл. Представляется правильным исследовать структуру произведений Достоевского в неразрывной связи с его противоречивым и сложным мировозрением. Отдельное изучение "чисто содержательной" стороны его

романов всегда оказывалось произвольным и давало в общем результаты, желаемне а priori , т.е. ненаучные. Примером этого
могут служить религиозно-философские штудии Николая Бердяева
и Льва Шестова, представляющие собой скорее поэмы, чем научные исследования. К сожалению, в советском литературоведении
также имело место искажение творчества Достоевского, связанное с подобним методом аналива: и в этом нет ничего странного,поскольку "крайности сходятся".

Говоря в общем, традиции русской критики влияли и продолжан ют влиять на всю мировую "литературу о Достоевском". Революционно-демократическая критика 11 века отличалась ярко выраженной общественной направленностью и публицистическим жарактером, что составляло ее величайшую силу, пелициминечения вы Глубоко поняв гуманистическую сущность и социальное вначение творчества Достоевского, великие русские критики Белинский и Добродюбов не стремились дать и не дали всесто роннего анализа его искусства. Писарев с его механистическим материализмом и утилитарной эстетикой совершенно односторонне истолковал творчество Достоевского, хотя и выразил ему свое живое сочувствие. Выника инщанция выпариями выприлим Михайловской, можнорий в отличие от своих великих предшественников. утратил интуитивное понимание гуманистической сущности творчества Достоевского и выделил как его основную, определяющую черту "бессмысленную жестокость" писателя, прийдя в конце концов к глубоко ошибочному выводу о вреде этого творчества. К сожалению, обо иммищим ополо фуниционалической **муюничи** эта формула " жестокий талант" оказала огромное влияние на последующие поколения.

Как реакция на общественно-политическую направленность демокр тической критики родилась религиозно-философская интерпретация романов великого писателя, имевшая тем больший вид законности, что у истоков ее стоял друг последних лет Достоевского - философ Владимир Соловьев. При всей нашей отрицательной общей оценке религиозно-философской критики (Соловьев, Розанов, Меремковский, Бердяев и др.), мы должны отметить, что ее представители обратили внимание на глубокий философский смысл романов Достоевского, хотя трактовали эти романы произвольно и вели в конце концов к пагубной односторонности в понимании Достоевского. Они-то и превратили писателя в апостола своего "нового христианства". Хотя их работы порой содержали тонкие наблюдения, в целом их мало интересовало искусство Достоевского: для них была важна лишь его религиозно-философская мысль.

Перед передовой, материалистической критикой возникала чрезвычайно важная задача глубокого исследования философскоко содержания искусства Достоевского.

После победы Октябрьской революции в России русская традиция социальной критики вступила в новую фазу: оне стала исторической, соединилась с марксистским пониманием социвльных функций искусства. Валериан Переверзев впервые задался целью определить социально-исторические истоки творчества Постоевского; из этих истоков /психо-идеология русского мещанства в момент исторической смени двух общественных формаций, смени феодаливма капитализмом/ он выводил особенности художественного метода Достоевского. Работи Перевервева тыел большое положительное значение, они знаменовали начало мерясистского подхода и прозе Достоевского. Однако, как многие первооткрыватели, Переверзев в горячке идейной борьбы довел свой метод исследования до крайности; его социологиям явшися в некоторой степени и обеднением литературоведческой традипии. В то же время его методу все еще не доставало диалек тичности, и он справедливо был назван "вульгарно-сопиологи ческим".

Одновременно с социологизмом другая политка научного выслиза творчества Достоевского была предпринята на диаметрельно противоположном фланге советского литературоведения известной школой формалистов. Несмотря на свои принцапивльно
ощибочные основоположения, формалисти также внесли немьло
ценного в изучение Достоевского. Они сделали особый акцият
на формально-стилистические приеми писателя, и брий Таканов
своим небольшим исследованием об элементах пародии у Достоевского внес очень важный вклад в науку. Новый аспект литературоведения открылся в работах Виктора Виноградова с стале
ранних произведений Достоевского.

В то время как и социологическая школа, и формалисты в очень вначительной степени порвали с традициями большого русского литературоведения, эти традиции продолжали развиваться в трудах Леонида Гроссмана, начавшего маучение творчества Достоевского еще до революции и посвятившего этому маучению всю свою жизнь. Гроссман собрал и обработал массу фактов, он не был чужд никаким влияниям, стремился освоить новое, где бы он ни находил его, от социологизма до лингвостилистики, но главную силу и достоинство его работ составлял сравнительный вналив, который он развил и в известной степени обогатил. Гелый ряд интереснейших проблем был поставлен в трудах Гроссмана о Достоевском /напр., проблема влияния романа-фельетона/; исследователь издал также богатую летопись жизни Постоевского и его первую биографию . составленную на научной основе. К сожалению, ценности трудов Гроссмана полчас вредил эклектизм его ваглядов и чрезмерное стремление к ивяществу стиля, унаследованное им от импрессионистической критики предреволюционных лет. И тем не менее, именно работы Гроссмана занимали в течение многих лет центральное место в советской науке о Достоевском, противостоя как религиознофилософским интерпретациям, так и крайностям вульгарно-социологического карактера; эти работы в целом выдержали испытание временем и были суммированы Гроссманом в его исследовании "Достоевский - художник" /1959 г./.

Мсследование поэтики Достоевского в советском литературоведении поднялось на более высокую ступень с появлением книги михакла Бахтина "Проблемы творчества Достоевского", которая в можент своего выхода в свет /1929/ имела большое положи - тельное значение. Бахтин виступал против крайностей полярних икол советского литературоведения тех лет, против формалисти-ческого игнорирования философского смисла искусства и против вульгарно-социологического прямого выведения стиля из классовой идеологии. В книге Бахтина впервые наглядно раскрылась содержательность формы, идеологическая значимость каждого приема, даже каждого слова в произведениях великого писателя, идейный смысл самой художественной структуры. Бахтин дал бой формализму в его заповедных полях - в области формы, создав блестящие образцы целенаправленного формально-стилистического анализа. Однако его отрицание социологического метода, которому было свойственно механически упрощенное понимание стиля как результата классовой идеологии, вылилось в отказ от научной полемики, в неприятие основы для спора, что привело к субтективности концепции Бахтина.

Если Зячеслав Иванов создал концепцию "романа-трагедии", если Гроссман охарактеривовал творчество Достоевского как "философскую драму", то Бахтин в поискахтболее точного определения пришел к понятию "полифонического романа". Еще Мереж - ковский указал на неодновначность авторской повиции в рома - нах Достоевского / "О причинах упадка и о новых течениях современной русской литератури", 1893/. Вячеслав Иванов считал, что в творчестве Достоевского поток "дионисийского начала" сливается с "океаном христианства", что тематика его романов определяется религиозно-этическими взглядами писателя, что основной принцип Достоевского - утвердить чудое совнание как равноправный суб"ект. Еще Леонид Гроссман в работе "Путь Достоевского" /1928/ показал, что борьба идей в романах писателя не дает решения, что "философия спеста".

что романи Достоевского отличаются от романов других великих писателей своеобразной незаконченностью.

Все эти и подобные наблюдения Бахтин об"единил и предельно заострил в своей концепции "полифонического романа" Достоевского, романа, в котором писатель совдает обширные идейные дискуссии, участвуя в них на равных правах и не подчиняя развитие образа авторскому вамислу, как в "монологическом"/или "гомофоническом"/романе. Мыслящая личность, из ображдемая Достоевским, есть, по Бахтину, не об"ект, а суб"ект. Хор свободиих и неслияних "голосов" /т.е. замкнутих и изолированных сознаний/ образно сравнивается Бахтиным с полифонией и контрапунктическим сочетанием голосов фуги в музыке, п причем Бахтин подчеркивает метафорическое происхождение термина и его первое употребление/ в ином смысле/ В. Комаровичем за пять лет до "Проблем творчества Достоевского". Бахтин говорит. что мир вещей у Достоевского дан в восприятии героев. в их духе. в их тоне. Ни идеологический лейтмотив.ни илеологический вывод невовможны в этом мире самостоятельных и равноправных суб"ектов. Достоевский не позволяет себе и читатело никакого "об"ектного" суждения о герое. Истина персоналистична, и в романах Достоевского нет ни об"ективной истины, ни об"ективного мира, как в релятивистском пвижении двух наблюдателей относительно друг друга их часы, показы вающие разное время, не могут считаться ни точними, ни ошибающимися, но верны лишь в своей системе отсчета: Бахтин сравнивает художественное мышление Достоевского с той картиной мира, какая сложилась у физиков ух века после откритий Альберта Эйнштейна.

во всем этом много справедливого Диалогическая природа романа Гостоевского несомнения, и Бахтин с полним правом подчеркивает принципиальный характер этого диалогиама, его преднамеречность. Глубокой и верной представляется мысль Бахтина о том, что читатель вовлекается Достоевским в идейные дискуссии его романов как полноправный участник: даже если эта мысль отличается известной гиперболизацией, она все же фиксирует очень важный факт. Всякое великое искусство предполагает участие врителя или читателя в творении, ибо искусство есть общение художника и арителя, двусторонний процесс, но в творчестве Достоевского это общение приобретает новое и особенно важное вначение. Самый термин "полифониам", введенный Бахтиным, постепенно обрел право гражданства в нашей науке, хотя содержание этого термина остается предметом спора.

Между первым и вторым изданием книги Бахтина / Проблемы поэтики Достоевского м. 1963/ прошло тридцать четире года. Второе издание, существенно дополненное, было встречено с большим интересом и вновь вызвало жаркие споры. Многое изменилось в нашей науке за эти годы. После полярных крайностей и бушевания страстей в 20-ме годы советское литературоведение было довольно механически приведено к общему знаменателю, и в течение долгого времени ошибки литературоведов исправлялись в основном ударами дубины. Дело дошло до того, что исследование творчества Достоевского превратилось в публицистическую кампанию против Достоевского, и советский критик Д. Заславский возобновил в несколько ухудшенном "издании" чрезвычайно однобокие и упрощенные рассуждения народника

Михайловского. Только после да с"езда КПСС в советской науке о Лостоевском начался новый под "ем. Все это не вначит. что в 30-40 годы в нашей науке царил "мертвый штиль": именно в этот период выходили ценнейшие публикации и исследования Долинина, Бельчикова, Нечаевой, а также серьезные работы Чулкова, Кирпотина, Александрова и других. Но с 1957 года начинается настоящий под "ем советской науки о Достоевском. Одна за другой, отдельными изданиями, в журналах и научных сборниках, появляются работы Шкловского, Альтмана, Евнина, Гроссмана, Чиркова, Виноградова, гридлендера, Чичерина, Розен блюм и многих других советских ученых. Восстанавливается прерванная линия преемственности. Советский Союз в 60-не годы вновь становится центром исследований, посвященных Постоевскому: их расцвет означает возобновление равличных тенленций научной мисли, и борьба взглядов, научная лискуссия становится валогом успешного движения вперед.

Особенно ценными представляются нам работа А.С.Долинина "Последние романы достоевского" /М.-Л., 1963/ с ее стремлением к точности и доказательности исследования, с ее глубокой аргументацией; книга Я.О.Зунделовича "Романы достоевского"/Ташкент, 1963/ с тонким анализом художественных средств в единстве с мировосприятием писателя; основательное и об"ективное исследование Г.М.Тридлендера "Реализм достоевского" /М.-Л., 1964/, подводящее своего рода итог многих центих исследований в нашей стране и за рубежом; ярко полемическая и весьма содержательная работа А.З.Чичерина о поэтическом строе языка в романах достоевского, вощедшая поэже в его книгу "Идеи и стиль" /М., 1965/, и интересная, котя

слишком субъективная работа А.Э.Голосовкера "Достоевский и Кант" /М.,1963/, по-новому ставящая вопрос о роли философских идей в романе Достоевского.

В таком разнообразном и гораздо более ярком контексте второе издание книги Бахтина имело уже несколько иное звучание. Концепция Бахтина встретилась с серьезной, обоснованной и принципиальной критикой со стороны н.О.Зунделовича,Г.Н.Поспелова,Г.М. Гридлендера, А.З.Чичерина,Б. Л.Бурсова и других ученых, отнодь не являющихся представителями какой-либо одной тенденции нашей науки.

В новом издании книги Бахтина появилась глава о жанровых и сюжетно-композиционных особенностях романов Достоевского, которой не было в первом издании его книги и которую автор не сумел органически связать с общим построением и направленностью работы. Уязвимость этого дополнения признается даже горячими сторонниками Бахтина; но это не представляется нам главним. В новых условиях более отчетливо выявились недостатки его концепции, слабость гипотевы о полифоническом принципе".

Сегодня становится все более явственним, что эта гипотеза во многом произвольна и опирается не только на прекрасний аналив "слова" Достоевского, остающийся одним из лучших достижений нашего литературоведения, но и на своеобразную интеллектуальную игру и большой талант убеждения, свойственный Бахтину.

Новаторство Достоевского бесспорно "но,как справедливо указывают противники Бахтина, исследователь неправомерно отделяет его искусство от достижений других великих реалистов, в первую очередь русских. Противопоставление Достоевского всем другим русским романистам " не видерживает критики" /Еурсов/. Борясь против давних социологических тенденций к прямому вывелению стиля писателя из его классового совнания. Бахтин представии творчество Постоевского как цельное, планомерное, органическое единство, в котором, по сути дела, нет никаких противоречий. Тем самым, работа Бахтина является не столько решением, сколько обходом труднейших проблем, свяванных с противоречиями мпровозврения и метода Достоевского. Бахтин не закрывает глава на эти проблемы, напротив - он всячески подчеркивает "свободу и неслиянность" голосов-сов наний, он прекрасно показывает принципиальний характер этой "неслиянности" и первым в истории нашего дитературоведения усматривает в ней совнательную авторскую установку. Однако. преврацая ее в выслий худолественный принцип Достоевского. Бахтин совершенно игнорирует мучительние, непрестанние искания писателя, его вечную борьбу с самим собой, его колоссальное внутреннее напражение. Чичерин высоко оценивает в кон цепции Бахтина "органическое чувство единства образного мышления и явика. Но у Бахтина нет единства этого обравного мышления и философии Гостоевского: полифонивы Достоевского овначает для него борьбу Гостоевского против "овеществления" человека, гуманистическое утверждение самоценности каждой человеческой личности. Эти тезиси Бахтина справедливы, но чрезвичално общи. Бахтин, по верному замечанию Бурсова, " в общем уклоняется от обнаружения свизи между Достоевскимхудожником и Достоевским-мыслителен". Инным словами, Бахтин OTKASHBSETCE OF MOCHELOBSHME CAMEN, OHTH MOMET, CHOMHO

вопросов о соотношении мировоззрения и метода, он закрывает глаза на то, что "полифоничен" не только роман Достоевского, но и сам романист.

Но чем же сам Бахтин об"ясниет полифонизм Достоевского? Тем, что Достоевский видел свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени, как одновременное сосуществование, в не как становление. В мишлении Достоевского нет генетических и каузальных категорий, оно чуждо понятиям причинности, среды, развития во времени, утверждает Бахтин. В романах Достоевского царит тенденция к эстенсивному развертыванию материала в остановившемся времени, к изображению всего сущего как единовременного, к превращению момента в неподвижную вечность. Во всех этих утверждениях Бахтина есть колоссальное преуведичение. Правда в том, что Достоевский кладет начало суб"ективной трактовке времени в европейской литературе, хотя неверно понимание его романа как например, францувского "нового романа", действие которого происходит вне времени. Самое же главное в этих утверждениях Бахтина - их чистая декларативность, полный отказ от какого-лисо об"яснения этих особенностей мировосприятия Достоевского, игнорирование его философии. О мировозврении Достоевского, об его системе ваглядов. Бахтин говорит как о чем-то незначительном и вторичном по отношению к его гениальному видению мира. Откуда же взялось это последнее ? На этот вопрос мы не находим ответа у Бахтина. Мн читаем только его рассуждения о том, что исторические условия создали возможность возникновения полифонического романа, а события личной и общественной биографии писателя явились сопутствующим фактором в становлении его мировосприятия. Самое важное, по Бактину, в достоевском — это "дар видеть мир во взаимодействии и сосуществовании", невависимий от исторической эпохи, судьбы пистети и его мирововарении. Все это говорится в первой главе книги Бактина.

Так возникает провал в концепции Бахтина. вневне столь строчной. Бахтин чужи историзма, он не обращает внимания на истоки романа Лостоевского, на его эпоху, на его огромную литературную школу. У Достоевского /по Бахтину/ нет прямых предшественников, он мало чем обязан своему историческому времени. Его философия не играет никакой роди в его творчестве; мир Достоевского глубоко плоралистичен, в нем нет об"ективной истины, и Постоевский лишь воспроизводит мир . как он его видит, отноль не питаясь выразить собственного суждения и вынести свой приговор. Таковы общие черты концепции "полифонического романа", в которой, наряду с правильными и глубокими суждениями, содержится множество суб"ективных и чисто произвольных иней, посредством которых Бахтин опять-таки /как многие до него/ превращает Достоевского в внамя своей веры. Принципиальный откак от исторического изучения поэтики есть одна из главних черт метода Бахтина, и поравительная односторонность его метода бросается в глаза. Разрыв каувальной цепи в размышлениях Бахтина не вяжется с его аппеляциями ж современной физике и теориям Эйнштейна. Научность метода исследователя оказывается несколько сомнительной или во всяком случае неполной. Его великолепный признв к созданию современного литературоведения, к совданию науки, оперирующей со сложимми и не до конца определенными данными, далеко не

всегда поддерживается самой концепцией Бахтина. Наконец, само его понимание мира, его трактовка теории относительности Эйнштейна и "соотношения неопределенностей" Гейвенберга страдает некоторими упрощениями любительского характера, как это явствует из ваключительных страниц книги, где современные фивические теории сравниваются достаточно откровенно с концепцией "полифонического романа".

Таким образом, эта концепция содержит глубокие внутренние противоречия. Пафос книги Бахтина, явившейся результатом ссмысления многих достижений западноевропейской, русской и советской литературоведческой и вообще философской мысли, ваключается в стремлении к высокой научности исследования. Опнако в ряде случаев Бахтин изменяет этому стремлению. игнорирует историческую обусловленность мишления писателя. ваменяет свой точный анализ беспримерной интеллектуальной игрой, возводя "полифонический роман" к традиции двойственных жанров и бездокавательно подключая к этой традиции самых различных западноевропейских писателей. Связывая роман Постоевского с карнавальной традицией. Бахтин совершает невероятный скачок через всю литературу новых времен, европейскую и русскую; совершенно неубедительно причисление к этой традиции Вольтера раннего Тика и Гофмана. Стерна и Ликкенса Бальзака, морж Занд и Виктора Гюго, Эдгара По, Шекспира, Гоголя, Пушкина. Эта поистине карнавальная сарабанда имен производит впечатление полнейшего произвола и настоящей антинаучности. К этому результату ведет, по нашему мнению, именно отказ от историвма и невнимание к философски-конкретному значению идей Достоевского, воплотившихся в его образной системе.

Пальнейшее развитие того ценного и плодотворного . что внес в науку Михаил Бахтин, требует изучения поэтики Госто евского в неразривной связи с его проблематикой, социальной, этической, общефилосорской. Без такого изучения всякое общее толкование творчества Лостоевского неизбежно оказывается произвольным или любительски-интумтивным. Дело Бахтина необходимо продолжать против Бахтина. Как изолированное изучение социальной проблематики искусства /вульгарный социологиви/ как отдельное изучение морально-философской проблематики / экви стенциализм/. так и обособленное, неисторическое исследование художественной структури двет лишь - в дучшем случае - результаты полунаучного характера. Исследование социальной и эти ческой проблематики Лостоевского в тесной свяви с его поэтикой помогает созданию необходимого моста между литературовепением в увком смысле слова и марксистской историей литера туры. Это служит обоснованием для постановки проблем настояшей писсертации.

Цель ее — проследить развитие творчества Достоевского на ограниченном этапе 1859-1866 годов. При этом мы вынуждены ограничить и глубину исследования, сосредоточив его в основном на социальной и этической проблематике произведений Достоевского в этот период. Каковы причины, побудившие писателя к постановке тих проблем? Каковы причины, побудившие писателя к постановке тих проблем? Каково их конкретное содержание и попытки их разрешения? Как связана проблематика Достоевского с художественной традицией? Наконец, какую роль играют эти проблемы и связанные с ними идейно-эмоциональные силы в художественной структуре? Таковы главные вопросы настоя — щей диссертации.

сточки врения метода наша работа стремится к сочетанию исторического и структурного анализа. Метод работи можно назвать комплексным, т.к. он предполагает, в известных пре предадах, привлечение различних методов исследования художественной литературы. В центре нашего внимания — морально-философская проблематика произведений указанного периода, не выятая не "сама по себе", а в ее художественном воплощении; точнее говоря, мы рассматриваем морально-философскую сторону искусства Достоевского. Нашими усилиями руководит стремление к цельности литературоведческого анализа.

Глава 1

BOS SPALEHME MOCTOEBCKOFO K TBOP-LECKON MERTENDHOCTM

1.

каторга и соддатчина наложили неизгладимую печать на душ достоевского. В этот период, в основном в 1849-1857 годах, он пережил свой первый идейный кривис. Этот перелом предпествовал его знакомству с новой русской действитель - ностью эпохи реформ. Поэтому следует предпринять попытку охарактеризовать дичность достоевского, какою она сложи - нась к 1859 году - к моменту возвращения писателя в Петероург.

Достоевскому было в этот момент 38 лет, и он уже прожил больше половины своей живни. Его характер отличался чревынайной сложностью. Основными чертами его характера пред - ставляются колоссальное живнелюбие, острая впечатлитель - ность и нервовность. Это осложнилось эпилепсией, первый припадок которой он испытал в 1850 году в Омске. Достоевский всю живнь боролся со своей болевнью. "Выводить" особенности его творчества из эпилепсии бессинсленио, однако недопустима и другая крайность - полное отрицание или недооценка пато - логического фактора в творчестве Достоевского. Самое глав - ное своеобравие личности эпилептика - сочетание совершенно противоположных черт характера. Именно такое сочетание мы находим у Достоевского.

Но противоречия его характера прежде всего об"ясняются необывновенными событиями его живни. Успех " Бедных людей" пранняя слава дали обильную пищу его честолобию. Молодой достоевский считал себя крупне шими русским писателем. Однако провал последующих повестей, охлаждение Белинского, насмешки бывших друвей омрачили его триумф. Он стал крайне мнительным, обидчивым, подоврительным и даже порой озлобленным. К нему вернулись угрюмая замкнутость и любовь к одиноким размышлениям, столь отличавшие его еще в Инженерном училище. Периоды уединения, одиноких прогулок и разговоров вслух с самим собой, что ваставляло прохожих принимать его за сумасшедшего, сменялись у Достоевского периодами тяго - тения к людям, жаждой общения и признания.

Его любовь к людям не была книжной идеей: он просто не мог жить бев них, бев непрерывного общения с ними. Не обладая сильным характером, он нуждался в том, чтобы сильные люди воспринимали прекрасные дары его души, вознаграждая его ввамен своим привнанием и поддержкой. Его изменчивая, эмоциональная натура в те годы обладала тонким, почти женственным обаянием. Он легко подпадал под влияние своих дружей, играл в дружбе подчиненную роль, склонен был восхищаться другом — покровителем. Видимо, такова была его дружба с поэтом-романтиком Шидловским. Ревнивой и требовательной была недолгая дружба Достоевского с Белинским. Огромное элияние на Достоевского оказал ранний русский коммунист Спешнев, которого писатель, если верить доктору Яновскому, наввам "своим Мефистофелем". В матуре Достоевского было искать прочной опоры вне себя, вне собственной личности.

Молодой Достоевский мечтал о любви женщин, но в те годы

он не испытал счастья разделенной дюбви. Ничего, кроме страданий, не принесло бурное чувство, вызванное встречей с Авдотьей Панаевой.

Крайняя впечатлительность и нервозность, восторжен ность и мнительность, жажда преклонения перед чем-то
высшим и в то же время болезненное самолюбие, гордость и
мечтательность, жажда славы, любви, успеха и стремление к
уединению - таков противоречивый духовный облик молодого
достоевского. Он не мог быть назван сильным человеком, но
над изменчивым и гибким его характером царило упорное и
чрезвычайно живнеспособное "я", творческая личность, поистине
могучая в своем непрестанном, целенаправленном усилии.
Необходимо четко различать характер и личность Достоевского.
С этим сложным, непостоянным, нервозным характером боролась
титаническая личность, нашедшая себе впоследствии великолепное выражение в гениальных романах.

В Достоевском таились жгучие страсти, и болезненная внешность скрывала громадную потенциальную энергию. С какой бы высоты он ни падал, он всегда становился на ноги. В одном из писем впоследствии Достоевский сам назвал эту свою отличительную черту "комачьей живучестью".

Он жид чрезвычайно интенсивно, напряженно, вачастую руководствуясь скорее чувством, чем разумом. Повишенная эмо чиональность всегда окрашивала и его мировозэрение. Молодой Достоевский со своим оригинальным ораторским талантом был пркой фигурой среди петрашевцев, но если сравнить этот талант с волей, теоретическими повнаниями и властным, организатор ским талантом Спешнева, то станет ясно, что Достоевский тех лет - типичный "социалист чувства", как повже Ленин назвал эптона Синклера. Что представлял собой этот эмоциональный социаливм Достоевского?

Очевидно, на него в те годы сильно повлияли идеи христивиского социализма, отавуки которых повже были явственны и
в "Дневнике писателя". Религиовное воспитание, полученное
достоевским, нашло свое продолжение в прямом и коевенном
/через друзей/ знакомстве с философскими системами Гегеля
в Канта. Огромное влияние оказал на него деизм Вольтера,
вольномысление Пушкина и "демонический" бунт Лермонтова.
Религиовно-идеалистическое мировозврение Дестоевского очень
рано утратило свою цельность, и вся дальнейшая идейная эвовоция Достоевского представляет собой картину непрерывной
борьбы двух противоположных начал, двух противоположных
ответов на основной вопрос философии.

Л.П.Гроссман полагает, что религиовная вера "изменила Достоевскому" в момент высшего потрясения, пережитого перед лицом смерти 22 декабря 1849 года на Семеновском плацу. В его переписке встречаются признания, свидетельствующие о глубокой внутренней борьбе и сомнениях. Эту же борьбу и эти сомнения можно раскрыть и во всех произведениях Достоевско-

В 1854 г. он писал Н.Д.Тонвизиной: "Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных." По сути дела, это привнание в усилении "доводов противных". В конце сибирского периода Достоевский представляется скептиком, стидящимся своего скептицизма, ищущим выхода из него.

Что произопло с достоевским в Омском остроге? Еще в петропавловской крепости он написал светлый и оптимисти - ческий расскав "Маленький герой", проникнутый поэвмей первой детской любым. Во время процесса петрашевцев он защи - щался мужественно и честно. Покидая Петербург, он написал в прощайьном письме к брату: "Никогда еще таких обильных и эдоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как те - перь..."

Каторга сломила его. К фивическим лишениям присоедини - лись нравственные страдания, неизмеримо более тяжелые: непрерывные унижения, грубость острожного начальства, ненависть и преврение со стороны других каторжников.Достоевский испытал полную невозможность оградить свою личность от по - сягательств извне. Сознание своей униженности и беззащит - ности вызвало в нем мучительную тоску, которая в дальней - мем всякий раз пробуждалась при изображении в его романах подобного состояния нероев и нестерпимо високой нотой звучала в его произведениях, придавая им характерную окраску предельного нравственного страдания.

Человек морально раздавлен, но продолжает жить. Что поддерживает его в этом страшном положении? Сознание своего духовного превосходства над слепой стихией зла. "Но пусть вселенная раздавит его, человек станет еще благороднее, чем то, что его убивает, потому что он сознает свою смерть, а о своем превосходстве над человеком вселенная не знает ничего. Итак, все наше достоинство заключается в мысли", - говорит Паскаль.

И Достоевский в стенах Омского острога приспосабливается к безвиходной ситуации благодаря новому и опасному чувству, благодаря способности к горькому наслаждению собственным страданием. Он не только пережил катастрофу 1849 года и полное крушение всех надежд, он обрел способность тить крушениями, обрел понимание катастрофического характера эпохи. Это был, если можно так выразиться, вкус к катастроре, доходящий иногда "до потребности нарочно бере дить свою рану, точно желая полюбоваться своей болью, точно в сознании всей великости несчастия есть действительно наслаждение" /"Записки из Мертвого дома"/. З этой потребности правилась защитная реакция психики против отупения, против каториной апатии, которая является самым страшным результатом отравления страданием. Человек, лишенный свободы и лостоинства, может отравиться страданием , унивиться до потери своей личности, до полного равнодушия к себе и к миру.Про тивоядием против каториной апатии является или непреклонная стойкость борца, или непрерывное сознание своего унижения. протест, загнанный внутрь, вкус к катастрофе, складывающийся как реакция на неотвратимое унижение личности. Героическая личность борется до конца; натура гибкая, пластическая вырабативает новый способ защиты.

Представляется очень вероятным, что Достоевский еще на Семеновском плацу совершил выбор на всю живнь, всем своим существом привнав <u>бевграничную ценность живни</u>. Жажда живни и надежда никогда не угасали в нем. Именно в стенах Омского острога он виработал свое понимание высшего блага — человерадости и вечным трагизмом. Он принял живнь "до ее смысла".

Первый идейный кризис Достоевского, вызванный катастрофическим столкновением его "розового" идеализма с мрачной действительностью николаевской эпохи, завершился не полной переменой убеждений, а своеобразным примирением между идеяти утопического социализма и новыми, консервативными настро-

Он убедился, что между русским народом и интеллигенцией пехит бездна, что утопические социалисты не знают русского прода, что Белинский в письме к Гоголю преувеличил вольно-пумство народа — на деле мужик хранит свою веру. Вспомним, то Россия середины 11 века еще не была буржуваной страной, пинтализм еще не успел потопить в ледяной воде гоистичество расчета "священный трепет религиовного экстава".Досто — ский глубоко осознал и затем абсолютизировал тот истори — иский факт, что массовые социальные движения в России отчести еще сохраняли религиовную форму: отсюда его интерес расколу. Достоевский пришел к убеждению, что вне религии перозможны глубокие преобразования в русской жизни. Уместно специить, что подобные мысли возникали и у Герцена, и у резолюционеров-шестидесятников, хотя главным для них оста-

Достоевский понимал, что бог аристократических церквей сыма отимчен от темного крестьянского Спаса и что мужик маднвает в идею бога свое особое содержание. Дальней мее дейное развитие Достоевского отмечено поисками этого мужиц-

кого бога, "русского) риста".

Наряду с богоискательством результатом первого идейного кризиса Достоевского явилось сознание узости теоретической инсли. Никакая теория не охвативает бесконечного разнооб - разия жизненних явлений. Всю жизнь он горячо интересовался философией, но сам философствовал антитеоретически, преодоревая пропасти между полярными противоположностями посред - ством алогических скачков, совмещая несовместимое только силою художественного внушения. Странный философ, у которого ход мысли опровергает готовую формулу - но в этих противоречиях с самим собой философ Федор Достоевский наиболее интересен и значителен. Итак, второй результат "сибирского кризиса" есть идея о несогласимости теории и жизни.

Великог бедствие, разразившееся в то время над Россией, Крымская война, - нашла сильнейший отврук в душе рядового
Тедора Достоевского, ваставив его заново пережить драму
русской интеллигенции с ее "врожденной" разорванностью
между Россией и Европой. Патриотический под ем периода
Крымской войны способствовал формированию его патриотизма,
близкого к славянофильской идее русской исключительности.

Трудно определить политические убеждения Достоевского в 1859 году. Из его писем того времени можно сделать противоречивые выводы. Ясно, что он отказался от революционных идей левых петрашевцев. Однако начавшийся в России общественный под "ем отчасти уже успел захватить его. Писатель стоит за освобождение крестьян с вемлей, за просвещение народа. Он выражает восторженную веру в начинания Алек - сандра П. Надо ли при этом вспоминать внаменитый "крик

дужи" Герцена: " Ти победил, Галилеянин! " или кратковременные таловии Некрасова ?

Во время службы в Семипалатинске в жизни писателя произопло событие огромной важности - брак с Марией Дмитриевной Исаевой. Эта красивая чахоточная вдова била его первой любовью, но сама она не любила и не понимала Постоевского, считала, что снисходит до него, отдавая ему свою руку. Все перипетии этого мучительного романа детально исследованы Грос сманом. Счастье писателя было недолгим, вскоре он осознал, что Мария Лмитриевна чужда ему. Начались сцены ревности, дикие ссоры. Удивительно, что писатель все же сохранил скльное чувство к Марии Линтриевне до самой ее смерти. В отой своеобразной "любви-ненависти" также отразилась способность упиваться своей болью; эту способность школа Фрейла об ясняет вдиянием деспотического воспитания, которое развивет в ребенке мазохистские наклонности, - об"яснение более чем упрощенное. Не жестокий отец и семейный тиран Михаил Постоевский , а тиран более крупного масштаба, император Николай 1. и николаевская эпоха вообще - вот кто искалечил лушу Лостоевского. Эта действительность в формах семейных отношений . системы образования, политического и ценаурного Рнета, социального и экономического неравенства , наконец, в грубо-вещественной форме кандалов, ружей, палок и шпицрутенов формировала характер писателя. Семейное воспитание живь часть этого комплекса, очень важная, но не обявательно Определяющая: оновеский бунт Некрасова против деспотивма отца также был результатом воспитания, сходного с воспитанием MOCTOEBCKOFO.

Порожденная жестокой действительностью николаевской россии склонность к наслаждению собственным страданием в дальнейшем играет очень важную роль в творчестве достоевского. Возникнув еще до каторги, обострившись в стенах острога, эта склонность в соединении с неумолкающим протестом породила специфическое мироощущение зрелого периода достоевского.

Как непосредственный результат и частичное выражение его первого идейного кризиса следует рассматривать две повести, написанные в Семипалатинске и опубликованные в 1859 г. в стокичных журналах: "Дядюшкин сон" и "Село Степанчиково и его обитатели". Повже появились "Записки из Мертвого дома"; однако
задуманы и начаты они были в конце "сибирского периода", и в
них с большей полнотой и свободой выразились итоги перелома.
Поэтому все три произведения рассматриваются в настоящей работе как непосредственно примыкающие к периоду первого идейого кризиса.

Как известно, в период создания двух семипалатинских повестей Достоевский жил под гипнозом цензуры и сдерживал, ограничивал себя, не решаясь высказаться более полно. Кроме гого, несмотря на усиленное чтение и переписку, писатель оставался еще за пределами оживленной идейной борьби, не упавливал определяющих настроений передового русского общества. Для завершения колебаний и сомнений необходимо было окунуться в атмосферу общественного под ема предреформенной ры. Эти две причины -опасения перед цензурой и оторван - мость от центра общественной мысли - обусловили известную тость содержания семипалатинских повестей. После десяти - метнего перерыва Достоевскому еще предстояло найти себя.

за время винужденного молчания он вобрал в свою художническую память гигантский материал самых острых живненных наблюдений. Но до поры - до времени этот материал оставался зашифрованным в отривочных, порой неясных записях "сибирской тетради", где за пословицами и отдельными фравами сирывались связанные с ними жизненные ситуации, рас сказы каторжников, целые характеры.

Достоевский еще не внал, каким образом использовать этот опыт. Для возвращения в литературу он избрал самий простой путь: он обратился к чисто литературным источникам и в первую очередь - к самому себе. Две семипалатинские повести представляют собой как би воскрешение прежнего стиля достоевского, они являются непосредственным продолжением его творчества докаторжного периода. В особенности это относится к повести "Дядюшкин сон".

Одним из фабульных источников повести, очевидно, послутил парижский внекдот, опубликованный в журнале "Москвитянин"
/июль 1853 года/. Там, в отделе "заграничных известий", подробно рассказывалась история семидесятитрехлетнего графа
Генриха " ", который при помощи всевозможных ухищрений
медицины и косметического искусства /лекарства, крепительные
ванны, вставные зубы, искусственные икры и бедра, эластический корсет и грим/ обманивал весь Париж, играя в свете
роль сорокалетнего денди. Этот обман раскрылся только после
его смерти.

Но Достоевский использовал только "внешнюю виравитель ность" этого анекдота. В повести "Дядюшкин сон" ни парик, ни румяна, ни все изобретения секретной бутафории не скрывают от окружающих дряхлости и старческого слабоумия князя.

Сатирический образ князя и составляет главное достоинство повести. Атмосфера ее напоминает гоголевского "Реви - вора"; первоначально она была задумана и писалась как комедия. Следы театральной композиции сохранились в повести , в некоторые описания напоминают авторские ремарки в теат - ральном произведеним. Развязка в повести "Дядюшкин сон" представляет собой чисто театральный эффект и явилась в творчестве достоевского впервые; л.П.Гроссман выделил ее как особый композиционный прием и назвал развязкой "Реви - вора". "Публичное посрамление тщеславца при внезапном краже его общественной репутации "- таково значение этой развязки.

Написанная в традициях гоголевской школы, близкая по духу к"Вевивору", повесть обращается вокруг центральной фигуры расслабленного и сластолобивого старого князя. В докаторжном творчестве Достоевского не было сатирического образа аристократа. Князь К. из "Дядюшкина сна" - первая проба пера в обрисовке таких типов, как старий князь Сокольский в романе "Подросток" и отчасти генерал Иволгин в "Идиоте". Вообще вся повесть - яповитая насмешка над пошлой , нивменной жизнью провинциального русского дворянства, над губернскими гранд--дамами, захолустными "львами" и мефистофелями, над помещиками, чиновниками, барышнями, сплетнями и интригами символического города Мордасова. Пустота, тщеславие, духовное убоество этого общества с наслаждением выписываются Достоевским. Все это свидетельствует о его близости передовому, антирепостническому направлению русской литературы. Автор "Дя дошкина сна" решительно осуждает дворянство с его отсутствием подлинной живни и с его непомерными претенвиями. Но это жиль провинциальное дворянство - традиционная мишень насмемек всей натуральной школи.

Только три фигуры, по сути дела, выходят из-под огня беспощадной насмешки Достоевского: гордая красавица Занаида Афанасьевна Москалева, учитель Вася — умирающий от чахотки возлюбленный зины — и генерал-губернатор "отдаленнейшего края", о котором вскользь упоминается в конце повести и женой которого оказывается Зина.

Сентиментальный портрет белного учителя перекочевал В "Дядовкин сон" прямо из докаторжных повестей Достоевского. В нем легко узнать своеобразный вариант фигуры студента Покровского из "Бедных людей", отчасти родствен этот бедный учитель и мечтателю из "Белых ночей". И все же этот образ уже несет в себе элементы сибирского опыта Достоевского. Учитель Вася в "Дядюшкином сне" перед смертью совнает. что его самолюбие, его мечты о великой литературной славе и картины" красивой" любви, созданные его воображением, все это "сладкие романтические гдупости". В этих словах умираощего учителя сказывается принципиальный антиромантиям нового постоевского, его новый вагляд на жизнь, столь отличный от вагляда, выраженного в "ховяйке", "Белых ночах" и пругих его ранних произведениях. Горькое разочарование Васи - это равочарование самого Достоевского. Не случайно Вася избирает тот способ самоубийства, о котором Постоевский узнал в Омске и повже вновь заговорит в "Записках из Мертвого дома": вино настоенное на табаке и обеспечивающее быструю смерть OT WAXOTKW.

Зина - одна из первых "гордых красавиц" Достоевского. черты этого любимого образа, повторяющегося в каждом его романе, вдесь только намечены, но перед нами, несомненно, эскиз именно этого типа. В ранних повестях постоевского все героини , начиная от Вареньки Доброселовой и кончая т-те м из "маленького героя", были нежными, кроткими и высоко добродетельными совданиями: некоторое исключение составляла тамиственная и страстная Катерина, чья пугающая изменчивость об"яснялась чарами колдуна Мурина. Зина в "Дядюшкином сне" непохожа на ранних героинь Достоевского, в ней уже проявляется царственная гордость, преврение к окрукающим, вызывающая у влюбленных в нее молодых людей чувство, напоминающее "любовь-ненавиств"более поздних произведений. В образе Зины, гораздо сильнее, чем в образе чахоточного учителя, отразился новый взгляд Достоевского на жизнь, то чувство "сладкого страдания", которое прежний Достоевский ватронул только раз, изображая сложные отношения Неточки Неввановой и княжны Кати. Зине, как и другим "гордым красавицам", свойственны резкие переходы от высокомерия к самоунижению перед любимым человеком, от величавой сдержанности к неожиданному саморавоблачению.

Заключительная страница повести рисует нам чисто пушкинскую пару: старого генерала, израненного в сражениях, и его молодую красивую жену, царицу бала. Но Мозгляков - не Евгений Онегин; Достоевский резко обрывает черту сходства, а вместе с нею и всю повесть.

Он был совершенно не удовлетворен "Дядюшкиным сном". В основном повесть представляет собой подражание Гогомо и самоподражание. Парижский анекдот о "графе Генриже" дал толчок к созданию яркого сатирического образа князя к., "мертвеца на пружинках". Онегинская пара в финале повести дополняет впечатление общей литературности этого произведения.

Разрешая М.П. Редорову инсценировку "Дядюжкина сна" в 1873 г., Достоевский в то же время воспретил указывать на афишах его имя. Он писал, что находит ее плохор, называл ее "вещичкой голубиного незлобия и замечательной невинности". В том же письме к Гедорову Достоевский дает указание, что он писал "Дядюжкин сон" "единственно с целью опять начать интературное поприще и укасно опасаясь цензурн".

Гораздо большее вначение в становлении Достоевского тмело "Село Степанчиково и его обитатели". Ту повесть уж никак нельзя было наввать "вещичкой годубиного неалобия". По остроте, исихологической напряженности ряда сцен "Село Степанчиково" предвещает врелого Достоевского. Центральний образ повести, ядовитый шут тома Опискин, принадлежит к самым известным и значительным созданиям Достоевского. Восмодя по своему жарактеру к докаториному творчеству Достоевского и являясь в то же время ранним вариантом некоторых обравов врелых романов/ на чем ми остановимся далее/, тома Опискин служит связующим ввеном в идейно-художественной зводющим достоевского.

"Село Степанчиково", хотя и меньше чем "Дядошкин сон", псе же несев на себе известный отпечаток литературности. Вопрос об источниках "Села Степанчикова" разработан весьма детально. По выражению Л.П.Гроссмана, Достоевский в этой повести "ориентируется на "Мертвие дуни". Сам полковник Ростанев местами напоминает гоголевского идеального помещика Костанжогло. тому Опискина порой называют "русским Тартюфом", и его ролство с классическим лицемером Мольера общепризнано. Наряду с влиянием Гоголя в повести "Село Степанчиково" наблюдаются и многочисленные примеры пародирования гоголевской "Переписки с друзьями". Таким обравом, прополжая гоголевскую традицию, изображая помещичью усадьбу в тухе патриархальной илиллин второго тома "Мертвых душ".Постоевский в то же время отталкивается от реакционной, мистической публицистики Гоголя, осменвает его проповелнический тон, его ходульный пафос и деланное величие. Уже неоднократно отмечался исслепователями бесспорный факт. что эта повиция Постоевского свявана с знаменитым письмом Белинского к Гогопо. за чтение которого Лостоевский и был осужден. Иними словами. Постоевский после каторги начинает именно с того пункта, на котором он остановился десять лет назад. Нет полного разрыва между Лостоевским-петрашевцем и Лостоевским 1859 года. Однако это не просто продолжение. Убеждения писателя не только подверглись пересмотру, но и в высшей степени оспожнились.

По тому и "Село Степанчивово" - не просто новый вариант мольеровского "Тартюфа", разыгранный в стилизованных под Го - томя декорациях русской усадьбы. Не мотря на всю свою лите - ратурность, повесть уже содержит в себе большой варяд пси - кологического напряжения, тревожит мысли читателя необичными вопросами, начинает приближаться к большому стилю Досто - евского.

Вся повесть построена на противопоставлении двух обравов - доброго и наивного помещика Ростанева и озлобленного шута томы Опискина. Вопреки высокому мнению автора о "типе" Ростанева, вряд ли мы можем признать его удачним. Полковник Ростанев получился бледной, условной фирурой, его наивность подчас выглядит искусственной. Зато образ томы Опискина был, несомненно, крупной удачей писателя.

Как много уничтожающих эпитехов написано было критиками с целью передать впечатление от отвратительной и наглой фигуры Фомы Опискина! И тем не менее, приходится констатиро - вать с удивлением, что этому важному образу из галереи Достревского явно не повезло в русской критике. Односторонний и пристальный анализ Фомы Опискина в статье Михайловского местокий талант" - пример преобладающей оценки этого образа.

Спору нет, гома жесток, и ненужно жесток; наслаждение мучительством захлестывает его до такой степени, что он чуть
им не сам верит, что оказывает благодениие людям, которых
он тиранит. "Ненужная жестокость", "жалкое, дрянное ничтожество", "любопытиейший экземпляр волчьей породы," - говорит неод нократно Михайловский. Он упорно ассоциирует жестокость томы
с "жестокостью" самого Достоевского, прямо сравнивает писа теля с томой Спискиным.

Вряд ли эта мысль еще нуждается сегодня в опровержениях!

Горавдо ближе к истине Добролобов, сбликавший образ томи с

образом Нкова Петровича Голядкина: "тип человека, от болезненного развития самолобия и подоврительности доходящего до

чрезвычайных уродств и даже до помещательства". Михайловский
подчеркивал решающее, по его мнению, различие: Голядкин -

- жертва, ома - мучитель. На деле этого различия не су - ществует.

Несомненно, Тома Опискин сам является жертвой внешних обстоятельств, продуктом среды. Достоевский декларирует это устами своего условного рассказчика совершенно недву - смысленно:

"Может быть, спросят: откуда берется такое самолюбие? как зарождается оно, при таком полном ничтожестве, в таких калких людях, которые, уже по социальному положению своему, обяваны внать свое место?".. "Однакож позвольте спросить: уверены ли вы, что те, которые уже совершенно смирились и считают себе за честь и за счастье быть вашими путами, приживальщиками и прихлебателями, - уверены ли вы, что они уже совершенно отказались от всякого самолюбия ? А вависть, а сплетни, а ябелничество, а поносы, а таинственные шипения в валних углах у вас же. гле-нибудь под боком. за вашим же столом?.. Кто внает. может быть. В некоторых из этих униженных судьбою скитальцев, ваших шутов и юродивых, самолюбие не только не проходит от унижения, но даже еще более распаляется именно от этого же самого унижения , от юродства и шутовства, от прихлебательства и вечно вынуждаемой полчиненности и безличности. Кто знает, может быть, это безобразно вырастаощее самолюбие есть только ложное, первоначально извращенное чувство собственного достоинства, оскорбленного в первый раз еще, может, в детстве, гнетом, бедностью, грязью, оплеванного, может быть, еще в лице родителей булущего скитальца, на его же глазах ?"

В этом отрывке Достоевский дает блестящий образец соци -

ально-психологического анализа, которым прочно обосновы вается реальность и важность выведенного им "типа".Совершенио реально, очень метко по своей жизненной постоверности и описание " возвышения" Фомы, его перехода из жертв в мучители: "Наверстал-таки он свое проледшее! Низкая душа. вийдя из-нод гнета, сама гнетет. Тому угнетали - и он тотчас же ощутил потребность сам угнетать: нап ним ломались -- и он сам стал над другими ломаться"... В этих словах -- страшная правда. Крепостное право , надругательство над личностью порождало моральных уродов, рабов - энтузиастов, опричников и палачей, вроде тех, которыми окружали себя Каменские. Пут. волею случая вознесенный к власти нал другими людьми, сам начинал мучить и тиранить их, попирать их чедовеческое достоинство. В этом смысле и Яков Петрович Го лядкин не составил бы исключения. Фома Опискин - это новый вариант Голядкина. Если титулярный советник из "Гвойника" сомел с ума от непрерывного методического унижения, которому подвергала его жизнь, то лому Опискина она искалечила на пругой манер, превратила в морального урода. в чудовище вестокости и лицемерия. И в том, и в другом случае мн видим болевненную реакцию психики на унижение.

Михайловский, упрекавший побролюбова в невникательном чтении "двойника", сам странным образом "не заметил" цитированных выше страниц "Села Степанчикова".

Итак, тома Опискин - продукт крепостнической эпохи, эпохи пасилия над личностью, унижения личности. Значит ли это, что тома "не виновен"?

Голинский говорил: "Зло скривается не в человеке, но

в обществе". Этой идее полностью соответствует процитирозанный выше отривок из повести Достоевского о генезисе характера томи. Но великий писатель не остановился на этом.
доведенный до своего логического предела, механистический
детерминизм пришел к отказу от понятия личной ответствен ности. И вот в тургеневской повести "Переписка" появляется
внаменательное утверждение: "Все мы виноваты, да винить-то
нас все-таки нельзя. Обстоятельства нас определяют; они наталкивают нас на ту или другую дорогу, и потом они же нас
казнят".

Добролобов несколько позже в статье "Елагонамеренность и деятельность" выступил против фатализма Тургенева с револоционно-демократических позиций. Достоевскому также был чужд этот фатализм. Он отчетливо сознавал детерминирующее влияние среды, но в его глазах это не снимало ответственности с че повека. Подпольный бунт Ромы Опискина — уродливая форма протеста личности, мстительное самоутверждение. И Достоевский с ослепительной наглядностью показывает все уродство этой форма протеста.

фома Опискин - духовный садист, он подвергает свои жертнь уточненным психологическим пыткам. Боль от этих пыток
испытывает не только очередная жертва фомы, но и читатель
повести. В этом отношении Михайловский совершенно прав. Но
ожно ли "ненужную жестокость" фомы относить за счет "ненужной жестокости" достоевского ? Такое положение Михайловского,

[/]В.Г.Белинский, "Сочинения Александра Пушкина", Госполитиздат, 1987, стр. 426.

очень долго сох анявнее свое влияние , свидетельствует о чепонимании мысли писателя. Зедь "болевой эфект" ставший главной особенностью таланта Достоевского, только и спосо бен вызвать ту глубокую, эмоциональную реакцию читателя, которая характерна для восприятия образа соми Опискина. Не буль этого оффекта. этого нарапаршего нерви "торможения" в спенах, когда Тома выпытывает у залалея происхождение кама ринского мужика или помогается от полковника Ростанева величания "его превосходительством", не будь этой мнимой "жестокости" Достоевского, не было бы и той разоблачительной силы образа. Характер Фомы остался бы на уровне психологической варисовки в духе "сентиментального натураливма". Между тем, Фома вызывает физическое отвращение. Он надоедает, он изводит читателя, а бросить его, оторваться от его садистского сладкогласия" невозможно. Все время Постоевский разпражает терпение читателя, заставляя его следовать за всеми перипетиими истории Домы Опискина и водноваться вопросом: чем же вакончится эта питка? /

Для наглядного уяснения сущности "болевого эффекта" полевно провести краткое сопоставление образа томы Опискина с образом Иудушки Головлева; подобное сопоставление ранее производилось В.Я.Кирпотиным

Перед нами два классически вавершенных образа лицемеров.

Тома, и Иудушка - влобные тираны окружающих, виртуовы мучи-

^{1/ №.}М.Достоевский", М., 1960, стр. 597.

тельства. Конечно, капризний и наглий тиран села Степанчикова очень далек от ядовито-сладкого Иудушки Головдева, но между ними существует огромное сходство. Как справедливо указы вает Н.М.Чирков, стремление Фомы Опискина внушить о себе представление как о человеке высокой морали - " не только маска".

"... В этом морализировании, в неустанном проповедничестве,
в этой потребности ваять самую высокую ноту, есть своего рода упоение, увлечение, свой пафос, вера, хотя бы на короткое
время, на мгновение, в свою подлинную святость ... Фома иск ренне стремится быть выше самого себя, ваять реваны в своем
воральном учительстве ва свое ничтожество".

Аналогичную черту усматривает в характере Иудушки исследователь творчества Цедрина - А.С.Бушмин: "Есть лицемеры,
которые сами сознают, что они лицемеры. Иудушка же искренне
считает себя поборником правды..." "Это лгун, убежденний в
своей правоте". Два вдохновенных лицемера различаются целяим своего действия: дж томы Опискина мучительство - чистое
искусство, стихия мести и самоутверждения; Иудушка утверждает себя материально, путем ввериного стяжательства. тома ност, иудушка - "кровопивец". Но и поэвия томы, и стяжательсттомудушки производят на читателя сходное действие, вызывают
настоящее нравственное и фивическое отвращение, чувство болевтиного сопротивления тому, что сообщается писателем. И в
но другом случае два весьма различных русских писателя
котваются ярко выраженного "болевого эффекта".

И.М. Чирков "О стиле Достоевского", М., 1963, стр. 48-49. "История русского романа", т.П, стр. 368-369.

Но если Мудушка Головлев - крупный социально-психологический тип, воплощающий разложение русского дворянства, то образ томы Спискина, при всей своей выразительности, не совсем ясен читателю, а "Село Степанчиво" не принадлежит к числу лучших произведений Достоевского. В чем причины этого? Прежде всего, в том, что тома помещен в чисто условный контекст идиллической усадьом. Крепостные Ростанева - это статисты, очень редко показывающиеся из-за кулис. Сам Ростанев - фигура, заданная заранее и не живущая вне воли автора.

Современников должна была, несомненно, поражать и перевернутая ситуация: помещик оказывался жертвой, щут - мучителем. За два года до отмены крепостного права это не могло невызывать самых недоуменных и путаных толкований авторского

Наконец, важной причиной неудачи Достоевского явился, на наш ввіляд, чисто механический финал основного действия:полковник Ростанев вышвыривает тому из дома, затем тома торжественно возвращается и внезапно благословляет брак полковника и Насти. Это решение внешнее; напряжение "болевого эффекта", втоль долго нагнетавшегося автором, не снимается жестом томы. Он продолжает кривляться и тиранствовать, хотя его надруга тельства принимают менее циничний характер. Тома умирает среди всеобщих забот и внимания, читатель остается неотищенным.

иудушка Головлев терпит полное духовное банкротство, никто его не побездает, он в полном одиночестве пожирает сам себя. Перед смертью в нем внезапно просыпается "одичалая совесть". Это смелое решение Цедрина с точки врения художественной безукоривненно. Пробуждение человеческой души в пауке повволило

петрину с тем большею силой совершить над Иудункой Головлени свиреную расправу. Идея романа получила полное вавершение.

жого завершения не достает "Селу Степанчинову", не достает прагической силы. Образ Томи Ромича превратился у Достоевского в самоцель. Решение конфликта осталось чисто внешним, ус-

Ожношение Достоевского к Фоме Опискину следует выводить не только из непосредственных деклараций условного рассказчии/котя в "Селе Степанчикове" он очень часто виракает вагляд втора/, а из всей повести в целом, из ее сожета, из отношения соме других персонажей и в первую очередь полковника Роста-

Прежде всего - Фома не побежден. Морально он торжествует, ст стоит весьма високо в глазах окружающих, даже самые умные вих считают нужным поддерживать его игру. "Даже нельзя себе ставить, по каких необузданных фантазий доходила иногла вто пресышенная правдная душа в изобретении самых утонченных. правственно-дукулловских капривов". Только проницательная. тожая Настенька отчасти обувдивает Фому. "Фома ясно винея. она его почти понимает. Я говорю почти, потому что Настень **Ва тоже лелеяла** Фому и даже каждый раз поддерживала мужа когда од восторженно восхвалял своего мудреца". Достоевский приводит сколько мотивировок такого отношения Настеньки к 20ме: вовых стремнение поддержать авторитет мука, во-вторых благо-Дерность фоме за то, что он "соединил ее" с полковником Ростаи в-третьих, она " всем сердцем вошла в идею дяди, что Страдальца" и прежнего щута нельзя много справивать, а что по, напротив, уврачевать сердце его. Бедная Настенька сама

была из унименных, сама страдала и помнила это".

иными словами, рассказчик "Села Степанчикова" и оба главних положительных гером, полковник и Настенька, прощают, оп ранцывают гому, видят в нем жертву обстоятельств, продукт крепостнической действительности. Может сложиться впечатление, что достоевский дает примые указания устами рассказчика или полковника: гома не виновен, т.к. он много страдал.

Но в том-то и дело, что приме высказывания, декларации, рормулировки в творчестве Достоевского никогда не выражают полностью отношения автора к изображаемому. Как же постигнуть это отношение? Окончательный ответ на этот вопрос дает весь итериал произведения в целом и производимое им общее впечатление отвращения и боли. Отвращения—потому что тома Опискин моральное чудовище. Боли — потому что чудовищем его сделала кизнь. "Он виноват в лицемерии, естовости, подлости,— как бы говорит автор,— но он виноват в один, виноваты в том мы все, все образованные люди рус — стой вемли, все те, кто грешит небрежностью к человеку. Это прав нас, из-ва нашего пренебрежения к человеческой личности ве достоинству вырастают такие чудовища мстительности."

Достоевский действительно беспощадно жесток к читателям, то он ровно настолько же беспощаден к себе. сено этой жестовости по отношению к самому себе, этой стращсими самоосущения, этой больной совести" не ваметил, не миха жовский. Для создания "болевого эффекта" нужно в спессе творчества наносить боль самому себе, ранить собственции. Это тот самый закон реалистического творчества, по

которому Бальвак чуть не потерял совнание, когда умер отец горио, а Ілобер ощущал во рту вкус яда, когда отравилась зима Бовари.

.Таким образом, отношение Достоевского к томе Опискину пвойственно. Чуждый всякому фатализму, писатель не снимает ответственности со своего деспотического приживальщика, но раскладывает тяжелый груз этой ответственности также и на пуши читателей. Это происходит у Достоевского, быть может, не вполне осознанно, но широкая терпимость положительных героев повести к "нравственно-лукулловским" капризам Фомы Опискина выражает идею Достоевского о том, что страдание и унижение имеют право требовать к себе известного уважения, что моральное эло имеет свое об"яснение, что к носителю такого вла нельзя относиться с узких, схематически-определенных повипил. Мольеровский Тартюф классически определен и замкнут. Фома опискин обладает той неопределенностью или точнее неопределимостью, которую в дальнейшем видвигает Достоевский при создании своих образов. Их своеобразная, волнующая недосваванность, их неопределенные, колыхающиеся, изменчивые контуры внушают читателю мысль о том, что человек много сложнее общепринятой схемы, что человек не укладывается в формулу.

Сюжетный перелом в "Селе Степанчикове" - фоввращение фомыи биагословение им полковника и Настеньки - обозначает уже
ведение принципа неожиданности, который выражается в действиах героев в виде парадоксальной реакции, опрокидывающей и
прежние высказывания героев или о героях, и уже сложившееся
мнение читателя об этих героях. Но хотя в повести "Село Степанчиво" парадоксальная реакция фомы занимает центральное место,
вто пока еще только один пункт, один момент действия: в ос -

тальном оно развивается по законам сюжетной причинности реалистического романа, точнее - "сентиментального натура-

как в сумме, отразился в "Селе Степанчикове" первый идейный кривис Достоевского, его ваторжный опыт?

В результате идейного кризиса ,пережитого в Омском остроге. Достоевский прежде всего пришел к выводу об оторванносинтеллигенции от народа, о непонимании ею народа. Этот рект был ими осовнан как общая вина всех образованных людей страны. Сознание общей вины породило ту жестокость к себе и к читателю, которая выразилась в "болевом эффекте". Этот эффект есть торможение, нарочитое усиление внимания на тех сценах, в которых подвергается унижению человеческое досто нство героев. Не сам факт унижения, изображаемый художником, в его усиление, особая концентрация внимания на унижении вот что болезненно дразнит, ранит читателя. Это одновременво оскороление чувства справедливости читателя и его эстети ческого чувства: герой унижен и страдает, вновь унижен и страдает, и это продолжается долго. Достоевский в "Селе Степанчикове" с внезапной силой задел особо чувствительную струну чеповеческого совнания, связывающую эстетическое и этическое.

Но находка эта оказалась в большой степени эмпирической:

Достоевский искал наощупь, экспериментировал, не был вполне

трен в себе. Поэтому он проявляет крайною непоследовательность, отбрасывая только что найденный прием и разрешая выс напряжение боли и отвращения чисто внешним, механичес напряжение боли и отвращения чисто внешним, механичес
тм путем. Вместо "самоказни" хищного героя, мучителя, как

то наблюдается в романах врелого Достоевского, мы видим

тить ли не бадаганный пинок в зад: кроткий полковник Ростанев выбрасывает из дома Тому Томича. Происходит внешняя разрядкв, резкое снижение внутренней серьезности ситуации, происходит подмена. Это один из тех нередких в искусстве примеров,
когда художний не понял собственного замысла, не понял или
не осмелился понять самого себя. Начиная с кульминационной
точки повести, Достоевский отказывается от своей находки и
те без всякого интереса к своему детищу дописывает "благопомучное" завершение в духе комического романа со счастливым
концом.

Совершенно ясно, что именно это великий писатель имел в поду, когда писал брату, огорченный неудачей "Села Степанчикова": "Начало и середина обделаны, конец писан наскоро". Но он в 1859 г. считал эту повесть лучшим своим произведении, и он был прав. Ему удалось выразить в ней смутное, еще неясное сознание вины перед народом, составившее главный фон то поаднейших больших проблем.

Не оправдание Томы Опискина, а обвинение мира, своего рода "допрос с пристрастием", обращенный к читателю и ко всему
тру — так, нам кажется, мыслит и чувствует Достоевский уже
1859 году, заканчивая "Село Степанчиково". Но он не обладатеще уверенностью, идея индивидуального добра еще не крис —
заливовалась в нем окончательно, и Достоевский непоследователен в своем "допросе". В этом главная причина известной
вудачи "Села Степанчиво", повести, внутрение не завершенной.
Проблема личности еще не окончательно стала внутренней, мольной проблемой, она тесно связана с социальной проблематиоб, она вырастает из нее. Проблема не выделена, и мы видим,
ак идеи нового Достоевского живут в противоречивом симбиозе

с идеями социалистов. Достоевский привнает социальную детерминированность вла, но в то же время склоняется к признанию свободы воли: он чисто художественным путем дает по чувствовать и личную ответственность томы Опискина ва твориное им эло. И вопреки этому, кроткие герои терпят и даже лелеют тому, являя тем самым пример "правильного отношения"к злу, пример социальной терапии зла, пусть недостаточной, неубедительной, но явным образом направленной извне на личносты протестанта, бунтовщика. Проблематика нового Достоевского не выделена и не приняла еще трагических масштабов, но в обраве мучителя, носителя вла, чувствуется элемент нового потимания. Тома Опискин - первый "антигерой", прямой предшесттенник подпольного человека.

И в "Дядюшкином сне", и в "Селе Степанчикове" трагическое понимание жизни содержится еще в зачаточном состоянии.

Традиционные развязки внешне благополучны. Новое художественное единство не достигнуто. Крупный образ межителя — эгоцентриста Ромы Опискина помещен в условную, резко несоответственную обстановку и выглядит как самоцель.

"Болевой эффект"/торможение на сценах нравственного страдания героев/ встречается уже в ранних произведениях Достоевсчого: он вызвал восторг Белинского в знаменитом эпизоде с эторвавшейся пуговицей Макара Девушкина, им Достоевский даже ноупотреблял порой /"Чужая жена и муж под кроватью"/. Но в селе Степанчикове" этот эффект приобрел новый смысл: вместо пиженности вообще появился тот, кто унижает, появился убект, выявляющий и утверждающий себя в этом действии - новое развитие получает свойственный достоевскому принцип сюжетной неожиданности. Появляется прием, который можно ожарактеризовать как парадоксальную реакцию и который связан с новыми мыслями писателя о сложности, логической неразложимости характера и личности человека.

мировозврение Достоевского в это время находится в переходной стадии, идеалы индивидуального добра, смирения и ра достного страдания не находят сколько-нибудь четкого худо тественного выражения. Положительный образ Ростанева выглядит бесцветным и неубедительным.

Таков, в очень сокращенном изложении, художественный тог первого идейного кривиса Достоевского. Непоследовательность и неуверенность бросаются в глава. По сути деда, в дядошкином сне" и " Селе Степанчикове" Достоевский не стольно возобновил интературную деятельность в точном смысле этого скова, сколько продолжил свою прерванную десять лет назад прорческую линию.

Понадобилось возвращение писателя в Петербург и погружение бурное море новой русской действительности, чтобы произошел нестоящий, повторный приход Достоевского в литературу.

II.

Записки из Мертвого дома" написаны от лица Александра втровича Горянчикова, осужденного на каторгу за убийство жеОднаке это уголовное преступление рассказчика - только

редлог для ввода мнтеллигентного наблюдателя в изображаемую .

только

редлог для ввода мнтеллигентного наблюдателя в изображаемую .

только

редлог для ввода мнтеллигентного наблюдателя в изображаемую .

только

редлог для ввода понять подлинные причины своего осуждения.

Образ рассказчика не играет столь важной роли, как в "Сепе Степанчикове", где рассказчик участвует в действии, дает свои оценки и превращается в самостоятельную фигуру, отноде пе всегда выражающую мысли автора. Александр Петрович Горянчиков - это сам Достоевский, так же как и все персонажи "Записок из Мертвого дома" - подлинные лица. Трудно даже говорить о каком-то образе рассказчика в "Записках", так как они содержат в основном автобиографический материал и представляют собой как бы репортах, подписанный псевдонимом.

Главный герой "Записок из Мертвого дома"- это простой русский народ. Большинство обитателей Омского острога - это крепостные крестьяне и солдаты. Интересно проследить "как постоевский изображает своего коллективного героя. Сначала дется общий, внешний портрет каторжной масси. Затем из нее пачинают / очень скоро/ выделяться отдельные яркие фигуры, отдельные народные типы. Постепенно развивается "чисто репорзакная" линия - изображение нравов и обычаев острога. Репортак о нравах непрерывно иллюстрируется более или менее про транными портретами, диалогами, эпиводами. Самые крупные пиводи /театр, разборка барки, пасха, госпиталь и др./ изобракают общие черты, общие реакции каторжников, но уже не внешне, в со все большей и большей степенью проникновения в псимассы, в душу народа. Постепенно частное растворяется в общем. Последняя глава романа -репортажа снова дает об-ТО картину каторги, но как сильно отличается она от первой ощей картины! Рассказчик в конце книги смотрит на окружаю -📭 его людей совершенно иными глазами. Дорого стоило ему но-Обретенное знание, но ценность его бесспорна: это знание и духовного богатства народа, проявляющихся вопреки всеу дурному. Во схождение от первоначального ужаса к заключительна тайную печаль, финал "Записок" вызывает в читателе глусокое и торжественное чувство, своего рода суровое благоговение перед всем увиденным.

По композиции "Записки из Мертвого дома" являются под линно классическим произведением. Этот строгий шедевр до сего дня обладает гигантской силой спокойного эмоционального воздействия. Настроение "Записок" очень ровно, тон эпи чески равномерен. Перемежение частного с общим, колнектив ного портрета с индивидуальными зарисовками, изображения с размышлением шаг за шагом или круг за кругом углубляет наше внание, наше проникновение в ад каторги /"Записки" часто сравнивают с дантовским "Алом"/ и в душу народа. Важнейшими в сожетном отношении главами являются глава 🗶 и последняя/ первой части - "Представление" - и глава УП второй части -Претенвия". Глава "Представление" по существу является пентром в развитии главной мысли автора. Глава "Претенвия". те каторжники решительно отказываются принять в свою среду втора "Записок", служит развязкой действия, полной внутреннего трагизма. Здесь изображено поражение рассказчика. отбрасывающее свою мрачную тень на три последних главы книги.Достоевский не прерывает повествования после развязки , так как имет не роман, а своего рода эпический репортаж. Но три посменных гланы — это как бы обстоятельный эпилог исполненный вадумчивости и печали. История рассказчика и его отношений с главным героем книги - не самое важное. Необходимо вавер ть образ главного героя, и эта цель подчеркивается долгим и плавным течением "эпилога", т.е. заключительных глав.

как подчеркивает Г.М. Гридлендер, в "Записках из Мертвого дома" впервые по-настоящему вошла в творчество достоевского новая тема огром об важности - тема народа.

"Принцип изображения и анализа индивидуальной психологии
- судеб центральных персонажей в соотнесении с психологией,
- судеб центральных персонажей в соотнесении с психологией,
- сотральным сознанием, судьбами народа был тем главним завое- записок из Мертвого дома", которое с этоно времени
- прочно входит в кудожественную систему Достоевского - рома - инста, становится одним из определяющих элементов этой систе- ин. Дальнейшее свое развитие ... этот принцип получил в
- преступлении и наказании"

В своей последней работе Г.М. Фриплендер сопоставляет Записки из Мертвого дома" в жанровом отношении с такими пропредениями как "Севастопольские рассказы" Толстого, "Былое и тин Герцена и др., а в тематическом плане - с тургеневски-"Записками охотника". Развивая эти сопоставления , можно сказать, что трагический документ омского каторжника в своем ревении темы народа ванимает срединное положение между "За писками охотника" и "Войной и миром". Это утверждение отно сится лишь к одному аспекту трех сравниваемых произведений Русской классической литературы. Если "Записки охотника" Тур-Ренева представляют собой цепь рассказов, свяванных фигурой Расскавчика, который порой активно участвует в действии, то Достоевский последовательно и целеустремленно сливает свои портрети и эпизоди, создавая единий образ народа. Наконец, у толстого в его грандиозной эпопее дан героический образ на-Рода в один из репакции моментов его истории: это мозаика

Уг.м. Тридлендер, "Реализм Достоевского", М.-Л., 1964, стр. 107.

из тисячи лиц, составляющих огромный обобщенный образ. Аркие игновенные портреты мелькают и исчевают в этой мозаике, как он растворяясь в общем синтеве. Приемы создания образа народа у Достоевского приближаются к приемам Толстого в большей степени, чем в любом другом произведении русской литературы х1х века. Думается, в этом одна из причин того, почему Толстой так высоко оценивал "Записки из Мертвого дома".

Но тема народа не исчеримвает всего идейно-тематического богатства "Записок из Мертвого дома". Из нее вырастают или примикают к ней иние социальные и моральные темы. В ряду их важнейшее место занимает проблема преступления, индивидуального бунта, которая в дальнейшем творчестве Достоевского займет центральное место. В рассматриваемой нами книге эта проблема еще не приобрела характера всеоб"емлющего, вселенского трагизма. Однако и в "Записках из Мертвого дома" проблема индивидуального бунта, в целом трактуемая как социальная проблема, обнаруживает некоторое смещение, на котором необходимо остановиться подробнее.

Исследование преступления в "Записках из Мертвого дома"

полет служить образцом для криминалиста. Достоевский рассматривает преступление - и в основном человекоубийство - с раз
полной точек врения, в основном как социолог и психолог. Он с

полной ясностью совнает социальные причины преступления, даже

постовый характер ряда преступлений. Вот что говорит писа
по преступлениях против начальства":

Тут борьба обоюдна. Преступник внает притом и не сомневатся, что он иправдан судом своей родной среды, своего же просомародыя, которое никогда... его окончательно не осудит, а большей частию и совсем оправдает, лишь бы греж его был не против своих, против братьев, против своего же родного простонародья. Совесть его спокойна, совестью он и силен и не смущается нравственно, а это главное. Он как бы чувствует, что есть на что опереться, и потому не ненавидит, а принимает случившееся с ним за факт неминуемый, который не им начася, не им и кончится и долго-долго еще будет продолжаться среди раз поставленной, пассивной, но упорной борьбы".

В подобных случаях вновь и вновь поражают ум и проницательность великого писателя. В этих словах он выразил самую суть стихийной классовой борьбы крестьянства-"пассивной, но упорной борьбы". Он отлично понял противоречивый характер этой борьбы, с ее долгими периодами затишья, с ее внезапными вкархическими варывами, с ее резкими переходами от рабского терпения к кровавому разгулу и вновь к униженной покорности. Противоречивая психология крестьянства исследуется Постоевсим на примере социально детерминированного преступления. Необходимо отметить, что марксисты в ряде случаев рассматриваот эти явления исторического прошлого не как преступления. а как проявления стихийной революционной борьбы крестьянства. Пля нас Стенька Разин - не разбойник . а Емельян Пугачев отноль нем"вор и изменник". И мы в праве говорить о том, что Лостоевский на каторге наблюдал среди преступников в собственном смнсле слова - также и народных бунтарей, участников антикрепостнического движения.

^{1/2.} М.Достоевский. Собр. соч. в 10 тт. М., 1956, стр. 585. Дажее - "Записки из Мертвого дома" цитируются по тому те маданию, с указаниями страниц в тексте.

Вот что говорит достоевский о разности преступлений:

"Один, например, зарезал человека так, за ничто, за луковицу... А другой убил, защищая от сладострастного тирана честь невесты, сестры, дочери. Один убил по бродяжничеству, осаждаемый целым полком снаиков, защищая свою свободу, живнь, нередко умирая от голодной смерти; а другой режет маленьких детей из удовольствия резать, чувствовать на своих руках их теплую кровь..."/стр. 440/. Стоит обратить внимание на то, как в этом отрывке чередуются глаголи: "зарезал", "убил", "убил", "режет". Убийца за луковицу или садист не убивает, а режет. Достоевский этим различием, этим подбором более экспрессивного глагола дает почувствовать фивическое омерзение к этим подлинным преступникам. И в то же время, когда он говорит об убийцах , защищавших свою честь жим жизнь, в его словах саншится явное сочувствие к преступникам.

"А бывают и такие, - продолжает Достоевский, - которые наречно делают преступления, чтоб только попасть в каторгу и тем избавиться от несравненно более каториной жизни на воле." /стр. 441/

Но он знает и гораздо более сложные случаи, когда обосвованный протест, бунт личности, перехлестивает через все границы, ослепляет человека, переступивнего моральные законы, приводит к тем кровавым эксцессам, которыми и был страшен "русский бунт" с его неудержимим разгулом давно накопившейсл ярости. "Точно опъянеет человек, точно в горячечном бреду. Точно, перескочив раз через заветную для него черту, он уже начинает любъваться на то, что нет для него больше ничего святого; точно подмывает его перескочить через всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и беспредельной свободой ..." /стр.502/

Из этого совершенно достоверного наблюдения над психологией убийства, над нравственным безумием, следующим после
стихийного, анархического протеста, Достоевский делает неотиденный вывод: навывая это кровавое опьянение "самой разнузданной и беспредельной свободой", он тем самым придает особый
синси слову "свобода" и как бы говорит о гибельности борьбы
за свободу вообще. Но это пока еще лишь едва уловимый оттенок,
тето же самое слово не раз появляется на страницах книги с
тражениями тоски, любви и надежды.

В другом месте "Записок" постановка проблемы личного бунта сформулирована с чеканной ясностью:

... Может быть, вся-то причина этого внезапного варыва том человеке, от которого всего менее можно было ожидать его, - это тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе, желание заявить себя, свою приниженную личность, вдруг появляющееся и доходящее до злобы, до беженства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог /сгр. 473/. "А потому всячески бы лучше не доводить до этого. Всем было бы спокойнее.

Да, но как это сделать?" /стр. 474/

Эти мысли Достоевского относятся к частному случаю бунта пости — к бешеным варывам каторжников в остроге, но сама темовка этих варывов в точности совпадает с тем, как рисуплисатель индивидуальный бунт вообще. Вопрос: "как это сдетиз?"— очень внаменателен и может бить отнесен в целом на проблемы "личность против общества". Как избежать беше-

ных, судорожных эксцессов анархического бунтарства? Нак сделеть, чтобы де них не доходило? Ответ Достоевского восвенно
вытекает из всей книги: нужно, чтобы угнетенная, задавленная личность вковь обрела свое достоинство, чтобы препратился бессмисленный, жестокий деспотизм. Достоевский на раз
говорил с добрых начальниках, о необходимосты уважения и чеповеку. "Боже мой! Да человеческое обращение может очелове чить даже такого, на котором давно уже потускнуя образ бо жий" /507/. Итак, прежде всего достоевский требует узажения
и сочувствия к каждой человеческой личности, независямо от
ее внешнего состояния.

Но прославленная книга испольоль всем своим теченлем внутеет и другой, более действенный ответ на поставленный вопрос: в преступлениях, в нравственной гибели замечательных даровитых, сильных людей из народа виновата свирелая тирания эпохи Николая и крепостное право. Когда на предпоследней странице "Записок" автор задает этот известный вопрос: " А кто вино ват?"- он уже внает, что ответ подготовлен книгой. И если далее вновь повторить вопрос:"как это сделать?"- то догически вытекает ответ Достоевского : ивменить условия жизни, которие порождают преступления. Это не вначит, что Достоевский по-прежнему был петрашевцем; нет, он думает не о революции. Записки из Мертвого дома" создавались накануне реформы 1861 г. и публиковались в журнале "Время" в 1961-1862 гг. Писатель, обвиния в гибели "народных сил" минувшее царствов то же время возлагал известные надежды на "либерального" Алексондра П и на благодетельные последствия "воли". Несмотря на илловорность этих надежд, сам путь решения пробнем преступления мыслится Достоевским, так путь социальных преобразований. И это очень зажно.

Но Достоевский допускает смещение в своих решениях проблемы бунта, подчас отривает морально-психологическую трактовку вопроса от социальной среды, и его моралистические выводы оказываются чревзичайно далеки от его же собственных блестя пих опитов социальной психологии.

Уже в первой главе / "Мертвий дом" / Достоевский констатирует отсутствие малейшего признака расканния в преступниках, томящихся в остроге. "Па, преступление, квжется, не может онть осмысленно с данных, готовых точек врения, - говорит он, т философия его несколько потрупнее, чем полагают"/403/. Анаиз философии преступления не режает его вагадки , но полсказнвает писателю мысль, что знаменитый тезис просветителей: "челож по природе добр" - является одибочным. Излагая различные вариации преступления, он приходит к внводу, что справедливое **жазание** - "своего рода неразрешимая задача", "квадратура круra" /стр. 440/. Вывод дается вскользь, как будто автор не отдает себе отчета, что эта идея подривает основи существующего права. Это уже не критика пенитенциарной системы, это критика псего существующего правосудия. Эта критика основана на утверждении о сесконечном равнообразии человеческой природы и о неправедливости общего подхода к индивидууму. Здесь Достоевский задевает проблему, неразрешимую в условиях классового общест-Ba.

Вновь и вновь он повторяет, что человеческая природа не гладывается ни в какую схему. "Впрочем, вот я теперь силюсь годаести весь наш острог под разряды; но возможно ли это? действительность бескснечно разнообразна, сравнительно со всеми, деле и самими митрейними, винодами отвлеченной мисли, и не терпит резких и крупных различений. Действительность стремится к раздроблению" /стр.654/. Зот его заветная мисль в форме прямой декларации! Как и в "Селе Степанчикове", он восстает против теории среды во имя бесконечного разнообра зия социальной действительности, во имя сложности человечестой натуры, во имя утверждения моральной ответственности человеча.

"Пора би нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не все же, и часто иной хитрый и понимающий дело плут преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлесть..." /стр.579/. И здесь Достоевский абсолютно прав.

теория среды, т.е. теория социальной детерминированности теловеческой личности и человеческого поведения, уже в середине 11 века благодаря бесчисленним вульгаризаторам приобрета черти застившей механической схемы, которой пользоватись "лишние люди" и обломовы всех нидов для оправдания своего бездействия, общественного дезертирства. Крайний детерминизм /домарисовских материалистических учений/ в конце концов превратился в фатализм, и это вняудило выступить против такой трактовки теории среды самого Н.А.Добролюбова /м.1 рездел настоящей главы/. Достоевский отнюдь не отрицал де терминизма всобие; как мы уже видели, "Записки из Мертвого дома" изобилуют примерами социальной обусловленности преступтений. Но великий йисатель ясно понял, что истина, доведен-

ная до абсурда, превратилась в свою противоположность, что человек не простая сумма внешних факторов, что он не может онть освобожден от ответственности всепрощающей "средой". На страницах "Записок из Мертвого дома", словно проступая между строк, поднимается приврак будущей больной проблемы зрелого достоевского — проблемы свободы волм.

Итак, Достоевский в "Мертвом доме" не отрицает теорию среды вообще, но критикует ее крайние внводы. Он отвергает пабстрактное понятие врожденной доброты человека.

Но в этой полемике он сам впадает в крайности ,предвещарешее его дальнейшую пессимистическую трактовку человеческой
природы. Достоевский мрачно провозглашает: "Свойства палача
в зародные находятся почти в каждом современном человеке. Но
не равно развиваются звериные свойства человека. Если же в
ком-нибудь они пересиливают в своем развитии все другие его
свойства, но такой человек, конечно, становится ужасным и
безобразным"/596/. Иными словами — в каждом человеке валожени агрессивные, разрушительные инстинкты, ввериные свойства."
Катдый из нас — потенциальный палач, либо палач несостоявшийси, но стоит лишь "лизнуть крови", чтобы вступить на путь тиранства, превращения в зверя.

Эту мысль Достоевского подтверждают жуткие, мрачные и в то же время абсолютно реальные образы зверей в человеческом образе. Это прежде всего садист Газин, убийца маленьких детей: Мне иногда представлялось, - говорит о нем автор, -что выпу перед собою огромного, исполинского паука, с человека величиною //стр. 437/. Муткое впечатление производит А-в /Аристов/, развратник, доносчик, наглий предатель. "Это был пример,

по чего могла дойти одна телесная сторона человека, не сперзанная внутренне никакой нормой . никакой законностью. И как отвратительно мне било смотреть на его вечную насмежливур ульбку. Это было чудовище, нравственный Квазимодо. Прибавьте к тому, что он был хитер и умен, красив собой, несколько даже образован, имел способности. Нет, дучие пожар, туше мор и голод, чем такой человек в обществе!" /стр. 468/. и палее: "Есть люди, как тигры, жаждущие лизнуть крови" /стр. 595/. В этих образах или вернее в способах их обрисоввт. в самих сравнениях /"паук", "нравственный Квазимодо", "тигры"/ появляется впервие у Постоевского тончайший оттенок гиперболизации вла, свойственный черному романтивму, рожнам Анны Радклиф. Эжена Сю, даже порою - Чарльва Диккенса. Конечно, образи "Записок из Мертвого дома" никто не может уврежнуть в недостоверности, но само отношение Достоевского к носителям якобы врозденного вла окрашено своего рода рачным романтическим заострением, как к княвю Валковскому в одновременно создававшемся романе "Униженные и оскорблен-HNE".

Однако всем этим примерам прямо противостоят другие.
Достоевский показывает людей, в которых нет вла, есть только беспредельная доброта, дружелюбие или кроткое смирение.
Тековы Нурра, благородный и добрый, которого жаторжими проввали "львом"; чистый и ясный юноша Алей; несчастный, забитик Сушилов; стародубовский раскольник, которого уважает
весь острог; некоторые из ссыльных поляков. "Есть в Сибири...
несколько лиц, которые, какется, навначением жизни своей
поставляют себе — братский уход за "несчастными", сострада-

име и соболезнование о них, точно о родних детях, совершенно сескористное, святое "/стр. 474/. Даже среди острожного на - чальства встречаются чудесние люди, как тот инженерний под-полковник, который любил "несчастных", как родных детей, и сам был их любимцем. Достоевский противопоставляет абсолютному элу - доброту и "святость" праведников и кротких.

тем самым, он опровергает наглядными примерами свою же пессимистическую декларацию о том, что почти в каждом современном человеке находятся в зародыше свойства палача. Теория прохденной жестокости человека не получает в "Записках" достаточного развития. В конце концов светлая, человеческая грусть финала заглушает эту мрачную ноту: "И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло вдесь даром! Ведь надо уже все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ" /стр.701/.

Итак, Достоевский к закимчительным аккордам своего твореши выводит стройную и чистую мелодию; он преодолевает протипоречия, крайние высказывания о человеческой природе, которой
он интался об яснить самые страшные, патологические преступления. Проблема преступления решается им в основном как проблешесциальная и социально-шсихологическая. Преступление ето бунт униженной, доведениой до отчаяния личности, и конечпую вину за него несет несправедливое общественное устройство. Внесте с тем Достоевский не освобождает от ответственности самого преступника, показывает страшные последствия морального разрива с обществом, отказывается от фаталистических
выводов из теории среды. Он требует уважения к каждой человеческой личности. Он требует признания личной ответственности
ващого человека за преступление. Устрашенный стихией бунта,

он об"ективно свидетельствует о необходимости социальных преобразований и сближении интеллигенции с народом. Так ремается в "Записках из Мертвого дома" тема индивидуального обита против общества, бунта, выразивиегося в преступлении.

Параллельно с этой темой развивается ее антитеза - тема смирения, и покорности, тема добровольного страдания. Ве ревение в "Записках" представляет собой велича ший интерес.

Уже во П главе первой книги "Записок", в главе "Первые meчатления" автор приводит рассказ о том, как один врестант тотел убить жестокого плац-майора Кривцова. " Он жил у нас уже несколько лет и отличался своим кротким поведением. Запривли тоже, что он почти ни с кем никогла не гозорил. Вго так и считали каким-то юродивым. Он был грамотный и весь последний год постоянно читал библию, читал и днем и ночью. когла все засипали, он вставал в полночь, захигал восковую терковную свечу. валевал на печку, раскрывал книгу и читал до утра: В один день он помел и об"явил унтер-офицеру, что пе хочет илти на работу. Доложили майору; тот вскинем и прискакал немелленно сам. Арестант бросился на него с приготоввении варанее кирпичом, но промехнулся. Вго схватили, супии и наказали... Умирая , он говорил, что не имел ни на кого в хотел только пострадать. Он, впрочем, не принадлежал и какой раскольничьей секте. В остроге вспоминали о нем Beжением" /стр.4.1/.

Очень знаменательно, что Достоевский отмечает: "Он, впроченне принадлежал им к какой раскольничьей секте". Добровольчее страдание - черта раскольников, сектантов. Но Достоевсчей показал на конкретном примере, что эта черта свойствение не только раскольникам, и совнательно отметил; "В остроге вспоминали о нем с уважением". Но оставим пока в стороне подробное рассмотрение вопроса и приведем еще один пример.

В П главе, которая также называется "Первые впечатления", достоевский впервые выводит одну из самых интересных фигур своих "Записок" - маленького, седенького старичка-старовера из стародубовских слобод.

"Он резко поразил меня с первого взгляда. Он так не похож они на других арестантов: что-то до того спокойное и тихое онло в его взгляде, что, помню, я с каким-то особенным удовольствием смотрел на его ясние, светлие глаза, окруженные медкими лучистими морщинками. Часто говорил я с ним и редко встречал такое доброе, благодушное существо в моей жизни /стр. 427/...

Старичок из стародубовских слобод считался важным пре ступником. Он "вместе с другими фанатиками" сжег единоверческую церковь / "единоверцами" назывались старообрядци, которые в 1800 г. подчинились синоду, хотя и сохранили свои обряды/. Старик был приговорен к каторге и с твердостью пошел
в ссылку, считая ее "мукою за веру". Достоевского поравил
контраст между детской кротостью и духовной силой этого бунтовщика. "Я несколько раз заговаривал с ним "о вере". Он не
устрал ничего из своих убеждений, но никогда никакой злон. никакой ненависти не было в его возражениях" /стр. 427/.
Подчеркивая полное отсутствие в старике какой бы то ни было
общести или тщеславия, Достоевский противопоставляет его
аругим старообрядцам, хитрым и заносчивым начетчикам из Сибирт. Писатель, несомненно, понимал и социальную, и идеологи —

ескую нестроту старообрядничества и сектантства.

мы должны сопоставить наблюдения Достоевского с некоторыим историческими фактами. Речь идет об огромном и сложном крестьянском движении - о русском расколе.

Религиозная идеология как форма крестьянского революционного движения - это явление, хорошо изученное классиками марксизма. И крестьянская война в Германии с ее ересями, и русский раскол со всеми его ответвлениями были крестьянскими бунтами против официальной религии и освящаемого ею феодального гнета. В этих движениях проявилось глубокое моральное совнание масс: эти бунтари стремились доказать , что нена мстный им социальный строй лишен идеологического оправда ия и противоречит "божьей правде". Русский раскол принес с собой немало страшных, изуверских явлений, но все они об ясня отся/отнюдь не оправдываются/ глубочайшими историческими причинами. После восстания Ивана Болотникова, после Смутногопремени долгих польских войн, соляного и медного бунтов русский народ был обескровлен , на время утратил силн для пря мого протеста. Гигантская внутренняя энергия народа направ знется в основном в русло пассивного сопротивления.

Раскол не был полностью оторван от активного протеста, от крестьянских восстаний. Уже в 1666 г. на Дон из центральтой России бежало множество попов, стрельцов, крестьян и по садских людей, образовавших на реке чире первый центр раскота, где бегине попы служили по старым обрядам и отменили моинтву за царя. Донская "голутьва" под влиянием проповеди
против царя, патриарха и бояр задумала даже поход на Москвупродолжение дела Степана Разина. Отдельные отряды выступи-

но казацкая старшина сорвала поход. В ту же эпоху Солорешкий монастырь отказался принять новые книги и присланното из Москвы игумна. Царь был об"явлен "антихристом". В Сотовецком осадном сидении /1666-1676/ участвовали остатки разбитых войск Степана Разина. В расколе переплетались ревотогионные и реакционные течения. Так, "кованщина" стремилась использовать в интересах боярства популярные лозунги старой веры. Но через 20 лет эти лозунги вновь появляются на знаменах крестьянских бунтов: раскольники активно участвуют в астражанском восстании и булавинском бунте. В "прелестных письмах" Конпратия Будавина и его атаманов говорится, что им по черни дела нет", а есть дело "до бояр и дворян" и что они стоят против "елнинской" /эллинской/ веры. Расколоучитет вещают, что начиная с Алексея Михайловича на русском престоже сидят слуги антихристови, что свод законов - это "богом ненавидимые, кривосказательные книги" и даже двуглавый орел-- происхождения демонского. Раскольники участвуют в восста ни Емельяна Пугачева.

С течением времени эти воинствующие традиции раскола затухают, и все большее преобладание получает ожесточенное пассивное сопротивление. Именно так - ожесточенное и вместе с тем пассивное; в этом противоречии - дух раскольничьего.

Впрочем, неожиданные вспышки не угасали окончательно в сом движении. Самым знаменитым крестьянским восстанием в посу "Записок из Мертвого дома" был бунт в селе Бездна в преле 1861 года, т.е. через полтора месяца после об"явления "Запи". Известно, с какой свиреностью казанский губернатор

граф Апраксин подавил это восстание. Вождь его Антон Петров оня расстрелян в Бездне 19 апреля 1861 года. Известна также и казанская студенческая панихида по "убиенини рабам божими"-- жертвам бойни в селе Бездна; студентов возглавлял профессор Цапов, который произнес горячую речь об убитых крестьянах. Священника , отслужившего панихилу, сослали в Соловки, а Гапова / пстати. випнейшего историка русского раскола/ прибрало к рукам Третье отделение. После своего освобождения Тапов жил в Петербурге, сотрудничал в журналах и был связан тесной дружбой с Аполлоном Григорьевым, другом Достоевского. В журнале Лостоевских "Время" Цапов и его ученик Аристов печатались в 1862 году . Возвращаясь к восстанию в Бездне. поляны вспомнить подувабытый факт: Антон Петров, один из сероев русской истории, был старообрядцем, и его революционная проповель еще сохраняла оттенок религиозной идеологии.

Все это говорится не с целью как-то украсить или поднять саксе большое, сложное, противоречивое явление, как раскол. Необходимо лишь уточнить его значение для русской мысли м1х ска. Нельвя забывать, что большие надежды на раскол возлатии Герцен и Огарев, что в 1863 году, во время польского состания, Герцен и Бакунин мечтали об одновременном восстания против царского правительства Финляндии, русской революмонной молодежи, староверов и сектантов; что даже Н.Г.Чер тиевский, вероятно, под влиянием Цапова, в 1861 г. написал прокламацию к старообрядцам / прокламация не сохранивась, но

[&]quot;Время", 1862, № 10-11,12 /в первом номере статья Аристо-

о ней говорит в своем доносе Всеволод Костомаров/; что на протяжении всего 11 века русские революционеры делали попитки оживить давно угасший революционный элемент расколь ничьего и выпецшего из него сектантского движения.

Последняя такая попытка относится к 1903 году, когда исторический п с"езд РСДРП приняя следующее постановление;

Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократи ческих течений, направленных против существующего порядка вещей, П с"езд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демокра-

Стезд поручает IK заняться вопросом о предложении, заключающемся в докладе т.Бонч-Еруевича".

Это постановление принимали марксисть, которые на том те стезде создали первую в мире пролетарскую революционную партию. В настоящее время русское старообрядчество и сек - тантство полностью виродились в реакцирниме и анахроничные срганивации.

В 11 веке интерес к расколу и его литературе был исторически оправданием проявлением тенденции к глубокому изу-чению самобытного мышления русского народа. Эта денденция общем имела революционно-демократический характер. Революченеры-шестидесятники верили в огромные потенциальные силы раскола и надеялись привести в движение эту массу. Об этом говорит Пелгунов, сообщающий также: "Раскольников всех сект силтали тогда миллионов десять". Толстой и Достоевский

^{1/} Н. З. Пелгунов, "Воспоминания", М.-Пг., 1923, стр. 148-149. В момент создания своих "Воспоминаний" Гелгунов уже не верил в "революционность" раскольников.

тего влинние, котя степень этого влинния не стоит преувемето влинние, котя степень этого влинния не стоит преувеминвать. Этот интереснейший вопрос мог бы послужить темой специального исследования.

Попытаемся липь в самых общих чертах осветить отношение постоевского к расколу. Петрашевец Пальм в своем романе "лексей Свободин" в лице главного героя воспроизвел некоторые черты молодого тедора достоевского. Свободин в романе паньма вступает в сношения с раскольниками. По некоторым сведения, Достоевский в ту пору действительно думал о сближения с раскольниками. Попыткой понять эту таинственную сиду привась повесть "хозяйка" /1846-1847/, где полубезумная героны мечется между прекраснодушным Ордыновым и грозным коллуном Муриным. Этот жуткий душегубец и гипнотивер сделан у достоевского раскольником; конечно, он больше похож на влых тресников Гофмана, чем на русского раскольника.

В послекаторжной публицистике Достоевский несколько раз затрагивает тему раскола /напр., в статье "Два лагеря теоретиков", 1861 год/. Та же тема вновь и вновь под разними угламения возникает в его романах. Не случайно один из самых знаменитых его героев носит фамилию "Раскольников" — это стволивирует его фанатизм, искреннюю и страстную прямолименсть мысли. В том же романе "Преступление и наказание" несть мысли. В том же романе "Преступление и наказание" несен маляр миколка, сектант, пытающийся взвалить на себя чое преступление, чтобы "пострадать". В романе " идиот" потроевумная героиня мечется между кротким князем Мышкиным тамиственным, грозным Рогожиным, воплощающим темные силымродного характера. Эта схема — усложненный вариант "хозяй—

никами; сама его фамилия опять-таки имеет особий смысл, она образована от слова "рогожа" - `так в русском просторечии 11% века называлось Рогожское кладбище в Москве, самый знашенитый центр раскольников - поповцев. Но и благостный христванин князь Мышкин в своей проповеди у Епанчиных цитирует
въражение "одного купца из старообрядцев": "Кто почве под
собой не имеет, тот и бога не имеет". Князь Мышкин упоминает и о хлистовщине как о крайнем выражении отчаяния, связанного с утратой подлинной веры.

гручий интерес к раскольникам и сектантам сохраниется у достоевского на протяжении всего его творчества. В 1901 году в русской критике проиволел спор об истоках "Легенды о веником инквизиторе", когда в печати било высказано мнение о том, что легенда заимствована Достоевским из западных источников /Гете и Вольтер/. Против этого мнения немедленно выступы Василий Розанов, который отрицал связь легенды с запад ными источниками, но допускал влияние на нее учения раскольников. Западные влияния в "Легенде о великом инквизиторе" очевидны, однако и мысль о влиянии раскольничьей идеологии не лишена интереса. Иван Карамазов, главный оппонент отца зосими и Алеши, не порывает с религиозной идеологией, не отрицает бытия бога. Это не атеист, а богоборец, отвергающий официальное вероучение как неправедное.

Однако связь "сильных" героев Достоевского с фанатическим раскольничьими карактерами менее явственна, нежели другой аспект влияния идеологии раскола на творчество великого писателя: тема добровольного страдания. По этому поводу 1.П. Гроссман говорит: В ряде образов Достоевский раскрывает жигу к добровольному страданию, якобы свойственную простому русскому человеку, особенно из среди раскольников". Исследователь приводит в пример старика из стародубовских слобод
и маняра Минолку. "Такие возарения близки и широкой русской
натуре - Дмитрию Карамазову: "Принимаю муку объинения и всенародного повора своего, пострадать хочу и страданием очи тусь..." Вставнан новелла "Таинственный посетитель" в последнем романе Достоевского раврабатывает ту же тему, но уже на
основе покаяния за содеянное преступление".

Иними словами, Гроссман признает, что тема добровольного страдания у Достоевского связана с идеологией раскола.

Нам эта мысль представляется совершенно правильной. Одно лишь
столечко "якобы" нарушает цельность мысли Гроссмана. Тяга к
добровольному страданию действительно была свойственна простому русскому человеку, но с нею боролась вечная тяга к бунту. В статьях В.И.Ленина о Толстом исчерпывающе раскрыта эта
противоречивая психология русского крестьянства, его переходы от бунта к смирению.

Добровольное страдание - это исторически сложившанся грайняя форма пассивного протеств народа в условиях жестокого подавления его активного действия. Осуждая пассивный протест, марксисти никогда не сменивали его носителей с силами реакции. Например, религиозный мыслитель Ганди был в то же премя великим национальным деятелем Индии, а его тактика пассивной борьбы в огромной степени способствовала освобождению ого родины от британского империализма. В недавние годи весь

Л.П.Гроссман, "Достоевский - "художник", в сборнике "Творчество Достоевского" АН СССГ, М, 1959, стр. 412.

мир был потрясен демонстративными самосождениями буддийских монахов в Южном Вьетнаме. Марксисты осуждают такой способ действий, но у всех людей эта огромная убежденность вызывает уважение. К этому азиатскому, болезненно-уродливому способу борьбы, каким является добровольное страдание и самосожжение, необходимо подходить джалектически, вскрывая исторические и социальные причины явления.

Историческое происхождение идеи добровольного страдания у достоевского представляется нам несомнениим. Трейдисты, об"ясняя эту идею маз охизмом неликого писателя, его мнимой сексу альной извращенностью, проявляют не только свою неспособ ность к историческому мышлению, но и полное невежество во
всем, что касяется особенностей русского общественного сознания эпохи Достоевского. Анализ "Записок из Мертвого дома"в
семоставлении с некоторыми чертами русской идеологической
эткосферы тех лет позволяет сделать вывод, что добровольное
страдание интересовало Достоевского именно как форма протеста имчности, доведенной до отчаяния.

Активная и пассивная форма протеста обладают свойством тенмообратимости. Долгое терпение униженного человека внешно разрешается варивом: сознательной провокацией наказати в "Записках" выглядят и покушение анонимного каторжника плац- майора, и сожжение церкви стародубовскими раскольшеми, и убийство смирным солдатом Сироткиным своего ротноскомандира. Все это жесты отчаяния. Достоевский четко сознательника / см. выше/. Он отнодь не восхищается этими вспышкать, но всякий раз подчеркивает уважение каторжников к сознатыним мученикам идеи. страдания и разделяет это уважение.

тем не менее, он считает эту идею последствием "осленления".

в главе "Прет ензия" он говорит, что в остроге бил разряд "

"полне отчаявшихся " людей, к которым относит и старика
раскольника, и арестанта, бросившегося с кирпичом на майора.

об этом арестанте говорится: "а так как совершенно без надеждить невозможно, то он и выдумал себе исход в доброволь
ном, почти искусственном мученичестве"/стр.653/. Доброволь
ное мученичество - результат отчанния, говорит Достоевский.

Но это еще не все.

В душе самого расскавчика "Записок" возникает та опасная особенность наслаждаться собственным страданиям, о которой уже говорилось в первом разделе настоящей главы. Глава У1 первой части "Записок" вавершается душераздирающей картиной гругон расскавчика с острожной собакой. Каждый рав, вернувнось с работы, он уходит с Шариком ва кавармы и, обхватывая голову пса , целует его.

... И какое-то сладкое, а вместе с тем и мучительно горькое чувство щемило мне сердце. И помню, мне даже приятно сило думать, как будто хвалясь перед собой своей же мукой, то вот на всем свете только и осталось теперь для меня од-то существо, меня любящее, ко мне привязанное, мой друг, мой сдинственный друг - моя верная собака парик"/стр. 488/. Нас-таждение собственным несчастьем, сладость страдания - это не просто истерическая, болезненная черта; она свойственна обльшей или меньшей степени человеческой психике вообще; то преимущественно - натурам нервозным и инфантильным. Достоевский критически анализирует эту способность своей психики.

В его больших романах тема добровольного мученичества, порожденного отчаннием униженного человека, сольется с темой посования собствением страданием и образует специрический характер "бунтаря-мученика". Еликайшим по времени карактером такого рода является карактер Нелли в "Униженных и оскороленных; на примере его мы воочио видим, как достоевский шел от фитов действительности к кудожественному синтезу, соединях результаты своего изучения отчанванихся натур с результатыми самонаблюдения.

Итак, главные темы "Записок из Мертвого дома" - народ, бунт, страдание. Подчиненное, но все же очень большое значение имеют темы, которым также предстояло найти вирокое развиже в последующем творчестве Достоевского: темы власти, денег и повлости.

Власть развращает человека - Достоевский показывает это с величайшей убедительностью. Он ивображает офицеров, вишедих из нижних чинов; эти служаки, прошедшие все степени подчиненности, деспотичны по отношению к солдатам и подобост растии перед высшими. Их главная черта - "нахальность самовозвеличения": определение, вполне приложимое и к характеру
том Опискина. Психологию тиранства Достоевский раскрывает
вобразах майора Кривцова и поручика жеребятникова.

Майор Кривцов был страшним человеком. "Сам по себе он голько был беспорядочный и элой человек, больше ничего". /Стр. 420/. Страшным его делала именно неограниченная власть над двумнстами заключенных. Этот кровожадный тиран омского острога находился в руках своего денщика, больше всего люби пуделя Трезорку и чуть с ума не сомел от горя, когда

пудель заболел. В конце "Записок" рассказывается с вынужденной отставке ма мора Кривцова. "Мы встречали его потом в штатском изношенном сюртуке, в фуражке с кокардочкой. Он злобно смотрел на арестантов. Но все обанние его прошло, только что он снял мундир. В мундире он был гроза, бог. В сюртуке он вдруг стал совершенно ничем и смахивал на лакея. Удивительно, как много составляет мундир у этих людей"./стр.683/.

Развенчание тирана окращено злой иронией Достоевского. Царь погомского острога без мундира, символа власти, становится поход на лакея: потеряв власть, он делается самим собой - злобным ничтожеством.

Поручик жеребятников был эстетом "исполнительного искусства" /телесных наказаний/. "Он наслаждался им и, как ис - таскавшийся в наслаждениях, полинявший патриций времен Римской империи, изобретал себе разные утонченности, разные противуестественности, чтоб сколько-нибудь расшевелить и приятно пощекотать свою ваплывшую жиром дущу"./Стр.586/. жесто - кость этого эстета палочного искусства Достоевский сравнивает с половыми аномалиями римских патрицией времен упадка. Но в следующей главе он дает глубокое социально-психо-почиеское истолкование садизма.

... В недавною старину были джентльмены, которым возможность высечь свою жертву доставляла нечто, напоминающее маркиз де Сада и Бренвилье. Я думаю, что в этом ощущении есть нечто такое, отчего у этих джентльменов замирает сердце, сладко и больно вместе. Есть люди, как тигры жаждущие лизнуть крови... Кто испытал власть и полную возможность унивить самым высочайшим унижением другое существо, носящее на себе образ божий, тот уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях. Тиранство есть привычка; оно

фарено развитием, оно развивается, наконец, в болевнь. Н стор на том, что свиий лучний человек может огрубеть и отунеть от привычки до степени вверя. Кровь и власть пьянят: развиваются вагрубелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и , наконец, сладки самые ненормальные явления. Ченовек и гражданин гибнут в тиране навсегда..." /Стр.595/.

Такой анализ садизма полностью соответствует идеям социшьного детерминизма. Чтоби не оставить никакоро сомнения
выводах достоевского, закончим ту цитату: "...Право телесного наказания, данное одному над другим, есть одна из язв
общества, есть одно из самых сильных средств для уничтожения
вем всякого зародыма, всякой попытки гражданственности и
полное основание к непременному и неотразимому его равложеимо" /595-596/. Достоевский прямо продолжает яростные обличеими телесиных наказаний, заключенные в письме Белинского к
Тоголю. --

Требование отмени телесних наказаний - одно из самых влободневных и острых требований тех лет. Достоевский в "Запискох из Мертвого дома" выступает не только как противник крепостнической системы в целом, но и выдвигает ряд красноречивых критических замечаний по частным вопросам: против устарелого судопроизводства, против старого права, против пенитенциарной системы царской России с ее бессмысленной жес токостью и против телесных наказаний. Но его демократизм
щет еще дальше.

"Даже всякий фабрикант, всякий антрепренер непременно должен опущать какое-то раздражительное удовольствие в том, что его работник зависит иногда весь, со всем семейством

своим, единственно от него" /Стр. 596/. Здесь проводится анапогия между палачом - джентльменом "недавней старины"/т.е.
препостнической эпохи/ и новым хозяином, капиталистом, проинвленником. Но затем совершенно неожиданно следуют уже цигированные слова: "Свойства палача в зародные находятся почги в каждом современном человеке" /Стр. 596/. Далее достоевский на трех страницах описывает жизнь и поведение палача,
анализирует его психику и, живописуя наслаждение властью,
свойственное палачу, заканчивает этот анализ новой неожиданностью: "Трудно представить, до чего можно исказить природу
человеческую" /Стр. 599/.

Таким образом, его анализ психологии тиранства состоит
на противоречий. Однако общее впечатление, производимое"Записками из Мертвого дома", в этом вопросе оказывается все же
однозначным: именно неограниченная власть, право телесного
наказания порождает садиам, искажает природу человеческую.

Тема денег в "Записках из Мертвого дома" не получает сколько-нибудь вначительного развития, но все же трактовка этой темы знаменательна и в какой-то мере предвещает ее дальнейшее развитие в творчестве Достоевского. "Деньги есть чеканенная свобода", - заявляет Достоевский в "Записках из Мертвого дома" /Стр. 40%/. Для человека, лишенного свободы, они вдесятеро дороже. "... Арестант страстно любит деньги и ценит их шше всего, почти наравне с свободой... "/Стр. 40%/. " к деньгам арестант жаден до судорог, до омрачения рассудка, и если действительно бросает их, как щепки, когда кутит, то бросает то, что считает еще одной степенью више денег. Что же внше денег для арестанта? Свобода или хотя какая-нибудь мечта о свободе" /Стр. 47%/. "Наконец, во всем том кутеже есть свой

риск, - значит, все это имеет хоть какой-нибудь призрак жизна, жотя отдаленный призрак свободы. А чего не отдаль за свободу?" /Стр. 473/.

В этих отривочных вамечаниях Достоевский уже висказывает месль, которая в будущем отольется в бронзовые афоризми "Зимих заметок о летних впечатлениях": "Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек бев миллиона? Чело жи без миллиона есть не тот, который делает все что угодно,
в тот, с которым делают все что угодно". Свобода этой циви ливации выражается в деньгах. На бульварах Парижа прижлось
достоевскому сделать открытие, что у Ротпильдов и омских каторжан - общий закон живни: деньги дают свободу. И затем
дучединая тема "свобода - деньги" занимает одно из первых
вест в романах Достоевского.

Но в главе "Представление" он утверждает: "Вообще же к деньгам, к богатству, в остроге не было особенного уважения, особенно если смотреть на арестантов на всех безравлично, в мессе, в артели" /Стр.550/. Не противоречит ли это утверждениям о хадности каторжан к деньгам? Противоречие зосо только кахущееся. Каторжники нередко варабатывают свои гроши тяженим трудом, но міновенно их тратят. Деньги сами по себе не меот для них ценности, инстинкт накопления чужд этим людям. Эту важную черту, подмеченную Достоевским в острожном народе, он впоследствии придал некоторым своим героям. "Игрок" алчет денег, но его интересуют не они: волотой кружок с профилем текого-нибудь тридриха в веночке — универсальный символ любистья, свободи. Подросток мечтает стать Ротшильдом,

чест. чтобы бросить их в огонь. Даже дома Опискин притворно постыривает и вежливо оплевывает предложенные ему тисячи, • табс-капитан Снегирев уже не в щутку топчет проклятые катамая овские деньги. В романах Достоевского начка денег станопося символом ала, ценой человеческой свободы и достоинства; почему эти проклятые деньги не столько принимаются, скольро с презрением отвергаются. В этом выразилась ненависть ветесто писателя к деньгам, которых ему всю жизнь не доставапоторые он лишь в мечтах мог опленивать и отшвыривать ... Наконец, еще одну тему необходимо выделить в "Записках из № 2180го дома": это тема поплости, тема человеческой посредетенности. Для Лостоевского характерно, что страдальцы, "нипре жухом и гордые бунтари-индивидуалисты внанвают у него пинаковый или почти одинаковый интерес. В "Записках" уже вествуется невольное, почти бессовнательное уважение автора Унтарим, к исключительно сильным дичностям, таким как раов или Петров. Но посредственность, духовная пошлость вымиварт у писателя непобедимое отвращение.

Самое яркое ее выражение в "Записках" - мгновенно провыкнувший образ тщедушного острожника со свиными главками, чето писаря, человека "политичного и образованного". Ирочетого определения становится ясна читателю при сопоставшении его с речевой карактеристикой писаря:

• А я опять скажу: такое кислое оправданье, милий друг, оставляет только стид твоей голове! - тонейьким и веждивни опоском возражает писарь, - а дучше согласись, милий друг, это пьянство через твое собственное непостоянство..."

В этом писарьке с его изумительным, гротескно-изисканним стилем речи нетрудно узнать родного брата дакея Зидоплясова из "Села Степанчикова". Очевидно, достоевский в Омском остроге наблюдал реального писаря или лакея, послужившего прототипом для образа Видоплясова и далеким образцом для геимального символического образа мещанина - Смердякова.

Не менее характерным для темы посредственности явлиется образ бывшего кавказского офицера Акима Акимича. Тупой, педантичный, ограниченный, он чуть ли не единственный из обитатетей острога не испытывает поллинного страдания вследствие тения свободы. По сравнению с окружающими ворами и разбойписми он выглядит существом низшего порядка, и автор не напрасно чувствует инстинктивную неприязнь к Акиму Акимичу. Этот веловек всегда - и прежде , и теперь - был лишен подлинного премления в свободе, он нормален в соотнесении с требованитосполствующего порядка. Это типичный "продукт среды". те обладающий сколько-нибудь самостоятельной личностью. вресь, еще раз сказивается глубокое понимание Достоевским Морально-философской проблемы личности. Если среда формирует жерактер человека, то только индивидуальное действие творит втой основе личность. Иным словами, только в активных свя-Вы с обществом - в сопротивлении, в бунте, в самопожертвовапичность творит самое себя. Без этого человек остаетпродуктом", он может быть безвреден , даже иногда помеокружающим, как Акии Акимыч, но он не интересен. Особую группу составляет так называемые "коноводы", котаме по мнению Достоевского, встречаются во всякой человие ской массе. В характеристике этого типа людей поддает че-

"прочтению между строк" глубоко скритая, неприязненная ироэто народ горячий, жаждущий справедливости и самым наивсамым челтным образом уверенный в ее непременной, непретохной и, главное, немелленной возможности" /Стр. 659/. Эти "не" таят в себе горькую насмешку. Автор как бы говорит: сперь-то я знаю, что справедливость не скоро воцарится в пре, если вообще она должна так уж непременно воцариться!" т слепан уверенность в успехе соблазняет даже самых закоренелых скептиков, несмотря на то, что иногда эта уверенность тмеет такие шаткие, такие младенческие основания, что дивишьси вчуже, как это за ними пошли. А главное то, что они идут первые, и идут ничего не боясь. Они как быки, бросаются прявыя рогами..."/Стр. 660/. И " непременно ломают рога". В конце описания неприявнь Постоевского проглядывает открыто: В обыкновенной живни отот народ желчный, брюзгливый, раз правительный и нетерпимый. Чаще же всего укасно ограниченный, что, впрочем, отчасти и составляет их силу" /Стр. 660/. "Но они лонятны массам; в этом их сила".../Стр. 060/. Итак, сила "кововолов" - в их ограниченности и близости к массам. Здесь завифровано какое-то обобщение Достоевского. Кого он имеет в. BULLY ?

Ответ на это отчасти помогают найти "Записки из подполья," тре внаменитей парадоксалист провозглашает с циничной и влобкой насмешкой: "Да-с, умный человек девятнадцатого столетия
должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу
бесхарактерным; человек же с характером, деятель, - существом
по преимуществу ограниченным"/т.17,стр.135/. Это повторение
того, что ранее было скавано о"коноводах". Но есть и более
правме связи. "Такой господин, - говорит далее подпольный че-

товек. - так и прет прямо к цели, как взбесившийся бык, наклонтв вима рога, и только разве стена его останавливает"./Там
139/. Сравнение, прямо перешедшее из "Мертвого дома"".
но если о " коноводах" Достоевский говорил с затаенной, отчасти лишь неприявненной иронией, отдавая должное их честности
туму /это прямые утверждения автора "Записок из Мертвого
дома"/. то черев два года подпольный человек говорит о "непосредственных людях и деятелях" с нескрываемой насмешкой.

Сразу же оговоримся: "Записки из подполья" написаны не постоевским, а подпольним человеком. Это не исповедь, это худокественное произведение. Но в нем неоднократно выражаются сооственные мысли писателя. Под "непосредственными людьми" дестоевский подравумевал застрельщиков революционного движеких. Видимо, их же он имел в виду под названием "коноводов" записках из Мертвого дома".

Между отношением расскавчика Горянчикова к "коноводам" и отношением подпольного человека к "деятельным людям" лежит ценан пропасть. В первом случае виражается ирония, некоторая неприявнь при известном сочувствии к их цели - "справедливости". Но подпольний человек выражает уже алобное преэрение к тим людям и абсолютное неверие во все их цели. Оба отношетим людям и абсолютное неверие во все их цели. Оба отношетим об"единяются одним: чувством ограниченности, нормальности коноводов" и"деятельных людей". В "Записках из подполья" мы человодов" и"деятельных людей". В "Записках из подполья" мы челов настоящим, нормальным человеком... Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен четь глуп, почему вы внаете?"/Стр.139-140/. Это характерное для достоевского презрение к норме, к человеку, обусловленно-

у "стеной" детерминизма. Такого человека он не считает личностью; в его романах подобные люди /Лужин, Разумихин, поручик "Порох" в "Преступлении и наказании" - безравлично, добрые или влые/ действуют только в бытовом плане, не являются носителями идеи, не поднимаются в высший, морально-философский план романа. Им там нечего делать. Они не личности, они "непосредственные деятели".

В пределах нашей работы немыслимо даже бегло обозреть все идейно-тематическое богатство "Записок из Мертвого дома". это произведение отличается колоссальной уплотненностью, ее хочется сравнить с плотностью того звездного вещества, спичечная коробка которого могла би уравновесить желевнодорожвый состав. Скупыми средствами Достоевский передал гигантский фактический материал и чрезвычайно важные размышления, явивпиеся результатом его "сибирского периода". Необходимо учесть, в России это было первое произведение о каторге, и эпический репортаж Достоевского по одним своим фактам приобрел жарактер социально-политической сенсации. Контраст между сенсационностью материала и будничной, спожойной сдержанностью стиля создал высокий художественный эффект. В этом контрасте. той скупости и сдержанности изложения проявляется своего рода скромность писателя, "нежелание жаловаться", как это Можно по ять из одного внсказывания самого Достоевского.

Однако вопреки этой скромности и достоинству, вопреки сжассти стиля, достоевский сумел разбросать по своей книге несколько пунктов "высокого напряжения", которые удивительным образом разбивают и драматизируют эпическую интонацию "Зачисок". Это покушение пьяного Газина убить рассказчика и его товарища, смерть Михайлова в госпитале от чахотки, потрясаювставной рассказ "Акулькин муж" и в особенности сцена вгнания рассказчика из рядов подающих "претензио". Смерть имайлова написана с большой эмоциональной силой. Голый труп, деле после смерти закованный в кандалы, превращается в сим - вол мертвого дома. Последующая короткая сцена старого унтерфицера, снявшего каску перед покойником, и каторжника чекунова - исполнена огромного внутреннего содержания: этот мигобщности между каторжником и тюремщиком, молчаливое признание последним неправедности своей службы могли бы войти в лучший роман достоевского. Эта символическая сцена смерти - сама по себе шедевр. Такой же символический смысл имеет внаменитая картина каторжной бани: "ад" николаевской России символизируют эти голые люди в цепях, с красными рубцами на спинах, битком набитые в душную, грязную баню. Все эти драматические сцены подчинены в "Записках" общей эпической задаче.

Заключая рассмотрение "Записок из Мертвого дома", попытаемся ответить на вопрос: какое же место занимают они в творчестве Достоевского?

Прежде всего их значение определяют два новых идейно-худественных принципа: принцип изображения личности в соотнеснии с народом, о чем говорит Г.М. Тридлендер в своей новой
работе, и принцип исключительности, отказ от унифицирующего
полхода к личности. "Действительность стремится к раздроб ченю". Ни один человек не похож на другого, каждый человек
неповторим, каждый человек есть неожиданность. Этот принцип
противоречит обичной реалистической типивации, противоречит
ринципам натуральной школи. Но это отнодь не исключительпость романтического героя: Достоевский чужд всякой отвлеченпость романтического героя: Достоевский чужд всякой отвлеченпость романтического героязации. Исключителен не тот единствен-

ный, демонически грозный, возвышенно тоскующий над поилым ипром корсар, гяур, беглец от цивилизации - исключительным оказывается каждый человек.

В докаторжном творчестве Достоевского принцип исключи тельности не существовал. Уже в "Бедных людях" Макар Девушкин
товмущается гоголевской типизацией, его личное достоинство восстает против унижающего внешнего суждения писателя. В забитых
теменьких людях шевелится чувство своей неповторимости, индипитальное сознание. Господин Прохарчин заявляет о себе: "Я
струбил..." Но сами характеры в докаторжных произведениях
достоевского не являются исключительными, они типичны, их инпридальная неповторимость лишь декларирована. В некоторых
стучаях они даже являются не реальными, а литературными типати, подобно Мурину в романтической повести "Ховяйка". В ос возном же молодой Достоевский творил под влиянием Гоголя,
придерживался принципов реалистической типизации.

Принцип исключительности впервие сказивается в "Селе Степанчикове", где он реаливуется в неожиданном бунте кроткого
полковника Ростанева, в неожиданном благословении Ромы Опискна, в неожиданном примирении с ним помещика Бахчеева. Но
колько в "Записках из Мертвого дома" принцип исключительности
получает точную формулировку и образное воплощение. Этот принши направлен против теоретического схематизма и устарелой
просветительской концепции человека. В основе принципа исключтельности — мисль о логической непознаваемости человека.
То не значит для Достоевского, что человека вообще нельвя
познать; но личность доступна только эмпирическому интуитивторуч творческому познанию. Человек раскрывается не холодному

оку об"ективного наблюдателя, а братскому проникновению го-

это убеждение достоевский винес непосредственно из острога. 22 февраля 1254 г. он писал брату Михаилу: "Поверишь ли:есть карактеры глубожие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото... Иних нельзя не уважать, другие решительно прекрасны". З "Записках из Мертвого дома" эта беглая характеристика развертывается детально.

"В остроге было иногда так, что знаеть человека несколько мет и думаеть про него, что это вверь, а не человек, презираеть его. И вдруг приходит случайно минута, в которую душа его невольным порывом открывается наруду, и вы видите в ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманье и собственного и чумого страдания, что у вас как бы глава открываются и в первую минуту даже не верится тому, что вы сами ущели и услышали. Бывает и обратно: образование уживается вногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мер — вих..." /Стр. 655/.

Такой тихий и грустний мальчик, Сироткин, с замечательным искусством исполняющий в спектакле денские роли, весь сплонная неожиданность. Любимец, баловень матери, доведенный до отчанния солдатчиной, он питался совершить самоубийство, но ружье дважди дало осечку; через полчаса он вонаил штык по самое дуло в своего ротного командира. И какой же неожиданностью оказывается дли читателя, когда он начинает вдруг понимать,

^{1/} Письма, т.1, стр. 138.

этот грустным , красивый юноша - педераст, "дружбой "которопо периодически пользуются Газин и Петров.

Полной неожиданностью для автора и читателя оказывается забитый, нищий Сушилов, равнодушная мишень всеобщих насмешек. Он рыдает, когда расскавчик нечаянно, по небрежности, попрекнул его деньгами. Обычный попрек на каторге — но оказалось, то и в этой уничтоженной душе есть уголок живого чувства, и это потрясает, как открытие.

Принцип исключительности у достоевского синтевирует гумаинстическую идею о неповторимой оригинальности человеческой ичности и утверждение исключительно важной роли случайности в изни, полемически заостренное против механистического детерминизма, который отрицал случайность.

В "Записках из Мертвого дома" впервне выдвигается проблема преступления, рассматриваемого как бунт личности, как отчаяныя вспышка индивидуального протеста. Достоевский указывает, по на этом пути человек впадает в стравное опьянение анархишской "свободы", т.е. своеволия, и возвышает предостерегающий готос против темных, разрушительных сил человеческой натуры.

Тема смирения и добровольного страдания возникает из глубоких наблюдений народной психики. Добровольное страдание как
тогокация наказания — крайняя форма пассивного протеста личтости, доведенной до отчаяния, своего рода демонстративное
смоубийство /в самых предельных проявлениях/. Бунт и смиретема ваимообратимы. Намечается, хотя и очень слабо, идеализадобровольного мученичества у Достоевского. С исторически
отникшей идеей страдания, близкой к идее самопомертвования

общее благо, встречается чувство горького наслаждения

собственным страданием, могущее возникнуть в предельно уни-

трактуя тему власти человека над человеком, Достоевский раскривает психологию тиранства. Его анализ социальных причин садизма прямо противоположен концепции Зигмунда Фрейда. тема денег служит раскритию конкретного содержания понятия "свободи" в денежном обществе. Человеческая посредственность, неспособная даже к пониманию внутренней свободы человека, вызнает преврение Достоевского.

В "Записках из Мертвого дома" содержатся и моменты полепротив идеологии вестидесятников. Их столь часто цитируют, что они сделались литературоведческим шаблоном. Это прежде всего первая декларация о превосходстве народа над ителлигенцией: " Немногому могут научить народ мудрецы наши. Лаке утвердительно сказу. - напротив: сами они еще должны у вего поучиться "/Стр. 550/. Менее значителен первый выпад против теории "разумного эгонама": "Говорят инне... что высочайная любовь к ближнему есть в то же время и величайший эгоизм. и в чем тут-то был эгонам - никак не пойму" /Стр. 475/. Тортественно уличая Постоевского в стой полемике против шести лесятников, критики нами порой умалчивают, что она занимав "Записках" весьма невначительное место, что Достоевсотнодь не порвал окончательно с теорией "среды" и что в челом его книга бливка по настроениям к демократической литературе начала 60-х годов.

Проблема личного христианства, проблема бога в "Записмах из Мертвого дома" не ставится. Религиозная тема трактучеся в чисто внешнем, утвердительном плане, не вызывает сомшений рассказчика и не играет существенной роли. Зато достосвекий показивает классовую пропасть между интеллигентом и народной массой, разрив, который ему не удастся до конца преодолеть. С этой темой связивается тема духовной изоляции личности: человек может страдать от одиночества в тесном окружении других лодей и в то же время не находить уединения, спасения от враждебности окружающей среды.

Все эти темы взаимно переплетартся, взаимно проникают друг друга. Писатель решает их на конкретном жизненном материале, соблюдая строгую верность фактам. Этическая проблематика тесно связана с социальной и социально-исихологической. "Записки из мертвого дома" носят характер беспощадного осущения кремостнического строя и всякого насилия над человеческой личемостью. Эта книга явилась произведением огромного общественного вначения. В то же время она отличается прекрасной худо-жественной цельностью.

Проблематика "Записок", чрезвичайно богатая, но заключенмя в скатую, конспективную форму, впоследствии развертивается Достоевским на протяжении всего его творчества. Пироко используется им и сам материал: так, история мнимого отцетогом Ильинского превращается в сожет "Братьев Карамазовых", смободным вариантом типа Аристова становится Свидригайлов и

"Записки из Мертвого дома"— подведение итогов сибирского периода и в то же время гениальная идейно-тематическая "за"отовка" для последующего творчества Достоевского. Эта книга покавивает завершение и преодоление первого идейного кризиса достоевского; в ней выразилась временная стабилизация его по-

18 февраля 1855 года умер император Николай 1. Радость матила русское общество. Новый император сместил князя ченьшикова, а осенью - Бибикова и Клейниихеля. В воздухе поелю ветром перемен, крестьяне начали говорить о скорой "волете Лепена об оставлении русской армией Севастополя прозвукак приговор окостенелой крепостнической системе, и в прте 1856 г. Александр П произнес свою знаменитую фразу об "освобождении сверку". Затем он амнистировал польских повстанцев 1831 года и эмигрантов, а по коронационному манивесту от 26 августа 1856 г. - декабристов, часть петрашевцев, участников бунта военных поселян и др. Наконец, 3 января 1857 г. под председательством императора был создан секретный комитет для рассмотрения постановлений и предложений о тепостном состоянии. Опубликованием известного рескрипта Невимову от 20 ноября 1857 г. дело предстоящей крестьянской реформы было предано гласности.

Крепостной строй разваливался, по всей России нарастала мощная общественная кампания в пользу освобождения крестьян. Некоторые помещики заблаговременно начали перегонять своих крепостных с хорошей вемли на супесь и болота. Крестьяне отканвались повиноваться, вспихивали бунти, вызывались войска, происходили расстрелы и эквекуции. Постепенно в России складивалась революционная ситуация.

В конце 50-х годов на арену русской общественной жизни ступили разночинцы. Революционный авангард движения во глас с добролюбовым и Чернышевским поднял знами крестьянской революции. Будучи утопистами, теоретиками "крестьянского со-

раздема, они на определенный исторический момент выдвинулись первые рады практических деятелей и в своей революционной пропаганде опередили даже Герцена.

"Зра реформ" в огромной степени оживила общественную жизнь странн, подняла массу социальных, экономических, моральных проблем. Однако эта бурная активность в основном ограничивать крупнейшими городами империи. В глубине России, по сломи Некрасова, царила "вековая типина". Центром революционной ситуации был Петербург. В конце декабря 1859 г. Федор Митиович Достоевский прибыл в столицу.

Ва десять лет его отсутствия Петербург сильно изменился, прос, украсился; увеличилось и его население. В 1858 г.был голественно открыт построенный наконец Исаакиевский собор, в 1859 г. началось устройство городского водопровода / затянувеска на несколько лет/. В 1860 г. на Васильевском острове провели первую в стране "конножелевную дорогу" / сначала только для грузовых перевовок/. Строились новые роскошные дворцы, петерывно увеличивалось число увеселительных заведений и ресторанов, большим успехом польвовались маскарады, Итальянс-

Начиналась новая ступень развития капитализма в России, петербург уже чувствовал симитоми лихорадки. Дух стяжательтем проникал в высшую знать. Первые железнодорожные концессии сыли основаны на союзе русской придворной знати с иностраниим банками. В Петербурге формировались хищники нового тим - аристократы, связанные с финансовыми предприятиями.

"Недавно вдесь, в Петербурге, была раздача акций нового трахового от огня общества; толпа народу собралась в Больморской, у дома Вревской, в надежде купить акции, но удалось это немногим, большая часть акции была роздана одним в учредителей, генерал-губернатором Игнатьеным, и роздана мександре вед оровне, принцу Ольденбургскому и другим великим киявыми.

Ваятками и прямым воровством прославились бливкие к императору семейства Адлербергов и Барановых, принимала подношения княжна Делгорукая, красавица-фаворитка; большой скандал вывали влоупотребления министра финансов Княжевича, а директор его общей канцелярии барон Гревениц получил за лихоимство провище "барон Гривенник". Бесстидным кавнокрадством славился Муравьев — вешатель. Подлоги, подкупы , процессы по крупным наследствам, присвоения мужого имущества с помощью пронамих судей были совершенно в стиле лохи. Именно этот жизненный материал повволил Достоевскому совдать образ хищника повой формации князя Валковского, а впоследствим — акционера дельца генерала Епанчина.

Разложению крепостничества сопутствовала прогрессирующая оральная деградация высшего общества. Русское дворянство и петре не блистало высокими добродетелями, но теперь оно перестало соблюдать даже внешний декорум колодно-величествений николаевской эпохи. Герценовский "Колокол" накануне реформ уделял немало места корреспонденциям о фактах садиама, пасклия, растления малолетних. Подобные истории были у всех устах. Тема "оскорбленного ребенка", с такой мучительной стротой захватившая воображение Достревского, была пороздетамой действительностью разлагающегося крепостного режима.

V "Колокол" от 1 октября 1858 г.

полведем лишь один пример: "Правда дл, что в канцелярии саратовского губернатора пропало курьезное дело о 70-летнем помещике Абуткове и о девятилетней девочке, ему принадлежадел? Дело было в хвальмском уездном суде. Ми слышали, что подробности этого дела еще хуже, чем де Саловские похождения другого почтенного старца и саратовского помещика Н.А. Шахматова". Тени Свидригайлова и Ставрогина встани со страниц турналов, воспоминаний и дневников. Легенда западных исследовтемей о "греже Достоевского" выглядит как беспочвенный имисел: сама действительность наталкивала писателя на эту странную тему, которую русская литература обходила мречным отчанием.

Рядом с аристократией уже поднимались новые ковнева кизи, вионеры русского капитализма. В 1860 году был учрежден
государственный банк, и управляющим его стал длександр Етигин, син немецкого выходца. Товарищем управляющего стал русстий финансист Енгений Ламанский; после отставки барона Етигина, чьи мошеннические банковые операции вызвали возмущение
меского общества, Ламанский занял пост управляющего. Ему
принадлежала знаменитая фраза: "Мы еще не совреми для подобим прений!" Он произнес ее 13 декабря 1859 г. на публичном
дисцуте в Пассаже о деятельности Русского общества пароходста и торговли, когда в качестве председателя закрыл дисцут
при чрезмерного возбуждения публики. Достоевский прибыл в
гербург, когда эта крылатая сраза сыла у всех на устах:
оспедствии он сам не рав ее цитировал.

[&]quot;Колокол" от 1 моня 1860 г.

самой молоритной фигурой делового мира Россим был Вафсилий Кокорев. Син сидельца в питейных домах, он нажил состоя ние на винных откупах и к началу 60-х годов располагал капиталом до 7 миллионов рублей. С началом "эры реформ" он стал
общественным деятелем, печатал статьи в "Русском вестнике",
произносил либеральные речи и покровительствовал художникам.
В 1858 г. он дал Василию Курочкину те шесть тисяч рублей, на
которые была основана "Искра". Энергичный и умный капиталист,
маделец домов в москве и Петербурге, картинной галереи и
абонемента в Итальянской опере, Кокорев до самой смерти останался старообрядцем поморского согласия, носил широкую боролу и долгополый купеческий сюртук. Именно в московском доме
кокррева на Маросейке 4 апреля 1864 года состоялось " литературное утро", где в числе других писателей выступил Достоевский с чтением отрывков из "Мертвого дома".

Старообрядци и сектанты играли заметную роль в деловой живи Петербурга и особенно Москви. Со времен Александра 1 Петербург сделался центром скончества: скопцы занимались ростовщииством и разменом денег. Достоевский в романе " Идиот" отраи эту архаическую сторону купеческой жизни в образе старика
Рогожина, окруженного староверами и скопцами. Что касается
изменитого рогожинского дома, мрачного и таинственного гневда накопителей, с находящейся внутри картиной средневекового
нейкого живописца, то непосредственным внешним импульсом
совданию этого симвома могло послужить упомянутое посещепе достоевским московского дома Кокор-ева, старообрядца,
шената и коллекционера живописи.

Однако ни вристократический Петербург, ни купеческий обил по-настоящему знакомы Достоевскому. Его стихией был

демократический Петербург, круг интеллигенции, чиновников, гедан и бедняков. По возвращении в столицу писатель квартировал в доме Палибина, в третьей роте Ламайловского полка. Это была демократическая часть города между Донтанкой и Остодным каналом. С 1 сентября 1861 года от снял на год квартиру в доме Астафьевой, во 2-й Адмиралтейской части, уже гораздо ближе к центру и при этом из пяти комнат; эта квартира стоила 480 рублей в год, тогда как Палибину он платил 420 рублей. В сентябре 1862 г. Достоевский поселился на Малой мещанской; на углу этой улицы и Екатерининского канала пометивсь редакция журнала "Зремя". С 1864 г. Достоевский жил ва углу Малой Мещанской и Столярного переулка, в доме Алонина, которому платил 5 руб. в месяц в этом же доме он 1866 г.продиктовал А.Г.Сниткиной роман "Игрок".

Таким образом, после возвращения в Титербург писатель и в демократических районах города. Большая квартира в довемократических районах города. Большая квартира в довемократических районах города. Большая квартира в довемократический становится постоянним обитателем Малой Мещанской. Этот район навивался Спасской частью и бил наибомее Рустонаселенним районом столицы. Ронтанка и Екатерининский канал служили его границами, главной артерией был Вознеснский проснект, рынком — Сеннай, а местом гуляний — Осупов сед. Район Вознесенского проспекта населяли средние и низшие чиновники, торговци и ремесленники. Большая Мещанская была улией публичных домов.

Вознесенский проспект был внаком Достоевскому: с весны 1847 г. до самого ареста он жил на углу втого проспекта и

Л.П.Гроссман, "дивнь и труды Г.М.Достоевского. Емография в цатах и документах", Academia , 1935 г. / "Период журналов"/.

ченей Морской, но то был почти центр, недалеко от Исаакия; генерь же писатель окунулся в самую гущу петербургской бедности, в район мещанских улиц с их мелочными и табачными вызвим, мастерскими, распивочными и притонами.

в то время в Петербурге строились многочисленные дома тод кальцов", и тем не менее, имперская столица была перетинена бездомными бродягами. Ночлежные дома были битком набыта, поди ночевали в публичных садах, в полицейских домах, под мостами. Приток населения из деревень, начавшийся в 1858 год промышленный кривис в России и связанная с ним безработа, усилизающееся бегство дворовых из помещичых усадеб - все это способствовало росту нищети и перенаселенности столы. Прогрессирующий распад крепостного строя явился главной причной всех бедствий страны и столицы.

в своих "Литературных воспоминаниях" Скабический описывателополучную виму" 1856-1857 года и панику, охватившую

Ветербург в связи с невероятно преракими и многочисленными
техами и ограблениями: грабители вырывали часи из жиметных
ирманов прохожих, серьги из ушей женщин, срывали дорогие шапи с проевлающих по Невскому проспекту и т.д. "Нашествие грабителей на столицу" обнатели об"ясняли широкой амиистией по
тронационному маниресту. Но причинами растущей преступности
и разорение крестьянства, дороговизна продовольствия, нина народа. Масса дешевой рабочей силы, прилившая из деревень
столицу, в периоды промышленных снадов неизбежно превращаись в очаг преступности. Начальная стадия развития капита —
най в России проходила медленно и затрудненно; вследствие
зого всегда сохранялась "ивбиточная" рабочая сила. Настроения

этой масси с огромной силой влияли на общество, и в первую очередь - на мелкобуржуваную среду.

Скабичевский вспоминает о вимних ночах 1856-1857 года:

при воввращении домой душа все время пребывала в пятках; улепетиваемь, бывало, сломя голову, обгоняя извозчиков, и постоаппо чудится, что за тобой кто-то гонится".

"Казалось , не сегодня - завтра готовилась вспыхнуть революция. Все ее боялись и в то же время с нетерпением жда-

Маленький человек Петербурга, заглядывавший в ярко осветенные окна Большой Морской, где давались балы на 250 персон, совращался по снежным улицам в свой угол, ощущая на своем валыже дыхание голодного бродяги. Маленький человек задумытаки о живни, чувствовал перемены в России, слышал удивительшие вести... Контрасты роскоши и нищеты, обильных пиршеств и голода все резче бросались в глаза.

Наисолее оживленным местом Спасской части столицы была синая площадь. Знаменитый Сенной ринок описал в свое время вестужев-Марлинский, ватем Писемский, Всеволод Крестовский, Гостоевский. Запах подгнившего на возах мяса и перележьлой велени, шум, завыванья, божба, торг и брань, сутолока, ниценство и воровство — такова была Сенная тех лет. В районе Сенной водилось множество мастерских, трактиров, обжррок, домов српимости. Притонами преступников, бродяг и проституток

ИА.Н.Скабический, "Литературные воспоминания", М.-Л., 1928, стр. 89,99-100. Материал о Петербурге 60-х годов содержат также работы Н.П.Анциферова "Петербург Достоевского", П ч., 1928, и С. 3.1 схновицера "Достоевский и социально-криминальный оман 1860-1870гг. "/ Учение ваписки Денинградского ун-та, 1939, 47. Выпуск 47

служили огромние ночлежные трудобы, в том числе знаменитая "Вяземская лавра" /дом князя Зяземского/ и "Малинник"/больной трактир с номерами/. Здесь сбывали краденое, устраивали оргии, подпаивали и грабили неопытных посетителей. Порой в "Вяземскую лавру" попадал Аполлон Григорьев во время своих запоев. Жизнь Сенной и "Вяземской лаври" детально описал всеволод Крестовский в "Петербургских трудобах". У Достоевского в "Преступлении и наказании" Свидригайлов цинично похваляется, что ему случалось в "Вяземской лавре" ночевать.

Этим он дает понять Раскольникову всю глубину своих падений.

В этом романе Сенная играет совершенно исключительную роль: с ней связано несколько узлових моментов действия.

В статье "Достоевский и социально-криминальный роман 1860-1870 гг." О.З. Цехновицер утверждал, что Сенная для Достоевского - "символ эла и преступлений, символ второго, жуткого
облика капиталистического города". В этом утверждении односторонность приводит к искажению истины. "Символ эла и преступмений"- но почему Раскольников целует грязную вемлю Сенной?

На этот вопрос помогает ответить Н.Е. Некрасов:

Вчерашний день, часу в шестом, зашел я на Сенную; Там били женщину кнутом, Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди, Лишь бич свистел , играя... И Музе я сказал: "Гляди! Сестра твоя родная!"

Этс стихотворение 1848 года, проникнутое страстной болью

ная - символ народного горя, тот океан человеческого страданяя, из пучин которого поднимается озверелое преступление или
свумний порыв самоунижения. Сенная только поверхностному взглапровала страдание. Вот почему Раскольников, идя "предавать
сеоя", целовал именно Сенную площадь, как за полчаса до этото - свою плачущую мать. Ибо достоевский был кто угодно, но
только не испуганний мещанин, видящий в грабителе своего естественного врага. Он жил с убийцами в остроге, он смотрел
то Сенную совсем иними главами, нейели Писемский или крестовский. В отличие от автора "Петербургских трущоб", для
достоевского в картинах зла, порока, преступления не было
тикакой эквотики: мерой вла великий романист измерял глубину

Можно утверждать, что именно Достоевский смотрит глазами Раскольникова на убогие наслаждения, грязь и пьяную сутолоку Сеннов. Известно, что в период создания "Преступления и паказания" гостоевский часто бродил возле Сеннов. Однажды во премя такой прогулки пьяний создат предложил ему купить только что снятий с шеи крест. Достоевский купил крест и надел себя.

Такова была бытовая среда Достоевского, постоянное поле его наблюдений. Этот мир дешевых кабаков, притонов и мрачных домов, населенных бедняками, вошел с необичайной впечатиям ел силой в "Преступление и накавание". Но эта бытовая среда достоевского оказала также сильнейшее косвенное влияние на его творчество, обострила его трагическое видение мира, преломилась в его филосорском мышлении.

Более непосредственным было влияние новой литературной среды Достоевского. Окруженный ореолом страдальца, он радушно принят пишущей братией столицы. Черев пять дней после воз — пращения Достоевского Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым уведомляет его об избрании своим членом. Апоклон Майков 30 декабря 1859 г. подносит Достоевскому свои стихи в знак давней и неизменной дружбы. Михаил Михайло — вти Достоевский вводит брата в кружок А.П. Милюкова.

В доме Милюкова на Офицерской улице собирались по вторникам литературные вечера. Первоначально это был кружок журната "Светоч", который выходил с января 1860 г. под редакцией имокова и Калиновского / издателя/ и ставил своей вадачей. говоря словами его программы," в поисках за истиной примирить потивоположные учения вападников и восточников. В "Светосотрудничали два поета, два друга-москвича, Аполион Гри-Горьев и Лев Мей, бываме члены внаменитой молодой редакции Москвитянина"; фельетонист Дмитрий Минаев, недоучившийся тудент Всеволод Крестовский, поэт Аполлон Майков, Петр Вейнсерг, молопой философ Николай Страхов и Михаил Достоевский, переведний для "Светоча" "Последний день осужденного " В.Гю-В январе 1860 г. Ф.М.Достоевский на вторниках Милюкова высмится с этим пестрым кружком, где на какое-то время черашние славянофилы уживаются с завтращними испровцами. про редакции "Светоча" впоследствии перепло в журнал "Время". Лостоевский восстанавливает и старне литературные связи.

его творчество, обострила его трагическое видение мира, препомилась в его философском мышлении.

Более непосредственным было влояние новой литературной среде Достоевского. Окруженный ореолом страдальца, он радушно принят пипущей братией столицы. Через пять дней после воз пращения Достоевского Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым уведомляет его об избрании своим членом. Аполлон Майков 30 декабря 1259 г. подносит Достоевскому свои стихи в знак давней и неизменной дружбы. Михаил Михайло — им Достоевский вводит брата в кружок А.П. Милюкова.

В доме Милюкова на Обицерской улице собирались по вторникам литературные вечера. Первоначально это был кружок журна-"Светоч", который выходил с января 1860 г. под режакцией и ставил своей валичовского / издателя/ и ставил своей валачей, говоря словами его программы," в поисках за истиной примирить потивоположные учения вападников и восточников". В "Светосотрудничали два поета, два друга-москвича, Аполлон Григорьев и Лев Мей, бывшие члены внаменитой молодой релакции Москвитянина"; фельетонист Дмитрий Минаев, недоучившийся здент Всеволод Крестовский, поэт Аполлон Майков, Петр Вейн-Серг, молодой философ Николай Страхов и Михаил Достоевский, переведший для "Светоча" "Последний день осужденного " 3.Гр-В январе 1860 г. Ф.М.Лостоевский на вторниках Милюкова накомится с этим пестрым кружком . где на какое-то время правние славянофиль уживаются с завтращними испровцами. про редакции "Светоча" впоследствии перепло в журнал "Время". Достоевский восстанавливает и старые литературные связи.

по возвращения в Петербург он узнал о теплых словах Н.А.

некрасова, желавлего положить конец их давней ссоре, что и

оню исполнено. В феврале 1860 года возобновляется знакомство

достоевского с Тургеневым. Завязывается дружба возвратившегосл писателя с Яковом Полонским. Достоевский вновь становится

своим челозеком в петербургском литературном мире. Однако ши
рокая публика, как об этом расскамет позже Е.А. Птакеншнейдер,

в вечерах и литературних чтениях пока что встречает Достоевско
то равнодушно. Он писатель полузабитый, вызывающий главным

образом сочувствие к перенесенным им страданиям.

Весной 1860 г.его приглашают участвовать в любительском сектакле в польву Литературного фонда: ставится "Ревизор", достоевский берет роль почтмейстера Шпекина. Спектакль игра14 апреля 1860 г. в большом концертном вале нового дома, построенного откупциком Руадзе на углу Большой Морской и Киртиного переулка. Постановка имеет большой успех. По рассказу вейнберга, особенно хорошо играли Писемский /городничий/, досвевский и сам Вейнберг /хлестаков/,

В 1860 г. Михаил Достоевский получил разрешение издавать урнал, и в сентябре во всех крупнейших газетах появилось вавление о подписке на журнал "Время", написанное Ф.М.Достоевским, хотя под об"явлением стояла подпись его брата — фициального редактора. Эта официальная программа Гедора Достоевского и его журнала васлуживает внимательного рассмотрения.

"Мн кивем в эпоху в высшей степени замечательную и крическую". Новые идеи и потребности общества, великий рестьянский вопрос", это только "признаки того огромного переворота, которому предстоит совершиться мирно и согласно по всем нашем отечестве / . . / . Этот переворот есть слитие образованности и ее представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам выей текущей жизни..."

В России не должно бить "вражды сословий". "Ми не Европа, ту нас не будет и не должно бить победителей и побежденных".

/"Не будет" и затем менее категорическое "не должно быть"
врактерная для Достоевского оговорка/.

Реформа Петра Великого "раз "единила нас с народом". Дуковное развитие русского народа и русского цивилизованного общества шло обособленными путими. Меперь петровская реформа доша до последних своих пределов, и образованное общество срнулось " на родную почву". В этом нет никакого осущения реформы Петра, просто путь пробден, и последователи Петра

"Мы внаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества". будущей деятельности долстен быть в высшей степени общечеловеческий". Выть может "русстан щея" явится синтезом идей отдельных народов Европы.

Достоевский подчеркивает, что говорит не о славянофинах выпадниках. "К их домашним раздорам наше время совершенно выподушно. Мн говорим о примирении цивилизации с народным чалом". Достоевский провозглавает, что счастие народа — частие наше" и что главная задача на пути скорейшего соедишия с народом — усиленное "распространение образования".

Вторая половина программи будущего журнала содержит обкритические висказивания о страхе перед "авторитетами"в русской журналистике, о "литературном рабстве", о всесилим толонных мнений и измельчании критики. "Грошовый скептициви, педный своим влиянием на большинство, с успехом прикрывает селарность... Строгое слово искреннего глубокого убеждения стантся все реже и реже. Наконец, спекулятивный дух, распросраняющийся в литературе, обращает иные периодические издания в дело преимущественно коммерческое..." И в заключение вновь подчеркивается независимый характер нового журнала.

Таким образом, Достоевский заимствует у славянофилов тезис неприятии русским народом реформи Петра, но признает ее рационой и необходимой. В редакционном вступлении к первому новру "Времени" /январь 1861 года/ Достоевский вновь отмежевителя от западников и славянофилов." И хотя в славянофилах имого любви к родине, но чутье русского духа они потеряторущно".

В той же первой книжке "Эремени" Достоевский начинает пубткацию " Ряда статей о русской литературе". Введение к этому
ткиу излагает взгляды автора на Россию, Запад и цивилизацию.
Теское общество приняло от цивилизации все, что следовало,
свободно обращается к родной почве. Зысшее сословие сливаетс народом "легко, натурально, мирно, - главное: мирно"; последвнешнее препятствие "уже кничтожается в наше время преодрам и благословенным царем". Почва, на которой все сойдетпримирится, есть всеобщее духовное примирение, начало ко-

[.]м.достоевский, Собр.соч., т. 13, м.-Л., 1930, стр. 497-500.

Tam me, crp. 502.

порому лежит в образовании. Новая Русь несет народу не западную цивилизацию, а добитую из нее науку. "Русская нация необыкновенное явление в истории всего человечества". Ей свойственна "высоко-синтетическая" способность "всепримиримости, всечеловечности" и в то же время - способность "самой аправой над собой критики".

далее он издагает в ироническом свете историю русской литературы после Пушкина, выделяя лишь двух "демонов"- Гоголя
перионтова - и с уважением говоря об Островском, осмеивая
инию обличительства, с ядовитым почтением называя имена
погодина, Розенгейма, Панаева, Щедрина, Громеки. Особенно
изителен Достоевский в отношении своего бывшего патрона
говерит о демократической сатире: "Мы любим этого маленького
тесенка, у которого только что проревались его маленькие,
препкие и здоровые вубенки". Он прощает бесенку его ошибки:
"Это все от здоровья, это все молодые соки, молодая неопытна сила, которая быет здоровым ключем и рвется наружу"

"Несомненно, это выражение симпатии относится к "искре" и
"Саистку". Здесь же следуют в высшей степени одобрительные
отвывы достоевского о воскресных школах и обществах трезвос-

В том же первом номере "Времени" Достоевский поместил штереснейший фельетон "Петербургские сновидения в стихах и прозе". Здесь он впервые формулирует свое требование "нового стова" в литературе. Он говорит, что хотел бы превратиться в

^{1/} Tam me , cTp.52.

регра и современной науки. Достоевски с уважением упоминает предостовнения предоставанных предоставанных русских привлом, в котором все статьи можно читать с любопитством летербургские сновидения летербургские сновидения достоевский нападает на "Отерественные записки" краевского за напумению статью "литератественные записки" краевского поэта упанаева и поставления поставления противоречивая картина ваглядов постависимость. На деле эта противоречивая картина ваглядов постоворем противорем протической игрой авторского тона, свидетельствует о позиции идейного примирения.

духом того же примирения проникнута вся его публицистика 1861 году. Сам он называет это "синтевом"; слова "синтев" и синтетический" часто встречаются в его статьях. Слему русской стории он строит по гегелевской триаде: старая Русь — тезис, форма Петра — антитевис, новая Русь — синтев. Весьма вовменю, что в гегельянской терминологии статей Достоевского тот период сказалось влияние Страхова, который на нескольмо последующих лет стал философским ментором Достоевского; рочем, с его влиянием боролось воздействие Аполлона Грирьева, пламенного шеллингианца.

изется статья "Г-бов и вопрос об искусстве". В споре между питаристами и проповедниками чистого искусства достоевский овь попитался занять срединную повицию: осмеяв для начала стетов / остроумний образ - воздействие стихотворения фета другой день после лиссабонского вемлетрясения/, он затем

по и против утилитаристов. По его словам, оценивать ведения искусства с точки врения его актуальной полезмессинсленно, ибо настоящую пользу произведения выявит веремя. Достоевский упрекнул Добролюбова в противоречинго позиции, в снисхождении к малохудожественным, но некоторые противоречия в рецензии Добролюбова на книгу редных рассказов Марко Вовчка. Замечательна мысль Достоевственным высказанная в связи с этим: слабость формы не может пскуплена вложенным в нее благим содержанием; напрослабая форма компрометирует самые высокие идеи и прямо делу за которое ратует неискусный художник.

эта известная статья нередко расценивается как вольная невольная защита "искусства для искусства". Прежде чем приговор , следовало бы сопоставить высказыния Достоевского с его эстетической практикой, с его твор-**МСТВОМ.** В своем творчестве великий писатель — несомненный этивник " чистого искусства", он ставит общественные, этивежие, философские проблемы величайшей важности и скорее опенивает общечеловеческую миссию искусства. Как бы вывож свою эстетику из пушкинского "Пророка", Достоевский считапризванием творца проповедь и пророчество. Именно поэтому опинение искусства конкретным общественно-политическим завремени вызывает у него ревкое несогласме. К тому же ветика шестидесятников содержала немало упрощений, которые жасти верно были отмечени Лостоевским. В свете таких размыв становится особенно важным тон уважения и лояльности, вотором Достоевский ведет полемику против Добролюбова. "В

го таланте есть сила, происходящая от убеждения", говорит постоевский. При этом он мимоходом делает весьма интересное ваниение: "Основное начало убеждений его справедливо и возобновет симпатию публики; но идеи, которыми выражается это основное начало, часто бывают парадоксальны и отличаются одовном важным недостатком, кабинетностью". Иними словами, Достоевский в принципе соглашается с идеей социального переустройства общества — "основным началом" убеждений добролюбова. Но революционный путь такого переустройства Достоевский считать невовможным и веру в революционность русского народа считет ваблуждением, происходящим от невнания жизни /"кабинет-

5 марта 1861 г. царский манифест об освобождении крестьян общее положение о крестьянах, вншедших из крепостной завишности", были опубликовани после двухнедельного промедления дело приходилось на масленицу с ее попойками и гульбой; объемся почти равнодушним к реформе. Он отозвался на нее нестрыкими строчками в статье "Книжность и грамотность"/"Время, воборнать и в начешнем году правительство высочайшим манишестом даровало народу новие права. Таким образом призвало объемся к развитию. Мало того: оно до половини закалило ров. Предвиня, которые теперь необходимо войдут в самую сущность вобым, которые теперь необходимо войдут в самую сущность в права народной жизни". Этот туманний отамв свидетельству-

Coop.cou., T. 13, CTp.78.

непонимании достоевским огромной важности реформы; он оржан в духе официальных восхвалений "воли", хотя и не лишен стной двусмысленности. Кажется, достоевский написал эти как бы по обяванности.

Иногие биографы и исследователи творчества писателя считачто после каторги Достоевский лишь маскировал своим почвентеством новне, реакционные взгляды. Выше мы процитировали отиворечащий этому мнению отвыв Достоевского о Добролюбове. татье "Два лагеря теоретиков"/"Зремя", 1862, февраль/ Достосформулировал свой социальный прогнов более отчетливо: запные публицисты после долгих поисков наконец остановина ассоциации и в ней видят спасение труда от деспотизкапитала. Но в запалной жизни это общинное начало еще вошло в жизнь; ему ход будет только в будущем... На Руси существует уже как данное жизнью и ждет только благопритых условий к своему большему развитию". Эти осторожные рудировки дегко расшировываются: "Западные публицисты". пацие спасение от капитализма в рабочих ассоциациях - это претики утопического социализма. "Большее развитие" общинто начала - это идея эволюции русской крестьянской общини. тепенное уничтожение личной собственности на вемлю. Гери Чернышевский поставили вопрос о возможности непосредстживого перехода от общины к коммуне. Эта идея пользовалась время огромной популярностью, и даже Карл Маркс в письв русским революционерам-народникам допускал теоретическую выможность такого перехода. Но Достоевский, в отличие от д продников, предполагал возможным развитие русского общиного принципа без революции, сугубо мирным путем. Эту вечайную иллювию породила эпоха реформ, когда Александр П

так навываемого "русского социализма", верившего в доститеме бесклассового общества без промежуточной стадии капитатехние ского развития.

Но это "народничество" Достоевского сочеталось с неверием революцию. Великий писатель внал по опыту стихийный монарти народных масс. Он верил в прекраснодущие Александра П и моследствии даже писал Майкову, что обожает государя. Симбившентов утопического социаливма с монархивмом - таково специфическое "почвенничество" Достоевского.

Так им уж нелепо подобное сочетание? Для нас, разумеется, тепо, но для своего времени — заурядно. Парль турье и Роформ Связывали свои надежды преобразования общества с доброй волей королей и банкиров. Достоевский просто остановилься в своем идейно-политическом развитии на уровне 40-х годов. Ти николае 1 нечего было надеяться на добрую волю монарха, то в 60-не годы старая надежда реформаторов на просвещеный солотивы проснулась вновь. Сохранив слабые стороны утопичекого социализма и отбросив революционные устремления, он перпретировал свою утопию в духе народной легенды, мифа. О дальнем, счастливом крае, о каков-то "Беловодье", где сободно кивут и трудятся крестьяне, столетиями кил в руском народе, и его отголоски проникли в литературу /напр., пеская о Тарбагатае в поэме н.А. Некрасова "дедушка", в наше смя "Страна Муравия" А.Т. Твардовского и др./. Известная

мета Достоевского о " волотом веке" соединяет в себе черты вытичной идиллии, раннесоциалистической утопии и крестьянского мифа. Как в идеологии русского крестьянства миф о свободном крае противоречиво сочетался с религией и суевериями,
так и в мировозврении Достоевского к лишенному конкретных
черт социалистическому идеалу присоединились черти религиозно-правственного идеала. Утопизм петрашевца смещался с нациошальной, патриархально-демократической традицией. В своих воспоминаниях Горький приводит слова Толстого о том, что Достоевский "учился думать" у петрашевцев. Это гениальное наблюдение: Достоевский действительно на всю жизнь остался утопическим мислителем. Но слова Льва Толстого нуждаются в дополвении: его великий собрат по перу учился думать не только у
петрашевцев, но и у омских каторжан - крестьян, солдат, раскольников.

Противоречиями Достоевского в период, непосредственно следующий за воввращением из Сибири, об"ясняются колебания достоевского, тенденция ко всеобщему примирению и та "широ-кость сочувствий", о которой говорит Страхов в своих восноминаниях.

Уже в .861 г. Страхов начал свой крестовый поход против материалистической философии шестидесятников / "Еще о петербургской литературе", "Зремя", 1861, № 6/. Постепенно эта полеюжа между "Зременем" и "Современником", привела, по словам Страхова, к"совершенному разриву". По началу гостоевский всически умерял остроту атак Страхова, вставлял смягчающие оговорки и вносил поправки в статьи своего друга. В одну из статей Страхова в нарушение всего ее тона было внесено: "Зольпедую жизнь свистал и не без толку и не без последствий.

Ведь как сердились на него, и именно за этот свист/."

конечно, сам Николай Николаевич не мог сказать ничего подобпого. Он свидетельствует: "Эставка принадлежит ледору Михай-

сам Достоевский направляет оружие полемики в противоположном направлении: в 1861 г. он выступает против англофильского мерализма "Русского вестника". Завяживается долгая война курналов, в ходе которой Достоевский неоднократно защитет авторов "Современника" и "Свистка" от Каткова и его своти. Эта полемика так обострилась, что в конце концов Достоевственно приравняя каткова к Раддею Булгарину.

Несомненние симпатии Достоевского к "Современнику" внавараздоры в редакции "Бремени". Аполлон Григорьев на время
потвал с журналом Достоевских и уехал в Оренбург, откуда пипогодину: Время" имеет наклонность очевидную к Чернискому с компанией. Пусть их прочахнут и протревнеют немноот симпатий к "Современнику". В начальный период своей
привльной деятельности Достоевский стремился привлечь русур молодежь под знамя примирения, протягивал оливковую
тнь "Современнику", и это не было тактической уловкой. Он
самом деле стремился переубедить револьщионеров - своих
чамих единомишленников, прививал их "ждать благоприятцих усий", не торопиться, но в то же время заявлял, что "основс начало" их убеждений справедливо. В его публицистике уже
тра полвились черты общечеловеческой проповеди, нашедшие
в высмее воплощение в пушкинской речи. В 1861 г. он стре-

[/]н. н. Страхов, "Воспоминания", стр. 235.

тея придать русскому освободительному движению мирный, эвопомонный характер, но он сочувствовал самому движению. Можно произвострировать этот тезис радом примеров.

В малском номере "Времени" за 1861 г. в своем "Ответе гусскому вестнику" Достоевский высменвает Каткова и находит такстящее направление" журнала "Современник" во многом полез-

В сентябре 1861 г., когда в Петербурге разыгралась знамепися "студентская история", Достоевский сочувствовал арестотиным студентам, о чем Страхов вспоминал повие с иронией.

В октябрьской книжке "Времени" Достоевский вновь виступат против Каткова /" По поводу элегической заметки "Русского
тестника"/. В заключение статьи он неожиданно обращается и
ной из скрытых причин затяжной полемики: "Ведь то вас
чернышевский разобидел недавно своими "полемическими красотами", вот вы и испустили свой элегический плач". Достоевский
поррит, что " Время" нельзя причислить и сендам чернышевскотест мы так часто задевали уже нашего капризного публициста".

форми чернышевского вопят, что он невезда, намал, пустовном,
стоит ему издать что "нибудь вроде "Полемических красот",
и "подымается скрежет зубовный, раздается элегический вой;
моские " было вроде маленького вемлетрясения". Ирониский тон статьи двусмыслен.

Но отношение достоевского к "Полемическим красотам" и Чернышевскому вообще проясилется в письме к Полонскому от

Собр.соч., т. 13, стр.202-203.

моля 1861 года: "Чернимевский начал ряд статей о современной хурналистике... Очень бойко и, - главное, - возбуждает говор в публике, а это важно. Поставил себя очень рельефно и оригинальности, разумеется, и недостатки ого . Из сопоставления письма к Полонскому и цитированной име статьи явствует, что Достоевский не считает себя ни сторонником Чернымевского, ни его врагом и, несомненно ,ценит чкапривного публициста". В статье он называет его странным писателем": "странный" - любимый эпитет Достоевского, премущественно выражающий заинтере сованность к изображаемому ими явлению.

Наконец, повицию Достоевского в этот период характеризуют исть его редакционной политики: "Время" публикует произведети Некрасова, Дедрина, Помяловского.Последнего, несмотря дальнейшее расхождение во выглядах, Достоевский вспомивсю жизнь с очень теплым чувством. К концу 1861 г., когда из печати второе издание стихотворений Некрасова, относка записка поэта неизвестному: "Вот Вам моя книга, а друго передайте Федору Достоевскому".

В декабрьской книжке "Современника" за 1861 год появилась
зкая статья самого ограниченного из публицистов демократиского лагеря - Максима Антоновича, направленная против
точвенничества". С этого момента началась открытая полемика
ту "Временем" и " Современником". В эту борьбу неизбежно
менен был оказаться втянут и Достоевский. Росло влияние на
что Страхова и Аполлона Григорьева. Однако процесс оконча-

Письма, т. 1, стр. 303. П. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. X, М., 1952, стр. 465.

ельного перехода на реакционные повиции протекал медленно и постепенно; говорить о реакционности Достоевского в 1861 году-

В 1861 г. он виступал за широкое просвещение народа, приветевовал отмену крепостного права, косвенным образом поддерживы змансипацию женщин / в нашумевшем споре о "безобразном поступке "Зека" решительно принял сторону Михайлова/, осмеивал микова, сочувствовал демократической сатире. Обвиняя и славяпомлов, и западников в оторванности от жизни, он внушал мель о том, что именно он по-настоящему знает народ. Достоевспровозгласил целью своей деятельности счастье народа и учердил тезис о мирном достижении идеального общества путем чития образованности с началом народным. Он верил, что с мелением крестьян вемлей исчезла угроза пауперизма, что в России не будет капитализма, не будет пролетариата. Россию оснает великое будущее, т.к. русский народ хранит высокие думые начала, а русская община опережает западные идеи об ссопиации производителей. Даже в полемике с шестидесятниканапример, с Добролюбовым, он выражает сочувствие к их MAPHRHAM.

Он мечтает о социальных преобразованиях в границах монарческого устройства. Социальная проблематика решительно преобладает в его произведениях, моральные вопросы играют подшенныю роль, религиовные проблемы по существу отсутствуют. Все это означает, что по возвращении в Петербург велиписатель испытал влияние революционной ситуации. В это этия для него характерно сочетание утопического идеала петевцев с откавом от революционной борьбы за идеал. Но "натпривльний демокративи" Достоевского / виражение Г. Н. Поспелова/
косто время тяготел к крестьянскому демскративму революциопров-местидесятников. Вера в русский народ — определяющая
грав нового мирововарения Достоевского. И в дальнейшем, несмотва все его трагические заблуждения, эта вера оставалась
внутренняя противоречивость, глубокие духовные искания и
проба Достоевского в этот период напли свое выражение в рома"Униженние и оскорбленные".

"Униденные и оскорбленные" - второй роман Достоевского и первое крупное его произведение после возвращения из
Сибири. Замысел его, судя по письмам писателя к брату
Михаилу, относится еще к семипалатинскому периоду; видимо,
роман обдумывался и в Твери¹⁾. Он был опубликован на
страницах "Времени" в 1861 году.

При общем рассмотрении "Униженных и оскорбленных" бросается в глаза параллелизм двух историй о гордых отцах и греховных дочерях. Композиция романа строится на сравнении, на системе контрастного параллелизма, и прямо обусловлена общей моралистической задачей: показать превосходство смирения над гордыней. Подчиненную роль в романе играет чрезвичайно элободневный в 1861 г. вопрос о праве женцины на любовь. Признавая это право. Лостоевский в то же время показывает его практическую неосуществимость. Сходную позицию по вопросу об эмансипации женцин он занимал и в публицистических выступлениях (например, в своей полемике против Каткова, начавшейся в связи с "безобразным поступком" "Века"). вамысел романа отличался дидактизмом, грешил некоторой поправательностью. К счастью, Достоевский не выпержал своего плана, исполнение взорвало замысел, и это спасло роман от провала.

Чрезвычайную неровность книги признал сам Достоевский в примечании к посмертно опубликованному письму Аполлона Григорьева, спустя три года²⁾. Все произведение

¹⁾ Письма, т. 1, стр. 236, 239, 256.

²⁾ Ф.М. Достоевский, Собр. соч., т. 13, М.-Л., 1930, стр. 350-353. Примечание было напечатано в журнале "Эпоха", 1864, сентябрь.

распадается на две неравные части: большая посвящена истории семьи Ихменевых и роману Натами, меньшая - история семьи Смитов, в основном жизни Нелли. Это деление соответствует двум отдельным линиям сожета. Лотя рассказ об Ихменевых непрерывно чередуется с рассказом о Смите, о Нелли и ее матери, обе сожетные линии слабо связаны между собой. Линии Ихменевых соответствует прежняя повествовательная манера Достоевского: перед нами социально-психо-погический роман натуральной школи с яркой сентиментальной окраской. Назовем ее сентиментальной линией сожета. Линия Смитов ведется в новой манере: мистические предчувствия, атмостера страха и тайны, роковая неотвратимость в развитии событий и катастрофическая развязка позволяют охарактеризовать вторую сожетную линию как трагическую.

Известные слова Добролюбова о том, что роман
"Униженные и оскорбленные" стоит "ниже эстетической критики", совершенно справедливы в приложении к сентиментальной линии романа, и его классическая оценка образов этой
линии (особенно фальшивого благородства Ивана Петровича
и колодной рассудочности Наташи) полностью сокраняет
свое значение. Однако эти слова нельзя распространять
на трагическую линию романа, и в этом мы опять-таки
следуем за Добролюбовым, высоко оценившим образ Нелли.
По нашему мнению, этот образ имеет исключительное значение, выходящее за пределы романа.

Стеринем сентиментальной линии романа является роман Наташи, Алеши и рассказчика. Этот любовный треугольник повторяет в предельном заострении ситуацию "Белых ночей", но без их кивости и искреннего чувства. Иван Петрович

любит Наташу видуманной "головной" любовью, в которой совершенно отсутствуют самолюбие и страсть. Расская от первого лица о самоложертвовании, доходняем до того, что герой бранит своего счастливого соперника за невнимание к любимой девушке, звучит невероятно фальшиво, полон резонерства и утрированного моралистического пафоса.

Семья Ихменевых напоминает шаблонные театральные амплуа. "Благородный отец" столь кестко вписан в дидактическую схему, что его страдания вряд ли могут вызвать сочувственную реакцию читателя: ведь схема гарантирует благоролучный финал. В некоторых случаях, особенно в конце романа, "благородный отец" тоже начинает превращаться в резонера.

Не менее бесцветна и Наташа. Наделив ее всеми достоинствами, Достоевский не позаботился дать ей того, что составляет основу ощущения красоты в его больших романах: он не дал ей тайны. Обаяние его героинь заключается в их таинственных и волнующе-изменчивых характерах. Наташа сразу же полностью объяснена автором, она умна, благородна, благовоспитанна и рассудочна, а в ревультате - просто скучна. Не она, а Нелии является подлинной героиней романа.

Иначе был задуман образ Алеши Валковского. Человек есть неожиданность, он не укладывается в рамки прописной морали — этой мыслью руководствовался Достоевский, рисуя милого и бесхарактерного юношу, который своим детским эгоизмом губит Наташу. Этот "добрый соблазнитель" подчинен все той же сентиментально-дидактической схеме, он играет по отношению к семье Ихменевых ту же

роль, какую его отец в прошлом играл по отношению к семье Смитов. Кокетливая фарфоровая фигурка Аледи лишена собственной жизни.

В трагической линии сожета все усилено, гиперболизировано по сравнению с сентиментальной линией: мать Нелли не только бежит с любовником, но и способствует разорению отца; старик Смит, в отличие от Ихменева, остается непреклонным в своем озлоблении; дочь его умирает в ницете, тогда как Наташа получает прощение и возвращается под отчий кров и т.д. Но трагическая линия сожета особым образом выделена и в самом тоне повествования. Роман "Униженные и оскорбленные" начинается словами: "Прошлого года двадцать второго марта вечером со мной случилось престранное происшествие" 1). И в первой зе главе описывается встреча со стариком Смитом и его смерть.

этому эпизоду предшествуют особые таинственные ощущения. "Поровнявшись с кондитерской миллера, я вдруг остановился как вкопанный и стал смотреть на ту сторону
улицы, как будто предчувствуя, что вот сейчас со мной
случится что-то необыкновенное, и в это-то самое мгновение на противоположной стороне я увидел старика и его
собаку. Я очень хорошо помно, что сердце мое скалось
от какого-то неприятнейшего ощущения..." (стр. 8).
"Я не мистик; в предчувствия и гаданья почти не верю..."
(стр. 8, разрядка наша). Так создается впечатление
необыкновенности, таинственного смысла провиденциальной
встречи со стариком. Успокаивающие оговорки липь усиливают тревогу.

¹⁾ Ф.М.Достоевский, Собр. соч. в 10 томак, т.З. М., 1956, стр. 7. Далее цитаты из романа - с указанием страниц в тексте.

Особую роль играет собака Симта. С первого же вагляда рассказчику пришло в голову, что это "собака необыкновенная; что в ней непременно должно быть что-то бантастическое, заколдованное: что это, может быть, какой-нибуль Мефисторель в собачьем виде и что судьба ее кактил-то тайнственными, неведомыми путями соединена с сульбою ее кознина" (стр. 9). Достоевский сам указывает на первоисточник собаки - символа: это тот черний пудель, который увязался на гулянье в первом акте следом за Фаустом. Однако тамиственная роль старого иса Авории, нак мы повже узнаем, совершенно другая: в нем воплотилась последняя связь Омита с жизнью. Смыси жизни Смита сосредоточился в собаке его умершей дочери. Кроме того, весь эпизод пвух смертей содержит в скрытом виде, в форме намежов. инсценировку застывших языковых метафор. После того. как умер Азорка, умирает и старик Смит - умирает под забором. Омел этой метафоры очень жесток: это собачье одиночество. собачья старость, собачья смерть. Собака вдесь - сульба.

Напомним, что маленькая, озяблая собачонка отмечает появление второго Голядкина в "Двойнике" и что собака с поджатым квостом "провожает на смерть" Свидригайлова в "Преступлении и наказании".

Достоевский подчеркивает исключительный, призрачный карактер события: "Я взглянул ему в лицо, дотронулся до него — он был уже мертвый. Мне казалось, что все это происходит во сне" (стр. 17). Этот тон контрастирует с более спокойным, объективным повествованием о жизни рассказчика и о семье Ихменевых. Трагическая линия сожета строится как «система тайн"; сентиментальная линия не

содержит тайны.

То же самое мрачное нагнетение предчувствий тщательно организует Достоевский и в X главе, перед приходом Нелли. Иван Петрович воображает, что в квартире, занятой им после смерти старика, он каждую ночь будет видеть Сита. В этом месте Лостоевский впервые заговаривает о мистическом ужасе, в который рассказчик впадает с наступлением сумерек. "Это - самая тяжелая, мучительная боязнь чего-то, чего я сам определить не могу, чего-то непостигнемого и несуществующего в порядке вещей, но что непременно, может быть, сию же минуту осуществится, как бы в насмешку всем доводам разума придет ко мне и станет передо мною как неотразимый факт, ужасный, безобразный и неумолимый. Боязнь эта возрастает обыкновенно все сильнее и сильнее, несмотря ни на какие доводы рассидка, так что. наконец. ум. несмотря на то, что приобретает в эти минуты. может быть, еще большую исность, тем не менее лишается всякой возможности противодействовать ощущениям. Его не слушаются, он становится бесполезен, и это раздвоение еще больше усиливает путливую тоску ожидания" (стр. 60). Это описание невроза отличается изумительной четкостью и психологической вер ностью: как бы мы ни называли это состояние души - мистический ужас, метафизическая тоска. беспричинная боязнь, - речь идет, в конечном счете, о страже современного человека перед жизнью, о социально детерминированном неврозе, который Достоевский описывает адесь в мистифицированной форме. Здесь он вступает на свою почву, соприкасается со своим великим призванием -

морально-псикологическим изучением личности в "непонятном" мире. Но вернемся к приходу Нелли.

"... И вдруг в это самое мгновение мне пришло на мисль, что когда я обернусь назад, то непременно увижу Смита..." "Я быстро оглянулся, и что же? - дверь действительно отворялась (...). Я вскрикнул. Долго никто не показывался, как будто дверь отворялась сама собой; вдруг на пороге явилось какое-то странное существо... Холод пробежал по всем моим членам. К величайшему моему укасу, я увидел, что это ребенок, девочка, и если б это был даже сам Смит, то и он бы, может быть, не так испугал меня, как это странное, неожиданное появление незнакомого ребенка в моей комнате в такой час и в такое время". (стр. 60-61).

Остановимся на последних фразах: они алогичны.
Почему маленькая нищенка выглядит "странным существом"?
Почему живой ребенок, пусть даже одетый в лохмотья, окавывается страшнее мертвого старика — живой страшнее
привидения? Этот иррациональный испут рассказчика создает впечатление, что внешность маленькой нищенки необыкновенна, но этого недостаточно, чтобы так напугать
вэрослого человека. Гиперболизированный ужас этого
описания играет пророческую роль — маленькая Нелли как
би отмечена печатью рока. Вспомним тот ужас, какой испытывал князь Мышкин, видя во сне Настасью Филипповну:
его сон оказывается пророческим. Так и в процитированной сцене "Униженных и оскорбленных" с первого же появления Нелли создается леденящее ощущение присутствия рока.

Портрет Нелли дается в романе дважды. "Это была девочка лет двенадцати или тринадцати, маленького роста, худая, бледная, как будто только что встала от жестокой болезни. Тем ярче сверкали ее большие черные глаза.

Одежду на ней можно было вполне назвать рубидем; густые черные волосы были неприглажены и всклочены" (стр.61).

Второй раз портрет Нелли обогащается новыми подробностями. "Маленькая, с сверкающими черными, какими-то верусскими глазами, с густейшими черными всклоченными волосами и с загадочным, немым и упорным взглядом, она могла остановить внимание даже всякого прохожего на улице. Особенно поражал ее взгляд: в нем сверкал ум, а вместе с тем и какая-то инквизиторская недоверчивость и даже подозрительность.... Мне казалось, что она больна в какой-нибудь медленной, упорной и постоянной болезни, постепенно, но неумолимо разрушающей ее организм..... Но вообще, несмотря на все безобразие нищеты и болезни, она была даже недурна собою". (стр. 122-123).

Отметим худобу и бледность этого лица, свержающие черные глаза с загадочным и упорным взглядом, общее выражение недоверчивости и гордости. Но ведь это же почти портрет Настасьи Филипповны, с ее худобой и бледностью, сверкающими темными глазами, "зацумчивым" люм, с выражением лица страстным и "как бы высокомерным". Эта бледность и сверкающие черные глаза в обоих случаях символизируют страстную одержимость одной идеей; в ж этих портретах изображаются нервнобольные. В то же время речь идет не только о болезни, т.к. эта одержимость

идеей является пагубной, фательной. Одержимость идеей первое условие трагической судьбы. Напротив, у Наташи
Ихменевой "голубые ясные глаза" (стр. 85), у Алеши
Валковского - "большие голубые глаза, кроткие и залумчивые" (стр. 51), а Катя - "нежная блондиночка.... с совершенно голубыми глазами" (стр. 247). Портрет и в
особенности цвет глаз приобретают в романе условное значение, становятся своего рода сигналом авторского отношения и общего значения образа: так и в романе "Идиот" у
Рогожина темные, почти черные волосы и серые, огненные
глаза, а князь Мышкин белокур, и глаза у него "большие,
голубые и пристальные". Голубые глаза означают душевную
ясность, черные - роковую страсть, одержимость.

Портрет Нелли дополняется столь же условной, но все те поразительной гиперболой: "Но особенно поразил меня странный стук ее сердца. Оно стучало все сильнее и сильнее, так что, наконец, можно было слышать его за два, за три шага, как в аневризме" (стр. 124). Эта деталь заставляет нас обратиться к трем рассказам Эдгара По, напечатанным в той же первой книжке "Времени" за 1861 год, которая содержала и начальные главы романа "Униженные и оскорбленные". В рассказе "Сердце - обличитель" убийца слышит стук сердца своей жертвы, погребенной им под досками пола. Возможно, что Достоевский бессознательно сохранил в памяти эту потрясающую выдумку американского фантаста, но превратил мнимый стук сердца в реальный. На это предположение наводит и некоторое сходство атмосферы первой главы романа с рассказом По "Чорт в ратуше"

(тоже "Время", 1861, 1). Как и в рассказе Эдгара По, страшное, мистическое в сцене в кондитерской Миллера контрастно сочетается с комическим описанием добродушных бюргеров и упорным пародированием преувеличенного немецкого произношения в их речи. Достоевский прочел эти три рассказа, переведенные Д. Михайловским, еще в 1860 г., в рукописи, и находился в период создания романа под некоторым впечатлением от них. Он предварил их публикацию в курнале "Время" своим предисловием.

Бесспорны и другие литературные влияния, сказавшиеся в образе Нелли. Известно общее влияние на роман Постоевского творчества Эжена Сю: выше уже питировались "Петербургские сновидения в стихах и прозе", где Лостоевский высказал желание превратиться в Эжена Сю, чтобы "описывать петербургские тайны". Он отчасти выполнял это желание в своем романе. Л.П. Гроссман говорит о бливости Нелли к образу Флер-де-Мари из "Парижских тайн" Эжена Со. Еще большее влияние на образ Нелли оказала поурая Нелли - героиня "Лавки древностей" Диккенса. Их сходство многократно отмечалось исследователями. Но маленькая страналина Лостоевского резко отличается от своих запалных сестер: дикая гордость, страстная ненависть к гонителям, недетская сила чувств и неверие в добро проводят отчетливую границу между нею и добрыми, кроткими героинями названных романов Сю и Ликкенса.

Более важным и самым интересным для нас является еще одно распространенное сопоставление: образ Нелли в известной мере подготовлен "Неточкой Незвановой". Неточка тоже рано испытала страдания, страх, одиночество,

блукцания по улицам Летербурга, смерть матери ... Она токе рано задумалась о кизни, начала наблюдать и тонко понимать подей. Дикость, гордость, страстная жажда справедливости - все это мы видим уже в Неточке. Но тем не менее, Неточка и Нелли разделены непроходимой пропастью. Мы узнаем в Нелии знакомые черты, во они страшно изменились. У Неточки есть мечта о счастье. Ее история прерывается накануне ее вступления в большую жизнь, но мы знаем, что Лостоевский котел написать повесть о становлении человеческого карактера, очевидно, историю артистки или певицы. Образ Неточки устремлен к жизни. На образе Нелли лежит печать трагической обреченности, этот образ устремлен к смерти. Дистанция между этими двумя "единокровными" образами в точности соответствует дистанции между Достоевским 1849 года и Достоевским 1861 года. Непли из "Униженных и оскороленных" - это как бы - Неточка Неаванова, прошедшая через Karopry.

После своего сибирского опыта, после первого идейного кризиса Достоевский лишился веры в филантропов. Как
много гуманных людей в "Неточке Незвановой": богатый
помещик, в оркестре которого Ефимов начал свою карьеру,
музыканта, скрипач Б., добрый князь Х-ий, который взял
на воспитание осиротевщую Неточку, гувернантка мадам
Леотар, эксцентричная княжна Катя, несчастная красавица
Александра Михайловна... Неточка не может погибнуть
или ожесточиться среди таких людей. Другой мир открывается в "Униженных и оскорбленных": обман, подлог и подкуп
на каждом шагу, оскорбления и муки детей, предательство

и торг. Здесь тоже есть гуманные люди, но это - сами гонимые, сами униженные и оскорбленные, и они могут подепиться только слезами бессилия. Доброта Алеши Валковского оборачивается гибельной для Наташи бесхарактерностью,
доброта Маслобоева не может устоять перед силой денег,
силой зла. В этом мире уже нет возможности простого
человеческого счастья: если трудолюбие скрипача Б. В
повести 1849 года вознаграждалось признанием и успехом,
то в романе Иван Петрович с горькой иронией вспоминает
свои прежние мечты о славе и житейском благополучии;
чахотка - единственная награда таланта. Изменилось видение мира, появился трагизм, который пока еще сочетается
с сентиментальным гуманизмом "Бедных людей", но уже
выдвигает новую героино - Нелли Смит. Общество в целом
враждебно ей, она чувствует себя одинокой перед миром.

Именно жизнь петербургских трущоб вылепила исключительный характер Нелли. Однообразные дома Васильевского
острова, мокрый Вознесенский проспект, грязные подвалы,
убогие лавчонки — вот та стихия, из которой появляется
этот маленький скорбный призрак, этот черный Ариэль.

Нелли отравлена страданием, ужас этого мира лишил ее
детства. Внутреннее содержание этого образа заставляет
обратиться к истории. По выражению Карла Маркса, "женский и детский труд был первым словом капиталистического
применения машин" 1). Эксплуатация ребенка — один из
первых пунктов критики капитализма в X1X веке, возьмем ли
мы Карла Маркса, Чарлза Диккенса, Виктора Гюго или

^{1) &}quot;Капитал", т. 1, от. 4. гл. 13.

федора Достоевского. Но последнего, как известно, страдания детей поразили с такой силой, что на них он обосновал богоборческий бунт Ивана Карамазова. В образе Неточки Незвановой отсутствует протест против общества, психологический доминантой является мечта. Нелли живет бунтом; при создании образа Достоевский уже сознавал враждебность капиталистического общества человеческой личности, уже начинал свое восхождение к будущей трагедии личности.

Для Нелли главным смыслом жизни является ненависть и еще сохранение права на ненависть. Что это значит? Перенесенные ребенком страдания и тайна рождения, открытая ей матерью, сосредоточили все душевные силы Нелли в ненависти к своему отцу. Чувство это сложно, Нелли несет его как свой моральный долг, она должна ненавидеть князя Валковского и за страдания матери, и за свои страдания. Но эта личная ненависть к одному человеку распространяется на всех людей, на общество в целом. Нелли не верит в доброту людей, она давно поняла, что все хотят денег, что ва все в этом мире нужно платить: либо деньгами, либо унижением. И вот само страдание, унижение становится . фундаментом гордости: если в этом мире побеждают влые, а добрые страдают безвинно, значит страдание есть почетный признак добродетели. В ее детском уме страдание отожествляется с добродетелью. Эта идея уже очень близка к собственным идеям Достоевского в то время. Но страдание Нелли - это не смирение, это страдание озлобленное, питающее бункт. И чтобы не "размагнититься", не расслабиться, не утратить способности выполнять свой долг - ненавидеть, Нелли отказывается от счастья. Этот принципиальный отказ

от счастья по соображениям морального долга последовательно проводится в образе Нелли. Счастье - нечто недостойное
и несовместимое с чистой совестью: таково главное нравственное положение неукротимой маленькой бунтарки. Ради
сохранения права на ненависть необходимо терпеть унижения,
страдания, голод и холод, необходимо быть бедной. Нелли
считает, что она всегда должна быть бедной.

Достоевский столь же последовательно проводит мысль, что Нелли по природе своей добра: "просто бедняжка видела столько горя, что ук не доверяет никому на свете" (стр. 157). "Добренькое, нежное ее сердце выглядывало наружу, несмотря на всю ее нелодимость и видимое ожесточение" (стр. 159). Никакого "врожденного злого начала" нет в этом образе: Достоевский проводит идею детермирующего влияния среды.

Спасенная Иваном Петровичем из когтей притонодержательницы, Нелли из гордости, из чувства долга желает: возвратиться обратно в этот ад страдания: "Я хочу отсюда... Я лучше хочу к ней". Нелли мотивирует это желание следующим образом: "Она все говорит, что я ей должна много денет, что она маменьку на свои деньги похоронила.... Я не хочу, чтобы она бранила маменьку, я хочу у ней работеть и все ей заработаю.... Тогда от нее сама и уйду. А теперь я опять к ней пойду".

- "Она тебя замучает; она тебя погубит", говорит Иван Петрович.
- "-Пусть погубит, пусть мучает (...), не я первая; пругие и лучше меня, да мучаются. Это мне нищая на улипе говорила. Я бедная и хочу быть бедная. Всю жизнь

буду бедная; так мне мать велела, когда умирала. Я работать буду...." (Разрядка нача). И ниже: "Я в работницы ваймусь". (стр. 161).

И далее следует классический пассаж (глава 1% второй части романа), очень карактерный для изобразительной
манеры Достоевского: это знаменитое разрывание нового
платья. Иван Петрович замечает ей, что она испачкала корошенькое платьице (в которое вырядила ее Бубнова,
собираясь продать девочку одному из "клиентов").

"Она осмотрелась и вдруг, к величайшему моему удивлению, отставила чашку, ущипнула обеими руками, повидимому кладнокровно и тихо, кисейное полотнище юбки и одним вамахом разорвала его сверху донизу. Сделав это, она молча подняла на меня свой упорный, сверкающий взгляд. Лицо ее было бледно". (стр. 163). Затем она в прости разрывает платье чуть не в клочки. "Когда она кончила. она была так бледна, что едва стояла на месте: Эта фрава, абсолютно неправильная, но в то же время до предела выразительная, очень карактерна для стиля Достоевского: в ней великоленно отражилось общее волнение, горячий накал приведенной сцены. Мысль в этой фразе динамизирована. предельно ската за счет сокращения, которое восстанавливается мысленно читателем: Нелли была бледна и так ваволнована, что едва стояла на месте. Все это сжимается в одну алогическую фразу, где внешний признак бледность заменяет называние эмоции, возбуждение. Тем самым, фраза чрезвычайно драматизируется, сам рассказчик пишет так, как говорит участник и наблюдатель происшествия, переживая нервное возбужление от происшествия и

булу бедная; так мне мать велека, когда умирала. Я работеть булу...." (Разридка напа). И ниже: "Я в работницы наимусь". (стр. 161).

И далее спедует классический пассаж (глава 1X второй части романа), очень карактерный для изобразительной
манеры Достоевского: это знаменитое разрывание нового
платья. Изан Петрович замечает ей, что она испачкала корошенькое платьице (в которое вырядила ее Бубнова,
собираясь продать девочку одному из "клиентов").

"Она осмотрелась и вдруг, к величайшему моему удивлению, отставила чанку, ушинула обеныи руками, повидимому хладнокровно и тихо, кисейное полотнище юбки и одним вамаком разорвала его сверку донизу. Сделав это, она модча подняла на меня свой упорный, сверкающий взгляд. Лицо ее было бледно", (стр. 163). Затем она в ярости разрывает платье чуть не в клочки. "Когда она кончила. она била так бледна, что едва стояла на месте: Эта фраза, абсолютно неправильная, но в то же время до предела виразительная, очень карактерна для стиля Достоевского: в ней великолению отражилось общее волнение, горячий накал приведенной спени. Мысль в этой фразе динамизирована, предельно ската за счет сокращения, которое восстамавливается мисленно читателем: Нелли была бледна и так взволнована, что едва стояла на месте. Все это сжимается в одну влогическую бразу, где внешний признак бледность веменяет называние эмоции, возбуждение. Тем самым, фраза чрезвичайно праматизируется, сам рассказчик пишет так, как говорит участник и наблюдатель происшествия, переживая нервное возбуждение от происшествия и

передавая впечатление от него в ускоренной, неправильном, "неграмматической" речи. Так посредством авторской речи выражается участие в событии или впечатление от него, так нервный темп действия ускоряет и выразительно деформирует фразу: это в высшей степени характерно для романов Достоевского.

Разрывание платья перерастает размеры детского каприза, становясь своего рода символическим жестом. Нелли
отказывается от всего, что противоречит ее своеобразной
морали. Как поворно носить хорошенькое платьице, надетое на нее Бубновой, так постыдно благополучие, купленное
ценой примирения со элом. В ненависти она находит
наслаждение: "Меня будут бранить, а я буду нарочно молчать. Меня будут бить, а я буду все молчать, все молчать,
пусть бьют, ни за что не заплачу. Им же хуже будет от
влости, что я не плачу". (стр. 180).

Тут мы соприкасаемся с новой стороной в происхождении идеи добровольного страдания, столь важной для морали достоевского. В этой работе уже говорилось об историческом происхождении идеи добровольного страдания. При анализе "Униженных и оскорбленных", а именно образа Нелли, встает вопрос о генетической связи этой идеи с инфантильной психикой. В самом деле, страдание вызывает у нервных детей стремление к провокации наказания. В этом проявлянется детский эгоцентризм, бессознательное стремление ставить себя в центр мира, основанное на сознании родительской любви. Считая себя обиженным, ребенок стремится усугубить причиненное ему страдание, чтобы этим подчеркнуть несправедливость наказания и как бы отомстить

родителям на объекте их люзей - на себе самом. В определенных условиях (неровное обращение родителей с ребенком, чередование ласк и наказаний, наконец, просто резкая смена счастливого, слокойного детства периодом унижений и несчастий) инјантильное стремление к страданию может надолго упрочиться: в нем причина тех многочисленных само-убийств подростков, которые так поражали Достоевского (в одном из выпусков "Дневника писателя" он будет говорить о самоубийстве гимназиста, получившего недостаточную оценку). Возможно, что идея добровольного страдания сложилась у Достоевского не только под влиянием идеологии раскольников, которых он знал в "Мертвом доме", но отчасти и в результате наблюдений детской и юношеской психики: а мы внаем, каким внимательным и тонким наблюдателем был Достоевский...

На это понимание истоков идеи добровольного страдания наводят некоторые места из "Униженных и оскорбленных". Так, в разговоре с Иваном Петровичем Нелли с жаром осуждает старика Ихменева за то, что он не прощает дочь: "Пусть она уйдет от него навсегда и лучше пусть милостыню просит, а он пусть видит, что дочь просит милостыню да мучается" (стр. 179).

Говоря об инфантилизме идеи добровольного страдания, о фиксации детского стремления к наказанию, мы отнодь же следуем учению Фрейда. Ведь и сам Достоевский отчетливо понимал социальную обусловленность этой черты в детской психике. Глава X1 второй части романа заканчивается великолепным, глубоким обобщением, четко формулирующим точку зрения самого Достоевского и напоминающим его тублицистику тех лет: "Это была страшная история ..." ватем, в конце периода: "Это был странный рассказ о тайнственных, даже едва понятных отношениях выжившего из ума старика с его маленькой внучкой, уже понимавшей его, уже понимавшей, несмотря на свое детство, многое из того, по чего не развивается иной в целые годы своей обеспеченной и гладкой жизни (разрядка наша). Мрачная это была история, одна из тех мрачных и мучительных историй. которые так часто и неприметно, почти таинственно, сбываются под тяжелым петербургским небом, в темных, потаенных закоулках огромного города, среди вабалмошного кипения жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересов, угрюмого разврата, сокровенных преступлений, среди всего этого кромещного ада бессмысленной и ненормальной жизни... (стр. 185-186). В этих изумительно ярких словах дана краткая характеристика большого капиталистического города. поражающая и поныне своей точностью. Именно великий город буржуазной эпохи - духовный отец Нелли с ее отчаянием и ненавистью. И не случайно Достоевский сравнивает его с адом, как в "Записках из Мертвого дома" - каторжную баню. Ибо то, чем для него была каторга, есть для Нелли город.

В отличие от кротких героев "Уникенных и оскорбленных" страдание для Нелли не источник смирения, а пища
для ненависти. В припадке ярости она разбивает чашку у
Ивана Петровича; чтобы набрать денег и купить новую
чашку, она тайком убегает из дома и просит милостыно
у прохожих; застав ее за этим занятием, пораженный Иван
Петрович думает (и в этом мы видим анализ самого

достоевского): "Она как будто хотела кого-то изумить или испугать своими подвигами; точно она хвасталась перед кем-то! (...) Да, старик был прав; она оскорблена, рана ее не могла зажить, и она как бы нарочно старалась растравлять свою рану этой таинственностью, этой недоверчивостью ко всем нам; точно она наслаждалась сама своей болью, этим эгоизмом страдания, если так можно выразиться. Это растравление боли и это наслаждение ею было мне понятно: это наслаждение многих обиженных и оскорбленных, пригнетенных судьбою и сознающих в себе ее несправедливость? (стр. 306). И тут же следует знамена тельный вопрос: "Неужели ж она сама про себя находила в этом наслаждение?" Ответ подразумевается утвердительный.

Для Нелли смысл жизни заключается не в счастье, а в ненависти; для сохранения морального права ненавидеть она должна страдать. Страдание — ее наслаждение, conditio si—
пе qua non ее морального комфорта. Нелли носит свою трагедию с собой, как драгоценность, как ладонку с последним письмом матери, спрятанную на груди. Двуединое чувство страдания — ненависти есть основа характера Нелли, и в этом ее коренное отличие от Неточки Незвановой.

Мы можем себе представить, какую бездну отчаяния, стыда и ненависти оставили в Достоевском крепость, расстрел, каторга и казарма. Кое-что проскальзывает в первых послекаторжных письмах, посланных еще из Омска брату михаилу и Н.Д. Тонвизиной, но вообще Достоевский в те годы не любил говорить о своей жизни в Омске, не любил расспросов о своем деле. Нам представляется явным, что он в глубине души ненавидел тех сильных, перед кем был вынужден заискивать из глуши азиатских степей, выпрашивая обицерский чин и помилование. В начале 60-х годов Достоевский
по-прежнему полон был стыда и ненависти. Эта ненависть
была глубоко запрятана, он держался осторожно и скрывал
ее даже от друзей, но она всегда бурно прорывалась в
его суждениях о сытых, самодовольных, преуспевающих.

Страхов вспоминает, что в период "Времени" Достоевский не любил образаться к прошлому, "как будто желая вовсе его откинуть", и если пускался вспоминать, то останавливался на чем-нибудь радостном, как будто квалился т. Он твердо оберегал тайны своей души. "Записки из Мертвого дома" были написаны от первого лица, и в них повествование о личных страданиях ядержанно и скупо; оно ограничивается автором в пользу объективного изображения. Но в "Униженных и оскорбленных" целомудрие оскорбленной души Достоевского впервые оказывается нарушенным. Если в образе Ивана Петровича, который принято считать "отчасти автобиографическим", отразились переживания рядового Достоевского в период его мучительного сибирского романа с М.Д. Исаевой, то в образе Нелли из глубочайших недо души писателя выхлестнул подлинный океан боли и ненависти. Из этого океана, как некогда Мородита из морской пены, рождается новая богиня красотыватравленная ницая девочка, грозный призрак великого города. Страдания Нелли эквивалентны страданиям самого писателя, жизнь париев общества приравнивается к сибирской каторге. Если Флобер имел основания написать в ответ на споры о прототипах его героини: "Мадам Бовари это н", то Достоевский с еще большим правом мог бы заявить: "Нелли -это я". Ибо вопреки ассоциациям с фактами его биограјии

в истории Ивана Петровича, позицию Достоевского в большей мере, чем бескровный рассказчик, выражает зацыхающаяся от отчаяния маленькая эпилептичка.

В "Униженных и оскорбленных" противоречия в мировозарении Достоевского сказались в скрытом виде. Основная, сентиментальная линия сюжета завершается знаменитыми словами Николая Сергеевича Ихменева:

"Она здесь опять, у моего сердца!... о, благодарю тебя, боже, за все, и за гнев твой и за милость твою!... И за солнце твое, которое просияло теперь, после грозы, на нас! За всю эту минуту благодарю! О! пусть мы униженные, пусть мы оскорбленные, но мы опять вместе, и пусть, пусть теперь торжествуют эти гордые и надменные, унизившие и оскорбившие нас! Пусть они бросят в нас камень! Не бойся, Наташа.... Мы пойдем рука в руку, и я скажу им: это моя дорогая, это возлюбленная дочь моя, это безгрешная дочь моя, которую вы оскорбили и унизили, но которую я, я люблю и которую благославляю, во веки веков!" (стр. 356).

Несмотря на театральность этой декларации, она все же захватывает высокой гуменностью и чистотой. Именно этот клич униженных и оскорбленных, по замыслу Достоевского, является ответом на циническое надругательство над человеческой личностью, творимое "гордыми и надменными". Здесь заключена основная идея романа.

Но творческий процесс у Достоевского не протекал рассудочно. Моральное превосходство — утешение слабых, ж великий писатель не мог успокоиться на этом, даже если котел этого. Боль и ненависть автора остались неизлитыми

Твот слышится голос Нелли: "Мамаша, где мамаша?"

... И вдруг страшный, ужасный крик вырвался из ее груди;

судороги пробекали по лицу ее, и она в страшном припадке
упала на пол" (стр. 357). Так заканчивается последняя глава романа - далее следует эпилог. Но это не
эпилог в обычном смысле слова, а подлинный финал. Ибо
кота рациональная идея романа (его поучение, la moralité) выражена в приведенных словах Ихменева, пафос
романа (его субъективная боль) этим не исчерпывается.
Настоящей развязкой становится не примирение, а смерть
Непли в эпилоге.

Нелли должна умереть, она обречена, ведь над семьей Сихтов словно тяготеет проклятие, античный рок: все они умирают жестокой смертью и все непримиренные. Нелли еще ребенок. для нее можно сделать исключение, она угаснет среди любви и цветов. И все же такова сила боли и ненависти в душе бывшего омского каторжника, что он, будто Тспугавшись грустной музыки тихого угасания ребенка, тут же разрушает эту непрочную гармонию пронзительными звуками болевого эффекта: умирающая Нелли видит в бредовых снах свою мать и своего дедушку, старик заставляет ее собирать шля него милостыно на клеб и на табак, бранится. что она утаила один пятак, и бъет ее за этот пятак. "Вот я и подумала теперь, Ваня, что он непременно жив и где-нибудь один ходит и ждет, чтоб я к нему пришла...." (стр. 373). По самой смерти Нелли уверена, что дедушка зовет ее к себе, сердится, что она не приходит, стучит палкою и велит ей идти просить у добрых людей на клеб и на табак. Так она гибнет, уже полубезумная, одержимая

Представление о"жизни вечной" в виде нищенствования по-своему страшнее законченной баньки Свидригайлова. Мы словно присутствуем при рождении мрачного антихристианского имфа: земной ад бедняков продолжается и за гробом, в том состоит бессмертие души. Тайный скентициям Достоевствого выразился в этой куткой фантазии. Это диаметрально противоположно осанке ихменева. Вместо славословия творту - вечный ужас и космическое отчаяние. И Нелли, котя читала евангелие и знает, что Христос завещал прощать врагам своим, все-таки не прощает своего отца и проклинает его перед смертью ("не за себя, а за мамашу проклинает его перед смертью ("не за себя не смертью

Таким образом, роман "Униженные и оскорбленные"

содержит два противоположных ответа на вопрос о моральном
долге страдающей человеческой личности. Бунт Нелли не
только не встречает никакого осуждения, но становится ее
апофеозом, превращается в подвиг ее жизни. Перед ее последней непримиренностью, перед ее трагической смертью
бледнеет и гаснет красота смирения. Именно проклятием
ваканчивается роман. Объективный смысл его в том, что
следует прощать несчастных в их заблуждениях, но что сильвые мира сего да будут вечно прокляты! Рациональныйзамысел взорван глубинными влечениями и страстями писателя, план перевернут, и в коде работы эмпирически сложилось кудолественное решение, разрушающее плоскую дидактическую схему. Тем самым роман был спасен. Достоинство

романа - в его непоследовательности.

Продолжая сопоставление двух скжетных линий "Униженных и оскорбленных", мы прежде всего должны подчеркнуть, что хотя линия Ихменевых восходит к традиции натуральной школы, отнодь не она является носительницей реалистических элементов романа. Большая часть романа представляет собой пример вырождения этой традиции. Но трагическая линия романа, которой Достоевский отдал весь жар своего сердца, представляется при внимательном исследовании весьма богатой и живой. Именно здесь мы усматриваем первые эскизы будущего жанра зрелого Достоевского.

Трагизм второй линии тесно связан с бытовыми, реалистическими картинами жизни Петербурга. Как уже говорилось выше, писатель жил в демократической части столицы и с пристальным вниманием наблюдал жизнь народа. Его интерес и горячее сочувствие к беднякам отразились во всей книге. Столица империи в зловещем, сумрачном свете составляет великолепный фон для трагедии. Когда Ихменев увнает о смерти критика Б., он говорит: "Да и как не умереть! И житье хорошо и место хорошее, смотри!"

"И он быстрым, невольным жестом руки указал мне на туманную перспективу улицы, освещенную слабо мерцающими в сырой мгле фонарями, на грязные дома, на сверкающие от сырости плиты тротуаров, на угрюмых, сердитых и промокших прохожих, на всю эту картину, которую обхватывал черный, как будто залитый тушью, купол петербургского неба. Мы выходили уж на площадь; перед нами во мраке вставал памятник, освещенный снизу газовыми рожками, и еще далее подымалась темная, огромная масса Исакия,

неясно отделявшаяся от мрачного колорита неба" (стр. 56). И тут же следует многозначительная встреча с семилетней певочкой, просящей милостино на тротуаре. Ницие дети в Петербурге тех мет были совершенно заурялным явлением . И все же представляется не случайным, что дрожащий от холода ребенок появляется мменно в конце Вознесенского проспекта, на фоне грозного, мрачного Исакия и нового памятника Николаю 1. поставленного в 1859 году. Ниций ребенок внезапно возникает как некое порождение безжалостного города, и встреча эта символична. Ихменев задрожал от волнения, увидев девочку, и торопливо подал ей две или три серебряные монетки; но этого ему "показалось мало", и он отдает нищенке последнюю рублевую бумажку. В этой сцене цувствуется не только доброта Ихменева, но и его страх перед будущим Наташи: "Не княжеские пети! Много, Ваня, на свете.... не княжеских детей! гм!" В этой трудной фразе Ихменева содержится скрытая мысль старика о том, что и его дочь может стать матерыю "не княжеского" ребенка.

Реалистические картины "петербургских углов" и петербургской нищеты особенно больщую роль играют в линии Нелли. Очень существенно то, что эти картины, при их явном родстве с физиологическими очерками натуральной школы, в то же время существенно отличаются от последних своей сжатостью и экспрессией. "Физиологии" сороковых годов по большей части грешили описательностью: этого нет в "Уникенных и оскорбленных". Наиболее описательна картина концитерской Миллера, но и здесь с физиологизмом контрастно сочетается мрачная поэзия тайны - тайны старика Смита, натурализм взрывается символом и метафорой, сразу же

возникает новое, оригинальное сочетание приемов различных стилей. В дальнейшем введение реалистических картин в трагическую линию романа происходит еще органичнее, еще более необходимо, ибо главным предметом реалистического изображения становится не анекдотически - уютная среда петербургских немцев, а жизнь тайного Петербурга.

В описании "ресторации" Бубновой нет ни одной лишней петали, автор даже как бы щеголяет деловой небрежностью описания. Вся картина вливается в действие. "В окнах разливался яркий свет, и слышался ньяный, раскатистый смех Сизобрюхова". "Отворил дворник и перемигнулся с Митрошкой". -Ай, кто это? - закричала Бубнова, пьяная и растрепанная. стоявшая в крошечной передней со свечою в руках" (стр. 150). Так несколькими точными штрихами передается атмо сфера нелегального притона. Описание его дается в одной фразе: "Маслобоев толкнул двери, и мы очутились в небольшой комнате, в два окна, с геранями, плетеными стульями и с сквернейшими фортепьянами: все, как следовало". "На столе стояли две бутылки теплого шампанского. бутылка скверного рому...." (стр. 151). Пьяный Сизобрюков и "поддельная штаб - офицерка" напротив него дополняют карактеристику притона. В описании дважды повторено слово "скверный". Обстановка убогой роскоши создает комический фон кар тины. Тенденция к комизму несомненна: для совданя необходимого впечатления Достоевский вводит хвастливый рассказ купеческого сынка о том, как они с Карпом Васильичем "в местечке Париже - с, у мадам Жубер-с, англицкую трюму разбили-с". Здесь Достоевский заимствует чрезвычайпопулярные в то время (и вообще для него несвойственные)

приемы речевой характеристики купцов у А. Н. Островского и знаменитого устного рассказчика Горбунова. Рассказ ваканчивается одной из самых известных "находок" Горбунова: "Ты, говорит, мадам Жубер-с, деньги бери, а шправу моему не препятствуй...." (стр. 152).

"В эту минуту страшний, пронзительный крик раздался гле-то за несколькими пверями. (...) Я узнал этот крик; это был голос Елены" (стр. 152). Комическая сцена резко прерывается ужасом гнусного преступления, которое готово было совершиться в этот момент. Эффект контраста комического и страшного действует безотказно, и вся сцена у Бубновой написана с возрастающим динамизмом. Стремительное появление Нелли в белом кисейном платье, совершенно измятом и изорванном, раскрывает страшный смясл происходящего. влесь выразительность и сила изображения допускают сравнение с лучшими страницами врелого Достоевского. Весь этот эпизол отличается ярко выраженным драматическим карактером, он чрезвычайно сценичен. В театральной постановке "Униженных и оскорбленных" сцена в ресторации Бубновой является одной из самых выигрынных. В связи с этим необходимо вкратце остановиться на драматических приемах в романе.

Многократно отмечалось, что Достоевский стремится к уплотнению времени действия, опускает периоды постепенной эволюции, выбирает лишь драматические поворотные моменты. Веатральны многие эпизоды романа: уход Наташи из дома, спасение Нелли из притона, ссора Наташи с князем Валковски, примирение с отцом и т.д. Огромное место в романе ванимает диалог. Но что интереснее - в "Униженных и

оскороленных" начинает драматизироваться сама повествовательная манера Достоевского. Некоторые сцени прямо строятся по принципу "четвертой стены", а рассказчик превращается в драматурга, читающего диалоги главных героев и расставпяющего режиссерские ремарки. Первым это отметил еще
Добролюбов: "Роман представляет нам калейдоскоп происшествий..., и при этом представлении стоит некто, изъясняющий,
что означают и почему выходят такие-то и такие-то веши" 1).

Например, Ш глава третьей части открывается такой ремаркой: "Она встала и начала говорить стоя, не замечая того от волнения. Князь слушал, слушал и тоже встал с места. Вся сцена становилась слишком торжественною" (стр. 207). Наташа и князь встают — это сценический прием выделения главных антагонистов.

Сам тон повествования рассчитан не только на объективное изображение, но и на то, чтобы заразить читателя волнением рассказчика. Исследователями неоднократно отмечались многочисленные усилия, повторения, подчеркивания в явыке "Униженных и оскорбленных". Один из самых известных примеров уже процитирован нами выше: " - где моя мамаша? - вскрикнула она еще раз (...), и вдруг страшный, ужасный крик вырвался из ее груди (...), и она в страшном припадке упала на пол ... " (стр. 357, разрядка наша). Такое нехудожественное нагромождение повторений придает языку рассказчика нерассуждающую, судорожную торопливость. Тем самым, у читателя создается "иллюзия присутствия". Возникает впечатление, что Достоевский сознательно приносит эстетическую правильность языка в жертву драматической выразительности. Выше уже

¹⁾ Н.А. Добролюбов. "Забитые люди", сб. "Достоевский в русской критике", М., 1956, стр. 47.

питировалась "классически неправильная" (раза Достоевского:
"Когда она кончила, она была так бледна, что едва стояла
ва месте" (стр. 163). В ней драматизация речи достигается путем алогического сокращения, как в других случаях путем усилений и нагромождающихся повторений. Несомненно,
прав был Лев Толстой, говоривший Горькому о Достоевском:
"Он писал безобразно и даже нарочно некрасиво...."

Сознательность этих приемов очевидна.

Драматизации повествования служит и прием показа через речь персонажей. Местами выбрасывается даже режиссерская ремарка, и мы видим действия персонажей благодаря тому, что слышим их. Примеров этого можно привести очень много. Маслобоев говорит рассказчику: "Видишь, Ваня, во-первых, сядем на этого извозчика. Так. А во-вторых..." ж т.д. (стр. 149). Маслобоев даже не говорит извозчику, куда нужно ехать: извозчик у Достоевского "сам знает". Таких элементарных ошибок не прощают начинающим авторам, но нельзя не признать, что здесь "ошибка" чрезвычайно линамизирует рассказ, помогает совершенно не прерывать важного диалога и начинает выглядеть как осознанная Условность. Целая небольшая сценка передается без авторстого вмешательства в словах старика Ихменева: "Ну, прошай, Процай, девочка; отворотилась. Слупай, друг мой! Вот еще пять рублей; это девочке". (стр. 177). Мн видим. как старик прощается с Нелли, как она с ненавистью отворачивается и как Ихменев, несмотря на это, дает Ивану Петровичу деньги для нее. Таким образом, действие показы-Вается через речь персонажа. Или, например, в речи

¹⁾ А. М. Горький. Соч., т. Х1У, стр. 264.

князя Валковского показывается реакция Наташи на эту же речь: "Не перебивайте меня, Наталья Николаевна, дайте ине кончить..." (стр. 204). Прием показа действия через речь действующих лиц очень емок и принадлежит, собственно говоря, драматическому жанру.

Нео тъемлемой частью трагической линии романа является реалистический бытовой фон. Фигурам этого фона подчас свойствен устрашающе-уродливый комизм, который приближается к гротеску. Это прежде всего "отвратительно багровая" мадам Бубнова, которая предстает впервые перед читателем, захлебываясь в потоке ругательств по адресу Нелли. Эти ругательства, вверски злобные и в то же время комичные, заключают в себе полный портрет бандерши: "Вот уж два месяца содержу, - кровь она у меня в эти два месяца выпила, белое тело мое поела!" (стр. 128). "За наказание поли мыть ее заставила; что ж бы вы думали: моет! Моет. стерьва, моет! Горячит мое сердие, - моет!" (стр. 129). В этом великолепном и совершенно оригинальном портрете Постоевский добивается слияния комического и устрашающего. их взаимного проникновения. Такие же гротескные черты в описании Маслобоева получает купец Архипов: "бестия, шельма и теперешний товарищ Сизобрюхова. Иуда и Фальстай. все вместе, двукратный банкрот и отвратительно чувственная тварь, с разными вычурами" (стр. 136). Достоевский не забывает и о социальной характеристике "пузана": "что-то вроде купца или управляющего, шлялся и по откупам", "двукратный банкрот", он стал теперь прихлебателем купеческого сынка, прокучивающего отцовское наследство.

МОЖНО С ПОЛНЫМ ОСНОВАНИЕМ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО В "УНИЖЕННЫХ

П ОСКОРОЛЕННЫХ" ДОСТОЕВСКИЙ "ПРОБУЕТ ПЕРО" В ОБЛАСТИ

РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ГРОТЕСКА". В ДАЛЬНЕЙШЕМ ЭТА ЧЕРТА

СТАНЕТ ОДНОЙ ИЗ ГЛАВНЫХ ОФОБЕННОСТЕЙ РЕАЛИЗМА ДОСТОЕВС
КОГО. ТРАГИЧЕСКОЕ В ЕГО РОМАНАХ СТРОИТСЯ НА РЕЗКОМ

ВОНТРАСТЕ СО СМЕШНЫМ, ВОЗВЫШЕННОЕ ВЫРАСТАЕТ ИЗ СЕРОЙ

будничной обстановки, ужасная судьба героя подчеркивает—

ся пошлым и грязным окружением. Рок надевает маску баналь—

ности.

На основе сказанного становится понятной неудача, которая постигла романиста с образом князя Валковского.

Князь — персонификация зла в "Униженных и оскорбленных", к, по-видимому, главное действующее лицо в обеих сюжетных линиях, тот, кто унижает и оскорбляет. Несмотря на это, мы осмеливаемся утверждать, что, по сути дела, князь Валковский парадоксальным образом бездействен на всем протяжении романа.

Прежде всего, общепринятый взгляд, согласно которому князь Валковский завязывает главные конфликты романа, ошибочен. В сентиментальной линии основным конфликтом является борьба двух гордых натур - отца и дочери.

В конјликте Ихменева и Наташи князь Валковский не участвует. Единственное, что он вообще совершает в романе, это визит к Наташе и лицемерное согласие на брак сына. Князь не является даже инициатором последующего разрыва, его вызвала Наташа. Дьявольская интрига князя, имеющая целью привести Алешу к пресыщению и скуке, отнодь не является необходимой. Ведь уже в момент ухода из родного дома Наташа знает, что Алеша увлечен Катей. "Я знаю, что

погибла и других погубила..." (стр. 48). Злосчастный роман Наташи и Алеши заранее обречен. Для чего же понадобилось вводить интригу князя против Наташи? Во-первых, для "торможения" сюжета, а во-вторых, для характеристики князя, образ которого является самоцелью, имеет для автора ценность сам по себе.

Но если князь Валковский не действует в сентиментальной линии сюжета, то, может быть, он является главным виновником трагедии Смитов? Отнюдь нет. Главный виновник в трагической линии - сам старик Смит со своей озлобленной гордостью: недаром его фигура выделена столь мрачным, фантастическим освещением. Но и катастрофа, разрушившая счастье Смита и его дочери, произошла в отпаленном прошлом. В этом случае, как и в истории Ижменевых, князь Валковский действовал до начала изображаемых в книге событий. С Нелли в романе он встречается лишь один раз. Он ровным счетом ничего не предпринимает против нее. Возможно, что если бы она пришла к нему с письмом матери, от отверг бы ее, но в романе этого нет. Против кого направлен ожесточенный и саморазрушительный бунт Нелли? Против Бубновой, против Ихменева, порой даже против Ивана Петровича, против людей вообще: индивидуальный бунт против общества, против бога и созданного им мира. Не то, чтобы Нелли не веровала в бога; верует и новый завет читала, а согласиться с этим порядком не мокет. Страдания ребенка - единственный аргумент неприятия мира: это зерно карамазовского бунта. Социальная несправедливость, все зло мира породили бунт Нелли, а преступный отец - лишь первый объект для ненависти. Не он ее мучил, а жизнь; его вина лишь условна. Ни в конфликте

оща и дочери Ихменевых, ни в неизмеримо важнением конјликте ребенка и мира князь Валковский не участвует.

Перед нами встает вопрос: является ли образ князя солетно необходим:м? Очевидно, нет. Князь Валковский мог бы оставаться за кулисами романа, или вообще мог быть удален в прошлое: все равно, коніликты, завязанняе при его активном участии, составляют лишь предысторию сожета. Для чего Достоевскому понадобилось уделять князю так чного внимания?

Как уже сказано выле, князь Валковский - образ самоцельный, лишенный естественных сожетных функций. Значение его двояко: это социально-политическая декларация и психологическое исследование. Две задачи, которые данном случае не только не совпадают, но прямо противоречат одна другой.

Исследователи не раз отмечали социальную содержательность образа князя и его исихологическую недостоверность. Достоевский вызел в качестве мелодраматического
влодея обедневшего потомка знатного рода, делающего
вовую, буржуваную карьеру. Это была ситуация совершенно
в духе эпохи (см. Ш равдел настоящей глави). Изображая
кищника этом порода, Достоевский косвенным образом выразил свое отношение и к Аллербергам, Барановым, Муравьевым,
"тадною толной" стоявним у трона, и к новым, полнимающимся козяевам русской жизни. Деньги - первая цель
князя Валковского. Алена говорит: "Пынче самый главный
князь - Ротнильс". (стр. 101). Князь Валковский, с
точки зрения его социальной карактеристики, есть реалистическим образ русского "gentilhomme: Lourgeois" т.е.

пворянина, принимающего буржуваный образ жизни.

Достоевский в период создания "Униженных и оскорбденных" накодился под влиянием революционной ситуации,
был увлечен преобладающими демократическими тенденциями
русской литературы. Незадолго до этого Надежда Хвощинская (В. Крестовский - псевдоним) пуслила в обиход в
своем романе "В ожидании лучшего" хлесткое выражение
- "сиятельная сволочь". Именно такую "сиятельную сволочь" и попытался изобразить Достоевский, но в то же
время воспользовался этим образом для развития интересовавшей его проблемы изолированной личности. В те годы
писателя еще не приглашали в великосветские гостиные;
не доводилось ему водить знакожства и с денежными тузами.
Поэтому создание характера князя Валковского неизбежно
превратилось в произвольное конструирование от заданной
ждеи.

В своей попытке создать характер аморального аристократа Достоевский отправлялся от литературных образцов. Нигде разлагающееся дворянство не нашло такого приого отображения, как во французском романе конца и века; при этом мы имеем в виду не только объективное описание (как впоследствии у Бальзака), но и самовыражение (романы маркиза де-Сада). В основу образа князя Валковского положен герой французского эротического романа. Сладострастие — доминанта характера Валковского. Прямой предпественник князя — виконт де Вальмон из прославленного эпистолярного романа Подерло де Лакло "Опасные связи". Впервые на общую л близость некоторых характеров Достоевского творчеству Лакло

указал П. Бициили, говоривший также о "перекличке" отдельных идей и образов Достоевского с романами маркиза де Сада и Ретифа де ла Бретона.

Виконт де Вальмон в "Опасных связях" не просто опытный развратник, а своеобразный артист разврата, находяший наслаждение не в обладании, а в самом процессе обольпения. Ему доставляет удовольствие дурачить весь свет, разыгрывая то добродушного наставника неопытной юности, то пылкого влюбленного, то просто достойного и добродетельного человека. Но в письмах к своей любовнице, излагая свои приключения, виконт де Вальмон цинично обнажается. сбрасывает маску. Его любовница отвечает ему подобной же откровенностью. Вдвоем они смеются над всем миром; они чувствуют себя высшими людьми, помогают друг другу советами, обмениваются циничными мыслями о жизни. Подробное сопоставление французского романа с романом Достоевского не входит в наши задачи. Однако даже при беглом сравнении видно, что одна из ситуаций "Униженных и оскорбленных" восходит к роману Лакло.

Сидя с Иваном Петровичем в ресторане Бореля на Большой Морской, князь Валковский за шампанским рассказывает свою жизнь и в частности - очень любопытный эпизод
" с одной бары ней". Она держалась величественно и
недоступно, славилась своей "грозной добродетелью".
"И что ж? Не было развратницы развратнее этой женщины;
и я имел счастье заслужить вполне ее доверенность.
Одним словом - я был ее тайным и таинственным любовником".
"Барыня моя была сладострастна до того, что сам маркиз
де-Сад мог бы у ней поучиться. Но самое сильное, самое

пронзительное и потрясающее в этом наслаждении - отла его таинственность и наглость обмана. Эта насмешка над всем, о чем грайиня проповедовала в обществе.... и, наконец, этот внутренний дьявольский хохот и сознательное попирание всего, что нельзя попирать, - и все это без пределов, доведенное до самой последней степени (...). - вот в этом-то, главное, и заключалась самая яркая черта этого наслаждения". (стр. 275). Этот цинизм под маской добродетели напоминает маркизу де мертей из романа Лакло, а связь "баркни" с Валковским - отношения маркизы с виконтом де Вальмоном.

Выше говорилось, что деньги - цель деятельности Валковского, но нужно добавить, что деньги его интересуют не как единственное средство самоутверждения в буркуазном мире ("ротшильдовская идея" Аркадия Долгорукого), а деньги ради наслаждений: "В жизни так много еще хорошего. Я люблю значение, чин, отель; огромную ставку в карты (ужасно люблю карты). Но главное, главное женцины. .. и женцины во всех видах; я даже люблю потаенный, темный разврат, постраннее и оригинальнее, даже немножко с грязнотцой для разнообразия..." (стр. 277). Князь Валковский детерминирован не только социально. во и биологически : извращенное сладострастие определяет его карактер. Его жизнерадостный цинизм, если можно так выразиться, или "зверство" (слово Ивана Петровича) весьма напоминает гедонизм французской аристократии накануне 1789 года, нашедший столь яркое выражение в живописи Буше и Трагонара, в романах маркиза де-Сада и Луве де Кувре, в поэзии Парни и в "Эротической библии" Оноре де Мрабо. Это гедонизм разлагающегося класса, безудержное

наслаждение последними минутами золотого века накануне падения Бастилии.

Но Достоевский никогда не был подражателем, он всегпа подвергал переплавке заимствованный материал. Так и в образе князя Валковского аристократический гедонизм осложняется этическими рассуждениями из совершенно иной сферы: в ресторанной исповеди князя слышатся отзвуки современнейших философских споров. Только в 1860 г. вышел "Антропологический принцип в философии" Чернышевского, где вождь революционного движения предпринял смелую попытку революциониаировать идеи английских утилитаристов. "принцип пользы", "принцип эгоизма", "правильно понятый личный интерес" звучали тогда во всех спорах. Хотя шестипесятники стремились наполнить теорию разумного эгоизма общественным, революционным содержанием, они не могли изменить ее буржуазной природы. Достоевский с его обостренной моральной восприимчивостью одним из первых почувствовал метабизический и в своих истоках буржуваный карактер теории разумного эгоизма. В утилитаризме Бентама и Милля центральное положение занимали идеи гедонизма, определение добра через наслаждение, вульгарное понимание счастья как Удовольствия: Бентам сводил нравственность к полезности. ОН СЧИТАЛ. ЧТО МОРАЛЬНОСТЬ ПОСТУПКА МОЖНО ВНЧИСЛИТЬ МАТЕматически как баланс удовольствий и страданий, полученных в результате этого поступка. Эта "моральная арифметика" сочеталась с утверждением, что удовлетворение личного интереса - средство достижения "наибольшего счастья для наибольшего числа людей. "Разум, по Бентаму, есть "принцип пользы, который связан только с интересами сторон".

карл Маркс назвал Ѕентама "гением буржуазной глупости".

Мы берем на себя смелость утверждать, что Черныневсжий в своем жизненном подвиге руководствовался отнюдь не утили тарной теорией. Однако ему не удалось подниться над утопическим уровнем революционной мысли и в своих поисках ипеологической опоры он воспользовался теориями Бентама, обману тый фальшивым блеском их "аль труизма". Достоевский, как и многие романтические критики капитализма, был очень чуток ко всем проявлениям буржуазного мышления; в теории разумного эгоизма Чернышевского он прежде всего уловил ее бентамистское происхождение. Понимание счастья как наслакдения, хотя и осложненное трактовкой наслаждения как борьбы, вплоть до самопожертвования, вызвало в Достоевском резкое несогласие. Однако в первый момент это несогласие проявилось только в осторожной и завуалированной форме: великий писатель вложил карикатурное изложение разумного эгоизма в уста своего отрицательного персонажа, соединив вту теорию с гедонизмом аристократии. Князь Валковский так излагает свое крело:

"Не вздор — это личность, это я сам. Все для меня, и весь мир для меня создан" (стр. 276). "... Я наверное внаю, что в основании всех человеческих добродетелей летит глубочайший эгоизм. И чем добродетельнее дело — тем более тут эгоизма. Люби самого себя — вот одно правило, которое я признаю. Жизнь — коммерческая сделка; даром не бросайте денег, но, пожалуй, платите за угождение (...). Идеалов я не имею и не хочу иметь; тоски по них никогда ве чувствовал. В свете можно так весело, так мило прожить всез идеалов..." (стр. 227).

Все это не разумный эгоизм Чернышевского, а вульгарбуржуазный эгоизм Бентама. Но тут-то и возникает проотворечие в карактере князя Валковского. Вульгарный гедонист. служащий у Достоевского разоблачению буркуазных истовов утилитарной морали ("жизнь - коммерческая сделка"). он в своем поведении и исповеди проявляет элементы противоположной системы мышления - теории свободы воли. Гедонизм т свобода воли принципиально несовместимы: идеалом как Эпикура, так и Бентама была не свобода, а безопасность. Реория разумного эгоизма связана с принципом детерминизма, отрицающего свободу воли. Князь Валковский в своей исповеди кичится своей "самостоятельностью", утверждает, что весь мир создан для него: в этом противопоставлении "себя заключается декларация неограниченной свободы воли, которая для Достоевского означает неприятие мира, GY HT.

Для позднейших "своевольных" героев Достоевского характерно презрение к детерминизму, ненависть к теории "разумного эгоизма", насмешка над благоразумием; они вкспериментируют над собой и другими людьми в целях само-познания, самоутверждения, возвышения над самими собой. Их мало волнуют наслаждения плоти, они почти бесплотны, они живут лишь ядовитым отрицанием мира и с маниакальным упорством осуществляют свою идею, наслаждаясь свободным (по их мнению) волевым актом.

Злобный вызов, демоническое презрение к людям, противопоставление себя всему остальному миру характерны для князя Валковского. Он сам определяет свою ресторанную ченоведь как моральный эксгибиционизм, как вызов: "Есть особое сладострастме в этом внезапном срыве маски, в этом цинизме, с которым человек вдруг высказывается перед другим в таком виде, что даже не удостоивает и постыдиться перед ним". (стр. 273). Следует анекдот о парижском чиновнике, который занимался эксгибиционизмом (не в моральном, а в сексуальном значении слова). Князь в своей исповеди так же "оголяется" перед Иваном Петровичем, как Свидригайлов перед Раскольниковым, как Ставрогин перед Тихоном и как мертвецы в рассказе "Бобок" друг перед другом. Наслаждение жизнью допускает лицемерие, но исключает момент отрицания, вызова, провокации.

Небольшая деталь помогает уяснить генезис образа. Иван Петрович говорит: "Он производил на меня впечатление какого-то гада, какого-то огромного паука, которого мне ужасно котелось раздавить" (стр. 267). Почти эти же слова были написаны Достоевским почти в это же время о совершенно ином, реально существовавшем лице: "Мне многда представлялось, что я вижу перед собою огромного. исполинского паука, с человека величиною". Эти слова содержатся в "Записках из Мертвого дома" и входят в характеристику каторжника Газина, садиста, любившего резать маленьких детей. Именно в связи с такими существами как Газин писатель впервые задумался о существовании врожденного злого начала в человеке, о крайних проявлениях ничем не ограниченного своеволия. Стремясь выравить свое резко враждебное отношение к "сильным мира сего", Достоевский транспонировал до бесчеловечности изуродованную психику садиста на заимствованный лидературный образ французского аристократа. Замысел был более

чем смельм и совершенно в духе Достоевского. Но концы не сошлись; в этой вымышленной, ўантастической исихике князя Валковского писателю не удалось добиться реалистического синтева, и вопиющее противоречие в данном характере придало ему искусственность, бросавшуюся в гназа вызывавшую недоумение читателя.

Добавим к этому, что образ князя Валковского не получил завершения. В последующих романах Достоевского все носители индивидуального бунта кончают сумасшествием или самоубийством, если не умирают сами от неизлечимой болезни. Тем самым, свободная от моральных норм воля показана как саморазрушительная. Ничего подобного нет в образе князя Валковского, который наслаждается жизнью, любит самого себя, полон самодовольства. Здесь еще раз нужно подчеркнуть сюжетную отключенность образа князя.

Итак, грубый гедонизм князя Валковского, его самодовольство, циничное наслаждение жизнью (реальные черты
"сиятельной сволочи") противоречат его отвратительной
озлобленности, садистскому стремлению к издевательской
игре со своими жертвами (реальные черты психологии
"подполья"). Князь Валковский в цепи образов Достоевского
предваряет как Лужина с его животным вариантом разумного
эгоизма, так и подпольного человека с его отчаянием и
венавистью к миру. "Индивидуализм" - термин, обозначающий различные явления. Индивидуализм Лужина есть полное
примирение с обществом, с тепленькой "питательной средой"
буржуазного общества. Индивидуализм подполья - озлобленвый бунт против всякого общества. Первый обозначает
скотскую сытость, самодовольство, наслаждение жизнью и ее

благами; второй - всеохватываю ее отрицание, отчанние, влобу, стремление к самоутверждению путем индетермированного преступного акта, путем циничной бравады. Эти два индивидуализма несовместимы. Последующие романы Достоевского свидетельствуют о том, что он понял свою ошибку.

Первым указал на нее Добролюбов в "Забитых людях".

В образе князя Валковского критик не находил "человеческого лица" и говорил, что читатель не может почувствовать к
нему ни сожаления, ни той "высшей ненависти", которая
направляется " против типа, против известного разряда
явлений". Добролюбов спрашивал: "Как и что сделано
князя таким, как он есть?" Этот вопрос заключал упрек
автору романа, что "паучье" начало в характере князя
не объяснено показом породивших его социальных условий.

Проблема индивидуального бунта против общества нашла трагическое решение в образе Нелли. Гордость, ненависть к обществу, вызов и даже некоторые деспотические черты составляют характер Нелли; бунт ее облекается в особую, саморазрушительную форму — то, что Достоевский навывает "эгоизмом страдания". Характерно, что с начала до конца Нелли вызывает в рассказчике ужас и преклонение, как Настасья тилипповна — в князе мышкине. Антагонизм между Нелли и ее отцом является чисто формальным. Князь Валковский не вызывает ненависти ("высшей ненависти", по словам Добролюбова), потому что сам Достоевский не нашел в себе этого чувства. Социальная заданность образа противоречит авторскому интересу к проблемам индивидуальной морали.

Протест, возмущение и боль за человека причудливо

сочетаются в "Уникенных и оскорбленных" с призывом к смирению, с изображением социального зла как неодолимого все-Выше мы говорили о космическом отчаннии ленского рока. Нелли и ее несогласии с "божьим миром". Нелли гибнет в неравной борьбе с силами зла, и в смерти ее нет просветления. Но вечная непримиримость Нелли поэтизируется автором, составляет основу обаяния образа; раскаяние маленькой героини буквально немыслимо, смирение невозможно. Таким образом, субъективный пайос романа противоречит его примиряющей идее. Их связывает непрочный компромисс, сказавшийся в слабом сплетении двух сюжетных линий Вопреки первоначальному дидактическому замыслу, в трагической линии романа идея непримиримости перевешивает идею всепроцения, бунт составляет основу сюжетного разви-TWA.

Если сентиментальная линия представляет собой деградацию идей и стиля "Бедных людей" и "Белых ночей", то
трагическая линия является прообразом будущей кудожественной манеры Достоевского. Образ Нелли, подготовленный
Неточкой Незвановой, в свою очередь предвещает бунт
Настасьи Тилипповны; социальная обусловленность этого
бунта показана совершенно явно. Образ князя Валковского,
вадуманный как свободное отступление от канонической схемы, имел своих предвественников в творчестве писателя:
господина Быкова из "Бедных людей", таинственного
Петра Александровича из "Неточки Незвановой", в какой-то
мере Фому Опискина из "Села Степанчикова". Лишенный
социальной мотивировки, психологически невозможный,
князь Валковский явился к тому же сюжетно излишним и в

своем качестве фантастического злодея противоречия нарождающейся идее Достоевского о фатальном могуществе мирового
вла и общей виновности всех людей. В этом образе противоречия Достоевского сказались особенно наглядно: социальный
критицизм автора перемежается с заинтересованным углублением в психику изолированного индивида, виступающего в
одиночку против общества. Писатель как бы кочет, но не
может обвинить князя Валковского. Виновность князя Валковского носит условный характер. Главнейшая причина
страданий и унижений героев романа — сама жизнь. Некоторним своими чертами князь Валковский предвосхищает
"Записки из подполья".

В становлении нового жанра романа у Достоевского решающее место принадлежит проблеме индивидуального бунта против общества и проблеме добровольного страдания: бунт добровольное страдание носят взаимообратимый характер сохраняют яркую социальную окрашенность.

Христианское смирение, противопоставляемое бунту, представляется в романе равноценным ему. Достоевскому присуще внутреннее признание моральной равноценности смирения и бунта. Роман не содержит однозначного решения этических проблем.

Социальная позиция Достоевского в "Униженных и оскорбленных" более отчетлива: это обвинение правящих классов в надругательстве над человеческой личностью, в цестокости и эгоизме. Достоевский выступает против революции и, пародийно используя репетиловских Левона и вориньку из "Горя от ума" Грибоедова, рисует устами Алеши Валковского кружок социалистической молодежи ("А еще называют нас утопистами!" - говорит Алеша).

рстоевский показывает их оторванность от жизни, наиввсть, пустословие и честный идеализм; при этом он
всячески подчеркивает их безобидность, что позволяет ему
вразить осторожное сочувствие к ним. Совершенно серьезв, лишены оттенка авторской иронии слова Алеши:

4 восторгаюсь высокими идеями. Пусть они ошибочны, но
основание их свято" (стр. 202). Окончательный приговор
утопистам" выносит умная и добрая Катя, явно служащая
рупором авторских идей: "Слишком торопятся. Но все-таки
они такие искренние и ... умные. Учатся. Это все же
вучше, чем как другие живут" (стр. 260).

В западноевропейском "фельетонном романе" стали каноническими и образ преследуемого ребенка, и тайна помпрометирующего документа, и влодей-аристократ. Социальмя критика имела точный адрес: виновники зла - жестокие богатые люди, им противопоставлены добродетельные герои. порой добрые богачи, порой - "настоящие" аристократы, благородные и гуманные. Такая плоская трактовка социальвой жизни не могла удовлетворить Достоевского. В противовес наивному объяснению социальных бедствий дурными нравысших классов, он развил свое понимание зла как огромного всемирно-исторического явления. Чудовищная тпертрофия мирового зла ведет к тому, что оно начинает метифицироваться, принимать характер вселенского рока. во тот феномен, который Маркс назвал "отчуждением" человеческих способностей и поэже конкретизировал это понятие в суженном объеме, разработав известное положео "товарном фетишизме": стоимость превращает каждый продукт труда в таинственный общественный иероглиф, движение цен внушает товаропроизводителям мистический ужас.

достоевский, естественно, не мог раскрыть тайну товарного регишизма, но острее кого бы то ни было ощущал эту тайну буднично-торгашеской буржуазной эпохи и с величайшей силой изобразил господство этого нового рока над современным ему миром, не теряя однако веры в жизнь и славя впримиримость человека.

Декларация Ихменева в последней главе романа содержит прославление мудрости творца и призыв к смирению. Но еще раз необходимо подчеркнуть, что образ Нелли по своей силе художественной убедительности превосходит все образы романа "Униженные и оскорбленные", превосходит сам роман.

Зло выглядит заключенным в самой природе вещей, как ввечное свойство мира. Оно проникает в людские души кавне, искажая добрую природу человека. Именно так обстоит дело с Нелли. Она не в силах понять страшную мудрость творца. Вместо того чтобы возблагодарить его за меносланное страдание. Нелли узурнирует власть бога. первает сравняться с ним: она стремится удвоить, утроить. увековечить свои бедствия и унижения, чтобы превратить калевательства, голод и побои в повод для отрицания. вперь уже бунт исходит из ее собственной личности, она тамеренно растравляет в себе незаживающее оскорбление. ато стало частью ее души, превратилось в ожесточение. кнививиторскую недоверчивость" к людям, в истерическую выту разрушения и саморазрушения. Внешнее вло врастает вее душу и начинает борьбу с ее природным добром происхождение ее субъективного трагического конра KHKTA.

¹⁾ См. "Капитал", т.1, от.1, гл.1, подраздел "Товарный фетишизм и его тайна".

Бунт Нелли обращается прежде всего против нее самой. само сожжения русских раскольников. Добрая от приропы переживающая свою первую любовь к Ивану Петровичу. непли в условиях жестоких страданий выработала свою тичную мораль, властно подвигающую ее к ненависти и развуленир. Писатель, изображая ее жесты, намодобие разрываплатья, разбивания чашки, подчеркивает деструктивный, варушительный карактер ее протеста. Но это глубоко въевшееся в душу одинокого ребенка мировое зло прежде сего разрушает саму Нелли. Маленькая героиня гибнет того, что ее психика не выдерживает колоссального гапряжения вечного бунта, непомерно высоких требований ее личной морали. Этот бунт самоубийствен. Причем в Ушкенных и оскорбленных" наглядно выступает причинная связь между драгедией личности и трагедией социальной. такор является гибель мелкой буржувани в эпоху развития капитализма. Вот почему "Униженные и оскорбленные" имеют особое вначение для понимания геневиса трагедии внутри османа Лостоевского.

Бунт одинокого героя против мира, против бога, прока фатальной необходимости мирового эла терпит поражение
это неизбежно. Но Достоевский вольно или (скорее)
вольно славит героизм этого бунта, его воображение
сегда ваволновано самим видом вечной непокорности чело-

Понятно, что в таком "великом противостоянии" человета и судьбы Достоевскому должны были мешать, если можно
так выразиться, промежуточные инстанции. Этим объясняется
такт, что в больших романах писателя прямые носители
социального вла (например, Дужин или Тоцкий) играют

невначительную роль. Этим объясняется и то, что князь Велковский как прямой виновник трагедии Нелли выглядит высшей степени неубедительно. Достоевский еще не осмислил сделанное им кудожественное открытие: гиперболивация страдания и на противоположной стороне гиперболизация сил, это страдание вызывающих, создают титаническое цапряжение, своего рода грозовое электрическое поле, в котором возникает разряд не меньшей силы, чем молния. Мотет ли сластолюбивый негодяй вызвать к жизни столь титанический бунт? Достоевский еще не понимал, что эта промежуточная инстанция" лишь мешает видеть картину грозн.

Таким образом, трансформируя художественную схему романа-фельетона, Достоевский превратил тему преследуемого ребенка в тему трагического бунта против мира. Оказагось, что компроме тирующий документ (в данном случае
письмо матери Нелли) для действия не нужен, что традицинный влодей является сюжетно ивлишним и что благородный
герой-спаситель абсолютно бессилен изменить положение.
Для подлинной трагедии все эти образы и темы окавываются
талишними. Новый роман Достоевского в муках рождался из
тредшествующего опыта мировой литературы, и великий писатель шел к нему эмпирически, нащупывая дорогу в сумертах переходного периода. Поэтому трагическая линия

Ушкенных и оскорбленных" оказалась загроможденной ослабшими образами, темами и деталями. В дальнейшем
Достоевский не будет больше повторять этих ошибок.

"Униженные и оскорбленные" объясняют, по нашему почему Достоевский не закончил после каторги

"Неточку Незванову": замысел докаторжной повести, история укслящего ребенка, получила трагическое переосмысление и вашла как важнейшая составная часть в новый роман. Выше узе говорилось, что Нелли - это как бы Неточка, прошедная церев каторгу. Многие исследователи давно отмечали схолство главных отринательных персонажей в повести и в ромеве. говоря, что Петр Александрович из "Неточки Незвановой" - прообраз князя Валковского, которого тоже вовут Петром Александровичем. К этому необходимо добавить, что при порые черты отчима Неточки скрипача Ефимова, его гордость, нетерпимость, озлобленная замкну тость в себе, предваряют сходные черты старика Смита. Наконец, княжкатя в романе "Униженные и оскорбленные" представляется своеобразным вариантом другой княжны Кати - из "Неточнезвановой". Сентиментальная линия "Униженных и сторбленных" прямо продолжает "Белые ночи".

Однако роман 1861 года не является самоповторением.

От всего предшествующего творчества Достоевского он
реако отделяется наличием в нем того начала трагедии.

торое составляет своеобразие врелых романов писателя.
Востельницей этого трагедийного начала является Нелли.

В се бунте заключено верно бунта Настасьи Филипповны.

От маленькой героини в нищенских лохмотьях тянутся нити

дальней вершине — к Ивану Карамавову.

Роман "Униженные и оскорбленные" имел не слишком пагоприятный резонанс в критике. Собственно, положительоценил его только журнал "Современник". В первом же окере его за 1861 год, в своем обзоре нового журнала Время", Чернышевский писал: "Из всех статей, находящихст в первом отделе журнала, самая важная по своему дос"Неточку Незванову": замысел докаторжной повести, история инслящего ребенка, получила трагическое переосмысление и вошла как важнейшая составная часть в новый роман. Выше уте говорилось, что Нелли - это как бы Неточка, прошедшая черев каторгу. Многие исследователи давно отмечали сходство главных отрицательных персонажей в повести и в ромене. говоря, что Петр Александрович из "Неточки Незвановой" - прообраз князя Валковского, которого тоже зовут Петром Александровичем. К этому необходимо добавить, что пекоторые черты отчима Неточки скрипача Ефимова, его гордость, нетернимость, озлобленная замкну тость в себе, предваряют сходные черты старика Смита. Наконец, княжна Катя в романе "Униженные и оскорбленные" представляется своеобразным вариантом другой княжны Кати - из "Неточнезвановой". Сентиментальная линия "Униженных и оскорбленных" прямо продолжает "Белые ночи".

Однако роман 1861 года не является самоповторением. От всего предшествующего творчества Достоевского он ревко отделяется наличием в нем того начала трагедии. В торое составляет своеобразие врелых романов писателя. Носительницей этого трагедийного начала является Нелли. В ее бунте заключено верно бунта Настасьи Филипповны. От маленькой героини в нищенских лохмотьях тянутся нити в дальней вершине — к Ивану Карамазову.

Роман "Униженные и оскорбленные" имел не слишком слегоприятный резонанс в критике. Собственно, положительоценил его только журнал "Современник". В первом же омере его за 1861 год, в своем обзоре нового журнала "Время", Чернышевский писал: "Из всех статей, находящихся в первом отделе журнала, самая важная по своему дос-

тойнству, конечно, роман г. Т. Достоевского "Униженные и оскорбленные". Чернышевский прочел лишь начало романа, в соединении с самим названием и с репутацией автора оно показалось ему достаточным, чтобы выдать такой аванс постоевскому.

После завершения публикации романа ("Время", 1861, тварь - июль) граф Кушелев - Безбородко в № 9 своего урнала "Русское слово" выступил с удивительной рецензией "Униженных и оскорбленных". Он отмечал в романе "нееспотвенность положения.... на каждом шагу", но вожквада Достоевского за его "неподражаемое искусство расскавывать", говоря, что "своеобразный слог" писателя не уступает Гончарову, Тургеневу и Писемскому, т.е. самым этаменитым романистам того времени. "Слог его, - писал **Ушелев** - Безбородко. - кажется простым разговорным спотом..." Далее критик объявлял "Униженных и оскорблен-"превосходным сказочным романом", утверждал, что сопержание романа не соответствует его заглавию, ибо роман не социален. Главный недостаток романа - это то. То в нем нет "ни одного живого лица, ни одного настояцего типа". Мнение графа о характере Нелли убийственное: Нелли, как кажется, нечто вроде подражания Миньоны тете и францувской Сандрильоны, и подражание крайне неу-Давшееся. - эти постоянные припадки утомляют ... " и т.п.

В девятом же номере "Современника" появилась блесздая статья Добролюбова "Забитые люди", сохранившая больчое вначение и в наши дни. Автор статьи объявил роман
костоевского лучшим литературным явлением года. Однако
кратика Добролюбова была нелицеприятной: "тон рассказа

тельно фальшивый", рассказчик - нечто вроде "наперсстаринных трагедий", Алеша - "дряннейший фат". працная козявка", князь Валковский - "собрание злодейст цинических черт", в которых нельзя найти человечеслица. "Во всем романе действующие лица говорят, как они употребляют его любимые слова, его обороты, у такой же склад фразы..." Добролюбов точно отметил пантоналистичность образа Наташи: "Силлогизмы Наташи поравительно верны, как будто она им в семинарии обучалась". Мотами критик даже излишне суров: так, впервые (и совертенно безошибочно) выпеляя повторяющиеся образы различпо произведений Достоевского. Добролюбов заключает из этого о "бедности и неопределенности образов" писателя, о пербходимости повторять самого себя". Наконец. он объявтет роман "ниже эстетической критики". Однако после этого Побролюбов обращается к идеям автора, и тон его статьи именяется.

"В произведениях г.Достоевского мы находим одну общую ирту ... это боль о человеке, который признает себя не в тах или, наконец, даже не вправе быть человеком настояти, полным, самостоятельным... 1). Добролюбов формулирует гуманистическое кредо Достоевского: "Каждый человек илен быть человеком и относиться к другим как человек человеку — вот идеал, сложившийся в душе автора помимо зелких условных и парциальных воззрений..." 2). И первой тугой Достоевского критик признает постановку глубоких социально-психологических вопросов, котя писатель и не

¹⁾ Сборник "Достоевский в русской критике", М., 1956, стр. 58.

Сборник "Достоевский в русской критике", М., 1956, стр. 58.

разрешает их. Доброльбов со свойственным ему изумительвым критическим чутьем отмечает и то качество таланта
востоевского, которое мы в данной работе назвали "болевы эффектом": "Самый тон каждой повести, мрачный, унывый, болезненный, так и вышибает из сердца раздражительвы вопрос, так и подымает в вас какую-то нервную боль.."
(Разрядка наша). Достоевский - замечательный деятель
туманического" направления.

Притик выделяет в произведениях Достоевского два праводей, в которых оскорблено человеческое достоинство: роткий и охесточенный тип. Силою писателя является, что и чрезвычайно метко и ясно положил грань между официальми настроением, между внешностью, форменностью человека, что составляет его внутреннее существо, что скрымется в тайниках его натуры..."

Он сумел "подсмотеть живую дущу в отупевших, одеревешелых чертах своих гроев". По своему обыкновению, Добролюбов переводит спрос о положении забитых, униженных и оскорбленных и отрос о положении забитых, униженных и оскорбленных илей. Где выход из этого положения? Добролюбов пытался понять, что выход — революция, но красные чернила понять, что выход — революция, но красные чернила посказанным.

Особо выделил критик образ Нелли, ее "сильный, горяий карактер", обрисованный "положительно хорошо", и мил несколько скупых похвал характеру старика Ихменева.

Сборник "Достоевский в русской критике", М., 1956, стр. 71-72.

Несмотря на то, что Добролюбов умер до того, как вполне раскрылся гений Достоевского, статья "Забитые годи осталась лучшим произведением русской социальной критки X1X века из всех, посвященных Достоевскому. Именно от нее мы отправлялись при анализе романа "Униженные и оскорбленные".

Статья Добролюбова, а не роман побудила откликнутьсм "Библиотеку для чтения". В этом журнале (1862, РР 1
г 2) бездарный Е.Ф.Зарин опубликовал свой отзыв под
пародийным заглавием "Небывалые люди". Статья многословпа и изобилует нелепостями, но даже сам характер этих
пелепостей очень любопытен. Дело в том, что либеральный
причик причислил Достоевского к представителям революционно-демократической литературы.

... Нам прочитан урок из нравственной философии. под сильным влиянием г. Авдеева". (Sic!). Зарин тыекал на роман Михаила Авдеева "Подводный камень", вапечатанный в 1860 г. в "Современнике" и ратовавший за сободную любовь, чуждую всякой лжи и не допускающую такого насилия. "В намерении нашего романиста было сделаться адвокатом самостоятельности (emancipation) кемпин". - заявляет Зарин. Авторскую симпатию к Наташе врин изображает как проповедь моральной распущенности. говорит, что в России вопрос о правах женщин свели" на ван либертинаж, на развитие лупанарного законоположе-. Критик внушает мысль о том, что автор "Унижених т оскорбленных" принадлежит к глашатаям "дикого пропаганцизма", ко торые мешают успеку здравых понятий тем, ко искажают их, доводят до крайности, отчего консервапо словам Зарина, начинают вопить: "А, вот, дескать, кий суп!" Но ведь именно такие обвинения всегда предъявпялись социалистам и коммунистам... Кажется, доносительская статья Зарина была и первой в критике попыткой
"притянуть" творчество Достоевского к коммунизму!

"Он фельетонный прогресс принял за настоящий", говорит Зарин во второй половине своей статьи. Роман
Достоевского он относит к "легкому роду", известные
корифеи которого изобилуют во французской литературе:
тными словами, к авантюрному роману с гривуазным оттен-

Аполлон Григорьев в одном из писем Страхову очень своеобразно оценил "Униженных и оскорбленных": "Что за смесь удивительной силы чувства и детских нелепостей роман Достоевского!" Беседа рассказчика с князем в ресторане — фальшь, "князь — это просто книжка". Катя Алеша — "детское сочинение", Наташа — "резонерка", о "какая глубина в создании Нелли!". "Вообще, что за мощь всего мечтательного и исключительного и что за тевнание жизни!" Этой эмоциональной характеристике романа нельзя отказать в проницательности.

Несмотря на неблагоприятный (в целом) прием тритики, роман "Униженные и оскорбленные" имел успех у прокой читательской публики. Для нас не вызывает сомнений факт, что отчасти этот успех обусловили выразение Достоевским политические симпатии и антипатии.

То сочувствие к униженным и оскорбленным, его туманиям, защита человеческого достоинства, прославлене бедности, нападки на аристократию, на защитников

оспостного права (образ "дициомата" в гостиво прафиж), косвенное признание права женцива на свободу в люб-- все это не могло не сказаться на успеке романа. ростовский в "Уникенных и оскороленных" лействительно выступал как союзник демократического движения. Несмотря за осторожные, скрытые возражения против этических ваглятов Чернытевского, несмотря на отказ от револьционной борьбы, Достоевский еще не отошел от лагеря "Современыяка" дальне, чем на расстояние протянутой руки. В самом романе мы видим наряду с поэтизацией смирежия - апофеоз петримиримого бунта против ала, нараду с непринтием опривлистических утопий - признаеме их благой основы: Пусть они ошибочны, но основание их свято". Социалисть, по Достоевскому, "слишком торопятся". Лания словаи, реформы Александра преобразят России, как уже говорилось в программе журнала "Время". Но по своему общему онслу роман оказался блике и лагерю револодионных темократов, чем к либеральной партии. Добродобов понял и опенил это: с другой стороны водораздела опенил это ■ Зарин.

Печатание "Униженных и оскорбленных" закончилось
в исле 1861 года, в седьмой книжие курнала "Время".
В это время "Записки из Мертвого дома" все еще протолкали печататься, продираясь сквозь штым цензуры; их
публикация закончилась только в декабре 1862 года. Но
уте задолго до выхода 12-го номера "Времени" большой
успех "Записок" стал несомненным. Эта была перворазрядвая литературно-политическая сенсация, на которой
упрочился успех курнала "Время". Тургенев в конце

1961 года писал Достоевскому из Парижа: "Картина бани просто дантовская..." Поэже в "Былом и думах" Герцена отыв о сибирской книге Достоевского содержал ассоциации с адом Данте и Тресками Микель-Анджело. Известна горячая похвала Д. И. Лисарева "Мертвому дому" в статье "Погибшие и погибающие" (1866). Шелгунов в своих воспоминаниях сообщает современные рассказы о том, что императрица плакала, читая "Записки из мертвого дома". На всех литературных чтениях публика требовала "Мертвый дом" и устраивала Достоевскому восторженные овации.

Соединенный эффект "Униженных и оскорбленных" и "Записок из Мертвого дома" привел к тому, что полузабытый писатель Достоевский не только восстановил свою кавестность и заставил русскую публику перечитывать его рокаторжные произведения, но и приобрел громкую славу туманиста, певца униженных и оскорбленных, мученика передовых убеждений, врага сословного неравенства и политической реакции. И хотя это новое имя Достоевското отнодь не соответствовало его половинчатым публицистическим выступлениям, объективное значение двух его главных произведений этого периода и в особенности мертвого дома" полностью оправдывало такую оценку современников.

Весной 1862 года, уже в период журнальных полемик, редакционной статье "Современника" говорилось: "Самый учший отдел во "Времени" беллетристический и самые чечательные произведения в нем — роман г. Достоевского учиженные и оскорбленные" и "Записки из Мертвого дома",

его же. Роман был уже подробно рассмотрен и оценен в "Современнике", "Записки" же по своеку содержанию возбуждают живейший интерес, дают много пищи уму и чувству; они лучшее украшение "Времени" и самый лучший приговор нашему времени вообще" ("Современник", 1862, 17, стр. 275).

Среди тех легендарных "ста тысяч", которые 1 феврада 1881 года шли за гробом Редора Достоевского, большинстдо коронило автора "Мертвого дома".

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что в период "Униженных и оскорбленных" и "Записок из мертвого дома" Достоевский не ожончательно порвал со овоими докаторжными убеждениями и сохранял близость к демократическому дагерю.

ГЛАВА П.

втерет идейный кризис дестоевского

1.

Годы 1861-1862 в жизни Ф.М.Достоевского были годами сольного литературного и общественного успеха. Сорокалети писатель вновь завоевал признание и славу. Он стояд во наве одного из самых известных журналов того времени, его пружали друзья, и на литературных вечерах его чтение соровождалось овациями публики. Несчастливый в супружестве, и стремится жить полной жизнью, словно хочет убежать от вумолимо наступающего призрака старости.

К 1860 г. относится его увлечение актрисой Александот Ивановной Цуберт. В письме к ней от 3 мая 1860 года мы
таем такие слова: "Самолюбие — корошая вещь; но, по-моему,
го нужно иметь только для главных целей, для того что сам
оставил себе целью и назначением всей жизни. А прочее все
пров. Только бы легко жилось, это главное; да была бы симтакия к лодям, да еще чтоб удалось и от других заслужить
отпатию. Даже и без особенных целей — одно это уже достаточная цель в жизни". 1)

В аль боме Фанни Загуляевой тон его становител более слушевным: "Не старейтесь некогда сердцем и не терийте (что б ни случилось в жизни) ясного взгляда на живнь. Да правствует вечная молодость! Верьте, что она настолько же вышеит от власти времени и живни, насколько и от нашей. 2) Эти прек-

¹⁾ Письма, т.1, стр. 293.

²⁾ Tam ze, crp. 300.

расные слова написаны 23 октября 1360 г., в гостях у дуреатова (бывшего морского ојицера) М.А.Загуляева. Достоевский уветвует себя молодым.

Это же чувство звучит в письме к Полонскому от 31 мол 1861 года, где выражается зависть к поэту, путешествующему то Европе: «Неужели ж теперь не удастся поездить по Европе, гогда еще осталось и сил и жару и поэзии? Неужели придется шеть лет через десять согревать старые кости от ревиатиз-

Полный сил и энергии, молодой сердцем, влюбленный в тонь - таким он предстает во многих своих письмах этого примени. Настроения его в основном устойчивы, но с какого-т монета в них замечается поворот к худшему. Определить этот пункт весьма трудно. Большой интерес в этом отношении пред-тавляет письмо к Александре Карловие Каломейчевой, своячение его давнего приятеля писателя Порецкого, написанное овтуста 1861 года. В период создания "Унижетных и оскоро онных" Достоевский запоздал ответить на некоторые письма, в письме к А.К.Каломейчевой мы находим следующие оправ-

"Разумеется, время всегда было - и при самых срочных синтиях; но я человек больной, нервный. Когда пилу что - будь, то даже думаю об этом и когда обедаю, и когда спло. когда с кем-нибудь разгозариваю". Здесь содержится сви- сельство о страстной увлеченности Достоевского работой, большом творческом напряжении - и в то же время признание водей болезии. То сочетание не случайно: напряженная умст-

¹⁾ Письма, т. 1, стр. 302.

венная работа способствует обострению эпилепсии.

рый он делает свеей корроспондентке: «Мие, знаете ли, что повравилось? Что в письме вачем проглядывает какая то доседе, колчь, когда вы упоминаете о капинском обществе. Стало быть, вы не можете смотреть равнодучной наблюдательницей на веворыальное и уродливое".

Из письма явствует, что писатель весь поглощен литературной жизнью столичн. "Петербург страшно тосклив и скутен, но все-таки в нем теперь все, что живет у нас совнавольно". «В Петербурге самое интересное во всех отношениях тремя - осень, особенно если не очень ненастна. Ссенью замает новая жизнь на весь год, начинаются новые предприяприезжают новые люди, являются новые литературные провыедения". Он советует Каломейцевой присхать на эмму в стербург. В том же письме - глухое упоминение о плохом востроении Достоевского во время совместной поездки с Поосикими из Петербурга в Москву по железной дороге (ионь 1861 года): "Вы спрашиваете: прошла ли моя тоска. Ей-богу. нет и если б не работа, то я бы заболел от уныния". 1) веко в тоне письма нет уныния: скорее в нем чувствуется вервная торопливость, озабоченность, и шутливый тон письма •маннэжеспви вотоко

Противоречивый облик писателя возникает перед нами поверхностных и слабых по форме мемуарах Петра Быкова, торые не вошли в двухтомими "Достоевский в воспоминаниях современников" (1964 г.). Изображение Достоевского в мему-

Tam me, crp. 304-305.

зрах Быкова довольно месловно, но содержит жобспытные дезали. В 1861 г. молодой Петр Быков пришел в редакцию "Зречени" в переводным рассказем:

«И, наконен, я увидел его. Немного выше среднего роста, он смотрел старше своих сорока лет, шел сгорбившись и
всегда вперевалку... Глаза его быстро перебегали от одного
тща к другому. Толстая, мрачная складка легла у него между
бровей, густых, взъерошенных; губы как-то нервно подергиватсь. Бегающие глаза его остановились вдруг на мне. Я с больти трудом мог выносить его испытующий, можно сказать пронинасощий насквозь взгляд, от которого становилось неловко,
тех как будто жутко.

- Это что? спросил меня отрывието Достоевский. Статья? Рассказ?.. Не надо ... Не надо... Довольно... У нас
 - Я принес на ваше усмотрение перевод ... (...)
- Находка! Зачем нам? Даром время потеряли, ответил, пожимая плечами, Достоевский и круто ствернулся от меня.

В это время Разин, обещавший придти мне на подмоту, побмал писателя и что-то горячо стал ему доказывать. Достоевний вернулся ко мне, снова пронезил меня испытующим вагляном, ваял рукопись из моих дрожащих рук, погладил меня по голове, к великому моему изумлению и конјузу, и бросил на колу:

- Придите через два дня.

Я занес в малейших подробностях описание и впечетлеэтой первой встречи моей с внаменитым писателем в мой двевник".1)

Этот удивительный рассказ представляется нам правдивым. Верны детали: острый, пронизывающий взгляд, пројесспональная сутулость писателя, нервный тик в лице... Обо
всем этом говорят и другие современники Достоевского. Сочетание резкости с сентиментальным жестом, столь смутившим
выкова, совершенно соответствует эпилептическому характеру.
Сем жест говорит о влиянии успеха на характер Достоевского,
в том, что он как и пятнадцать нет назад, начал «возноситьсм" над окружающими.

Особенно ценно признаиме, сделанное Достоевским Быконуми, к сожалению, не датированное мемуаристом: «Я много
страдал, страдаю и теперь от падучей, от самых близких ко
шне и от неудовлетворянности жизнью... 2) С большой вероитностью этот разговор можно отнести к первой половине 1862
года, когда эпилепсия Достоевского в связи с напряженной
работой особенно усилилась, о чем рассказано им самим в
письме к брату Андрес от 6 моня 1862 года. «Самые близкие"
это, несомненно, мария Дмитриевна, болезнь которой неотвратимо приближалась к роковому исходу и жизнь с которой

Таким сбразом, душевное состояние писателя на протятении 1860 - 1862 годов заметно изменяется. Радость свободы тивни в столице, опъянение успехом постепенно уступают често неудовлетворенности, тоске, усталости. Падучая угнезала Достоевского. Но перемены в его душе далеко не объяс-

¹⁾ П.В. Быков, «Силуэты далекого прошлого», М.-Л., 1930, стр. 52.

²⁾ Tam me, crp. 53.

рартся усилением его эпиленски или резвитием туберкулезното процесса в легких его жены. Видимо, серьезную роль уже
вечинают играть материальные заботы: он, как всегда, не
умеет устраивать своих денежных дел. Право отдельного издавия "Униженных и оскорбленных" было предано Достоевским летом 1361 года за тысячу рублей, а 16 ионя того же года он
выдеет некоей Помяновской вексель на 600 рублей - насколько
ин можем судить, первый вексель по возвращении в Петербург,
в январе 1862 г. издатель Базувов купил "Записки из Мертвото дома" за 3.500 рублей, что упрочило материальное положете Достоевского.

Не могло не вызывать неудовлетворенности писателя расудее сознание тупика. Бесплодность "срединной позиции стасвилась очевидной. Жизнь влияла на него, заставляя выбирать
слее определенный путь: с одной стороны, методичный нахим
страхова и будирование Аполлона Григорьева, с другой - перси, но весьма резкая атака Антоновича в декабрьской книже
современника за 1861 год. Кроме того, сомнительный успех
лиженных и оскорбленных заставлял Достоевского вадумыаться нед свеим творчеством. В этом романе писатель пыталса подчинить свой талант предваятой схеме, чтобы устоять на
гровне требований исторического момента. Однако социальный
типиам в его прямой, так сказать "наивной" форме оказывалчукд новому неправлению его таланта, сковывал развитие
парования.

Рестущея неудовлетворенность жизнью вела к несогласию. протесту. В одном из писем этого периода мы находим похвалу сордости. Речь идет о выпеупомянутом письме к Андрею Достосвекому от 6 ионя 1862 г., где говоритея о Голеновском, мумо Александры Михайловин, инси кторе классов в Павловском
выдетском училище: "Голеновский вышел в отставку из благородвой гордости, не могши снести несправедливостей начальника,
отпьюто человека, желавшего определить на его место своего
родственика. Саша первая оправдывает мужа, да и мы все".1)

Протест, нашедший выражение в прославлении бунта Нелли, тоходит из самых сокровенных глубин дучи Достоевского. В коше П части "Униженных и оскорбленных" говорится о "кроменной аде бессмысленной и ненормальной жизни"; в цитированной выте письме к А.К.Каломейцевой Достоевский хвалил ее за но она не может равнодучно наблюдать "ненормальное и редливое", хвалит ее за "досаду и желчь". В сопоставлении этим похвала гордости, которую он возносит в письме к браменром, становится знаменательной для оценки авторской разним в "Униженных и оскорбленных". В своей личной жизни в "Униженных и оскорбленных". В своей личной жизни в сатель весьма далек от финального смирения Ихменева.

Первая половина 1862 года в жизни Достоевского, как живни Петербурга, ознаменовалась рядом событий первостепенного значения, на которых необходимо остановиться подобыва.

Прежде всего — это участие Достоевского в двух литевкурных вечерах. Февральский вечер в пользу воскресных школ
рошел обычно. Зато вечер у Руадзе 2 марта 1862 года вошел
сторию. Хотя по всей стране волна крестьянских восстаний
тла на спад, многие показания позволяют думать, что для
отербурга литературно = музыкальный вечер 2 марта

¹⁾ Tam me, crp. 308.

1862 г. явился кульминационной точкой революционной силуати, кек об этом, например, говорит Сграхов в своих "Воспо-

Он был опранизован Емколаем Тибленом и Александром прис-Соловьевичем. Бывший севастопольский обицер Тиблен медел типографией, издавал (и стчасти переводил) сочинеспенсера, и его подозревали в сношениях с Герценом. По воем издательским делам он был коротко знаком с братьями остоевскими. Пелгунов в своих воспоминаниях называет Тибподставным распорядителем". Душою дела, вне всякого пения, был Александо Серно-Соловьевич, один из создатетайного общества "Земля и воля", которое образовалось 1861 году. В афишах было напечатено, что вечер устраиваеттературным фондом в пользу учащихся: из чистой прибыли 2000 рублей были переданы Александру Пыпину якобы для размежду нуждающимися студентами, а на деле эти деньги перетии в руки Чернышевского для передачи первым жертвам мчавшейся реакции - поэту М.Л.Михайлову и отицеру В.А.Со-Meny.

В программе вечера блистали имена Антона Рубинитейна, замечательного польского скрипача Венявского. перетурная часть программы была не менее блистательна: верасов, ч ернышевский, Василий Курочкин, бедор Достоевский сторик Павлов. Вечер и был задуман, и выглядел как своеменая манифестация прогрессивной и прямо революционной пеляигенции столицы. Сам факт участия Достоевского в этом верестации имеет ог омное значение, ксторое нередко в

им питературе игнорируется или педооценивается.

Пля проведения вечера выбрали огромный зал Руалзе. модный в го время. Сода 2 марта собралось более тысячеловек: студенты, литераторы, ученые, моряки, военные, из высшего общества и из "средних классов"; по некотосвидетельствам, особенно бросалась в глаза довольно больгруппа офицеров генерального штаба - коллег недавно врепоменного Обручева. Возможно, довольно большое число великополеких дам и господ явилось причиной неполного успеха Черпевского, выступившего с воспоминаниями о покойном Добромове: многих шокировало то, что знаменитый публицист "Совменника" непринужденно держался у кафедры, импровизировал без всякого писаного текста и "даже" играл цепочкой карманчесов. К тому же, вопреки обыкновению литературных веоров, он был одет не во фрак, в в пиджак и (вопиющее наруприличий!) цветной галстук. Петербургские снобы не чога этого перенести. Но в то же время редактор "Искры" трочкин, читавший свои новые переводы из Беранже, имел на вере огромный успех. Ссобенный восторг вызвало знаменитое потворение "Господин Искариотов"; оно сопровождалось прижеми и неистовыми рукоплесканиями. Но главным героем вепра неожиланно стал Платон Васильевич Павлов, профессор усской истории, известный либерал.

Етс речь была посвящена тысячелетию России, которое исчалось в 1862 году. Собственно, Павлов читал журнальную тетью, довволенную ценвурой, но при чтении он акцентировал горые моменты, порой жестом руки подчеркивал главную мыслы по донесению агента Ш отделения) читал «собенным, востор-

нестьханная ования; наэлектризованная публика, увидевчая его речи откратую революционную декларацию, вновь и вновь пребовала Павлова. Сн вычел из-за кулис, поднял руку, дождалистивным и возбужденным тоном произгес... цитату из писания: преотий ути слычать, да слычит!" Это было единственное доменение к процензурованному тексту; через три дня Павлова сосками в Ветлугу. 1)

Достоевский читал на вечере отрывок из "Мертвого дома". Поблике приняла его очень тепло. Впоследствии в "Бесах" он вресовал карикатурный портрет Павлова и воспроизвел в паросовом искалении его речь. Однако нет оснований думать, что тогда она вызвала у него эту злобную насмешку. Между верои у Руадзе и "Бесами" пролегает целая пропасть.

В впреле 1862 г. "Современник" публикует вторую статью просовиче против журнеле "Время". В то же время в апрельской жие "Времени" выступает М. Е. Салтыков-Шедрин, как ссенью выступал Бекрасов: между двумя журналами тянется ранная полемика, в которой пока участвуют лишь два застрельна — Стрехов и Антонович.

май 1862 г. явился месяцем необыжновенных событий. В

О вечере у Руадзе существует довольно соширная литература: Н. Барсуков, «Ямань и труды Погодина", СПб, 1338-1910, томе XIX; Г.М. Костомаров, «Автобиография", М. 1922; Лемке, «Очерки освободительного движений", СПб, 1890; воспомивания Шелгунова, Пантелеева, Страхова, Боборькива и др. Речь Павлова публиковалась князем Долгоруковым в «Правдивом" (1862, № 3), Богучарским в «Материалах по истории революционного движемя 1860-х годов" (Париж, 1965) и Лемке.

положива вокруг "Стиов и детей". В известной статье "Асмона нашего времени" Антонович поверхностно осудил роман,
облавив образ Базарова карикатурой на революционера; "Искра"
торила старшему собрату и осыпала Тургенева насмешками;
псерев считал, что Базаров - образ правдивый и написанный
уважением; "Время" в лице Страхова приближалось к оценке,
оторую давал Базарову сам автор романа. "Стцы и дети" были
зсех на устах, в них Тургенев достиг своего крупнейшего
инска. Сн ввел в обиход малоупотребительное слово "нигилизм",
оторым немедленно воспользовалась реакционная пресса.

Посетив редакцию "Времени", Тургенев пригласил братьев сетоевских и Страмова к себе на обед, в гостиницу Клея. Обычно, он занимал гостей блестящей беседой. Си картинописьвал, как относятся иностранцы к живущим за границей усским, как обманывают и обирают их. В это время Ф.М.Достовский сам собирался в свою первую заграничную поездку...

В Петербурге было тревожно. Догорала заря посвободительной эры", крестьянские бунты показали всю полноту народоб аблагодарности". Михайлов был уже в Сибири, росло числе тельнов, правительство готовилось к репрессиям против демок-

16 мая 1862 года, в сухую и ветреную погоду, которая солла весь месяц, в Петербурге начались небывало опустошитыные пожеры, длившиеся с некоторыми перерывами в течение недель и посеявшие панику среди обывателей. Тотчас воветсяхи о поджигателях.

18 мая появилась прокламация Замчневского "Молодая

сил" - призъв и социалистической революции. Черниево и в бил причестен и выпуску проиламации, счел ее прежде-вреченой и даже отказался принять присланные ему экземпляры. Смор Михайлович Достоевский нашел на ручке дверного замка поей квартиры один экземпляр проиламации. Кругом уже подшлся подлинный вой: решительные призывы проиламации и тотрем немедленно были связаны с общим мнением о поджигатетрудно объяснить совпадением случайностей: их частота и пребительность остались необъяснимыми. Среди невежествени массы мгновенно распространилось убеждение, что поджитрудноми, студенты и нигилисты. Возможно, что Достоевский находился отчасти под впечатлением этих слухов, когда от-

Оба писателя оставили совершенно различные свидетельстов об этом визите. Достоевский рассказывает, что явился к римпевскому по поводу прокламации; вождь демократов назычет предметом разговора сами пожары. Как бы то им было, оппедает одно: Достоевский просил своего собеседника повымы на крайнее крыло революционного движения, чтобы ументь вывывающий тон экстремистов и предотвратить террористиские выступления (к каковым, в прямом значении слова, можению было бы отнести и поджоги). По словам Достоевского, он отда сказал Чернышевскому, что евторы этой прокламации том и всему вредят", т.е. вредят самому делу прогресса. опреждевременной, т.е. вредной для дела революции. С разиточек врения собеседники относились к прокламации отришельно.

Рассказы обоих писателей совпадают еще в одной гомавывой детали: неожиденный посетитель был очень радушно
стречев Черныпевским, оба они проявили симпатию и дружесрасположение друг к другу. Утверждение Черныпевского,
вые была его первая встреча с Достоевским и что он увнал
выв по портретам, свидетельствует о некоторой забывчина ва два с половиной месяца до этого оба они участвов вечере у Руадае. Видимо, воспоминания Достоевского
вывых писателя" за 1373 год, глава «Бечто личное") бо-

между тем, пожары через несколько дней забушевали с силой. В страшные дни 22 и 23 мая выгорели Большая мака Скта и огромное количество домов в Ямской улице; ная Петербург горел в пяти местах. Тысячи людей остались крова, убытки были очень велики, тревога и озлобление россого люда достигли, казалось, апогея. Прошло четыре дня предыжки, и настало воскресенье 27 мая — по церковному канаро Дуков день. В этот день петербургское купечество, казалось на традиционное гуляные в Летний сад: обы нарад невест и выставка богатства. В разгар гуляныя рыдался крик: "Апраксин двор горит!" Началась паника.

Торговый Апрексин двор занимал 2.000 квадратных самежду Тонтанкой и Больной Садовой улицей; он был тесвастроен тысячами деревянных лавок. Дул сильный ветер;
теперь уж горел не мелкий служилый лод, не беднота окраин,
ветер летели купеческие миллионы. Гуляющие бросились вон
датнего сада; в поднявшейся невообразимой давке лодей
теали с ног, тонтали, били; воры, пользуясь суматохой,

зами с женщий ковровые платки и жемчужные ожерелья, вымали серьги из ущей купчих. Со всей столицы народ бежал второну Невского, скакали пожарные, поднимая облака пыли, огромная туча дыма висела нед самым центром города.

На следующий день 28 мая ножер усилился и распрострася. Полностью сгорел Апраксин двор, затем Пукин двор,
седний с Апраксиным; ветер дул так, что переносил горяголовни через Тонтанку. Парод на улицах ловил и избине подхигателей": всем было совершенно точно известны
саки" такого рода, как поимка в том или ином месте пересетого поляка, или студента, или хорошо одетого барина с
сречей мазью в кармане. В эти три дня 28-30 мая пожер досеция до министерства внутренних дел. Столица империи горев как горели среди лета русские деревни; с 1812 года евресекий мир не видывал такого огненного разгула. "Трудно
побразить себе весь ужас этого дня", — вспоминал впоследст
л.Ф.Пантелеев.

"Пожеры наводили ужас, который трудно описать, — говоры Страхов. — Помню, мы вместе с Тедором Михайловичем отправились для развлечения куда-то на загородное гулянье. щели, с парохода, видны были клубы дыма, в трех или черех местах подымавимеся над городом. Мы приехали в какойсад, где играла музыка и пели пытане. Но, как мы ни ста-

Небывалое бедствие заняло сразу же всю русскую прессу.

В-Страков. "Воспоминания о Т.М.Лостоевском", 1883. стр. 239.— См. также о пожарах Л.Ф.Пантелеев. "Ив воспоминений предлего", воспоминания Н.А.Лейкина, Андотъя Панаевой, П.В. Пелгунова и мн. др.

вопрос о поджигателях стоял одним из первых. 30 мая в поеверной пчеце" появилась передовая статья, которую, как векоре всем стало известно, написал 1.С.Лесков. В статье пожары
объяснялись подхогами. «В народе, - писал Лесков, - указывют и на сорт людей, к которому будто бы припадлежат подхигатели, и общественная нанависть к людям этого сорта растет
веимоверной быстротой". Сн предлагал организовать в помощь
полиции добровольные дружины для борьбы с поджигателями.
Эта статья, явившанся причиной общественной гибели Лескова,
ваставила русскую журналистику чиско определить свое отношенее к событиям. Реакционные органы печати поддержали обыватольскую клевету на нигилистов; передовые журналы стремились
спровергнуть ее, но цензура закрывала им рот.

В начале моня цензура запретила подряд две статьи Времени" о пожерах. Авторство одной из них приписывалось постоевскому, однеко для этого взгляда нет никаких оновета, как убедительно показали редакторы гизовского издания сочинений Достоевского Б. Томашевский и К. Халабаев. Тем не нее, они считают, что статья "Пожары и вадигатели" характерна для позиции журнала "Время" в вопросе о пожарах и прокламациях и соответствует высказываниям Достоевского по подобным вопросам. "Но доказано ли, — вопрошал неизвестный нам изтор вапрещенный статьи, — что люди, произведящие подхоги, — связи с "Молодой Россией"... доказано ли и и это самое главное — то особенно важное обстоятельство, что настоящее вете молодое поколение и именно студенты солидарны с "Молодой Россией"? Даже если статья не принадлежала перу Достоевского, он как фактический редактор журнала не мог не разде-

положений статьи: таково мнение Томешевского и Халаовевачит, Достоевский не верил в то, что в помарах виновастуденты или вообще "молодое поколение" - нигилисты.

реш он допускал связь между прокламацией и помарами, то как
теме проблематичную - и тут же отделял авторов прокламаот всего демократического движения (что, в сущности сотемтеровало реальному положению вещей). Петербургские по-

Хотя причина этих пожеров осталась тайной, правительтер с такой быстротой и яростых использовало их как повод
на репрессий, что некоторыми историками была выдвинута вер(бездоказательная, как и все остальные) о провокационном
врактере пожеров, которые якобы зажигались правительственагентами. Доказательств этого нет, как нет доказательтого, что Рим поджег Нерон. Уже 31 мая на Мытной площасостоялась гражданская казнь В. А. Обручева, осужденного
до пожеров за распространение "Великорусса". Навначая
церемению в момент, когда не остыл еще пепел Толкучего
наз, правительство как бы косвенно указывало на революциовра как на одного из поджигателей. Когда над головой Обрув домали штагу и читали ему приговор с тремя годами кати и последующим вечным поселением в Сибири, разъяренная
в требовала смерти «преступника".

В Воссии наступила полоса реакции. В моне были закрывоскресные школы, женский пансион в Вильно, народные чиматный клуб и второе отделение Литературного фонисторое ведало помощью нуждающимся студентам и сиграло стур роль в организации вечера 2 марта. Студент Баллод с по окарманной типограјмей" был арестован 18 ионд, и среди ро бумаг начли прокламацию Писарева с привывом к революции. Приналы "Современник" и "Русское слово" были приостановлены восемь месяцев. Такую же меру князь Голинын, председатель педственной комиссии по делу о прокламациях, предлагал притъв и к журналу "Время". На всеподданейшем докладе Голина от 10 июня 1862 г. "О статье литератора Достоевского", содержалось жто предложение, Александр П. извелил собстверучно начертать резолюцию: "ссгласен". И котя "Время" пра не было закрыто, эта история предопределила судьбу урвала и его закрытие в 1863 г. Таково мнение Томашевского, слабаева, Гроссмана, которое представляется нам бесспорным.

З июля был арестован Писарев, 7 июля — Н. А. Серно-Солозневич и Чернышевский. Наступила эпоха реакции, массового чества из рядов демократического движения и прямого ренечества. «Местидесятые годы" как период русского освободичества. В 1866 году выстрат Караковова, диктатура Муравьева и окончетельное закрытие современника" завершили этот тягостный спад.

В момент нечавшихся репрессий Лостоевского уже не было России. Он выехал за границу 7 ионя 1862 года. Поводом для поевдки явилось обострение его болезни, о чем уже говорилось ште (в его записной книжке зарегистрирован, например, сильпримедок под 1 = ым апреля 1862 г.). Однако подлинной пришей путешествия было давнее стремление писателя к знакомстру с Европой. Поездка, очевидно, стала возможной благодаря повтракту с Вазуновым (продажа «Записок из Мертвого дома").

Первое путечествие в Европу и сливкое неслодение буружной цивилизации в пору ее "цветения" сыграли огромную в становлении мировозарения Достоевского. Результатом гого путешествия явились "Зимние заметки о летних впечат-

Итак, Достоевский отправился в свое первое заграничное путенествие. Сбывалась его давняя мещта. Путь через Гернано в Париж занял, по-видимому, немного более недели. 26 швя 1862 г. он пишет из Парижа Страхову очень интересное письмо (к сожалению, единственное, оставшееся от этого путенествия). Он уже рвется душой обратно в Россию, где столько не сделано и не скезано".1)

Достоевский предлагает Страхову, также выезжающему в вледную Европу, встретиться с ним в Меневе. Тут же следует режая характеристика французов, которая уже заключает в сое верно знаменитого "Спыта о буржуа": "Транцуз тих, чества вежлив, но фальшив, и деньги у него все. Идеала никатого. Не только убеждений, но даже размышлений не спращивате". В Париже Достоевский испытывал тяжелое ощущение приночества. "Чувствуеть, что как то отвязался от почвы и предна от несущной, родной канители; от текущих собственных вопросов". И тем не менее, письмо веселое, порой таквое: "Увидим Неаполь, пройдемся по Риму, чего доброго принаскаем молодую венецианку в гондоле (а. Риколай Гиколатий). Но ... «ничего, ничего, молчанье!", как говорит в том же самом случае Поприщин". 2)

Письма, т.1, стр. 310.

Тем же, стр. 311.

На пругой негь после инписатия этого письма Лостоеввыехал из Нарижа в Лондон, где провел ровно нележь. полица могучей Еританской империи, еще восходившей тогла своему расцвету, поразила писателя своим суровым и безжаветным величием. Лондон викторианской эры србирал обильную со всего мира и в полном соответствии с гордым британгимном правил морями". За несколько лет до приезда потоевского в Лондон империя подавила восстание сипаевыв вини. В результате спиумных войн все глубже проникала в тай. В 1862 году в Лондоне происходила Всемирная выставка, тантская демонстрания достижений буржуваной цивилизации. востоевский очутился в центре мирового культурного и эконопеского прогресса. И он воочию увидел, какой ценой достивется этот прогресс. Он увидел поистине страный контраст роскошью англитских правящих классов и нишетой пролеприста. Сн увидел пъянство, проституцию, страдания лодей, омым руками совдающих все блага этой империи. И тогда он великой страстью и убежденностью проклял эту цивилизацию отвернулся от ее роскошных плодов.

Но не только мрачное величие Лондона и огромный двоп выставки в Кенсинтоне повлияли на Достоевского: решаюсе вначение имеле его встреча с Герценом, которого он потил 4(16) июля 1862 года. У него Достоевский познакомился
ижаилом Бакуниным, который бежал год назад из Сибири и
срез Японию и Америку добрался до Лондона. Герцен в то вребыл кумиром Достоевского. Влияние Герцена на великого
повтеля изучено А.С.Лолининым в его известной работе "Досвоевский и Герцен". Ге только притяжение, но (Гораздо более

весе) отталкивание вскрывает исследователь в отношении откого романиста к прославленному русскому революционеру. переко совершение ясно, что в момент Лондонской встречи этого выживания еще не было, или сам романист не сознавал его. отом свидетельствуют известные строки Герцена в письме вып. Отареву от 5(17) июля: "Вчера был Достоевский. Он наприни, не совсем ясный, но очень мильй человек. Верит с энтаказмом в русский народ". Так можно написать только после плой и дружеской беседы. Герценовская идея о мещанстве последней форме собственнической цивилизации Запада, выванная острее всего в книге "С того берега", глубоко вала в душу Достоевского. В резговоре с Герценом он очень вами эту книгу, как впоследствии сам рассказывал в "Дневписателя" за 1873 год. Для творчества Достоевского идеи присна имели первостепенное значение. Если молодому Достоевприсуще гоголевское, гуманистическое отношение к мещану николаевской России, то теперь он воспринял взглял Герна торжествующее мещанство как на «самодержавную толпу проченной посредственности".

Повыслительно предположить, что в разговоре о России крупнейших деятеля русской культуры не обошим молчанием революционеров-шестидесятников. После знаменитой статьи горцена и Very dangerous!!! "многое изменилось. Но те косвенное извинение Герцена в "Колоколе", даже встреча горньшевским, специально ездившим в Лондон, не изменили горности расхождений между Герценом и революционерами-демоктами: они представляли два различных периода революционевого движения, и Чернышевскому лондонский изгнании недаром

токазался писиснаемой костью", т.е. Сеандлено устаревшим.

о своей стороны, Герцен навсегда сохранил презрительное и

реждебное отночение к Некрасову. Для Достоевского, вне вся
сомнений, Герцен был более крупной и авторитетной фигу
рой, чем его петербургские собратья по журнальному цеху.

неможно, настороженное отночение Герцена к «Современнику,

неможнору и к шестидесятникам также повливло на Достоевского.

8(20) моля он возвретился из Лондона в Париж, полный мыслей и колосальных впечатлений. Он пробыл в Париже отнинедцать дней до Лондона и неделю после. Выше уже цитинамия отныв Достоевского о французах в письме к Страхову. Отныв подностью порожден той обстановкой, какую застал оский писатель во Франции.

Вторая империя надела на Транцию цепи рабства. Сбщестченое мнение характеризовалось низостью и сграниченностью,
груз царил во ваглядах и вкусах. Виктор Гюго творил в эмирации, «Пветы зла" Бодлера были запрещены за безиравственость, такой же участи подвергся роман «Мадам Бовари", а в
Салоне отверже: ных" взбесившиеся мещане тыкали зонтиками
картину здуара мане «Завтрак на траве". Угодливый бонафинстский сенат освистал и оскорбил Сент-Бева за его речь
сециту свободы мысли и науки, а Выслан Нормальная школа
была вакрыта по желанию императрицы Евгении за то, что притествовала мужество Сент-Бева. Буржуваная республика поворпровалилась, ее повунги, унаследованные от Великой ревощии, оказались ложью. Рабочее движение было жестоко подавно, революционеры сидели в тюрьмах или скрывались, казенная пресса славила режим, спастий буржувано от коммунивма.

ранция китела пилснект. Остана деловая в тивность способстовале стабилизации ретима. Когда парижение республикация
декабря 1351 года звали рассчих на баррикады против Луи
воннарта, то отвечели: «А не ван ли отец или дядя расстретвал и ссылал нас в моне? "1) бранцузское крестьянство, опылняюе своей землей, одурманенное понами и линвой наполеоовской легендой, поддерживало режим Второй империи. Вот кеую транцию застал Достоевский — ту самую ранцию, которую
последствии изобразал Эмиль Золя в «Ругон-Маккарах".
Начудрено, что великий русский писатель почувствовал живейсе отвращение к этой страге лии и рабства, к стране лавочшков, лакеев и шписков. К сожалению, это отвращение налотло отпечаток и на его отпошение к французской нации вообс, что ярко отразилось в «Зимних заметках о летних впечаттях".

15 июля Достоевский выехал в Кельн. Отсюда он поднялпо Рейну до Швейцарии на парсходе. В Женезе 22 июля (4

пуста) Достоевский, как было условлено, встретил Страхова,
они вдвоем отправидись в Италию. Страхов в своих воспомивениях со своей обычной самодовольной снисходительностью
прет: "Федор Михайлович не был большим мастером путешестовать; его не занимали особенно ни природа, ни историчеспемятники, им произведения искусства, за исключением
разве самых великих, все его внимание было устремлено на

он скватывал только их природу и характеры, да

¹⁾ Жоль Валлес, трилогия "Жак Вентра", ГИХЛ, М., 1949, стр. 353.

разве общее впечатление уличной жизим. Ти горячо стал объясилть мне, что презирает обыкновенную казенную манери осматразтветь по путеводителю разные знаменитые места..." Но именпо из этих строк явствует, что Достоевский был великим «масвером путешествовать". Си стремился вникнуть в быть и псигологию чуждых народов. Ему претило расейское низкопоклонетво, ему стыдно было смотреть на разинувших рот соотечестникков с бедекереми, покорно средущих за самоуверенным
кульми немецкими гидом.

Несколько недель Страхов и Достоевский провели во веренции, в веселых прогулках по городу и вечерних разгоорах ва стаканом красного вина. В августе 1862 г. Достоевский вернулся в Петербург.

Он не был адесь три месяца, и город уже изменился.

ТЕКЛИ панические слуки, смута и плеч. Петербург отстрем
ален после пожаров. Велось следствие по делу Чергышевского.

Современник" еще не выходил, Михайлов и Обручев были в Си
стри, Писарев — в крепости. Первое дуновение террора проле
ото над столицей, а между тем — Петербург такцевал.

Тод тысячелетия России стал также годом канкана. Модвій танец парижских публичных балов имел на берегах Невы
громний успех. С весны 1862 г. танцклассы начали расти,
ки грибы. Сначала канкан запол нил загородные балы у Излера, в Петровском вокавле, на Крестовском острове, в Александжеком парке, затем с веселых окраин он продвинулся в центр
города. Елиз Ценного моста засверкали огромные красные буквы
канкинированной вывески: «Танцовальный вечер. Начало в
часов. Цена 1 рубль». Это был знаменитый Едремов. Вскоре

среди профессиональных какканеров особенно прославился огромвы фокин: его поили, на него почетали карикатуры, о нем писали фельетоны. Канканом увлеклись массы людей; с ним соедивися почти легализованный порок. Вст как вспоминает об
этом безумии объективный бытописатель: "Наряду с просветительными развлечениями открываются и многочисленные танцклассы в городе и за городом, с бещенным какканом, с наемныим специалистами по части канкана (токин, Катька Ригольбош),
вовникают первые кафелентены. Танцклассы даже покровительсттургся помицией в видах сыска. Рассказывали, что даже сами
тики открывали тенцклассы. Сыщики были даже среди дам
тексго поведения, наполнявших тенцклассы". 1)

Это канканное безумие было темой всех журналов и сетирических листков, сам Весилий Курсчкин посвятил ему ряд стиотворений в "Искре", в том числе горько-язвительное "Пригатение к танцам" (1862 г.). Повже в русской прозе появлятель несднократно описания этой эпидемии танцев и порока
например, в "Панурговом стаде" Вс. Крестовского, в "Тудензах" Гарина-михайловского и др.). Канканное поветрие, начаввеся в 1862 году, ярко характеризует направление перемен
русской жизни, начавшихся со спадом революционной ситуа-

Вместе с канканом наступило царство опъниеми, порока, тры. По словам Скабичевского, илегкость правов в эти годв Петербурге дошла до Геркулесовых столбов. Этому... пососествовало освобождение крестьян, растворившее помещицы

^{1) «}Н. А. Детин в его воспоминениях и переписке", СПб, 1907, стр. 136.

рарен и принудившее мессу дворовья обсего пола Сосситься в города симскивать пропитание... Я не запомию, чтосы в Петероурге было такое обилие проституток, как в первые годы по освобождении крестьян. Стоило пойти вечером по Ревскому, вайти в любой танцекласс, или биргалле, чтобы встретить дострившую порой до давки толну погибших, но мильх созданий...1)

Заметно увеличилось в это время потребление спиртных рапитков. Откупная система была уничтолена, и устав с питерем сборе от 4 июля 1861 г. заменил откуп акцизом. Последовало вначительное уделевление спиртных напитков, в Петербурго открылась масса портерных, а затем несколько общирных биргалле, где по вечерам собирались тысячи ледей. К их услугам были бикс и бильярд, а также азартные игры — лото, домиво и рулетка. «Сотни лиц, играя ночи напролет, проигрывались пух и прах". 2)

С этим пьяным шуном и музыкой канкана выступила на трену молодая русская буржувзия.

Как должен был чувствовать себя Достоевский в конце 1962 года? Свидетель грандиовных петербургских пожаров, он токинул свою страну накануве первых репрессий привительства провел лето в Западной Европе. Сн увидел бесчеловечность опадной цивилизации, он привез из своей поездки решительное вантизападное настроение, котя еще недевно пытался стоят, спором западников и славянсфилов. Он застал в Петербуровеломилющий контраст между молчаливым террором правительства и отчалиным весельем общества. На вчерашних пепе-

М.А.Скабический, "Литер: турные воспоминания", М.-Л., 1928, стр. 242.

²⁾ Tam me.

ех воздентались танневальное залы, и толиа, которая еще срв приветствовала Павлове и Черныевского, сегодия показала рукоплесканиями лихое на канкана. Молодежь не знала, делать, избыток продажных радостей туманил умы, разочарование вело к вину. Тоди искали забвения, и на смену горявере в осщественные идеалы приходил горький скептициям.

Этот скептицизм влиял и на Достоевского. Личные бесес Герценом, также переживавшим прриод своего скептицизма,
прошли бесследно. Результатом новых настроений Достоевгого явилось и вовое отн. шение к темам прогресса и "маленьго человека", выраженное в рассказе "Скверный анекдот"
Время, 13%, ноябрь). Исследователи Достоевского редко
малют внимение этому странному и, видимо, не удавшемуся
поизведению. Рассказ был написан сразу по возращении Достовского из за границы. Анализ "Скверного анекдота" дает инвресные результать.

Рассказ начинается ироническим изображением вечеринки рех статских генералов. Ядовитая ирония буквально с первой строки поражает читателя: «Этот скверный анекдот случилименно в то самое время, когда началось с тккою судержимою силою и с таким трогательно-наивным порывом возмение начего любезного отечества и стремление всех добостных сынов его к новым судьбам и надеждам". Подбор отвышенных эпитетов, преувеличенный восторг придают фразе ратный смысл: это язвительная насмешка над недавним «троотельно-наивным порывом" русской интеллигенции, над ее веро

¹⁾ М.Ф.Достоевский, Собр.соч., т. 17, М., 1956, стр. 5. Далее указания страниц в тексте.

разделял и сам Лостоевский, как это показывает знализ унженных и оскороленных" и статей в жургале "Время". Таобразом, тон "Скверного енекдота" воспринимается как ронический не только по отношению к изображаемому, но и по ношению к самому автору. Достоевский создает беспощадную ентиру, но при этом он беспощаден и к самому себе. Автор не полнется от объекта, и в результате возникает та необыкполеная горечь и боль, которая делает небольшой рассказ впечатляющим.

Вспомним описатие кружка утопистов в романе "Униженте и оскорбленные", имена Левиньки и Бориньки, вызывающие
домешливую ассоциацию с репетиловским Левоном и Боринькой.

М Достоевский тоже иронизировал, но его ирония смягчалась
ретушировалась мягким, примирительным тоном, искренней
пушевностью и даже некоторым сочувствием к этим мечтатеим. В "Скверном анекдоте" сделан огромный шаг в развитии
псателя: освобождение иронии. Ирония безраздельно царсттует вдесь, и ей подвластен сам автор.

Списание холостянкой вечеринки генералов продолжает стирическую ноту, задагную с самого начала рассказа, «Жесокость" автора сказывается уже в том, с каким упорством и астойчивостью он продолжает нагнетать положительные, кваобные и даже восторженные определения: « ...три чрезвычайр почтенные мужа сидели в комфортной и даже роскошно убранвой комнате, в одном прекрасном двухатажном доме... и занимись солидиым и превосходным разговором на весьма любооктную тему". (Стр.5, выделено всиду нами). Далее следуют

профортный и т.д.: "Сидели они ... каждый в прекрасном, профортный" и т.д.: "Сидели они ... каждый в прекрасном, профортный и т.д.: "Сидели они ... каждый в прекрасном, профортно потяги
профортный и т.д.: "Сидели они ... каждый в прекрасном, профортно потяги
профорт и метду разговором тихо и комбортно потяги
профорт ... (Стр. 5). Степан Никиборович под конец

профорт ... (Стр. 6). "Место у него было довольно комфортное:

профорт ... (Стр. 6). "Место у него было довольно комфортное:

профорт ... (Стр. 6). "Место у него было довольно комфортное:

профорт ... (Стр. 6). "Место у него было довольно комфортное:

профорт ... (Стр. 6). "Место у него было довольно комфортное:

профорт ... (Стр. 6). "Место у него было довольно комфортное:

профорт ... (Стр. 6). "Место у него было довольно комфортное:

профорт ... (Стр. 6). "Место у него было довольно комфортное:

профорт и профорт и често выпоратирации превосходнейшим человеком". (Стр. 6). Это настойчинования превосходнейшим человеком превосходнейшим превосходнейшим

Далее следует портрет герся рассказа - действительного советника Ивана Ильича Пралинского. Прежде всего тетим, что это - фамилия «со значением": «Пралинский" обвесьно от французского praline , что означает поджаренностель - слащавый, приторный человек. Последующее опинее развивает эту скрытую характеристику: красивый, моломее еще, изнеженный барчук, «генеральский сын и белоручка", тогач и преуспевающий человек, Иван Ильич соединяет легкомие, избыток воображения, мечтательность и чрезмерное молобие с принадками болезненной совестливости и неопременного раскаянья; человек добрый и даже «поэт в душе". последние годы разочарование стало чаще посещать его, «но повляющеяся Россия подала ему вдруг большие надежды".

«Сн вдруг начал говорить красноречиво и много, говорть на самые новые темы, которые чрезвычайно быстро и нереданно усвоил до ярости. Он искал случая говорить, ездил городу и во местих местех услол просльть стивники диберелом, что очеть ему льстиле. З этот же вечер, выпив сокала
стыре, он особен о разгунялся". (Стр. 9). Достоевский изсвется над недавним либеральным поветрием, которое на корегоблачает захватило даже великих князей и откупциков.

от резоблачает лаивость салонного либерализма, «комфортно"
ресуждеющего за шампанским о человеколюсии, но не желеетего ни поступиться своим комфортом, ни подойти к народу
подлинно человеческой мерой.

Но Ювеналов бич сатиры Достоевский эдесь применяет
для самобичевания. Он осменвает свою собственную ведавверу в «слитие образованности с начелом народным". Не
им на страгицах «Времени" уверял, что «великий переворст"
россии совершится легко и мирно? После этого начались бунрасстрелы и порки , все как при «незабвенном" Николае 1.
Регочарование Достоевского граничит с яростью, и это прежде
сего ярость против собственного «трогательно-наивного пова", против собственной веры в реформы. Разглагольствоваи Пралинского — это автопародия Достоевского.

"- Всавмите силлогизм: я гуманен, следовательно меня обят. Меня любят, стало быть чувствуют доверенность. Чувстрот доверенность, стало быть веруют; веруют, стало быть обят... то есть нет, я хочу сказать, если веруют, то будут верить и в рејорму, поймут, так сказать, самую суть дела, сказать, обимутся гравственно и решат все дело дружески. Сповательно". (Стр. 10).

Исвяин дома, тайный советник, несле легкого раздумыя, вконично отвечает: «le выдержим". Сн не желает поясить при вагадочным смовом, Иван Ильич стремится опровергнуть очения Степана Гикифоровича. Он предпримет попытку опровремия при первой возможности. И Достоевский тотчас пресставляет ему такую возможность, вводя «скверный анекдот» отрудявшим кучером.

Не найдя свсей кареты, Иван Ильич отправляется домой отком по тихим ночным улицам Петербургской стороны. Он слыти музыку и танцы в одном старом доме и узнает, что здесь превляет свадьбу самый жалкий чиновник его канцелярии — сласнимов. В отуманенном мозгу генерала возникают страныеми: почему бы ему не почтить своим присутствием надьбу подчиненного? Это будет подвиг гуманности, который частливит Пселдонимова и опровергнет скептициям Степана инфоровича. Маленькие чиновники будут потрясены поступком нерала: он пвоскресит в них все благородствой. Не от ужинов откажется, ссилется на дела. «Этим я деликатно напомито они и я — это разница — с. Зем я и небо. Я не то побы котел это внушать, но надо жел. даже в гравственном после несбходимо, что уж тем ни говорий. Таковы пределы пределыми пределы пределы

Иван Ильич твердыми шагами направляется в дом. "Звезувлекала его", — с издевательским паўссом комментирует этор. И далее начинается постепенное сползание в катастропервое ее предвестие — физически неприятная деталь, конрестно снижающая мнимо-торжественный тон повествования: верал, "как есть, в калошах", попадает ногой в галантир. рставлении в сени для остудения. Сколдументый генерал на твовение подумывает о бегстве, то затем, поскорее обтерев такому, входит в зал, где гости отплясивают бетегую кадриль, вызывает, как он и ожидал, полное изумление, граничещее испутом.

Навстречу ему робко выступает Пселдонимов, глядя на режиданного гостя «совертенно с таким же точно видом, с таким собака смотрит на своего хозяена, зовущего ее, чтобн деть ей пинка". (Стр. 21). Вые никогда Достоевский не тре-провал «маленького человека" с таким преврением. Генерал прованскит заранее заготовленную фразу: «Здравствуй, Пселовнов, узнаеть?" — и тут же чувствует, что вместо милой чти получилась «страшнейшая глупость". И далее все его правее заготовленные шутки и снисходительно фамильярные разы падают в бездну ужаскощего недоумения Пселдонимова.

в- Я уже не помешал ли чему... я убду! - едва выговотон, и какая-то жилка ватрепетала у правого края его то..." (Стр. 21). Иван Ильич становится жалким. Но автор телает так легко отпустить свою жертву: Пседдонимов опомтоя и начал приглашать; «Иван Ильич отдохнул душою и опус-

Пседдонимся все еще ничего не понимал, гости все еще нидесь, генерал чувствовал ужасную тоску. Но тут приблися столоначальник из его канцелярии и спес положение.

Вытрывая заготовленный веранее сценарий, генерал расска
зает столоначальнику «скверный анекдот» - исчезновение

усра с каретой, объясняющее столь неожиданный визит.

Рессказ генерала си сает приличии, но развизны голос его поскит. "Си даже растягивал и разделял слова, ударял на смоги, букву а стал выговаривать как-то на э, одним словом. ем чувствовал и сознавал, что кривляется, но уже совладать в собою не мог: действовала какая-то внешняя сила. Он ужасно тного и мучительно сознавал в эту минуту". (Стр.23). Он чувствует неестественность положения, но исправить дело не мотет над ним тяготеет "внешняя сина" - инерция ложной роли. неумолимо устремляющейся к абсурду. Достоевский взял одно тех блегих положений, которыми вымощен ад, и доводит его по вбсурда. С томчейшим искусством Достоевский рисует дуковпропасть межну генералсм и коллежским регистратором. полнейшее взаимное непонимание. Никакая добрая воля не в члах пресдолеть бездонное различие социальной психологии. то что генерал имучительно сознает" свою неудачу, уже тасти снижает иронию автора и создает предпосылки для бового эффекта.

Постепенно присутствующие начинают чувствовать себя свободнее и обращать меньше внимания на Ивана Ильича: он терялся, он чувствовал, что ему неловко, ужасно неловко, то почва ускользает из-под его ног, что он куда=то зашел не может выйти, точно в потемках". (Стр. 26). В совершено реалистическом описании вечеринки Достоевский создает печатление дикого и постыдного сновидения, в котором рука, идая опоры, встречает пустоту, в котором царит страшная, чтающая неожиданность и все происходит вопреки резумной, обможной последовательности обычной жизни, вопреки нор-

В этот момент появляется единственное положительное рассказа - мать Пселдонимова, подносящая генералу шамтекое ... У ней было такое доброе, румянное, таксе открыкруглое русское лицо, она так добродушно ульбалась, так посто кланялась, что Иван Ильич почти утешился и начал бы-- недеяться". (Стр. 27). Он берет бокал и поздравляет мо-Пселдонимов смотрит серьезно, даже угромо, и генерал пристемет «мучительно его ненавидеть". Он скрепя сердце хитает в ответ на остроты гостей. Только случайно попавший вальбу сотрудник сатирического журнала "Головешка" (чи-"Искра") вызывает антипатию генерала своей развизно-Уязвленный холодным невниманием генерала, он с тайной выстью в душе покидает зал. "Это ретроград". - выносит он приговор Ивану Ильичу. В задней комнат-же приготовлен стол вышевкой. "Сотрудник, оставшись один, налил себе еще для опътего куража и независимости, выпил, закусил, иникогла действительный статский советник Иван Ильич не приобресебе более яростного врага и более неумолимого мстителя. пренебреженный им сотрудник «Головешки", особенно после ромок водки". (Стр. 31). Сатирический образ представидемскратический журналистики, выведенный Лостое ским, первым симптомом решительного разрыва писателя с де-Вратическим авангардом русского освободительного движения.

Отношение гостей к генералу внезапно меняется: все внесемились и перестали обращать на него внимание. Причитому был пробежавший по толие шепоток, что гость — под шефе". Генерал остается в одиночестве, если не считать ваболенного столеначальника, подливающего ему вина. Гости

племеют дьявольскую кадриль. «Горькое сомнение" закрадьмеся в душу Ивега Ильича, канканное веселье смущает его.

душевно звал ее, эту развязность, когда они все пятились,
от теперь эта развязность уже стала выходить из границ

,). Об медицинском студенте и говорить было нечего:
ото фокин. Как же это? То пятились, а тут вдруг так скоро
менимировались!" (Стр. 35). Когда Иван Ильич хвалит перто канканера, медицинский студент внезанно отвечает ему
пристойной выходкой - кукарекает примо в лицо генералу.

ото он дает себе честное слово немедленно уйти - и остася. Его сажают не почетное место, он наливает себе сгромторы".

Еще недавно, входя в дом, мон, так сказать, простирал обятия всему человечеству и всем своим подчиненным"; теперь спустя меньше часа, он уже знал, что ненавидит Пселдонитова, его жену и его свадьбу; он видел, что и сам Пселдони-

Тон рассказа неземетно изменяется: в голосе автора иссвает иронически-возвышенная интонация, начинается прямое
разоблачение. Авторская ирония переходит в сознание героя.
В душе его шевелилась мгновениями ирония на собственный
сдвиг. (Стр. 37). С этого момента Достоевский переходит
в расправе: генерал уже не смешон, а жалск.

Однако он не в силах уйти, на доиграв своей роли:

«Нет, надо так уйти, чтоб они все поняли, зачем я приходил,

надо нравственную пель обнаружить..." И как часть его фаль-

ром Достоевский называет важнейшие из волговавших проблем: «Заговорю о вопросах, о реформах, о воличии России... Я их еще увлеку!" (Стр. 37). По в мутном «потоке пьяного генерала усиливается подводное течение: жегой то стып, какой то глубокий, невыносимый стып все бото к более надрывал его седцие". (Стр. 38). Расская станопися мучительно серьезным. Именно чувство стыца неожицанно пилает Ивану Ильичу человечность. Но он в жалком обольшепродолжает судорожно цепляться за свою ложную роль; его ознание раздвамвается, и после очередного стакана он жвлав самую экспентрическую чувствительность" и снова навыет всех любить. Вну хочется обняться со всеми, расскаим откровенно, какой он добрый и славный человек, как тет полезен отечеству, как умеет смешить дамский пол и. ваное, какой он прогрессист, как гуманно он готов сымвойп до всех, до самых низших. Он также хочет сказать о навочении России в числе прочих европейских держав (одна из вывейних проблем публицистики Достоевского). "Упомяну и о рестьянском вопросе, да и ... и все они будут любить меня. в выйду со славою і" (Стр. 41).

Гости откровенно хохочут над пъяным генералом, но он

^{»-...} Россия переживает, по моему глубочайшему убежцегу-гуманность...

⁻ Гу-гуманность! - раздалось на другом конце стола.

⁻ Fy-ry!

⁻ To-To!". (CTp. 42).

И делее нерестает, как ланина, осмение неогдачливого гумань ость. Ин видим в «Сквертом гнекцоте" один из самрим примеров того, что Л.П. Гроссман характеризует как усличное посремление тщеслевия при внезанном краже его общественной репутации" ("Лостоевски"-кудожник"), а М.М. Бахтин-тек праввенчание карнавального короля" ("Прослемы поэтики постревского"). Перекрестный огонь насмешек и передразнивают каламбуров, под которым корчится Иван Ильич, написан в тысе Бальвака: этот застольный разговор прямо восходит к

Чуть не плача, Иван Ильич справивает: «Чем и унлаил обл?" Это вопрос повторяется трижды в последовательно усивершихся вариантах. Варьирующий повтор — один из любимых риемов Достоевского. «Я обращаюсь ко всем: очень я унижен ваших главах или нет?" Воцаряется гробовсе молчание и вдруг пьяный сотрудник «Головешки" громовым голосом произно-

помешали всеобтему веселью. Вы нили шампанское и не сообратили, что оно слишком дорого для чиновника с десятью рубляи в месян калованья, и я подовреваю, что вы один из тех вечальников, которые лакомы до молоденьких жен своих подчивенных! Мало того, я уверен, что вы поддерживаете откупа..." (Стр. 45).

В этой речи правда переходит в комически-неленое обплительство. Тем не менее, стоит задуматься, почему Достоевкий вложил эту завершающую посрамление генерала и отчасти
праведливую речь в уста смешного, высокомерного, глупого

сотрудника демскратического жургала. Ведь когизи, гелепость обличений компрометирует здесь самое правду. Видимо, эта истна факта, лежащая на поверхности, не рассамтривается Достостим как настоящая провда.

Пседдонимов вышвыривает обличителя, все в панике окрутют генерала, пытаясь его успокоить. Но он в отчании, он
причит: "Я уничтожен... я пришел... я хотел, так сказать,
престить. И вот за все, за все!" (Стр. 45). Он падает на
нул и склоняет голову в тарелку с бламание. У читателя возткает возвратная ассоимания с раздавленным в сенях галанпром: предвестие осуществилось. Этой второй физически выравительной деталью, похожей на пвыряние кремовых тортов в липредвестие возвратие чарли чаплина, завершается «посрамление". Генерал падает на пол и засыпает. Пселдонимов
ватается за волосы.

Далее евтор реконструирует изнанку событий, изображая положение Пселдонимова и механику его поведения. Задавленный жизных чиновник - частый персонаж в произведениях Достовкого. Но это уже совершенно не тот "маленький человек", тоторого мы видели в докаторжных произведениях писателя. Пселдонимов был херактера твердого. Жизнь выработала в неи "муравьиное упорство" и "бессовнательную речимость выбиться на дорогу", но лину его было видно, что он "устроит гнездо и, может быть, даже скопит и про запас". (Стр. 47). На рабская живучесть мещанина вызывает у автора резко отрицательное отношение. В согласии Пседдонимова жениться на дочери млекопитаева и отдаться на милость этого вечно пьяново домашнего тирана проявляется обдуманный, сознательный

or coccreemed mutacem.

неклу тем, пьяного увана Ильича укладывают на кровать, тотовленную для новобрачных, а молодым стелют в зале на пож. Грубые детали нагромождаются одна на другую: "с Иваильичом сделалось укасное расстройство желудка", и мать те твсю ночь вы осила черев коридор из спальни необхопосуду и вносила ее опять". (Стр. 53). Этот прием перболизированного унижения героя может показаться избыгенерал уже унижен и осознал свое унижение. Сбъект перестал быть смешным, т.к. исчезло несоответствие меммым и реальный; на этом нессответствии основан копеский эффект. но как только оно ликвидируется, продолжаюная унижение героя становится избыточным, гиперболическим, помческий эффект переходит в свою противоположность - в отевой эффект. Читатель испытывает отвращение, смешанное болью, и психический протест против чрезмерности наказатотовит в нем невольное сострадание к развенчанному пор. Иван Ильич - сам жертва пвнешней силы", он субъективво добр. как неоднократно подчеркивает Достоевский, но он неь во влести необходимости - моральных и психологических выонов своего класса. Субъективное доброе чувство сталкивется в нем с неумолимым мсральным долгом - сохранить свое происходящее в душе вые Ильича, по своему существу не смешно, а трагично. оссезнательные, человеческие стремления не могут прорваться сквозь блокаду сверхличных, моральных императивов, навиных социальными условиями. Виноват же Иван Ильич постольку, поскольку он ижет самому себе, не хочет совнаться

обе в истинном положении веле".

После этой устранающей распрады Достоовский совершает вюрую казнь - на сей раз над выстепьним человеком". В запеле веперли молодых, выруг послачался раздирающий крик. Отрадний крик, а самого элекачественного свойства". (Стр. 3). Этот непристойный намек дополняется картиной, доходяней до щинизма: ворвавшиеся в зал женщины видят, что стулья, в которых было составлено импровизированное брачное ложе, разехались, и перина провалилась на пол. Пселдонимов не смог исполнить свой супружеский долг. Мать новобрачной осыта его позорными обвинениями и уводит свою дочь.

Пселдонимов остается один в угрюмейнем раздумье. «Разили брачного ложа и опрокинутые стулья свидетельствовали
оренности самых лучтих и вернейших земных надежд и мечтаили (Стр. 54). Насметия Достоевского пропитана вдесь чуть
ве яростью. Писатель подчеркивает бессмысленность жертв,
принесенных Пселдонимовым ради материального преуспеяния.

осе унизения, которые перенес Пселдонимов, оказываются напрасными: маскопитаев вадул его с приданым, службу придется
оставить, у жены дьявольский характер. Так наказывает Достоевский пскорность, терпеняе и муравьиное накопительство
меленького человека".

После рвоты и растройства делудка генерал Пралинский пробуждается, охваченный смертельным стыдом. Сн собирается женько уливнуть, как вдруг входит старуха Пселдонимова тавом и рукомойником и заставляет его умыться. «И в это провение Иван Ильяч сознал, что если есть на всем свете оть одно существо, которого он бы мог теперь не стыдиться

в в истинном положении веже .

После этой устранающей расправы Лосгоовский совершает порую казнь - на сей раз над иматеньким человеком". В заменерии мелодых, ивпруг послышался раздирающий крик и отрадный крик, а самого влекачественного свойства". (Стр. 3). Этот непристойный намек дополняется картиной, доходяней до цинизма: ворвавшиеся в зал женщины видят, что стулья, которых было составлено импровизированное брачное ложе, развежались, и перина провелилась на пол. Пселдонимов не пот исполнить свой супружеский долг. Мать новобрачной осычает его позорными обвинениями и уводит свою дочь.

Пселдонимов остается один в угрюмейшем раздумье. "Разшина брачного ложа и опрокинутые стулья свидетельствовали
ренности самых лучших и вернейших земных надежд и мечта(Стр. 54). Насмешка Достоевского пропитана здесь чуть
ве яростью. Писатель подчеркивает бессмысленность жертв,
пинесенных Пселдонимовым ради материального преуспенния.
Все унижения, которые перенес Пселдонимов, оказываются напрасными: илекопитаев надул его с приден-ым, службу придется
ставить, у жены дьявольский характер. Так наказывает Достоевский покорность, терпение и муравьиное накопительство
маленького человека".

После рвоты и растройства желудка генерал Пралинский пробуждается, охваченный смертельным стыдом. Сн собирается иссныко улизнуть, как вдруг вхедит старуха Пселдонимова тавом и рукомойником и заставляет его умыться. «И в это повение Иван Ильич сознал, что если есть на всем свете оть одно существо, которого он бы мог теперь не стадиться

не бояться, тек это именю эта старуха". (Стр. 38). Достомеский акцентирует важность снегы посредством детального
описания рукомо" инка, мыла и полотенца. От поэтивирует беспредельную доброту и всепрощение старой женщины из народа.
Старуха Пселдоникова олицетворяет совесть этого рассказа,
в лице ее автор как бы проявляет снисхождение к жестоко
таказанному Ивану Ильичу.

Последующий комментерий Достоевского читается между отрок. Восемь дней генерал не выходил из дома. «Сн был ботом, мучительно болен, но более гравственно, чем физически.

В эти восемь дней он выдей цельй ад... Емли минуты, когда он
том думал постричься в монахи (...). Ему представилось
том, подземное пенье, отвератый гроб, житье в уединенной
томе, леса и петеры; но, счнувшись, он почти тотчас же созврамся, что все это ужаснейший вздор и преувеличения, и
том зтого вздорат. (Стр. 57). Очевидно, сам Лостоевский
считал это вздором. В этом месте у Достоевского впервые,
том лишь в виде фантастического предположения, изображается
возможный путь религнозного перерождения героя.

"Сам себя сн даже и не справдывал, он порицал себя сичетельно: он не находил себе справданий и стыдился их". Стр. 58). Крайнее самоунивение героя так же нелено, как и то пъяные фантазии и прежнее самововвеличение. Достоевский смотрит на изображаемое более простым и человечным взглядом, вано лучшего мнегия о генерале, чем сам Иван Ильич.

Придя наконен в должность, Иван Ильич омидает двусмысвного шепота и ульбок. Но вдесь опять все идет вопреки то скиданиям. Его встречают почтительно и серьезно: ведь внешняя сила" - малива социальных условий - заработала тепры на него. Иван Ильич берется за дело, рассуждает и ресет так дельно, как никогда, и видит, что им довольны. В забинете появляется тот самый столоначальник, подливавший заверелу вино на злополучной свадьбе: и с ним все преходит учими образом. В конце беседы столоначальник передает гевералу просьбу чиновника Пселдонимова о переводе. Иван Ильич облегчением соглашается.

И вдесь на какой-то момент Достоевский сообщает действозвратное движение. Генерал вдруг, ив порыве благородрешается высказаться окончательно. "На него, очевидо опять нашло вдохновение", - с возвратившейся внезапно пой иронией комментирует автор. Иван Ильич устремляет на обеседника ясный и глубокий вагляд: "Передайте Пселдонимочто я не желею эле: да, не желею!.. Что, напротив, я вотов даже забыть все прошедшее, забыть все, все"... (Стр. Он осекся, изумленный парадоксальной реакцией столонавывник: тот покраснея "до последней глупости", начал тороппво до неприличия кленяться и пятиться к дверям. Иван Ильич пчего не понимает. Но эта реакция совершенно понятна - старому чиновнику стыдно, контузно слышать глупейшую ложь геправа и в то же время страшно осуждать эту ложь отэтого невыносимого раздвоения психологии между стыдом и благоговейным страхом столоначальник спешит поскорее избавиться.

Иван Ильич этого не понимает, но <u>интуитивно</u> чувствует чысл этой парадоксальной реакции. Сн остается один. Следуот резвязка рассказа. " - 1 ет, строгость, отна строгость и строгость! - полтал он почти бессовететьно про себя, и вдруг яркая краска облила все его ямие. Ему сталс вдруг до того стядно, до того гласло, как не бавало в самые невыгосимые минуты его восьмидневной солевни. «Ге водержал!" - сказал он про себя и в бессил-ми опустился на стул". (Стр. 60).

Так в самом конце рассказа возвращается загадочное словдо Степана 1 житоровича. Геперь оно разъяснилось: Иван Ильич выпержал гумангости и вернулся в естественное состояние лестокости к подчиненным. Деже в глубочайшем свсем унижении. когда он вызывает не только преврение, но и жалость, герой может приблизиться лишь к одной единственной душе, к душе всепрощеющей, простой русской женщины. Но это молчаливое понимание длится всего линь миг, и генерал в ужасе бежит от вего, не сказав им слова благодарности. Подлинно человеческая близость безмерно страшит его, он на нее не способен. Иван Ильич обречен на сдиночество. Проклятие всего шлемливованного общества - в разобщениссти лодей. И не случайно в последней строке рассказа "Скверный агекдот" звучит слово · Geccume": pacckas hollnklyt mectovafulm chencucom u necстинамом. Задуменный как сатира, он постепенно переходит в бевобразный кочмар. Язвительная ирония начальных страниц изнемогает в борьбе с отчанием. Спять, как это характерно для Асстоевского в переходный период, исполнение оборачивается против замысла. Но на этот раз, в отличие от нуниженных и Оскорбленных", двойственность авторского отношения отношь не способствовала успеху произведения.

Чувство допориентирован сеги, какое испотов ет читеrens "CkBeproro elergora", no maoriso crimateron, econ normas **примям** авторской повиции. Ловтоенски" 1862 года смеется ная наизными порывами мэры освойскоетия" и над своим собственьм "Вчера", над собор вчераним. Драко в этот момеет ов не может гичего пред ложить ваниен осменито" веры, и мдит бездну, и смех не его устах вамирает. Преисходит свособразное раздвоение личности автора, не-объяснимое ни чисто психологически, ни исключительно в сфере литературоведения. Конечно, в Достоевском существовала внутренняя, психическая товможность такого раздвоения; конечно, он мог воспользоватьи для выражения своих иде" и чувств техникой идво ственных канров". Но ни психологические особенности писетеля, ни винине специјической жанровой традиции не являются причинами РАК Называемого "дуализма" Достоевского. Причина этого судьба Достоевского в контексте судеб России, его духовная **Мань**, его внутренняя трагедия. Скоптицизи и тоска по идеау росли в его душе параллельно, с одинаковой силой, и в притические моменты его жизни прсисходило крайнее обострене противоречий. но не их разрешение. Это и наблодается в рассказе "Скверный анекдот"; чем язвительнее автор смеётся не ложно-гуманистическим порывом героя, тем больнее стансвится самому автору.

"Скверный анекдот" - первое произведение Достоевского, где социально-политические идеи непосредственно входят в художественный материал как предмет изобрежения. Об этом, в частности, говориле Т.М. Розенблюм: п ... В первые годы

мереходного" периода (по 1852 г.) пустицистика и жуд тост ранное творчество Достоевского разриваются госколько обособленю, существует определений разрыв менду имим. (...). Вечиная с 1862 годом, темь и идеи публицистики органически входят в художественные произведения писателя". 1)
Первым из таких произведений Л.М. Розенблюм называет «Скверный внекцот".

Слияние сстро-пуслицистической тематики с картиной понк и вравов было вызвато начавшейся ломкой идейного компромисса. Стказываясь от примирительной позиции, Достоевский начал вводить влободневный политический метериал в художестименя произведения, применяя при этом полемические приемы контраста и доведения до абсурда в качестве важнейних комповиционных элементов. Сатира "Скверного анекдота" строится по тем же принципам, что и публицистика Достоевского. Однако обновление мастерства означало не телько введение публипстических тем, идей и приемов; Достоевский в «Скверном снекцоте" реализует принцип исключительности характеров, рисует парапоксальные реакции персонажей. Весь расская соткан из неожиданностей и в то же время проникнут строжайшей внутреньей логикой; но это не формальная логика механистического разума, а так сказать, логика сердца. Ссменьме героя Оказывается подчиненной запачей, главное в рассказо - осозвение невозможности ислития образованности с началом народвым т.е. дискредитация идеи социального прогресса. Эмо-

¹⁾ Вступительная статья Л.М. Розенблюм к ромену "Униженные и оскорбленные", М., ГИХЛ, 1955, стр. 6-7.

те автором его веветте пой инеи, самоссмение постоевского, огранено снеин ическим, мучительным грагизмом. Ибо одер достоевский пережил крутогие гележд освосодительной эрм как сво мичную трагедию. П. очульский называет «Сиверный анектеточным. Гераздо слиже к истине П. Гроссмен, который в своей лучшей расоте «Достоевский - кудожник" отмечает в тверчестве Достоевского 60-х годов новый прием: «сиверный агекдот, перерастающий в высокую трагедию". Это - особщённая формулировка, но она связана с рассказом «Сиверный агекдет", где грубый фарс именно в силу яростной чрезмерности переходит в свою претивоположность, вызывает болевой эффект; комичестое становится трагическим, язвительная ирония - острой болью.

"Скверный анекдот" - предвестие второго иде ного критеа Достоевского. В нем наслодается нарастание трагических
противоречий, душевного скрежета. Страшное разочарование
похмельного" 1862 года захватило писателя. Скверный анекпот о генерале, упившемся до положения раз на свадьбе регистратора, оказывается направлен против ложного гуманизма либеральных реформаторов и одновременно против веры демократов в революционность народа. В "Скверном анекдоле" не
достает человеческого тепла, не достает красоты человека,
пусть даже трагической, как например, красота белли в "Уникенных и оскороленных", красота Мармеладова и его дочери.

Но недаром в конце рассказа герой испытывает сильне"-

ложную роль, это впервые просудившееся пастоящее морельсовнение. Вот для чего с таким яростным одушевлением
мотал автор - пробудить в герое и читателе чувство стыда
всее самодовольство, просудить его совесть, вызвать чувто глубокой вины перед народом. Стыд - катарсис трагикосты, единственный положительный результат приключения Ивана

Снова, как в "Селе Степанчикове". Достоевский идет потив течения", попирая принципы социальной типизации, монстрируя исключительность каждого конкретного случая, жем жертвой ферса и кандидетом на моральное обновление врадь, аристократа, одного из сильных мира сего. Достовьотнодь не питает к нему ненависти, он скорее даже потероя в унижении, которое является необходимым условием трагизма. Этот спенифический трагизм униженьости и есть ито мы называем болевым эффектом. Достоевский постепенучится владеть этим обоюдосстрым оружием, и неловкое его рименение является причиной неудачи рассказа. Жестокое посление "маленького человека" не компенсируется светлым Фреком женщины из народа, едва намечающим направление поокительной разработки темы. «Скверный анекдот" не имел и мог иметь успеха, но для нас он знеменует одну из вех цейно-творческой эволюции Достоевского, чем оправдывается проделанный анализ.

H.

В февральском и мартовском номерах журнала "Время" за 1863 год ноявились "Зимние заметки о летних впечатлениях"— сей своей идейно-тематической сложности, этот "фельетон", сей своей идейно-тематической сложности, этот "фельетон", сек назвал "Зимние заметки" сам автор, является прежде сего памфлетом против буржуваной цивилизации, одной из териин романтической критики капитализма во всей мировой итературе. Изображая Париж эпохи Второй Империи и Лондон икторианской эры, Достоевский создал впечатляющую картиму владычества буржувани».

В предыдущем разделе этой главы уже говорилось о том, такую Францию застал Лостоерский в 1862 году. В «Зимних метках" он выпеляет как характерные черты французского буркуа лакейство, возведенное в добродетель, и шинонам, раввитый до искусства, напыщенное красноречие и фальшивое магородство. Ваблонное мнение о францувах как о ветреной т беврассудной нации, равно как общее представление о Пана како столице веселья и легких нравов. Достоевский выворачивает наизнанку. С особым нажимом он сообщает чи-Ратель свое паралоксальное определение Парижа: "это самый повественный и самый побродетельный город на всем жемном вре". 1) "И что ва комфорт, что за всевозможные упобства иля тех. которые имеют право на удобства, и опять таки какой порядок, какое, так сказать, затищье порядка. (Стр. И. курсив Достоевского). Веселый Париж стал столицей мевыства, афицированной мещанской добродетели, и Достоевский с замечательной точностью передает ощущение удушли-

¹⁾ Собр.соч. т. 1У, М., 1956, стр. 91. Далее «Зимние ваметки с летних впечатлениях" цитируются с указанием страниц в тексте.

об атмосферы, окутавшей великий город с воцарением мун Бонапарта. «И какая регламентация! Поймите меня: не стольто внешняя регламентация..., а колоссальная внутренняя, туховная, из души происшедшая". (Стр. 92).

И в этом благополучаейшем городе царит страх. Буртолон страха, он чего-то боится, прячет свою голову • песок, словно страус, читоб так уж и не видать настигаютк его охоти ков". (Стр. 99). В чем же причина этого страка Достоевский приходит к выводу, что буржув боится соталистов и коммунистов. И далее писатель доказывает невозможность социаливма во Франции, опираясь на утверждете об отсутствии братского, общечеловеческого начала в вымом францувском народе. По его мнению, расочие являются ообственниками в душе, крестьяне - нархисобственники". Постоевский ставит социалистическое устройство общества вависимость от врожденного братского начала в народной психологии и завершает шестую главу «Зимних заметок" (внаменитый "Спыт о бурхуа") любопытным выводом: "Другими словеми: хоть и возможен социализм, да только где-нибуль не во Франции". (Стр. 110). Но ведь органическое братское начало Достоевский усматривал только в русском народе, провозглашая, что русская община есть зародыш той самой вссоциации производителей, которую изападные публицисты" считают свеим далеким ицеалом. Таким образом, скрытый смысл его вывода - социализм возможен только в России. Это его прежияя идея русского "ненасильственного" пути в социализму, и она выступает в обрамлении инвектив против

буржувами, против собственности, против капиталистического рабства. Последнее слово употреблено самим Достоевским: голод и рабство не свой брат и лучше всего подскажут отрицание". (Стр. 93).

В главе "Ваал" писатель набрасывает величественно= прачную картину Лондона с его резкими контрастами роскоши т ищеты, со страдающими в бедности мессами пролетариев и високомерием Ваала - безраздельно царствующего капитализма. постоевский словно подавлен силой этого "гордого и мрачного пука" и говорит в нем в тоне религиозного пророчества, прибегая к символике и стило Апокалипсиса, вплоть до вольного пимрования отдельных мест. Если в Париже писателю бросился в глаза страх французского буржуа, то в могучем Лондоне он почувствовал невольный трепет. В ту эпоху британский капитализм казался абсолютно несокрушимым, и Достоевский вновь, как в Омском остроге, испытывал тягостное чувство своей полной беспомощности перед аморализмом грубой силы. и вполне естественно для Достоевского описания бедности. разврата и пьянства рабов Ваала переходят в размышления о темных религиозных исканиях английской черни, о мормонах, о католической пропаганде в Лондоне. Социальная проблема переходит в морально-идеологическую плоскость.

В "Зимних заметках" постепенно формируется мысль о том, что общественное устройство зависит от сознания полей. При этом Достоевский не может избежать противоречий. Так, он говорит о французских рабочих: "Да ведь работники тоже все в душе собственнием: весь их идеал в том, чтоб COCCEDE LINKAMI I HERCHMER REF MOMIO CONTRO BENET: вая ук натура. Натура даром не даётся. Все это веками предено и веками воспитано. Национальность не легко поревается, не легко отстать от вековых привычек, вочешних плоть и кровь". (Стр. 1.5). Иными словами. наимональная пакология детерминируется, "Воспитывается" историческим понессом, она не является неизменной, но изменяется не отко". Именно этой относительной устойчивостью национальпсихологии Достоевский аргументирует свое утверждение вевозможности социализма во Транции. Так что в конечном чете он склоняется к истолкованию социальных явлений моральными причинами: нравы людей определяют их общественное потройство. Корень социальных бед - человеческая душа со теми ее дурными стрестями, с эгоизмом, с жаждой собственмости. Сднако, по мысли Достоевского, человек не является стально неизменным, для него открыт путь свободного разтия собственной личности. В дальнейшем Достоевский будет представлять это развитие как тратическую борьбу, ведущую им к гибели, или к очищению. Но уже в «Зимних заметках" он указывает направление развития человеческой иминости. все в том же "Спыте с буржуа":

"Что в, скажете вы мне, надо быть безличностью, чтоб быть счастливым? Разве в безличности спасение? Напротив, выпротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, во именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь спределилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и нижем

во принужденное самопожертвование всего себя в польям всех всть. по-моему, признак высочебшего развития личности. выочебшего ее могущества, высочабшего самообладания, высотейтей свободы собственной воли. Добровольно положить свой THOT SE BCEX, HOTTH SE BCEX HE KDECT, HE KOCTED, MORTO •олько сделать при самом сильном развитии личности". (Стр. 106-107). Достоевский вдесь прямо декларирует, что подвиг амопожертвования ради блага общества есть высшее проявлеже своболы воли. От проблемы справедливого и гармоничното общественного устройства он на наших глазах переходит в проблеме свободы воли, которая рассматривается им как выч к решению социальных задач. Это имело огромное значеиме иля последующего творчества Достоевского. В дальнейтом его внимание все более концентрируется на морально--билософских проблемах, более важных, по его мнению, для сповека, чем непосредственные социальные проблемы. Год совления "Зимних заметок о летних впечатлениях", 1863 год. пвился годом духовного перепождения писателя, годом его второго идейного кризиса, причины которого мы будем в дальнейшем рассматривать.

Советский критик В.Б. Александров - Келлер давно уже отметил эту связь общественной утопии Достоевского с отваченной морально-философской проблематикой его романов.

Топия Достоевского, - писал Александров, - неходится в весомненном родстве с возврениями утопического социализма в то же время полемически противопоставлена некоторым

в этих возарения".1) Досто жения отказывается от жустройва в подробностях", от детализованных проектов будущего обществе. "Достоевский отвергает всякую апельянию к како--и=либо материальному интересу. Сенование идеала должно онть моральным, а не утилитерным. Нушно начинеть с морали мександров совершенно прав. Развивая его мысль, можно скалеть, что деятельность писателя моралиста, изображающего туубины души человеческой" и зовущего своих соотечественников к духовному обновлению, рассматривалась Достоевским так деятельность социальная и общечеловеческая, как ступень на пути к высокой цели. Достоевский верил в свою утопио. в миллениум христианского социализма, и призывал люпей к бескорыстному братству. Для него жизненной задачей было не изображение жизни, а ее преображение. Цели искусства лежат вне искусства; но средства достижения этих (обтечеловеческих) целей должны быть споцифическим жолько хувожественными средствами.

Возвращаясь к «Зимним заметкам с летних впечатлениях, отметим сразу же, что идея самоножертвования у Достоевското резко противоноставлена теории разумного этомама, утилитарной морали, принятой на восружение русскими револочионерами - демократами. Пужно приносить себя в жертву, не думая ни о какой выгоде, ни о малейшей компенсации со стороны общества, говорит Достоевский. Как же достичь этого? Искусственно "сделать" это невозможно. «Сделать никак

¹⁾ В. Александров, "Люди и книги" сборник статей, М., 1956 г., стр. 71.

²⁾ Tam me, crp. 72.

в этих возврений". 1) Достовений отказывается от пустрейва в подробностях", от детализованых проектов булушего общества. "Достоевский отвергает всякую апелиянию к како--и-либо материальному интересу. Основание идеала должно онть моральным, в не утилитерным. Нужно начинать с морали мександров совершенно прав. Развивая его мысль, можно скаветь. что деятельность писателя моралиста, изображающего туубины души человеческой" и зовущего своих соотечественников к духовному обновлению, рассматривалась Достоевским как деятельность социальная и общечеловеческая, как ступень на пути к высокой цели. Лостоевский верил в свою утопо. в миллениум христианского социализма, и призывал люлей к бескорыстному братству. Для него живненной задачей было не изображение жизни, а ее преображение. Цели искусства лежат вне искусства; но средства достижения этих (обпечеловеческих) целей должны быть специфическими долько хувожественными средствами.

Возвращансь к «Зимним заметкам с летних внечатлениях, отметим сразу же, что идея самоножертвования у Достоевското резко противопоставлена теории разумного игоизма, утилитарной морали, принятой на восружение русскими револоционерами — демократами. Нужно приносить себя в жертву,
не думая ни о какой выгоде, ни о малейшей компенсации со
стороны общества, говорит Достоевский. Как же достичь этого? Искусственно «сделать" это невозможно. «Сделать никак

¹⁾ В. Александров, "Люди и книги" сборимк статей, М., 1956 г., стр. 71.

²⁾ Tam me, crp. 72.

нельзя, а надо, чтоб ото семо собой сделелось, чтоб ото село в нетуре, бессовнательно в природе всего инемени ваключалось, одним словом: чтоб было братское, лобящее вачало - надо любить. Надо, чтоб самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласие, и тануло, несмотря на все вековые страдания нашим, несмотря на верварскую грубость и невежество, укоренившиеся в нашим, несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников, - одним словом, чтоб потребность братской общины была в натуре человека, чтоб он с тем и родился или усвоил себе такую привычку искони веков". (Стр.107, курсив Достоевского). Ва подлежит сомнению, что в этом описании речь идет о русской нации.

И далее, изобразив в виде диалога гармонию личности и общества на основе свободного взаимного самопожертования, Достоевский прерывает код своих рассуждений карактерным двусмысленным восклицанием:

"Эка ведь в самом деле утопия, господа! Все основано на чувстве, на натуре, а не на разуме. Ведь это даже как будто унижение для разума. Как вы думаете? Уточия это или нет?" (стр. 108) Этим мнимым возражением самому себе, опережающим редлику оппонента. Достоевский вызывающе подчеркивает антирационалистический, антитеорежический характер своих рассуждений. По его мысли, разумная выгода, разумный этомам искажают человеческую прирожу, которая органически тяготеет к любви.

Социалисты, говорит Достоевский, за неимением брат-

ства в Гатуре западного человека начинают ив отчаянии" соблазнять молей на братство посулами бунущих материальных выгод, уговаривает жить хоть не га братском, а чисто на разумном основании". "Но тут опять выхолит заганка: кадется, уж совершенно гарантируют человека, обещаются корить, поить его, работу ему доставить, и за это требуют в него только самую капельку его личной свободы для общего блага, самую, самую капельку. Нет. не хочет жить человек и на этих расчетах, ему и капелька тяжела. Ему все кежется сдуру, что это острог, и что самому по себе лучпе, потому - полная воля (...). Разумеется, социалисту приходится плонуть и сказать ему, что он дурак, не дорос, не созрел и не понимает своей собственной выгоды; что муравей, какой =нибуль бессловесный, ничтожный муравей, его умнее, потому что в муравейнике все так корошо, все так валиновано, все сыты, счастливы, кажный знает свое лело. одним словом: далеко еще человеку до муравейника!" (Стр. 109).

Это спровержение социализма неукротимостью человеческой личности, ее вечной жаждой свободы Достоевский впоследствии развил в "Записках из подполья": туда же перешел из "Зимний заметок" символический образ "муравейника". Именно этот эспект "Зимних заметок" выделяет А.С. Долинии в своей известной статье "Достоевский и Герцен"!) говоря о "герценизме" Достоевского и о борьбе его против вавещанной Герценом "религии общественного пересоздания".

¹⁾ А.С.Долинин. "Последние романы Достоевского", М.-Л. 1963

вамечательный советский исследователь, по нашему міспо. несколько недооценивает другой аспект (ельетона Доссевского: проповедь русского этического социализма, о когором мы уже говорили выше. Термин «этический» употреблен
ндесь не случайно: в момент создания «Зимних заметок о
петних впечатлениях», в утопии Достоевского отсутствовал
релитновный элемент и программа морального обновления носила общегуманистический херактер. «Зимние заметки о летнах впечатлениях» создавались на исходе переходного периона Достоевского, накануне решающих событий второго идейното кризиса. Хотя в них уже содержатся в зародыше некоторые идеи «Записок» из подполья" и уже ставится кардинальная проблема свободы волы, оба эти произведения Достоевского содержат принципиальные различия».

Итак, основная тема «Зимних заметок о летних внечатпениях" — тема буртувани, победившего мещанства» Эта тема,
как доказал А.С.Долинин, с вязана с влиянием Герцена. Но
ва фоне картины капиталистического Запеда великий писатель
ставит две проблемы, одна из которых как бы заменяет друтую: это проблема общественного устройства и заменяет друее проблема свободы воли. Счень важный момент: проблема
свободы выдвигается Достоевским как первая стадия решения
проблемы общественной гармонии. Личность и общество рассматривается Достоевским как равноправные учестники диолога. Сн не отдает предпочтения ни той, ни другой стороне.
С его точки зрения, доведенный до крайности личный принцип (эгоизм) порождает буртуваное общество. Однако малей-

во вамечательный советский исследователь, по нашему мнонесколько недеоценивает другой аспект (ельетона Досзовьского: проповедь русского этического социализма, о косором мы уже говорили выне. Термин пэтический употреблен
вдесь не случайно: в момент создания памних заметок о
тетних впечатиемиях, в утопии Достоевского отсутствовал
религновный элемент и программа морального обновления носила общегуманистический характер. Памние заметки о летних впечатлениях создавались на исходе переходного периода Достоевского, накануне решающих событий второго идейносо кривиса. Хотя в них уже содержатся в зародыше некоторые идеи павписок из подполья и уже ставится кардинальная проблема свободы воли, оба эти произведения Достоевского содержат принципиальные различия.

Итак, основная тема «Зимних заметок о летних внечатвениях" — тема буржувани, победившего мещанства. Эта тема,
как доказал А.С. Лолинин, с иззана с влиянием Герцена. Но
на фоне картины капиталистического Запада великий писатель
ставит две проблемы, одна из которых как бы заменяет другую: это проблема общественного устройства и заменяющая
ее проблема свободы воли. Очень важный момент: проблема
свободы выдвигается Достоевским как первая стадия решения
проблемы общественной гармонии. Личность и общество рассматриваются Достоевским как равноправные учестники диалога. Сн не отдает предпочтения ни той, ни другой стороне.
С его точки зрения, доведенный до крайности личный принцип (эгоизм) порождает буржуваное общество. Сднако малей-

тее ущемление прав личности в интересах общества сказывается невыносимым для человека, что и подрывает социалистический идеал. Достоевский видит выход только в одном - свободном самоотречении личности и общества в пользу друг
друга. Сн считает, что прежде всего должна быть решена
эта основополагарщая моральная проблема, а все остальное,
четериальная сторона проблемы, решится авточатически:
"Добите друг друга, и все сие вам приложится". (Стр.108).

Таким образом, Достоевский предполагает, что воля человеке свободна и что наивыспая свобода воли в конечном счете приведет и гарионическому обществу. Достоевский верит в развитие личности, и его вера не основана им на каких теоретических аргументах. Достоевский бесознательно стремится сохранить гуманизм эпохи Просвещения без ее рашиональна, он строит свор философир не по велениям рассудка, а по сердечной склонности. Утопия Достоевского иррациональна, она принципиально разрывает с равумом. Проблема личности занимает в последующем творчестве Достоевского центральное место, тогда как проблема общественного устройства отодвигается на второй план.

Одним из главнейших средств идейно-эмсционального эксперимента Достоевского становится специјический "боленосный" анализ человеческой психики, проведение героя, несителя определенной идеи, сквозь ряд испытаний, вплоть до катастројы. В этих испытаниих, а особенно в катастроје, устанавливается степ нь пенности и кизнеспособности "идеи = чувства". Этот анализ сам по себе имеет для Достоевского

робъективь ости, он хочет в своем романе сам найти определенную истину, он экспериментирует в лице своих п рсонажей с идеями романа. Поэтому Достоевский должен создавать для эксперимента строгие условия, он должен воздвигать перед героями самые трудные и неожиданные препятствия. Так, в "Скверном внекдоте" он подвергает самым тятелым испытаниям либерал а-реформатора, приводит его
грумения дает как бы надежду на выход из мертвого тупика
человеческого непонимания. Для этого результата писателю
понадобилась обстановка грубого фарса с жестокими натуралистическими "казнями" обоих противостоящих персонажей,
випрочейшим использованием "болевого эффекта".

Этот очень важный художественный прием Достоевского обосновывается им в «Зимних заметках с летних впечатле-

Исследователи этого произведения, насколько нам известно, не обращают вигмания на одно из высказанных здесь литературно=критических мнений Достоевского. Мы имеем в виду его парадоксальное «похвальное слово глу-пости", его восхваление фонвизинской бригадирши» Писатель удивляется и задается вопросом, почему Фонвизин «Одну их замечательнейших фраз в свсем «Еригадире" вло-шил в уста не европейски-гуманной Софьи, а дуры-бригадирши, простой и глупой бабы. Он цитирует один из диалогов классической русской комедии, где бригадирша расска-

робъективности, он хочет в своем романе сам найти определенную истину, он экспериментирует в лице своих п рсонажей с идеями романа. Поэтому Достоевский должен совдарать для эксперимента стротие условия, он должен воздвигать перед героями самые трудные и неожиденные препятствин. Так, в "Скверном анекдоте" он подвергает самым тяжелым испытаниям либерал а реформатора, приводит его
гуманность" к полному крушению, но само осознание этого
крушения дает как бы надежду на выход из мертвого тупика
человеческого непонимания. Для этого результата писателю
понадобилась обстановка грубого фарса с местокими натуралистическими "казнями" обоих противостоящих персонажей.

Этот очень важный художественный прием Достоевского обосновывается им в «Зимних ваметках с летних впечатле-

Исследователи этого произведения, насколько нам известно, не обращеют внимания на одно из высказанных здесь литературно-критических мнений Достоевского. Мы имеем в виду его парадоксальное «похвальное слово глу-пости", его восхваление фонвизинской бригадирии» Писатель удивляется и задается вопросом, почему тонвизин одну их замечательнейших ўраз в свсем "Григадире" влошил в уста не европейски-гуманной Соўьи, а дуры-бригадирии, простой и глупой бабы. Сн цитирует один из диалогов классической русской комедии, где бригадирша расска-

мвает с кепитане Гвоздилове, который беспричинно и без-

"Сойья. Пожелуйте, сударыня, перестаньте рассказы-

Еригалирия. Вот. матушка, ты и слушать об этом не точешь, каково ж было терпеть капитанше?"

Достоевского восхищает в этом фрагменте грубое столвновение сентиментального гуманизма, любящего выдуманное теловечество и закрывающего глаза паред грозным лицом тыни, с вестокой правдой действительности: "Таким-то образом и сбрендила благовоспитанная Сойья с своей ораниерейной чувствительностью перед простой бабой. Это удивительное репарти (сиречь отповедь) у фонвизина, и нет ничего у него метче, гуманнее и ... нечелниее. И сколько у нас до сих пор таких оранжерейных прогрессистов из самых передовых наших деятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуют большего: Но вемечательнее всего, что Гвоздилов до сих пор еще гвоздит свою капитаншу, и чуть ли еще не с большим комфортом. чем прежде". (Стр. 78). Достоевский заявляет, что у Фонвивина нет имчего гуманнее, чем пудивительное реперти бригедирим. Иными словами, долг гуманиста - это говорить тестокую правду людям, какую бы резкую боль она ни вызывала: Достоевский говорит о пользе "болевого эффекта", Не у тонвизина, действительно, эта мысль вылетает нечалино. неосознанно, тогда как он, Достоевский, вполне осознает важность болезненно режущей правды в век оранжерейных

прогрессистов и модернизированных Гвоздиловых.

И причем эту правду он говорит в лицо всем своим соотечественникам, подразумевая, что образованное русское общество делится на славянофилов и западников. Достоевский стремится в этом сноре по-прежнему сохранять независиную. врединную позинию, но по сравнению с порвыми статьями Времени" мы наблодаем в ней определенный крен в сторону слевяноўильства. Сн находит теперь, что это течэние русской мысли имело в прошлом глубокие основания: "Ведь не с неба же в самом деле свалилось к нам славяно ильство. и коть оно и сформировалось впоследствии в московскую затею, но ведь основание этой затем пошире московской формулы и может быть, гораздо глубже залегает в иных сердпах, чем оно кажется с первого взгляда. Да и у московских= -то, может быть, пошире их формулы залегает". (Стр. 69). Отнако вскоре, словно смутившись такого полупривнания обоснованности славянобильства. Достоевский компенсирует это полупризнание ядовитой насмешкой над "московскими": "... и теперь иные господа, чтобы быть русскими и слиться с народом, не надели-таки зипуна, а изобрели себе балетный костом, немного не тот самый, в котором обыкновенно выходят на сцену в русских народных операх Услады, влюбленные в своих Лодмии, носящих кокошники". (Стр. 71). Он имеет в виду высокие сапоги, терлик и мурмолку Константина Аксакова. В дневнике профессора Гикитенко записано под 20 янверя 1856 года о внакомстве на вечере у министра с А.С.Хомяковый: знаменитый славянойми был одет в красную

косоворстку и держал мурмскиу подмышкой, но говории больтей честью по-французски... этот показной, оперный патриотизм славянофилов вызвал у Достоевского жесточейшую наснешку.

Но зато си усматривел признаки «широкого сеневания" славянојильской затем тем, где этого никто не ожидал. Сн говорит, что в определенном смысле сам Виссарион Белин-екий был «тайный славянојил", что в нем жило бессознательное чувство русского превосходства. «В жизнь мою я не встречал более страстно русского человека, каким был Белинский"... (Стр. 67). Под широким основанием славянојильства Достоевский, очевидно, подразумевает стихийное «почвенное" совнание особого предназначения России.

Сн высказывает убеждение, что и «привилегированная и патентованная кучка" русского общества, сто тысяч цивилизованных русских людей нед пятидесятимиллионным нецивилизованным народом, все же, несмотря на все влияния, не
переродились в европойцев» «Неужели ж и в самом деле есть
какое то химическое сединение человеческого духа с родной
вемлей, что оторваться от нее ни за что нельзя, и хоть и
оторвешься, то все таки назад воротишься" (Стр. 69).
Европеизм русского образованного общества — это только
личина, говорит Достоевский, то личина эта ужесна и отвратительна» «Зато как же мы теперь самоуверенны в своем цивилизаторском призвании, как свысока решаем вопросы (...).
Зато как мы спокойны, величаво — спокойны теперь, потому
что ни в чем не сомневаемся и все разрешили и подписали".

(стр. 79). В этом преклонении перед европе"ской шивилизатей и в презрении к русскому национальному, "почвенному" дачалу Достоевский обвиняет прогрессистов, т.е. демокраов 60-х годов. Он обвиняет их в смешении понятий цивиливации и «нормального, истинного развития". Цивилизация в последнее время в Европе всегда стояла с кнутом и тюрьмой над всяким развитием". «за нее стоит только один собтвенник... чтоб спасти свои деньги". Истинное развитие рстоевский изображает так: "прежде всего нужна натура, потом наука, потом жизнь самостоятельная, почвенная, нестесненная и вера в свои собственные, национальные силы". (Стр. 81). Эта схема расшиўровывается следующим образом: первых, русская народность с ее органическим чувством общечеловеческого братства, потом наука, "досытая из цивилавации", как писал Достоевский в 1861 году, наконец свободное развитие русского общинного принципа без всякой свяс европейским капитализмом и западной идеологией. По имсли Достоевского, западное - значит буржуавное: так, в Вимних ваметках" слова "француз" и "буржуа" употребляются одновначно. Не увидя на Западе никаких сил, противостоя-Тих Ваалу, усматривея даже в социалистических теориях инфильтрацию корыстного, "буржувзного" духа, Достоевский отождествил Западную Европу и капитализм. Слово "цивиливация" у него стало означать только буржуваную цивилизацир. Противник собственности и "деспотизма капитала" (вы-Ражение Достоевского), он в силу этого стал противником Вапада. Так утопический социализм бывшего петрашевца начал

принимать напионалистическую окраску. Астикапиталистичесе воззрения Дестоваского стали наптизападнами".

Выше ны охарактеризсвали удопию Лосгоевского как мческий социализм. К этому геобходимо добавить, что коечное счастье человечестве эрелый Достоевский предполагай остикимым только через посредство России, через русский парод. Русский народ облекается всемирно-исторической мисокей спесения всех других народов, исо он наисолее споссен к скорейшему достижению гармонического общественного устройства. В этой убежденной и немотивированной идее Достоевского имеется прациональное зерно". В силу особых исторических условий Россия X1X века испытывала колоссально убистренный рост населения и экономики. Стромные потенциемьные силы России уже гогда отмечались запалными наблюдателями. Передовые русские люди, вопреки всему внешнему неблагополучию, не могим не сознавать ветикого исторического подъма России. Гериену принадлежит мысль о том, что менно в России может впервые в истории установиться сопиалистический строй. "Русский социализм" Герцена, предубежденного против кровавых экспессов народного бунта и налеявлегося на одивление русской осшины социалистической теорией, был-своему интерпретирован Лостоевским и привел последнего к идее народа - спасителя, народа - мессии. Но в период "Зимних заметок о летних впечатлениях" он свявывал эту идею с духом исконного общинного братства и еще не заговаривая о сожественном начале русского народа.

Тем не менее, положение Долигина о "герценизме"

постоевского нупдается в серьезимх уточнениях. Долинии оворит о сорьсе писателя против рерце овской прелирии об--естверного пересоздания", о развитии этой борьбы в «Зеписиз подполья" и при этом имтирует высказывания подпольчого человека как выражение взглядов самого Достоевского. такое отожнествление неправомерно: великий романист сам верил в "пересоздание" и мечтал о гармоническом человечестве, но видел путь к нему не в социально-экономическом преобразовании общины, а в распространении самого общингого, братского чувства, оставляя в стороне «хлебный вопрос". это различие мы уже пытались проследить в «Зимних заметках". Для Достоевского оказывается главной ипотребность братской общины", а не сама община; это не игра слов, термин «потребность" заменяется словом «лобовь", намечается уклон в сторону проповеди евангельской любви. В «Зимних ваметках" писатель стоит на перепутье между русским социвлизмом Герцена и кристианским социализмом своего позлнего периола. Но поскольку религиозная идеслогия еще не совершила триум вльного вступления в его утопию, мы говорим о промежуточном этическом социализме Досгоевского.

Программа Герцена носила социальный характер, программа Достоевского - этический. Это различие четко выступает уже в "Зимних заметках", ксторые Долинин справедливо рассаматривает как кульминацию герцевских влияний в творчестве Достоевского. Борьба Достоевского против Герцена - это не борьба против "нересоздания", а борьба против материального, социального пути этого "пересоздания" - за путь

орального перерождения. По начему мнегию, 4.0.Долинин осточно обсаначил водораздел между герценовским социелизи этической утопией Достоевского в его впереходный период.

Наступающее преобладание этической проблематики ощуто на всем протяжении «Зимних заметок". Яркими красками
суя ницету, пьянство, проституцию в Лондоне, прямо говото «гололе и расстве" народа, Достоевский подчеркивает
морализм — Заала, в частности аморализм его жрецов — слумтелей богатой и самодовольной английской церкви, которые
треют в совершенном спокойствии совести". Далее следует
четкое определение: «Это религия богатых и уж без маски".

Стр. 98). Английские проўессора религии забавляются мисспонерством, обходят всю землю, чтосы в глубине Аўрики
обратить одного дикого, и забывают миллион диких в Лондовае то, что у тех нечем платить им". (Стр. 98).

Вся картина Транции в «Зимних заметках", по существу, представляет собой детальный анализ буржуваной морали, ее прости и лицемерия» « Накопить фортуну и иметь как можно больше вешей — это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина" (стр. 102). Однако буржув сохраняет потребность рядиться в одежды театрального благородства. «Все французы имеют удивительно благородный вид. У самого подлого французика, который за четвертак продаст вам родного отца. «В то же время, даже в ту самую минуту, как он вам продает своего отца, такая внушительная осанка, что на вас даже нападает недоумение". (Стр. 102).

убийственно народируя знаменитое и Qu'est-се que tiers-état? " аббата Сиейеса, Достоевский показывает банпротство исвященных принципов" 1789 года, выраженных в
ормуле исвобода, равенство, братство". «Дает ли свобода
выдому по миллиону? Нет. Что таксе человек без миллиона?
оловек без миллиона есть не тот, который делает все, что
годно, а тот, с которым делают все что угодно". (Стр.105).

В УШ главе ("Брибри и мабишь") Достоевский срывает покровы с буржуваного брака и маску с буржуваной любви. Вто сарказм достигает своих вершин. Нарисованный здесь обобщенный портрет молодого буржув является законченным полнокровным этодом к образу мнимого Де-Грие в романе штрок".

Ссобое место ванимает в «Зимних заметках" тема русской беспочвенности, чрезвычайно важная для всего послезущего творчества Достоевского. Уже в первой главе «Зимнах заметок" ставится риторический вопрос: «Кому из всех нес русских (то есть читающих хоть журналы) Европа не известна вдвое лучие, чем Россия?" (Стр. 61). «Насколько мы швилизовались?" спрашивает далее Достоевский.

В восемнадцатом веке русское дворятство подверглось весьме поверхностному эспадному влиянию. «Репяливали шел-ковье чулки, парики, привешивали шпажонки — вот и европе-ец». (Стр. 75). Это не метало по старинке расправляться с дворней и подличать перед высшим лицом. Несмотря на парик и манжеть, старое барство было ближе и понятнее мужику.

все эти господа были народ простой, крямевой..." (Стр.76). иным представляется Лостоевскому образованное общество России в X1X веке. и у. тепорь уж не то, и Петербург валя свое. Теперь уж мы вполне европейцы и доросли". (Стр. ??). Теперь уже народ нас совсем за иностранцев считает, ни одного слова начего, ни одной книги начей, ни одной мысли ней не понимает, - а ведь это, как котите, прогресс". (Стр. 79). Си говорит о преврении образованного общества России к народу и народным началам, о слепом преклонении перед европейской цивилизацией, короче говоря - об оторванности от народа". В "кепральской самоуверенности", в презрении к народу Достоевский обвиняет прогрессистов, При втом он делает очень любопытные различения, обращаясь к прошлогодней полемике вокруг "Стнов и детей", вогда Максим Андонович в "Современнике" обвинил Тургенева в карикатурном изображении революционной молодежи. Достоевский говорит: "Ну, и досталось же ему за Базарова, беспокобного и тоскующего Безарова (признак великого сепдца), несмотря на весь его нигилизм. Даже отхлестали мы его и за Кукшину. ве эту прогрессивную вошь, которую вычесал Тургенев из русской действительности ... (Стр. 79-80). Достоевский выпеляет нигилиста Базарова из числа самоловольных "беспочвенников", считает его беспокойство и тоску признаком великого сердца. Ибо Достоевский ненавидит всякое самодо-BOTTLCTBO.

Сн отказывает русской демократической литературе в мправе обличения пережитков народного варварства, поскольму образованное сословие усвоило вместе с цивилизацией пие, новые "предрассудки и мерзости".

Впрочем, он мавиняется перед читателем, что слишком екоро перепрытнул от дедов к внукам. В промежутке был Чаптий. это не наивно-плутоватый дед и не самодовольный потип нашей - это совершенно особый тип нашей русской Вропы, это тип мильй, восторженный, страдающий, ваываюи и к России, и к почве, а между тем все-таки уехавший опять в Европу..." (Стр. 82). Заметим, кстати, что Чацкий • это литеретурный тип. близкий реально существовавшему тилу дворянского револогионера. Высказывая свои заветные инсли, Достоевский говорит, что новый Чацкий скоро явится победителем, гордым, могучим, кротким и добящим". (Стр. 82). «Он теперь в новом поколении переродился"... Он вернется в Россию и найдет, что делать, и станет делать". Новый переродившийся Чацкий - первый в послекаторжком творчестве Достоевского эскизный набросок иположительно прекрасного человека". "Пный человек уже народился... но об этом после". - вскользь бросает Достоевский (стр. 83). Это «после" затянулось на пять лет: вплоть до появления романа "Идиот".

Достоевский возвращается к современным ему образованным русским людям, любящим Запад и в крайнем случае уезжающим туда. «Поколение Чацких обоего пола после бала у Фамусова, и вообще когда был кончен бал, размножилось тем подобно песку морскому, и даже не одних Чацких: ведь из москвы туда они все поехали. Сколько там теперь Репетиновых, сколько Скалозубов, уже выслужившихся и отправленвых к водем за негодностью". (Стр. 83). Сдин лишь Молчаин остался дома: он в Петербурге, он преуспел, он теперь не молчит - «напротив, только он и говорит". (Стр. 84). Достоевский проврачно намекает: в России подлецы у власти.

С этой литературной ассоциацией (новое положение героев «Горя от ума") из темы русской беспочвенности выделяется теме нааграничных русских", поэже развитая Достоевским в романе "Игрок". "Все они ходят с гидами и жадно бросают-В Каждом городе смотреть редкости и, право, точно по обязанности, точно службу продолжают стечественную ... (Стр. 84). Этот пассая напоминает цитированный выше расская Страхова о Достоевском за границей, о его презрении в общепринятой манере путешествовать. Далее автор «Зимних веметок" говорит, что русские, едва перевалив границу, тотчас становятся празительно похожи на тех маленьких несчастных собачек, которые бегают, потеряним своего хозямна". (Стр. 85). Достоевского болезненно раздражает тупая приниенность русских за границей. Вго эксцентричный протест против преклонения перед европейской цивилизацией выразился в целом ряде ситуаний и диалогов романа "Игрок".

Процитированные фрагменты фельетска 1863 г. удачно дриолняет одно из поздних писем Ф.М.Достоевского - письмо моллону Майкову от 15 мая 1869 г. (из Флоренции). Восторгансь историческими балладами Майкова, Достоевский делится собственными литературными мечтами на аналогичные темы и говорит, что пошел бы далее: до Екатерины, до крестьянской реформы, до бояр, рассыпавшихся по Европе с последними

предитными руслишками, до сврать, судавах с тергезатами, до семинаристов, проповедующих втемзи и т.д. Здась он спять сваливает в одну кучу революциснеров и вызохдающееся дворякство, с грубой небрежностью объединяя всех своих врагов под одной якобы общей чертой: антинациональность, беспочвенность. Го тон письма 1869 года намного резче, чем в вимних заметках", и это объясняется не только частным характером выскланвания. В фельетоне им видим скрытое недовольство положением в России и надежду на молодое поконение, на «переродившегося Чацкого", на «тоскуршего" Баварова; религия и атемам в 1863 году еще мало занижеют фостоевского, и его размышления о России восят еще отнокительно спокойный характер.

Попытаемся обобщить проделанный нами анализ. «Зимене ваметки о летимх впечатлениях" - памфлет против Сурхуевной повилизации, где Запад отождествояется с капитализмом. Анитева Запада и России развертывается в основном в моральпо-психологическом плане, причем доказывается моральное превосходство русского народа с его органическим общиным OPETCEBOM HAI COCCTBEHIMUECKO", STOUCTHUECKOE HETYDOR BEпалного человека. Законам личной вытолы противопоставляетоя высший закон свободной личности - закон лобви, доходяцей по семоотречения. Утопия Достоевского, его этический COUNSAINSM, HOOTUBOHOCTSBARGTCH *MATERIARTWRECKOMY COUNSлизму западных теоретиков, в том числе фурьеризму и кабетизму. Достоевский все более склониется и идеалистическому Утверждению, что нравственным фактором определяется исторический процесс. В связи с этим все большее эксчение для него начинает приобретать проблема свободы воли, тогда как

проблемы матермальной организации отбрасываются писателем.

В «Зимних заметках" приглушенно звучет первые нападки на философию рационализма, на теорию разумного эгоизма, из социалистический «муравейник" - общество с разумным ограничением свободы личности. Это уже предвещает «Записки из подполья". Личность и общество для автора «Зимних заметок" - равноправные партнеры.

Утопия Достоевского крайне туманна и отодвинута в неопределеннное будущее. Этот разрыв между идеалом и необходимостью практического действия явится в дальнейшем одним из главных пунктов философской озабоченности Достоевского.

Достоевский отстаивает право и обязанность гуманиста пробуждать совесть своих современников, нести им самую жестокую и страшную правду; он обосновывает свой прием болевого эффекта".

Наряду с сильнейшим влиянием Герцена в «Зимних заметках" появляются оговорки в пользу славянойщов. Продолтая иронизировать над «московской затее", автор в то же
время признает глубокое основание славянойшльства. Достотакий приближается к славянойшлам, в частности, к Константину Аксакову, в признании решающей роли религиозно-кравственного фактора в историческом процессе. Однако в момент
создания «Зимних заметок" Достоевский пока еще продолжает
обходить молчанием чисто религиозные проблемы.

Выступая против буржуваной цивилизации. Достоевский доходит до отрицения имвилизации восбще. Он противспостав-

пет ей нормальное, истин се развитие - русский путь, осрованый на высоких предственных качествех русской нации. оссит - исключительное явление в истории человечества: эта идея приведет его впоследствии к идее "народа-согоноспа", спесители других народов Европы.

Желию критикуя суркуезную мораль, Достоевский ососеню яростно нападает на всякую семсуспокоенность и самодовольство, которое он отмечает и у французского буржуа, и у английского епископа, и у русского прогресиста. Спокойная совесть вызывает ненависть у Достоевского, и он прибпилется к своему постулату вечного искания, прославляет беспокойство сознашей личности.

Порицая беспочвенность образованного общества России, он верит в близкий приход переродившихся Чацких, кротких и любящих, которым предстоит активно вмешеться в русскую жизнь.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях" мы усматриваем момент непосредственного перехода от социальной проблематики к проблематике по преимуществу этической.

B.

В то время, когда Достоевский только еще писал "Зимте ваметки о летних внечатлениях", в России начались события, которым предстояло сыграть очень важную роль в творческом развитии писателя. В ночь на 23 января 1863 года
вспыхнуло восстание в Царстве Польском: отряды повстанцев
одновременно напали на русские гарнизоны и некоторые из
них разгромили. Царское правительство двинуло войска на
подавление восстания.

Польша восстала против церского самодержавия тогда, согда революцион ая волна в России уже шла на убыль. Котя прогрессивное, революционно-демократическое крыло русской втеллигеннии сочувствовало польскому восстанию, революционная пропаганда в пользу него не имела успеха. Кроме спада революционной ситуации в России этому способствовали внешние факторы.

Прежде всего в самом революционном правительстве Потым - в Центральном национальном комитете ("Женд народовы")
-не было единства. Руководство в нем постепенно захватили
польские магнаты и крупная буржуазия сорвавшие проведение
демократических реформ. Эта партия (так называемое "белые"),
в отличие от польских революционеров, стремившихся к едивому фронту с русской демократией питала надежды на помощь
наполесна в Вонепартистские традиции в Польше были счень
сильны, и в надежде на помощь французских штыков жонд народовы выдвинул программу восстановления Речи Посполитой
в границах 1772 года (до первого раздела), что овначало
присоединение к Польше некоторых земель, населенных белоруссами и украинцами. Эти требования вызывали протест даже
у русских демократов, сочувствовавших восстанию.

Однако главной причиной резкого поворота в русском общественном мнении явились не требования Жонда, а дипломатический шантах западноевропейских держав. Передовые люди Запада (Гарибальди, Маццини), русские эмигранты во главе с Герценом и Бакуниным, авангард европейского прометариата во главе с Марксом и Энгельсом горячо сочувствовали польскому восстанию. Используя этот общественный

подем, пр вительства Англии и Транции начали раздигать втирусскую компанию в официозной прессе, повели дипломеческое наступление на Петербург и превратили израненную польшу в объект опасной политической игры.

В впреле 1863 года правительства двух велиних держав выша направили в Петербург ноты с требованиями невависимости Польши и рассмотрения польского вопроса на новом вропейском конгрессе. Зимний дворец ответил отказом, но обещал польским повстанцам аминстию, если они в условленсрок сложат оружие. Тем временем на подавление восставя была брошена трехсоттысячная русская аримя. включавпая даже гвардейские полки. В мае Франция и Англия обратикъ к России с новыми нотеми, еще более резкими и угровошими. На какое то время создалось впечатление. что Росси угрожает повторение Кримской войны, на сей раз - не по инициативе России. Поскольку объектом спора, кроме Парства Польского, становились украинские и белорусские области и поскольку угрожающая позиция Парижа и Лондона содержала как бы скрытый намек на поражение России семь лет тому назад. ојициальная проперанда царского превительства сумела сыграть на патриотических чувствах России. В стране начался мощный подъем националистических настроений, и эта волна захватила не только повинистов.

С разных концов страны в Петербург направились адресы, заявления, резолюции, исторые требовали отклонения вызывающих нот Наполесна Ш и порда Росселя. Собирались по подписке денеги на госпитали для русских солдат, раненых в боях с польскими повстанцами. В армию посылались тот вационалистический угер. Го те, кто молчал, задумывась о свсем месте в случае нападетия Транции и Англии.

В этот момент один только Герцен, по выражению Лени
педа педас честь русской демократии". 1) Си еще раньше писал

весвоевременности восстания в Польше, но когда оно нача
тось, Герцен безоговорочно встал на защиту польской свобо
сов Сн в своем "Колоколе" пуолично "высек" И.С. Тургенева

вего слезливое покаяние и демонстрацию лойяльности - де
разное пожертвование в пользу христолюбивого русского воин
ства. И кампания "Колокола" не была безрезультатной: лучшие

тоти России сочувствовали борьбе поляков за независимость

свободу. Но те из них, кто выступил в поддержку польско
то восстания, погибли почти сразу же; остальные, и их было

вемного, только сжимали кулаки в бессильной ярости. План

восстания внутри России провалился. Народ не поддержал

маленькую кучку революционеров.

В начале 60-х годов «Колокол" Герцена расходился в 2.500 экземплярах. В 1863 г. его продажа упала сразу до пятисот экземпляров. Герцен объяснил это своими статьями в пользу поляков. Одновременно с упадком герценовского элияния взошла двусмысленная звезда Михаила Каткова, либерала=англојила, знаменитого политического ренегата. В 1859 г. в Лондоне он лично встречался с Герценом и говорил ему, что «Колокол" — врасть, а спустя три года обвинил уже «лондонских агитаторов" в подмигательстве. В 1862 г. Катков получил в аренду официозную газету «Московские ве-

¹⁾ В.И.Ленин. Соч., т. 18, стр. 13.

допости" с доходом от казанных объявлений и тем самым вступил в прямые денежные отношения с правительством. С 1 янперя 1863 г. газата выходила под его редакторством.

Когда началось польское восстание. Катков сначала отнесся к нему довольно спокойно. Вскоре он понял, что происходят крупные собития. На которых можно заработать новый политический капитал. Он стал публиковать в своей ревете пумные статьи, вамвая к патриотическим чувствам русского народа и в то же время демагогически требуя «не полевления польской народности, а призвания ее к новой, общей с Россиею политической жизни". Но вот в апреле прогтемели первые ноты западных держав, и к подножлю русского трона посыпались «всеподданнейшие адресы". Колебания нерептельного Александра П кончились, Муравьев-Вешатель был павначен генерал-губернатором в Вильно. Тогда Катнов сметил тон и начел знаменитую серию статей по польскому воппосу. в которых требовал беспощедных репрессий против новстанцев. При этом он прослевлял деятельность Муравьева и обвинял Герцена и его сторонников в предательстве. Вуль-Рерно-доходимене, яростные, грубые статым Каткова имели огромный успех среди обывательской массы. Для передовых им даже более умеренных органов печати борьба против Каткова по польскому венросу была невозможна. Катков задал тон всей русской прессе. Переход колеблющегося большинства нобразованного общества" от Герцена к Каткову был ярким выражением общественной реакции, наступившей в России.

Новый «диктатор общественного мнения" воспользовался

пряженой атмосферой в России дли расправы со своими овкурентами. "Современник" после восьмимесячного перерыва тал выходить вновь, уже без Чернышевского, и старался в подавать повода к репрессиям, выражая свое отношение польским делем в основном молчанием. Но оставалось еще всема популярное "Время", в полемике с которым Катков прежде всегда терпел поражения. И этот второй конкурент повволил себя "зацепить".

В апрельском номере "Времени" за 1863 год появилась статья Страхова "Роковой вопрос", наполненная отвлеченными рассуждениями о духовной непримиримости России и Польши. Ссобенности изложения и притворно объективный тон Страхова делали статью не вполне ясной. Этим и воспользовался катков: "Московские ведомости" поместили своего рода "открытый донос" на журная "Время", обвинив его в полонојильских настроениях. Впоследствии Катков согласился даже исправить недоразумение и восстановить "политическую репутацию" Страхова, но он сделал это post factum, когда турнал братьев Достоевских был уже запрещен высочейшим повелением от 24 мея 1863 года.

ота катастрофа разразилась над братьями Достоевскими, как гром среди ясного неба, и привела их в полную растерянность. В письме к Тургеневу от 17 июня 1863 г. б.м.
Достоевский признает, что запрешение журнала случилось
неожиданно для его редакторов. "Тут было столько возни,
тоски и прочего, очень дурного..."
Видимо, они бозлись

¹⁾ Письма, т. 1, стр. 317.

репрессий; Страхов венеминает, что спаселся высылки из петербурга. Перед Достоевским вновь маячили жуткие привраголубых мундиров. Лето прошло в лихорадочных условиях справить положение, спасти журнал, оправдаться.

Вы мы уже говорили о том, что Достоевский после Сибии испытал сильнейшее влияние револошмонной ситуации в России. Сн внимательно следил за всеми выступлениями Добротобова и Чернышевского, привлек к сотрудимчеству во "Време-Некрасова. Педрина и Помяловского, зашищал "Свисток", вел поляменую войну против Каткова и Аксакова, увлечение чисел Герцена. Затем настали крутне времена: пожары, аресты, есылки, крушение надежд. Перелом происшедший в 1862 году. оня слишком резок. Разрыв с "Современником", обострение полемики между почвенниками и демократами толкало Достоевокого в объятия неославяной илов - Страхова и Григорьева. Отвращение к западной цивилизации глубоко вошло в сознание Лостоевского. Его моралистическая проповедь, кафедрой для которой служил журнал, не доходила до серден современников. И вот 24 мая 1863 г. тот самый Александр Освободитель. на которого писатель возлагал величайшие належды, своей пержавной рукой отиял у Достоевского последною возможность участия в бурной жизни великой страны. Удар был тыжелым. С этого момента отчетливо определяется второй идейный кривис Достоевского.

Первое свидетельство второго кризиса — упомянутое письмо Тургеневу в Баден, важнейший документ, который васлуживает детального изложения. В начале висьма Достоевский сприндавлется: он не смогответить всовремя на письмо Тургегева с дегежной просьбой от 13 ман 1803 г., из валена). Причины неанмуратности достоевского - запрещение "Времени", возня, тоска и прочее, очень дургое": может быть, солань репрессий или унивительные сночения с врагоми (Страхов писал Каткову и Ивану Аксаксву); далее, болознь Марии Димтриевны, ее переселение в Москву; наконец, «серьезная и довольно долгая болезнь" самого автора письма.

Далее он излагает историю запрещения "Времени". "Вы внаете направление нашего журнала: это направление по преприцеству русское и даже антизападное. Ту стали он мы стоять ва поляков?" Постсевский говорит, что считает "Роковой вопрос" статьей в высшей степети патриотической, но "неловности изложения" дали повод полибочно перетслковать ее". "Но мы понадеялись на преднее и известное в литературе направление нашего ж ризла, так что думали, что статью поймут..." Си передает Тургеневу основные инсли статьи Страхова. Выражает напежду скоро увидеть своего корреспондента в Бедеге. «Я пропусь за границу и имею надежду, что поеду. Я очеть болен паручер, которая все усиливается и приводит меня даже в отчание. Если бы Вы знали, в какой тоске бываю я иногда после припадков по цельм неделям! Я собственно еду в Берлин и в Париж... единственно для того, чтоб посоветоваться с докторами-специалистами по падучей болевни". 2) Отчанию, поска, усиление падучей -

¹⁾ Tam me, crp. 317.

²⁾ Там же, стр. 318.

все это очень важиме призгания. Слажо не сидем забывать, что Достосновий умеричнает об сласт потельная: путечествие по Западкой Европе он собитется предламиять в обществе молодой и присивой женины, это илиперии Промодъевим Сустовой, с которой он свяран самили бливишим стношениями.

Достоевский почально сообщеет Тургенску о невозможности для бывших надателей «Зоснений удовлетворить денежную просьбу писателя. То интереснее всего заилочение письма:

н не знар, будет ли война, но вся Россия, войска, общество и даже весь народ исстроет патристически, как в 12-м году! Это без преузеличения говото. Движение начинается великов. Что бы из было, а Европа но знает нас корошо. Это огромное замское движение". 1)

По пронии случая, Достоевский вольно или невольно питирует вдесь Герцена: "Европа нас не знаст" — слова из книги "С того берега", которую в 1362 г. он ивалия ее автору во время лондонской встречи. Го смисл письма Достоевского — прамо антигерценований: растепяний, подавленный несчастьем, он был захластнут вольой наимоналистических чувств, он покорился гозетной кампании, примяз ее вслемя въявление народа. Народ встает против Запала, против поляков, против ревотонионеров — таково было основное впечатление Лостоевского от событий 1863 года. И так как нерод был выстим авторитегом для него, он больше не мог оставаться на позициях идей ого помпромисса.

¹⁾ Tam me, crp. 318.

Польское восети не вознато резисе размежералмо в русской интеллировнии. В Петороурге на представлении сперь Ринки плизнь за перя", когда тач лись польские тениы. прежде счеть популярные, с Слестящим Феликсом Элесинским в первой паре мазурки, неплоналистически настроегияя публика Свистом, чиканьем и криком заставила прервать спектакль и опустить аннавос. То в том же Петербурге молодежь. невоспримичивая к пропаганде Каткова, на какое-то время сделала свети излюбленным ротови м убором польскую ковтедератку. "Кезетский заговор" в поддержку польского восстания был выдан предателем: пятерых зеговорщиков расстрелят, остальные пошли на каторгу. И все же трагедия Польши продолжала вызавать сочувствие. Петербургский губернатор граф Суворов назвал Муравьева - Вешателя "подоедом", что вызвало желиную отповедь Тотчева ("Гуманный внук воинственного деда..."). Великий поэт в этом стихотворении прославлял Муравьева как национального героя.

ото размежевание оказалось пагубным для Достоевского:

с 1863 г. он становится полонофосом. В "Мертвом доме" мы
видим пороб уважение к мужеству польских ссыльных; начивая с 1863 г. писатель говорит с поляках только с ненавистью и преэрением. Но крабняя политическая острота вопроса привела еще к тому, что русский патриотизм был ложно
противопоставлен социализму. Готы западных держав и реальвая угроза вобны сытрали роковую роль в повороте общественного мьения к поддержке пр вительства. Достоевский был
вахвачен этой волноб. Выть социалистом означало сочувст-

вовать Польше: соннализм выглядел «непатриотичным". Laimoнальные чувства противоборствовали идеям социализма; из
равнодушия русского народа к этим идеям Достоевски" сдепал ложное заключение о том, что социализм враждебен русскому народу. Ото была роковая мысль: «социалисть — враги
России". Мысль Каткова, Погодина, Скарлтина. Она в тот год
еще не отли лась у Достоевского в столь категорической
форме, однако он встал на путь к этому, стал приближаться
к антитеве: «ложь революции" — «русская правда" (слова
И.С. Аксакова). Достоевский в 1863 г. уже лично участвует
в полемике против «Современника".

Но мог ли Достоевский, человек, переживший свой собственный расстрел, сочувствовать пработе" Муравьева? Голос его совести рептал и подсказывал доводы против новсобретенной прусской правды" со всеми ее виселицами.

В теком состоянии духовного смятения, ваняв тысячу рублей в Литературном фонде, Достоевский в августе 1863 г. выехал во второе заграничное путепествие. Аполлинария Прокофьевна Суслова ждала его в Париже, куда он прибыл 26(14) августа. Дорогой с ним случился "легкий припадок". 1) Сн видел, проезжая через Польщу, внешнее спокойствие края; однако солдаты дежурили на каждой станции. Удивительно, что спеша к любимой женщине, Достоевский все же задержался на четыре дня в знаменитом курортном городке Висбадене, куда собирались со всей Европы праздные богачи и рыцари легкой наживы. Здесь он играл в рулетку, мечтая выиграть

¹⁾ С путешествии 1863 г. см. Письма, т. 1, стр. 321-335.

со тысяч ранков. Вначале ему крупно почезло, он выпрал солее десяти тысяч, но затем проиграл половину. Тем не менее, оставшиеся 5.000 франков были крупной суммой (свыше 1000 рублей), и она оказалась той приманкой, которую демон игры подоросил Достоевскому.

В Париже его ожицал тяжелый удар: «Ты приехал слишком поздно", - такими словами встретила его Аполлинария Суслова. Сна влюбилась в молодого красивого студента из богатой испанской семьи (местами в своем дневнике Суслова навывает его "Плантатором"). Достоевский был потрясев. Судя по всем данным, какими респолагают биограјы Лостоевского, ого чувство к Сусловой было самой сильной страстью этого вообще страстного человека. Так думает, в частности, Л.П. Гроссмен. Это была жегшина необузданных порывов, с очень высокими требовениями к людям, сильная, независимая и всегда поступавшая неожиданно. Вскоре после приевда Достоевского она пришла утром к нему в отель, разбудила его и просила его совета: Полина решила убить своего молопого красивого лобовника, который бросил ее. После ее ухола Лостоевский поспешно сделся и поехал к ней. Она уже успокомпась, встретила его улыбаясь, с булочкой в руке, и они вместе позавтракали. Что до люсовника, Полина говорит Лостоевскому: "Я его не хотеля бы убить, но мне бы хотелось его очень долго мучить!" 1)

Таков был характер А.П.Сусловой. Достоевский часто навывал ее Полиной. Еесомненно, многие черты ее он придал

¹⁾ л.П.Суслов, "Годы сливости с Достоевским", М., 1928г.,

медичи и с хлыстовской обогородицей. Аполинерия одвергла своего бышего возлобленного утонченным душев-

Сдин эпизод этого мучительного романа заслуживает тимения. Полина Суслова осталась когда-то должна пятнадтеть сранков своему испанцу. Теперь она, в своем озлоблепод которым, очевидно, еще тлеет любовь, превращает ту жалкую сумму в целую моральную проблему. По своему обытновению, она посоветовалась с Достоевским и ватем посжела молодому испанцу эти пятнаццать франков со специальписьмом, составленным в высокопарных и надменных выратериях: "Милостивый государь, однажды я позволила себе потучкть от вес услугу, зе которую обычно платит деньгами. я тумаю, что можно получать услуги только от ледей, которых считаем за прузей и которых уважаем..." - т.п. Сслоктение лобви дележными счетами - один из самых излюбленных ститных мотивов зрелого Достоевского, начиная от «Записок ва попполья" и кончая "Братьями Карамазовыми": Лиза выбвесевает на стол полпольному человеку смятую синенькую ассигнацию: Полина пвыряет в лицо "игроку" двадцать пять тысяч (поринов: Настасья Филипповна, предмет торга Тоцкого. Гани Иволгина и Рогожина, бросает в сгонь сто тысяч рублей... Может быть, все эти сцены облазны своим рождением. образу Поличы в романе «Игрок" и в меньшей степни - друты неистовым героиням его больших романов. Позже А.П.Сустова была женой В.В.Розанова, который сравныл ее с Екатевиной Медичи и с хлыстовской «богородицей". Мюлинерия
тодвергла своего бывшего возмобленного утонченным душеввым пыткам, но в результате стресть Достоевского только
возрастала.

Сдин эпизод этого мучительного романа заслуживает внимания. Полина Суслова осталась когла-то должна пятналпать франков своему испанну. Теперь она, в своем озлоблепод которым, очевидно, еще тлеет любовь, превращает ту жалкую сумму в целую моральную проблему. По своему обыжновению, она посоветовалась с Достоевским и ватем поснала молопому испанцу эти пятнадцать франков со специальписьмом, составленным в высокопарных и надменных выракениях: "Милостивый государь, однажды я позволила себе получить от вас услугу, за которую обычно платят деньгами. Я думаю, что можно получать услуги только от людей, которых считаем за друзей и которых уважаем ... " - т.д. Осложнение любви денежными счетами - сдин из самых излюбленных сожетных мотивов зрелого Достоевского, начиная от «Записок из подполья" и кончая "Гратьями Карамазовыми": Лиза выбраствает на стол подпольному человеку смятую синенькую ассигнацию: Полина швыряет в лицо "игроку" двадцать пять тысяч флоринов: Настасья Филипповна, предмет торга Тоцкого. Гани Иволгина и Рогожина, бросает в огонь сто тысяч рублей... Может быть, все эти сцены обязаны своим рождением. пиводу из биографии Аполлинарии Суслово", отославшей 15 оснанувшему ее человеку.

Достоевский просил ее ехать с ним в Италию, обещем ести себя, как брат. После некоторых колебаний Полина соглемпась. Сни отправились окольным путем, и в Висбадене ростоевский вновь устремился к рулетке. Это был сентябрь 1863 г. Достоевский нпроигрался дс тла", ему пришлось обращеться за деньгами к родственникам в Россию.

Совместное путечествие Достоевского и Сусловой было посовычным. Сн тщетно пытался вернуть посовь Полины, она те истительно играла его чувствами, то отталкивая, то привлекая его. 8 (20) сентября 1863 г. он писал из Турина **М.** Достоевскому: "Разных приключений много, но скучно утасно, несмотря на А.П. Тут и счастье принимаеть тяжело. потому что отделился от всех, кого до сих пор лобил и по ком много раз страдал. Искать счастье, бросив всё, даже то чему мог быть полезным, - эгоизм, и эта мысль отравтяет теперь мое счастье (если только есть оно в самом лев последних словах, устыдившись своей неискренности. Достоевский деляет брату полупризнание. Поездка не Уделась. Никакого счастья нет, и он уже опять говорит о своей тоске. В том же письме он рассказывает о встрече с Тургеневым в Бедене: "Тургенев А.П. не видал. Я скрыл". Во он не стал прятать Аполлинарию Прокой вевну от Герцена. которого встретил в начале октября в Неаполе. Он представыт ее как родственницу, весьма неопределенно: Мария Дмитриевна была еще жива, приходилось остерегаться окласки:

¹⁾ Письма, т. 1, стр. 330.

постоевский провожал Горцевов до Ливорно и был у них в остинице. На корабле во время этой поевдки Суслова увлешено беседовала с сыном Герцена и, заметив ревность Досревского, подозвала его к себе, что его сильно обрадовало.

Она по-прежнему продолжала свою бесчестную игру.

А.С.Долиние говорит, что во время этого путешествия услова проявила в отношениях с Достоевским "утонченность учительства". Это "сказывается, в сущности, уже в самом согласии ее на совместную поездку с Достоевским". 1) Эта желая, странная, долгая гония их любви не могла не накомить свой отпечаток на Достоевского, на его настроения. Во, по нашему мнению, гораздо большее значение имела вся втмосфера путешествия.

Еще не перестала литься кровь в польских лесах, еще перствовал Муравьев в Вильне, еще не затихла оксичательно пипломатическая переписка России и Запада. В Европе царила венависть к России. В основании ее лежали еще старые антирусские предрассудки, связанные и с наполеоновскими войнами, и с жандармскими интервенциями Риколая 1, и с Крымской войной. «Тогда в Европе никто не сомневался, что в Петерорге и в Москве ходят по улицам медведи и что сейчас же за Эйдкуненом начинается Сибирь. Понятно, что человек из такой страны не мог не возбуждать лобопытства и в то же время не мог стоять высоко во мнении культурных европейцев", 2) - говорит Пелгунов. Стношение к русскому царизму

¹⁾ А.С.Долинин, "Достоевский и Суслова", в сборнике "Ф.М.Достоевский", Л., 1925, стр. 205.

²⁾ Н.В. Шелгунов. "Воспоминания", М.-Л., 1923, стр. 88.

респространялось осычно на всех русских. "... Я чувствовал себя в Германии, - рассказывает тот же Пелгунов, - в положении жертвы, на которую вавалили ответств иность за все русские прегрешения, за напу историю, политику, просвещение, леже за наши снега и морозы". 1

В 1863 году неприязнь западноевропейского большинства к России достигла инсгем. Даже спустя четыре года, когда мександр П носетил Париж, во Дворце правосудия один молодой адвокат крикнул царо: "Да ад равствует Польша!" - а нольский эмигрант Березовский стрелял в царя; Сенский суд присяжных признал его виновным, но нашел смягчающие вину обстоятельства (1867 г.). Легко себе представить, какая обстановка окружила русских в Западной Европе в разгар "деятельности" Муравьева - Вешателя. Естественно, что первыми выразителями ненависти к царской России были польские эмигранты.

Эта обстансвиа не могла не повлиять на Достоевского, не могла не вызвать в нем ответного салобления. Сн не только не чувствовал себя в «положении жертвы", не только не привнавал никаких «русских прегрешений", напротив — он сам еще выше поднимал голову, отказывая лицемерным и подлым тренцузским буржув, гордым англичанам, тупым и жадным немим в прае судить русский народ. Его презирали как русското: он отвечал удвоенным презрением. Так, перед отъездом вместе с Сусловой из Парижа, визируя билеты в Италию, он учиния настоящий скандал в патском посольстве, который

¹⁾ Tam me, crp. 90-91.

повже описал в романе "Мгрок". Именю с 1863 г. начинается ненависть Достоевского и полякам. Кационализм Достоевского созревает окончательно и принимает резкую форму.
В связи с этим он все солее пересматривает свое отношение
в славянофилам. В его письме и брату Михаилу из Турина от
в(20) сентября мы читаем: "Стражову иланяйся особенно и
всем, кому знаеть. Скажи Стражову, что я с прилежанием
славянофилов читаю, и кое что вычитал новое. Что Ап.Григорьев?" Здесь ироме "прилежного" чтения славянофилов
обнаруживается особенное внимание и идеологам "почвы" Страхову и Аполлону Григорьеву.

Правда, Достоевский остается верен себе. Его пересмотр отношения к славянојилам не свизчал капитуляции.

Через десять дней он пилет Страхову из Рима: "Славянојилы,
разумеется, сказали новое слово, даже такое, которое может быть, и избранными-то не совсем еще разжевано. Но какая-то удивительная аристократическая сытость при решении
общественных вопросов". Это глусокое определение барской природы славянојильства свидетельствует о том, что
социальная проблематика никогда не утрачивала для Достоевского своего огромного, первостепенного значения. Сднако он предполагал, что решение общественных вопросов возможно лишь этическими средствами.

Вышеуказанное письмо Страхову из Рима от 18(30)сентября 1863 года раскрывает перед нами картину душевного состояния Достоевского, Все письмо продиктовано отчаянным

¹⁾ Письма, т. 1, стр. 331.

²⁾ Tam me. crp. 335.

ратериальным исловением инсетедя: он поссит Страхова досгать для него денег в петербургоких редакциях в виде авансе ва расская, план которого излагает Лестсевский. Интересно замечание Достсевского: "Я литератор-пролетарий, и если ито захочет моей работы, то должен меня вперед обестечить. Порядок этот я сам проклинаю. Но так завелось и, кахется, никогда не выведется". 1)

Далее он излагает план рассказа. "Сожет рассказа следующий: один тип заграничного русского. Заметьте: о ваграничных русских был большой вопрос летом в журналах. Все это отразится в моем рассказе. Да и вообще отразится современная минута (по возможности, разумеется) нашей внутренней жизни. Я беру натуру непосредственную, человека однакоже многоразвитого, но во всем недоконченного, изверившегося и не смершего не верить, восстающего на авторитеты и боящегося их. Он успокаивает себя тем, что ему нечего делать в России, и потому жестокоя критика на людей. вовущих из России наших заграничных русских. (...). Главная же штука в том, что все его жизненные соки, силы, буйство, смелость пошли на рулетку. Он - игрок, и не простой (...). Он поэт в своем роде, но дело в том, что он сам стынится этой поэзим, ибо глубоко чувствует ее низость, котя потребность риска и облагораживает его в глазах са-Moro cens 2)

достоевский обязуется сдать рассказ не повже 10 новоря, предполагает объем две печатных листа и просит 200

¹⁾ Sam me, crp. 333.

²⁾ Tam me, crp. 333.

руслей с листа (в крайнем случае 150). «Вель может быть весьма недурная. Ведь был же любопытен Мертвый Дом. А это описание своего рода ада, своего рода каторжной «бани". Достоевский просит Страхова предложить расская Боборымину в «Библиотеку для чтения". Но если там не получится, то вовможны другие варианты. Их обзор весьма любопытен.

"Если нельзя кончить дело с Боборыкиным, то коть в газеты, коть в "Якорь: (ноцелуйте за меня Ап .Григорьева), коть во всякий другой журнал. Разумеется, не в "Русский Вестник", и по возможности избегая "Стечеств. Записок". Ради бога избегите. Даже лучше не надо и денег. Даже можно в "Современник", котя, может быть, там Салтыков и Елисев подгадят. (А почем знать, я, может быть, грещу). Статья моя "Современника" наверно не изуродует. Во всяком случае можно обретиться прямо к Некрасову... И с ним решить дело. Это бы даже очень не дурно. Даже лучше "Библиотеки". Векрасов, может быть, не очень на меня сердит". 1)

Итак, даже в начале своего второго идейного кризиса, уже склоняясь к славяноў илам, уже вступив в полемику с «Современником" ("Спять молодое перо", в мартовской книжке "Зремени" ва 1863 г.), Достоевский надеется уладить раздоры с демократами, еще не чувствует себя их врагом и, по сути дела, предпочитает "Современник" всем другим курналам. Отказ от примирительных тенденций происходил постепенно и трудно, Достоевский не котел безвозвратно отделяться от демократического авангарда, не котел сжигать своих кораблей и надеялся, что на него "не очень сердиты"

¹⁾ Tam me. crp. 334-335.

сограсов, Салтыков-Дедрии и Елисеев.

Но вамысел рассказа свидетельствует, что он вряд ли опошел бы для журнала "Современник". Сбщепризнано, что рассказа глубже, чем выростий из него впоследстроман "Игрок". Этот короткий, динамический, богатый рествием и наглядными реалистическими картинами роман ичается от больших романов Достоевского относительно четой проблемностью, тогда как карактер, торопливо обриоранный писателем в письме в Страхову, заключает богание возможности постановки философских и этических облем. В письме нарисован тип осспочвенника, человака во недоконченного, человека на распутье, человека с разорпиной психикой. Это, по нашему мнению, тип растерявиегося ваночинца, не находящего себе дела в пореформенной России. и уже не верит в дело, предлагаемое ему Чернышевским, но не верит в пело, к которому привывают славянойчинь. во обольной вопрос летом в журналах", по всей вероятности. виван с публицистикой Ивана Сергеевича Аксакова. В своей вете . Лень " лицер славянојилов публиковал под псевлопиом " Касьянов " письма из Парижа, где яростно на мая на зепедную прессу и негодозая на заграничных рустребуя, чтобы они вергулись в Россию, заимлись труна благо родины, вместо того, чтобы кумить в парижресторанах. Достоевский сочувственно относился к этим привывем и Дия ", и в изложении его нового сожета ясно чувтуется неодобрение к лодям, считающим, что в России и неого делать". Проблема практического действия в это время

встала перед реансчинами с теобыча ной сетрото": прекрасње неделды освободительной эры развениясь, перед Россией вырисовывались важные экономические экцачи, начиналось развитие капитализма, а враздесные этому развитию массы демокретической молодени не могли надли себе места в новых условиях. На потресность практического де ствия отвечал внаменитый роман Чернышевского "Что делать "?. Вождь русских революционеров знал молодень готовиться к революции, приближать будущее, переность из будущего в настоящее фаланстеры, коммуны, ессоплании. Славяно илы проповедовали труд, просвещение и возреждение меральной силы и единства допетровской Руси. Достоевский со своей расплывчатой моралистической программой и отчетливым неверием в разумную социальную организацию объества склонялся более к славянотилам, хотя и не вполне отпавал себе отчет в том, насколько далеко зачли его расходдения с лагерем "Современ-HMKa".

Тип растерявшегося разночиния, не знаошего, что депать, заявляющего, что "лучше ничего не делать", выведен
был Достоевским в «Записках из подполья". Замысел, который
изложен в письме от 18(30) сентяря, содержит в недијференпированном виде две идеи: «Записок из подполья" и «Игрока".
Уже в замысле будущего «рассказа" мы видим, что идея «недоконченности" предстает как доминанта запуманного обрада.
Отвлеченная идея, извлеченная из атмосјеры русского пореформенного похмелья, сталкивается с совершенно конкретным
материалом действительности: с наследениями над «загранич-

ными русскими", оторвевшимися из России и губящими сеся в отчаятных, точно от страха, развлечениях Висбадена и Перижа.

на обратном нути из Италии Достоевский вновь застревает в Висбадене, уже без Сусловой, и играет на рулетке. Он снова проигрывается, и по его просьбе Суслова высылает ему из Парижа ЗСС франков. В октябре 1863 г. Достоевский возвращается в Россию.

Печально закончилось второе заграничное путешествие Достоевского: он не нател ни отдыха, ни счестья с Сусловой. Мечты обернулись горьким разочарованием. Рулстка обманула надежды Достоевского поправить его тяжелое материальное положение. Начинались тоскливые будни рядом с бевнадежно больной женой. Достоевский и сам болен, припадки и него опять участились.

По для человека, подлинной жизнью ксторого было творчество, тяжелее всего, несомненно, было сознание дужовного тупика, обрежавшего писателя на бесплодие. Правда, курнал оратьев Достоевских не был еще воврожден, и у федора Михайловича не было в это время своей трибуны. Но ведь после Сисири от писал свои новести и «Записки из Мертвого дома", не рассчитывая на сооственный печатный орган, тогда как в 1863 г. после «Зимних заметок о летих впечатлениях", которые не являлись художественным произведением, он не создал почти ничего. Последиим его художественным произведением был «Скверный анекдот", мрачная эпитайия минувшему периоду общественного подъема в России.

Годы 1862-1863 явились для Достоевского временем разочарования. В душе писателя нарастали чувства госсимизма, гречи и тоски. Позиция всеобщего примирителя сказалась невозможной, так же как и само примирение. В 1863 году начелся идейный кризис Достоевского, который и привел к окончательному перерождению убеждений.

ота мысль не является чем=то абсолотно новым в советском литературоведении. Некоторые исследователи, как, вепример. Л.М. Розенблом, говорят о начале 60 годов как о «переходном периоде" в творчестве Достоевского. В.Б. Александров высказывается еще определеннее, говоря о "реакционном решении" писателя:

"Оно вырабатывается примерно в 1864-1867 годах; перекод от праннего" Достоевского к пловднему" именно адесь; **годы** пребывания на каторге - только предверие". 1) Александров совершенно правильно указывает, что выработку •реакционного решения нельзя объяснить автоматическим приспособлением Достоевского к наступившей реакции. По мнению Алексендрова, "Достоевский меняет свои вагляды... во-первых, в связи развитием своего антибуржуваного мотива и, во-вторых, потому, что все больпе убеждается в разъединенности обравованного общества и народа". 2) это соверченно превильно: первую идею выражают «Зимние заметки о летних впечатлениях", на второй неликом строится "Скверный анекдот".

А.С.Долинин в своей вступительной статье к дневнику

¹⁾ В. Александров, "Лоди и книги", М., 1956, стр. 82.

²⁾ Tam me, crp. 83.

и письмем Сусловой девго уже отметил резкую поремену в настроегиях и веглядах Асстоевского прислизительно в когще 1863 года. 1) увлеченный открытием дневников Сусловой, новой и пркой страницы биограјии писателя, исследователь выдвинул тогда предположение о том, что меремена в Достоевском объясняется его трагическим романом с Аполлинарией Сусловой, их мучительными и странными отновегиями в то мрачное лето. Счевидно, эта мысль Долинина страдает преувеличенностью.

Известный вмериканский руссист эрвест Симмонс также считает, что 1864 год, год появления «Записок из подполья", принес изменение взглядов Достоевского. В своей книге « Dostoevsky. The Making of a Novelist » (первое издание в 1940г.) Симмонс пишет:

"Критики часто разделяют его творчество на произведения, написанные до и после каторги, и часто делеется утверидение, что между повестями и романами этих двух периодов нет связи или существует слабая связь". Симмонс считает, что до 1864 г. развитие Лостоевского шло непрерывно.
Более того, по мнению американского ученого, определенные
«константы" прослеживаются во всем творчестве от начала
до конца. Далее говорится:

"Эсли все творчество Лостоевского вообще может быть разделяющей датой должен быть 1864 год, когда были опубликованы «Записки из подполья" (...). Параллельно этому изменению произошел, в этот же

¹⁾ А. Т. Суслова, «Годы сличести с Достоевским", М., 1928, вступит. статья Л.С.Доличина.

самый момент, резкий сдвиг от либерализма "Времени", когорый он более или менее сохранял от двей своей молодости,
к консерватизму "Эпохи". Трудно определить основные причины изменения, но, несемненно, события его жизни в 1861-1863 гг., в частности его первое заграничное путешествие,
ромае с Полиной Сусловой, смерть его жены и брата, были
способствующими фекторами". 1)

Симмонс в силу ограниченности его метода не может подняться выше второстепенных факторов кризиса Достоевского. В настоящей работе делается попытка понять именно основные причины перехода Достоевского к новым взглядам и новому кудожественному методу. Выше уже говорилось об этих причинах. Первая из них, конечно, спад революционной сктуеции в России.

Это не вначит, что Достоевский, напуганный реакцией, трусливо перебежал на сторону сильных. Отнодь нет. Но конец революционно=демократического подъема превратился для него в личную катастройу: мирное «слитие образованности с началом народным" оказалось наивным до смешного благим пожеланием, уничтоженным кровавой и грубой реальностью. Достоевский испытал отчанние и растерянность, он начал искать виноватых, и это «следствие" в «Скверном анекдоте" приводит к обвинению генеральского либерализма, революцифиной журналистики, низкого и корыстного мещанства: Мечта о счастливой России внезапно отодвинулась в далекое будущее, и никакой прямой дороги к этому будущему, никакой

^{1) *} Dostoevsky. The Making of a Novelist » by Ernest J. Simmons, N.Y., 1962, pp. 120-121.

ивтериально" возможности Достоевский не видел.

Спад революционной ситуации в России знаменовался -идейным разбродом" среди интеллигенции, подобный которому. в неизмеримо больших масштабах, повторился после поражения первой русской революции. Настроения растерянности, стептицизма, тоски, отчаяния проникли в среду разночинцев. В условиях жестоких репрессий революционное деяние предстевлялось невозможным: замедленное развитие капитализма, вкономический кризис первых пореформенных лет, солдефонская университетская политика правительства привели к массовой незанятости молодой русской интеллигенции, к излишку обравованных додей. Перед разночинцами встала проблема непосредственного действия, проблема личного выбора, а в более обобщенной форме - проблема новой морали. Силы молодого поколения просили дела, режим толкал их к приспособлению, к службе, к политическому ренегатству. Многие образованные лоди тех лет испытали жесточайшую внутреннюю борьбу, в истории русской литературе известны примеры «принципиального алкоголизма" Н.Г.Помяловского, тяжелых шатаний Н.С.Лескова, морального падения и самоубийства Николая Успенского, гнуснейшего ренегатства Всеволода Крестовского и т.д. Эта всеобщая деморализация русской интеллигенции не затронула лишь наиболее решительное и мужественное революционное крыло, однако и в нем после ударов реакции наступило известное замешательство и появились разногла-

Все это не могло не влиять на Достоевского, и он перестает связивать свои надежды с демократическим общест-

материальной возможности Достоевский не видел.

Спад революционной ситуации в России знаменовался идейным разбродом" среди интеллигенции, подобный которому. в неизмеримо больших масштабах, повторился после поражения первой русской революции. Настроения растерянности, скептицизма. тоски, отчаяния проникли в среду разночинцев. В условиях жестоких репрессий революционное деяние представлялось невозможным: замедленное развитие капитализма, экономический кризис первых пореформенных лет, солдафонская университетская политика правительства привели к массовой незанятости молодой русской интеллигенции, к излишку обравованных людей. Перед разночинцами встала проблема непосредственного действия, проблема личного выбора, а в более обобщенной форме - проблема новой морали. Силы молодого поколения просили дела, режим толкал их к приспособлению, к службе, к политическому ренегатству. Многие образованные лоди тех лет испытали жесточайшую внутреннюю борьбу, в истории русской литературе известны примеры «принпипиального алкоголизма" Н.Г.Помяловского, тяжелых шатаний Н.С.Лескова, морального падения и самоубийства Николая Успенского, гнуснейшего ренегатства Всеволода Крестовского и т.д. Эта всеобщая деморализация русской интеллигенции не затронула лишь наиболее решительное и мужественное революционное крыло, однако и в нем после ударов реакции наступило известное замешательство и появились разногла-CMH.

Все это не могдо не влиять на Достоевского, и он перестает связывать свои надежды с демократическим общест-

вим движением, которому явис сочувствовал в 1861 году.

Н.Н.Страхов в своих «Восноминаниях" говорит: «Слеурдий год, 1863-г, был важною эпохов в навем сощественном звитим. В начале января вспыхнуло польское восстание и швело наше общество в великое смущение, разрешившееся путьм поворот некоторых мнений". Далее он выражется пределеннее: «После величайшего прогрессивного опьянения ступило ревкое отрезвление и какая-то растерянность. 1)

Скабичевский описывает зиму 1862-1863 года: «Замечаеньно, что, несмотря на все укасы бунтов, пожаров и полького восстания, все пустились в какое-то бешеное веселье. Города горели, крестьян породи и расстреливали, поляков спали и тысячеми ссылали в сибирские тундры, а Петербург

Известный публицист "Современника" Г.З. Емисеев в одной не опубликованной при его жизни рукописи восхвалял русскую литературную богему" — рядовых участников демократического движения, добровольцев журнальной борьбы. "Литературная богема" 60-х гг., — писал Елисеев, — была в цвете и полной силе до начала 1863 г., потом года два, три оставались еще эпигоны, а потом совсем вымерла". 3)

Н.Г.Помяловский в 1863 г., незадолго до своей смерто, писал Александру Пыпину: «Я дела хочу ... Не будет дола, не найду его, буду пить мертвым поем". 4)

¹⁾ Н. Г. Страхов. "Воспоминания".

²⁾ М. А. Скабичевский, "Литеретурные воспоминания, М.-Л., 1928, стр. 241-242.

³⁾ Сборник «Лестидесятые годы", м.-Л. 1933, стр. 472.

⁴⁾ Письма Б.Г.Помяловского к А.І.Пыпину, «Новый мир", 1927, у

пентливых лодей, политическая апатия, отказ от борьбы, растудая эпидемия самоубийств — такую картину представляли собой разночинцы в период наступивней реакции. Большинство их, не видя выхода из создавлегося положения, внадает в свеего рода цинизм отчаяния, целиком уходит в личные переживания, махнув рукой на обществетные вопросы. Переболев и пережив эту духовную катастрофу, бывшие участники разночинского движетия превращаются зачастую в обывателей.

"Правилом прогрессистов на ущербе, - вспоминал позже князь Кропоткии, - стало: "довольству"ся, что жив" или точнее "радуйся, что выжил". Вскоре они, как та безличная толпа, которая десять лет тому назад составляла силу прогрессивного движения, отназывались даже слушать "про разные сантименть". Они спечили воспользоваться богатствами, плывшими в руки "практическим людям".

После освобождения крестьин открылись новые пути к обогащению, и по ним клынула жадная к наживе толна. Желевные дороги строились с лихорадочной поспешностью. Помещики специли закладывать имения в только что открытых частных банках. Гедавно введенные истариусы и адвокаты получели громаднейшие доходы. Акционерные компании росли, как грибы после дождя; их учредители богатели.

Впоследствии, вспоминая 60-ые годы, Станокович писал: "В обществе изменилось настроение. Мечтатели провра-

¹⁾ П. Кропоткин, "Записки революционера", М., 1935, стр. 156.

щались в пректиков". "Стремления видомаменились; более пылкие служители сошли со сцены; более уживчивые успоком-лись, а большинство поплыло за волной, выкативней несметное количество концессионеров, судет, журналистов, адвокатов, директоров, сыроварсв, обрусителей, словом — всевозможных деятелей, сотворивших себе кумир из золотого тельца, или из выеденной скорлупки".

Но в среде разночиниев наблюдалась и прямо противоположная тенденция. В 1863 году, в мартовской, апрельской и майской кимжках "Современника". был напечатан роман Чернышевского "Что делать?". Он имел совершенно неслыханный успех; его вынуждены были прочесть даже враги. Сам Александр Освободитель писал на эквемпляре романа "Что делать"?" свой пчитательский отвыв": "Руду копать". Елисиев вспоминает: "Никакой манне небесной не обрадовались бы так люди, погибавиме от голода, как обрадовалась этому роману молодежь, доселе бесцельно шатавшаяся по Петербургу. (...). Начали образовываться ремесленные мастерские и другого рода артели: швейные, переплетные, сапожные, издательские и т.д. "2) В столице Российской империи начали обретать плоть и кровь коммунистические мечты, возникали потребительские и производительные ассонившим, стали учащаться случам разрыва молодых людей с реакционно настроенными родителями, чиктивные браки в нелях освобождения от домашнего деспотизма и т.д. Естественно, что и консер-

¹⁾ К. М. Станокович, "Гез исхода", роман, впервые опублико-

²⁾ Сборник "Пестидесятые годы", М.-Л., 1933, стр. 300.

веторы и либералы, и самые равислучные и политике обыватели восстали против внамедитого романа, клетия его как "безправственную" книгу, а веру Пезловну - как двоемужницу. В обнестве разгорались отесточенные споры с романе чертычевского, о теории разумного эгоизма, о теории среды, об эмансипации женщин, о спасетки проституток, об ассоциациях и фальнивых паспортах, о морали.

Новая мораль стала одной из первостепенных потребностей общества. Перегоревиме в горимие цигизма постепенно усванвали буржуваную мораль, вергее, буржуваный вморализм. Революционеры исповедовали этическое кредо романа -Что делать?" - удивительное сочетыме теоретического гедонизма с практическим аскетизмом. Между этими двумя противоположными тенденциями колебалась дегориентированная и разочарованныя масса разночинцев. Инершия формулы преволюционеры - разночинцы" мечает нам иногда осознать простой исторический факт, что разночинцам были органически свойственны глубокие впутрениме противоречия и колебания. Героизм немногочисленных в то время борцов - одиночек порой заслоняет от нас самую суть мелкобуржуваной революцион ости: "пеустойчивость такой революционности. бесплодность ее, свойство быстро превращаться в вокорность. апатию ... "1) 3 атмосфере этой апатии, утраты революционной веры в народ, самороспуска "Земли и воли" (первой орранизации под этим иметем) средингая, колеблюшаяся масса разночиниев искала новой морали, более эпрактичной чем

^{1) 8.} И. Ленин, «Детская болезів «левизін" в коммунивне", Соч., третье издание, т. 25, стр. 18С.

y reposs Well-meschoro - paschoundlepes, to conce wenomentor, wenty measures resolutional pyconoro Kenutahusme.

STS HOTOGOFOCTS HODEK IDPSCISOFULK Describ C HOOGEновенной остротой ощущалась Достоевским. Помимо общей пот-DECUCCIO. OH CAM MCHATEBON MCCTOKNE MYKH COBECTM. JMYHO переживал гравственные потрясения. В табие от умирающей жены он встречался в Петербурге с Аполлигерией Сусловой. путелествовал с ней по Западной Ввропе, но это стоило ему больной внутренней борьбы: Полина потребовала ст него бросить умирающую мену и вступить в брак с пей - Лостоевский отказ влея. Роман с Полиной под конец превратился для Достоевского в сплочное моральное самоистязание. Его игра в рулетку и первые круппые проигрыти в момент личений его семьи и брата приносят ему новые угрызения совести, но он ваявляет в связи с этими рулеточными подвигами: "Прикпочения бывают разные, если б их не было, то и жить было бы скучно". 1) Безрассудная жажда жизни, приключений, риска - и наряду с этим глубокая тоска, осознанная и возведенная в некий принцип. В "Зимних заметка" он объявил беспокойство и тоску Базарова признаком великого сердна, а 23 декабря 1864 года писал Тургеневу: "По-моему, в "Призраках" сличком много реального. Это реальное есть тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время... "2 Лостоевски" все глуске разрабатывает свою антибуржуваную мораль - мораль неблагополучия, неудовлетворенности, негармоничности.

¹⁾ Письма, т. 1, стр. 327.

Сднеко в то же время постепенно складывающиеся убеддения Достоевского направлены против революционной этики Чернышевского, основанной на гедонистических теориях. Этика Достоевского является ярко антигедонистической.

Обсощая сказанное выше, необходимо выделить три основных исторических причины второго идейного кризиса Лостоевского: спад револоционгой ситуации в России, ознакомлегие Достоевского с буржуваной цивилизацией Западной Европы и польское восстание 1863 года. Кризису способствовали тяжелые личные переживания писателя, связанные с его лобовью к Сусловой, с болезнью жены, с постепенным падением его общественной репутации. В 1859 г. Петербург встречал его как петрашевиа: спустя четыре года примирительная позиция, «сидение между двух стульев", окончательно резоблачила и скомпрометировата себя. Гуманизм сороковых голов был слишком отвлеченым и далеким от жизни в честидесятые года, и автору «Скверного амекдота" это было предельно ясно. Где же выход? Как претворить в жизнь расплывчатый этический социализм, намеченный Достоевским в «Зимних веметках"? Как перебросить мост через пропасть межну мыслителем и народом?

отот путь было очень трудно найти. Между народом и интеллигенцией не существовало общего языка: идеология русского крестьянства, насквозь монархическая и религиозная, не имела точек соприкоснования с передовой общественной мыслыю. Революционеры пытались говорить народным языком, служа панихиду по убиенным в Бездне бунтовщикам,

пропагандируя среди раскольников и привлекая их идеей свободы версисповедания, распуская слухи о «вслотой грамоте" и пытаясь поднять народ на борьбу с номощью подложими царских манифестов. Как правило, подобные попотки оставались бесплодными.

Достоевский в поисках такого максимально распростравенного, универсального языка идей необходимо обратился к религии.

ото было возвращением к сибирскому нериоду, к богопскательству нервого идейного кривиса. По приезде в Петербург, под влиянием революционной ситуации и огромных успеков материалистической пропаганды, писатель на время расстался с религиозными исканиями. Эти мотивы отсутствуют
в его публицистике. В "Униженных и оскорбленных" религиозная патетика Ихменева намного уступает богоборческому мотиву в трагедии нелии. 4В "Мертвом доме" богослужение незначительная сентиментальная сцена. В "Скверном анекдоте" писатель с величайщим неуважением грактует "таинство
брака". В утопии Достоевского (статьи в журнале "Время",
"Зимние заметки о летних впечатлениях") все основано на
русском общинном начале, на братской любви, но нет места
церкви.

И вот теперь, где-то на исходе 1863 года, происходит новое обращение. Какой был конкретный импульс к этому? На этот вопрос мы ответить не можем. Паскаль обратился после "чудесного" спасения от смерти на мосту в Нейи, но такого "чуда" нет в биографии Достоевского.

пропагандируя среди раскольников и привлекая их идеей свободы вероисповедания, распуская служи о «золотой грамоте" и пытаясь поднять народ на берьбу с номощью подложных царских манифестов. Как правило, подобные попытки оставались бесплодными.

Достоевский в поисках такого максимально распростравенного, универсального языка идей необходимо обратился к религии.

пскательству первого идейного кризиса. По приезде в Петербург, под влиянием революционной ситуации и огромных успеков материалистической пропаганды, писатель на время расстался с религиозными исканиями. Эти мотивы отсутствуют в его публицистике. В "Униженных и оскорбленных" религиозная патетика Ихменева намного уступает богоборческому мотиву в трагедии Нелли. Дв "Мертвом доме" богослужение незначительная сентиментальная сцена. В "Скверном анекдоте" писатель с величайшим неуважением грактует "тамиство брака". В утопим Достоевского (статьи в журнале "Время", "Зимние заметки о летних впечатлениях") все основано на русском общинном начале, на братской любви, но нет места церкви.

И вот теперь, где то на исходе 1863 года, происходит новое обращение. Какой был конкретный импульс к этому? На этот вопрос мы ответить не можем. Паскаль обратился после "чудесного" спасения от смерти на мосту в Нейи, но такого "чуда" нет в биографии Достоевского.

несомненно, больное влиние на него оказами такие представители философского инеализма, как Страхов и мполмон Григорьев, его бливкие друзья. Собенно Страхов, естественник по образованию, знакомый и с материалистической философией, выглядел убедительным со своей проповедыю утонченной религии в изящной философской оболочке. Известно, что Достоевский в пору их дружбы любил вести со Страховым долгие беседы на философские темы.

В 1863 г. религиозные проблемы в России приобрели особенную остроту в связи с национальной проблемой. Католишам был провозглашён главным виновником польского восствиня. Славяноўилы объявили польский народ чуть ли не предателем славянства, объясняя это тем, что Польша потравлена" католинизмом. Катков писал об пиезуитских кознях". Русская провославная церковь сыграла активную роль в мобилизации мнения широких масс обывателей против Польши. пытаясь придать карательным экспедициям правительства облик "войны за веру". Вообще говоря, солижение Достоевското с илеологией славянофилов толкало его к признанию религисаной веры как основы правственности. А поскольку он почти одновременно или даже несколько ранее пришел к убекдению, что исторический процесс определяется состоянием и развитием правов, то отсюда погически следовал вывод. что религиозная вера является основой всех общественных установлений и человеческого общества в целом. Достоевский впоследствии стал выделять в истории религиозные движения. ресколы, реформации, религисаные войны и т.д. Он стал рассматривать историческое действие как действие по праимуществу религиозыс=этическое, принимая религиозную оболочку массовых движений провлого за их сущность.

Все это не означает, что Достоевский оксичательно уверовал в бога и покончил с мучившими его сомнениями. Но он пришел к выводу о необходимости идеи бога для жизни человека. С чрезвычайной полнотой и четкостью ход его мысти отражен в известной и не раз уже цитировавшейся записи, сделанной им у теле скончавшейся марии Дмитриевны.

жена Достоевского умерла 15 апреля 1364 года, в то время как писатель работал над второй частью "Записок из подполья". Га другой день в своей записной книжке № 2 Достоевский сделал эту свою запись:

Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. Между тем, после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно, как день, что высочайшее последнее развитие личности иметно и должно дойти до того (в самом конце развитил, в самом пункте достижения цели), чтобы человек нашел, создал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего Я - это как бы уничтожить это Я, отдать его целиком всем и каждому, безраздельно и безраветно. И это велицайшее счастье. Таким образом, закон Я

сливается с законом гуманизма, и в слитии оба, Я и се (по-видимому, две крайние противоноложности), взаимие уничтожаясь друг для друга, в то же самое время достигает и выслей цели своего индивидуального развития каждый особо. Это-то и есть рай Христов. Зся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели".

При достижении иснечной цели жизнь должие была бы прекратиться, человеческие существа перестали бы воспроизводить свой род, так как стремление и цели посредством смены поколений стало бы уже не нужным. Но Достоевский не может примириться с мыслыю о прекращении жизни: «Но доститать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели все угасает и исцевает, то есть если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следственно, есть будущая райская жизны.

Бессмертие души вдесь въвсдится из самого факта человеческого существования и из субъективного убеждения, что это существования и из субъективного убеждения, что это существование имеет спределенный, предваданный смысл. Рассуждения Достоевского проникнуты духом телеологизма, т.е. идеи целесообразности мирового порядка.

"Итак, человек стремится на вемле к идеалу, противоположному его натуре. Когда человек не исполнил вакона стремления к идеалу, то есть не приносил лобовью в жертву свое Я лодям или другому существу (Я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. Итак, человек беспрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновеливается рабским наслаждением исполнения закона, то есть жертвой. Тут то и равговесие земное . Иначе земля была бы бессмысленново. 1)

В последнем умоваключении писатель дает свою скатую схему человеческой психики. В сслове се - противоположность между своекорыстными, эгоистическими влечениями человеческой натуры ("закон личиссти") и меральным денгом, стремлением к идеалу ("закон гуманизма"). Постоевский считает, что страдание - результат эгоизма личности, а наслаждение - результат морального поведения. Это поиммение прямо противоположно концепции Зигмунца фрейда, где "принции удовольствия", управляющий сслестью бессовнательного, есть не что иное, как удовлетворение сислогических потребностей, инстинктов, не знающих никакой морали.

Психологическая схема у Достоевского весьма своеобравна. "Закон личности" в наивысшем развитии, в последнем
свом осуществлении должен слиться с "законом гуманизма".

Таким образом, свободная воля человека в конечном счете
стремится к благу, котя в современной личности и приводит
к греку. Развитие каждого индивидуума мыслится Достоевским
как развитие его свободы через эло к добру. Свобода воли необходиме" шее условие морального развития личности.

представляется Достоевскому непрерывным развитием, борьбой и стремлением к идеальной цели. Достижение этой цели — прекращение жизим. Таким образом, каждый человек представляет собой единство и борьбу противоположностей, контраст

¹⁾ Стдел рукописей Государственной библиотеки имени В.И.Ленина, бощ Т.И.Летоевского, 93.1.2.7, стр. 41-55.

метермального (личного) и идеального (всеобщего). Наисольтее самоутверждение личности, полнейтан ресликация ее свободы означает в то же время самопожертвование, слияние с
остальным человечеством, однако это слияние есть отдалегвый моральный идеал, в настоящем не достижимый.

В том настоящем, в котором мы мивем, отназ от свосодь, по мысли Достоевского, ведет к самоунистожению, к гибели личности. В высших идеальных нелях необходимо сохравение личности. Стремление к идеалу также является необходимостью. Человеческая психика мыслится Достоевским как
поле борьом двух необходимостей, противоположных друг друту: необходимости самоутверждения и необходимости самостречения. Колиманя двух необходимостей есть основа трагедии. Достоевский приходит в момент второго идейного кризиса к осовнанию трагической раздвоенности человеке.

В процитированной записи заключена в зачаточном состоянии трагическая концепция зрелого Достоевского. Иногда его метод определяют как «псикологический реализм". Эта формула страдает больчой неточностью. Достоевский отноль не является таким тонким и внимательным исследователем человеческой психики, как Стендаль или Лев Толстой. Достоевский отвергал эту формулу, говоря сам с собой в записной кимже 1880-1881 годов: «Меня зовут психологом: неправда, я инть реалист в выстем смысле, то есть изображею все глусины дути человеческой". Что это значит? «При пслном реализме найти в человеке человека". 1) Таков, если

¹⁾ Т.М.Достоевский, Биография, письма и заметки из запис-

можно так выразиться, его принции отбора материала: Достоевский выделяет в человеке идеальное начало. Он представляет нам в дрематических картинах мучительное восхождение
человека, его борьбу с самим собой. Достоевского интересует не непрерывное течение мысли, не эволония личности,
в катастројические моменты внутренней борьбы. В его романах перед нами развертывается грагедия духа, трагедия изолированной личности. Изолированная личность - порождение
определенной исторической эпохи, и как бы отвлеченно, внеисторически, ни трактовал Достоевский трагедию отдельного
человека, она объективно сохраняет глубокий исторический
смысл.

Только одна сдинственная трагедия дука: это самое генмальное творение Текспира, «Гамлет". Несомнение, вечный образ датского принца стоит выше образа Раскольникова; однако не следует забывать, что Текспир воссездает трагедию индивидуализма в титаническую эпоху Возрождения, а Достоевский — ту же трагедию индивидуализма в мещанский девятныцатый век. Тем не менее, аналогия этими двумя образами вполне возможна и могла бы послужить темой специального исследования. Лобовь Достоевского и Текспиру была не меньшей, чем лобовь и Путкину, однако интереспейтее сопоставление Текспира и Достоевского ни разу еще не было проведено, если не считать отдельных замечаний (например, у л.П. Гроссмана).

Возвращенсь к сказап-сму выше, еще раз подчеркнем, что Достоевский не был писателем эпсихологом в общепринятом

смысле этого слова. Таким психологом был Лев Толето". великий мастер анализа, фиксирующий "подробности чуватва", все детали психического процесса, подвижную и текучую -диалектику нуши". Лостоевский изображал душевные катастрофы: в его роменах результат раскрывает и освещает причину, тогда как у Толстого дело обстоит прямо противопоподным образом. "Гайти в человеке человека" - значит найти в надшем, ваблуждающемся, раздвоенном современном человеке его лучшую сторону, его стыдливо затаенную душевную сердцевину, дающую возможность морального обновления. Эту задачу можно разречить лишь посредством трагического эксперимента, выпужджощего героя к предельному самораскрытию. В романах Голстого автор знает все, все тайные мысли и побужщения героев; в романах Достоевского автор не знает ничего, т.е. как правило авторская осведомленность не опережает читетельской. Нет ни авторских характеристик героев, ни анализа их психики. Диалог, мимика, жест, исповедь, документ героя (Раскольникова, Ставрогина, Ипполита). перипетия, катастрота - так раскрывается герой Достоевского: это средства в основном драматические. Даже подробно рассказывая предисторию братьев Карамазовых, писатель оставляет под покровым тайны самое главное - их чреватию варывами карамазовскую натуру.

Искание «человека в человеке" необходимо ведет Достоевского к совданию исключительных и даже фантастических характеров с гигантской амплитудой моральных колебаний, с титанической борьбой противостоящих духовных сил. Психологическая фантастика Достоевского — прямое следствие

его трагической конценции человека. Сложное противосорство фантастики и реализма в его романах определяет своеобразие их читательского восприятия: первоначально сопротивление читателя, ощущение "въдуманности" изображаемых писателем ивлений, но ватем — потрясарщее слияние с мыслыр гения и ощущение величайшей правды написанных им картин.

Вырабатывает своеобразную трегическую конценцию человека, веобходимо предполегающую исключительный, неожиданый и передоксальный характер борьбы добра и эла в человеческой душе. Его трагизм нуждается в преувеличениях и фантастических сочетаниях противоположностей. В предшествующем творчестве Достоевского наблюдалсь только одна польтка такого рода: это "Двойник" (1846). Однако в рангей повести Достоевского трагизм и фантастика повествования непосредственно вытекали из натологического раздвоения личности героя. Картина болезни, написанная с точки зрения самого больного, не могла иметь и не имела широкого общественного звучания. Визофреник не может быть героем трагедии, и подлинно трагической могла быть только предистория болезни.

Трагический бунт инчести против мира мы видим в истории Нелли, маленькой герсини "Униженных и оскорбленных". Как уже говорилось в первой главе настоящей рассты, бунт Нелли социально детерминирован и мерально обоснован. Он воплощается в берьбу ненависти, "эгсизма страдания", против свеей же сооственной любви к ледям. Трагедия, загнанная внешними силами внутрь страдающей имчности, становится трагедией изслированной имчности.

видуациама он возводит в степскъ почти коспическую. В мемместовеского за годы илебеого компромисса произомло
мощное векопление изменений количественного типа, новых
идей, несполение, сообщений; запись от 16 апреля фиксирует
огромный качественный скачок - резкое увеличение месштебности маления.

Аудожественная мысль Лостоевского приобрегает космогонический характер. Это очень ярко выразилось впоследствим в "Дневнике пистеля" за 1876 год (январский выпуск, глава 1): "Самоубийна Вертер, кончая с жизтью, в последних строках им оставленных жалеет, что не увицит более "прекрасного соввездия Большой Медвелици", и прощвется с ним. С. как сказался в этой черточке только что начинавшийся тогда Гете! Чем же так дороги были молодому Вертеру эти созвездия? Гем, что он сознавал, каллый раз созерцая их, что он вовсе не этом и не ничто перед ними, что вся эта бездна тамественных чудес божимх вовсе не выше его мысли. его сознашия, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, стало быть, равна ему и роднит его с бесконечностью бытия... и что за все счастие чувствовать эту великую мысль, открывающую ему: кто он? - он обяван лишь своему лику человеческому". 1) В космогонии Достоевского прямо соспоставляется вся бескопечная, таинственная все-

¹⁾ Т.М.Достоевский, Ссор. ссч., т. 11, М.-Л., 1929.стр. 146.

ленная и человеческое совтение, имин сеть человена, совнающего свое единство не Сесконечностью бытия". Та гуманистическая мысль русского писателя заставляет нас испомнить внаменитье слова отна научной космогонии Иммануила Канта:

пДве веши гапольяют душу постояние новым и возрастаючим удивлением и благоговением и тем сольте, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и правственный закон во мне". 1) У Канта красота вые: ввездного неба противопоставляется красоте человеческого вравственного сознания. Картина космоса мкак бы уничтожает мое значение как животного творения", которое после недолгого пребывания в жизни должно возвратить планете, этой меленькой точке вселенной, ту материю, из которой оно возникло. Зато картина собственного пневидимого Н", соверцание своей моральной личности, возвышает достоинство человека: внутри личности нравственный закон поткрывает мне визнь, независимую от животности и даже от всего чувственного мира ... " В этом противопоставленим весьма наглялно раскрывается дуализм Канта. По образному выражению Плеханова, для Кента превственный закон был чем-то вроде ключа, отворяющего дверь в потусторогний мир.

В приведен ой цитате Достоевского идеал красоты, заключенный в душе человека, роднит его с бесконечностью бытия. Здесь идеал красоты заменяет гравственный закон Канта, и само созерцание звездного неба вызывает не мысль о бренности человеческого существования, а прямо противоположные мысли о раветстве личности миру, точнее - о равенстве ее мысли, ее сознания миру.

¹⁾ Иммануил Кант, "Критика практического разума", "Заключечне", СПб, 1897.

Старый спор с кантианстве Достоевского не волет быть достаточно освешен в пределах настоящей расст. Как известню, русский неокантианен Л.Ланшин считал Лостоевского последователем философии Канта. В наши дни этой проблене последователем философии Канта. В наши дни этой проблене последователь проблене засстренную работу Я.О. голосовкер, 1 который пробленаеми образы "Братьев Карамавовых" веплощениями антинсмий чистого разума, но указал на критическое отношение Достоевского к Канту. Паконец, польский исследователь Рышерд Памбыльский совсем недевно ваявил, что философия Раскольникова - это своеобразная интерпретания кантовского практического разума, ведущая к уничтожению самого существа этики Канта. По мнению Пимбыльского, великий романист защищая от вторжения историзма в сферу этики как христиенскую мораль, так и кантианскую этику свободного выбора. 2)

Против утверждений с связи философии Достоевского с кантианством выступает В.Я.-Кирпстин, заявляющий, что в философском мышлении писателя «можно найти отблеск не холодной «Критики чистого разума" Канта, а пламенеющий «Феноменологии духа" Гегеля и учений Пеллинга". 3) Эмоциональная и даже нескслько патетическая полемика Кирпотина изобилует противоречиями. Гак, он заявляет весьма категорично, что «агностиком он (Достоевский) не был". Но одною страницей ранее сам же Кирпотин цитирует в выслей степени

^{1) &}quot;Достоевский и Кант", АН СССР, М., 1963.

²⁾ Ryszard Pzybylski. "Dostojewski i przeklęte problemy. Warszawa, 1964, str. 294.

³⁾ В.Л.Кирпотин, "Сообенности художественного видения мира у Достоевского" в ссорнике "Писатель и жизнь", учение ваписки Лит. ин-та им.Горького, вып.2, М., 1963, стр.80-81.

жеректерное утверждение Достоевского: «Падо изображать действительность как она есть, говорят они, гогда как такой действительности совсем нет, да и никогда на земле не бывало, потому что сущесть вещей человеку педоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройди через его чувства..." . По мысли Кирпотина, эти слова характеризуют Достоевского как врага натурализма в искусстве, и действительно, полная цитата и сама статья по поведу выставки" имеет такое значение. Однако в самом процитированном отрывке статьи Достоевский использует претив натурализма вгностический аргумент, говорит, что сущность вещей (кантова "вещь в себе") принципиально недоступна человеческому познанию. Это и есть чистейчее кантианство! Сам Кирпотин, "неосторожно" питируя подлинные тексты, убивает свою излюбленную идею о гегельянстве Достоевского.

токи мышления Достоевского, неуместно прицепляться к отдельным цитатам, выхватывать обрывки мыслей и на них строить докательство. Решение этого вопроса должно быть предоставлено специалистам. К сожалению, мировозэрение Достоевского иска что почти не привлекает внимания советских
философов. Спираясь на ряд сопоставлений текстов Достоевского с произведениями крупцейчих европейских мыслителей
конца XVII — начала X1X веков, сопоставлений, которые не
могут быть вредены в нашу работу, мы можем сказать, что
на формировании (илософской мысли Достоевского оказали

¹⁾ Лостоевский, Соор.соч., т. Х1, М.-Л., 1929, стр. 77-78.

мощное и несьма противоречивое вимпие различиме испулирвые или кудожестветные интерпретании (раннузского матермализма эпски Просвещения, в особенности Вольтера и Дидро,
и немецкой классической философии, в особенности Кагта,

Теллинга и Шилиера. Остается интереснейший прослемой вопрос
о влиянии Паскаля на Достоевского. Зато в нале время представляется в выслей степени неудачной полытка выдать его
философию за некий вариант гегельянства. Тилософия Гегеля
отличается ярко выражениям историвмом, что высско ценили
Маркс и внгельс. Мышление же Достоевского, как говорит
Кирпотин, аисторично. Вот самсе главное противоречие в кирпотинской концепции философии Достоевского.

но самое главное - это то, что великий русский романист не был ил деистом в духе Вольтера, им материалистом
à la Diderot , ни кантианцем, им полингианцем: его милление знаменует некий поворотный мемент или плерерыв постепенности" в европе ской философской традиции. Достоевский, несмотря на весь свой эклектичный философский багах,
отталкивается от старых систем, не примыкает им к одной
из них, не является философом в общепринятом смысле слова.
Его философия, как она воплетилась в эрелых художественных
произведениях, очень рознится и от официального учения
кристианства, от учения православной церкви: недаром византийски - изощренный Константин Леонтьев намекал на еретический характер религнозной утопим Достоевского. 1)

¹⁾ К. Леснтьев, Соор.ссч., том 8, М., 1912, во всемирной побви". Леснтьев посивает религиозно-ссцияльную утс-пир Достоеского при помещи евзытелия и сдысй из речет при П.П. Победоносиева.

мощное и несьма противоречивое влилиме различные популярные или кудолественные интерпретании пранцузского материализма эпохи Просвещения, в особенности Вольтера и Дидро,
и немецкой классической философии, в особенности Канта,

Теллинга и Шиллера. Остается интереснейши прослемой вопрос
о влиянии Паскаля на Достоевского. Зато в наше время представляется в высшей степени неудачной полытка выдать его
философию за некий вариант гегельянства. Тилософия Гегеля
отличеется ярко выраженным историзмом, что высоко ценили
Маркс и Энгельс. Мыштение же Достоевского, как говорит
Кирпотин, аисторично. Вот самое главное противоречие в кирпотинской концепции философии Достоевского.

не самое главное - это то, что великий русский романист не был им деистом в духе Вольтера, им материалистом
à la Diderot , ни кантивицем, им пеллингизицем: его милление знаменует некий поворотный момент или пперерыв постепенности" в европе ской философской традиции. Достоевский, несмотря на весь свой эклектичный философский багах,
отталкивается от старых систем, не примыкает ни к одной
из них, не является философом в общепринятом смысле слова.
Его философия, как она воплстилась в эрелых кудожественных
произведениях, очень рознится и ст официального учения
христианства, от учения православной церкви: недаром византийски - изощренный Константин Леонтьев намекал на еретический карактер религиозной утопии Достоевского. 1)

¹⁾ К.Леснтьев, Соср.соч., том 8, М., 1912. пО всемирной прови". Леснтьев посивает религиозно-ссимельную утопию Достое-ского при помощи евенгелия и одной из речер
К.П.Победоносиеве.

ременных ому писателе": этим же определяется и его (млософия. Эсе потуги эпигонов достичь то" же высоты и напряжения мысли оказались тцетными. Сравнения его мысли с антитрадиционными учениями імиче и Кьориегора, мичь ярче подцеркивают гуманизм и веру в Судущее человечества, свойственные Достоевскому, и отдельные соприкосновения его идей с ницчеанством посят формальный жерактер. Фридрих Інцие, страстный поклонеми русского генмя, сумел многое в его творчестве оценить по достоинству, но главного в Достоевском не понял или не захотел понять...

Прерывал это отступление, мы возвращаемся к проблеме кантианства Достоевского. По начему мнению, допустимо предположить частичное и весьма ограниченное влияние Канта на мирововарение писателя. В частности, оно сказывается в правильно подмеченной у Голосовкера (и не только у Голосовкера) антиномичности художественного макления Достоевского. Го, в отличие от Канта, антиномии его романов никогда не раскрываются как только мнимые, кажушиеся, не настоящие. Антиномии Лостоевского - это психологические реальности, имеющие вечное, падвременное вначение, это ипроклятые вопросы" человечества.

Больтой интерес для исследования проблемы "Достоевский - Кант" представляет и приведенная выше запись у гроба жень, сделан ая 16 апреля 1864 года. В ней говорится, что история человечества и жизнь каждого человека направлены к сличнию этомама личности с идеалом самопожертвования и любви. Сднако достижение столь великой цели не имеет Как художник Достоевский стоит особняком в ряду современных ему инсателе": этим же определяется и его тилософия. Все нотуги эпигонов достичь то" же высоты и напряжения мысли оказанись тщетными. Сравнения его мысли с антитрадиционными учениями типпе и Кьоркегора, липь ярче подчеркивают гуманиям и веру в Судушее человечества, свойственные Достоевскому, и отдельные соприкосновения его идей с нициеанством посят формальный жарактер. Тридрих гицие, страстный поклонник русского гения, сумел многое в его творчестве оценить по достоинству, но главного в Достоевском не понял или не захотел понять...

Прерывая это отступление, мы возвращаемся к проблеме кантианства Достоевского. По напему мнению, допустимо предположить частичное и весьма ограниченное влияние Канта на
мировозарение писателя. В частности, оно сказывается в
правильно подмеченной у Голосовкера (и не только у Голосовкера) антиномичности жиложественного мытления Достоевского. Го, в отличие от Канта, антиномии его романов никогда не расирываются как только мнимые, кажущиеся, не
настоящие. Антиномии Лостоевского - это неихологические
реальности, имеющие вечное, надвременное значение, это
проклятые вопросы" человечества.

Больтой интерес для исследования проблемы "Достоевский - Кант" представляет и приведенная выше запись у гроба жень, сделан ая 16 апреля 1864 года. В ней говорится, что история человечества и жизнь каждого человека неправлены к слиянию эгонзма личьости с идеалом самоножертвования и лобви. Однако достижение столь великой цели не имеет смысле, эсли после дости егия цели прекодлается жизть чеповечества. "Следственно, есть будушая рабская жизнь".

Размыштения Достоевского действительно весьма напоминают ход масли Иммануила Канта в "Критике практического разума". По Канту, достижение высшего блага - необходимый объект воли, определяемой вравственным законом. Полная соразмерность воли с этим ваконом есть святость, т.е. совершенство, недостижимое ни для какого человека. А так как эта соразмерность, тем не менее, является необходимым требованием практического разума, то она может быть только в прогрессе, бесконечно идушем к этой законченной соразмерности, и плопускать таковое движение в качестве объекта нашей воли необходимо по принципам чистого практического разума". Этот бесконечный прогресс возможен лишь при попушеним продолжающегося в бесконечность существования и личности разумного существа, что называется бессмертием пушм. Значит. бессмертие души, как неразрывно связанное с нравственным законом, эсть поступат чистого практического разума, грубо говоря - нревственная несеходимость. Точно так же правственно необходимо допускать бытие бога". По Канту, религии основана на правственности. Лопущение бытия бога по отночению к теоретическому разуму, говорит Кант, есть гипотеза, а по отночению к практической потребности может быть названо верой, по только чистей разумной верой, исо только чистый резум есть источник, из коего она возникает. Так, правственный закон через понятие высшего блага приводит к религии (Кагт, сграгичивая знание в пользу веры, в то же время стремился ослебить зависимость STMKM OF BEDH).

Достоевский в пориод своего второго идейного кризиса (1863-1864 годы), оченицию, испытал известное влияние кантовских поступатов пректического разума. Здесь мы говорим не о внешних, исторических и биографических факторах ретичовного перерождения Достоевского, а о формах, в которых протекало это перерождение, котя то и другое тесно связано и причину обращения Достоевского к Канту возможно истать в известной аналогии исторического развитии Пруссии епохи Фридриха Великого и России в церствовение Александра Сърободителя. Эта аналогия сказывается, прежде всего, в прусском пути развития капитализма в России, в сласости и принименности буржувами и т.д. Сходиме причины вызвали сходиме результаты в общественном сознании: отсода и большой успех в России немецкой классической финософии, в частности Канта, Пеллинга, Гегеля.

Достоевский, следуя по стопам Манта, шел от этики к религии, от утопии этической — к утопии христивнской. Слияние «закона личности" с «законом гуманизма" — это кактова законченная соразмерность личной всди человека с гравственным законом; «слитие" закона личности с законом гуманизма возможно личь при допущении будущей, загробной жизни; бесконечное движение к святости (совершенной соразмерности воли с нравственным законом) возможно личь при допущении бессмертия души. Мы намеренно перемежаем здесь рассуждения Достоевского и Канта: так более нвственье выступает их родстве.

сднако при полном анализе этического развития Достоевского неизбежно бросается в глаза и разительное отли-

име от Канта: оно состемт в необычайней конкретно-чувственной, нчеловеческоз насыщегости ваглядов Достоевского, не ваходящей соответствия в ирачном правственном аскетивме Канта. Для русского романиста исполнение гравственного закона означает "ра"ское наслаждение", а равновесие страдавия и наслажления вначает гармонию жизни, т.с. счастье. По мнегию кенигобергского меслителн, выполнение правственного долга не имеет ничего общего со счастьем, т.е. счастье по суди дела, недостижимо: высшее благо - это божья слава. Лостоевский ищет в своем творчестве резгацку проклатых вопросов", он мечтает о братстве и гармоническом устройстве общества, он прославляет вечное искание, чувства лобви и сострадания лодей друг другу, он надеется найти принцип общечеловеческого счастья или, скорее, внушает страстную веру в возможность последнего. Этика Достоевского, задолго до влияния Канта, испытала влияние утопического социализма и навсегда сохранила печать мечты и утопической веры в человечество. В 1861 году он возвещал недалекое пслитие образованности с началом народным"; через три года оп превратил эту формулу в «Слитие закона личности с законом гуманизма" и отнес достижение этой цели в вечную жизнь за пределами истории. Однако после записи у гроба жены последовали годы новых поисков и сомнений, так что в 1880 году. в знаменитой пушкинской речи, утопия воскресле внось, и Констентин Леонтьев срезу же отметил ее противоречие с XDMCTMAHCTBOM.

Несмотря на формальное родство этической системы Достоевского с этикой Кагта, между имми существует непрес-

долимая пропроть. Этическое учение Достоевского испытало сильнебшее влияние не только кантовской фэтики совести", но и примо противоположное влияние антропологизма, свебственного материалистическим доктринам эпохи Просвечения и социалистическим утопиям. Таким образом, новое учение Достоевского о правственности с самого начала строится на противоречиях.

В результате второго идейного кривиса Достоевский пришел к усеждению об этическом пути развития общества как единственно верном и все свсе внимание художника сосредоточил на моральном субъекте - отдельно вантом индивидууме. Сднако при этом он рассматривал человеческое существование как "великое противостояние" человека и космоса, в жизненную борьбу - как тратический бунт личности против всего мирового порядка.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях" эгоизму
вападного человека, буржув и собственника, противопоставлего сратское, лобовное начало, свойственное русскому народу; в 1864 году Достоевский перенес эту антитезу в душу
отдельного человека, своего нового героя - идеолога: таковым был образованный разночинец, плед западной цивилизации,
привитой к русскому корно, каким считал его писатель. Противоречие эгоистического разума и сверхличного морального
идеала, противоречие между Я и Все, из антитезы двух цивилизаций превращается в трагическую разорванность одной человеческой личности, порождени ой этими двумя различными
цивилизациями. Перед мыслепным взором художника уже давно
проступал за чертсю черта образ трагического мыслителя,
двойственного по самой своей природе; но только в резуль-

записках из подпольн".

rare Broporo Mueffore Ephanca sambcen EphorannisoBancs B

"Записках из подпольн".

ГЛАВА 11

•ЗАПИСКИ ИЗ ПОППОЛЬН" И НАЧАЛО ВГОГОГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА ГОСТОЕВСКОГО

1.

19 ноябри 1863 г. Федор Михайлович писал из Москвы брату, планируя первый номер нового журнана: "Разбор Чертывевского романа и Писемского произвел бы большой еффект...

Две противоположные идеи, и обеим по носу. Значит правда".

Он собирался подвергнуть критике две питературных сенсатим года: "Что делать?" и "Вабаламученное море". Роман Писемского открыл длинную полосу антинигилистической литературы, и очень важно, что Достоевский намеревался "дать по
восу" мдее этой книги. В том же письме проскальзывает
тысль о необходимости сохранить "независимую", срединную
повицию: "Оригинальность и приличнам, т.е. натуральная
вксцентричность — теперь для нас первое дело" 1).

Однако журналу "лоха" не удалось остаться в рамках "приличной эксцентричности". Он родинся в обставовке нарастающей реакции, в горячке все усиливающейся полемики против демократов. Первый, удвоенный номер журнала (1864, январь-февраль) содержал нервую часть повести Достоевского "Раписки из подполья", которую он писал в москве с начала 1864 года, находясь рядом с медленно умирающей женой, прерывая работу из-за припадков, мучаясь тостой и ожесточением после тяжелого для него лично и мрачного для всей России 1863 года.

¹⁾ Письма.т.1, стр.341.

"Записки из подполья" занимеют важное место в его

рорчестве. На Западе особенное внимание привлекала пер
им сть "Записок" - исповедь подпольного человека, в

которой критики, так или иначе следующие интерпретации

вколая Бердяева, видят "лучшее вступление в экзистенциа
изм, которое когда-либо было написано" 1). При этом испо
идь произвольно отрывается от фабулярной второй части,

философия подполья сознательно или неосознанно отождеств
фется со взглядами самого писателя. Подпольный человек

рассматривается такими критиками как один из первых в

итровой литературе экзистенциалистских героев. В этой

интерпретации ему придается некое внеисторическое значение.

По нашему убеждению, "Записки из подполья" нельзя сравнивать с последующими вершинами творчества Достоевско
1. Но эта повесть является ключевым произведением, внима
2. Совданное прочтение которого помогает более точно понять се созданное писателем. Совершенно прав А.С.Долинин, оп
1. Совершений повесть как "пролегомены ко всему художествен
2. Зому творчеству Достоевского послекаторжного периода."

В настоящей работе "Запискам из подполья" отводится особо важное место в силу того, что они представляют собой подлинное сплетение социальных и этических проблем, в свете которых в основном и рассматривается повесть.

Обратимся к первой части повести — "Подполье".

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный
в человек. Я думаю, что у меня болит печень.

^{1) &}quot;Existentialism from Dostoevsky to Sartre," ed. by W. Kaufmann, N.Y., 1956, p. 14.

А.С.Долинип. "Последние ромяны Достоевского", М., Л., 1963 г., стр. 230.

мрочем,я ни шиша не смыслю в моей болезни... 1)

обращениями к читателю, ответами на соображаемые реплики стовоерсами ("ни шиша", "ну", "нет-с" и т.д.). Вызывающая рерость этого тона чем далее, тем более противоречит заистиванию рассказчика перед собеседником, т.е. читателем. Вся дерзость имеет целью обратить на себя внимание читатель, поразить, поразить. Да, именно обмануть при помощи полнейшей, самой грайней откровенности.

Эту повесть рассказывает сорокалетний отставной коллекский асесср, который, как он сообщает, был грубым кнювником, хотя и не был взяток. Уже на второй странице кловеди он привнается, что он не только не злой, но даже и не озлобленный человек. И далее: "Это я наврал про себя давеча, что я был влой чиновник. Со злости наврал". (стр.134, ищелено нами). Со злости обвинил себя в элости — алогиам, противоречие. Но рассказчик весь — воплощенное противореме, и сам это прекрасно знает. Он "в сущности никогда не мог сделаться злым", он поминутно сознавал в себе "много — премного самых противоположных тому элементов" — т.е. соброте. "Я чувствовал, что они так и кишат во мне, эти противоположные элементы. Я знал, что они всю жизнь во мне кишели и из меня вон наружу просились, но я их не пускал, не пускал нарочно не пускал наружу.

^{1 2.} М. Достоевский. Собр. соч., т. 17, М., 1956, стр. 133 Далее страницы указываются в тексте.

тем кучети меня до стида; до конкульсий меня догодиим и - вадоеми мне наконец, как надоели ¹" (стр. 135). Как гиражительно троекратно порторенное "не пускал " ово пает вочти физическое ощущение длительного подавменя в себе саком естественных человеческих чувств. Итак, бытьый компекский асессор всю жизнь подавлял в себе добрые чувства, противоположные злу "элементы", так как быть добрым стыдно и доброта смешна.

т не только заым, но даже и ничем не сумел спелаться: ни заын, ни добрым, ни подлецом, ни честным, BE PEDGER, HE HACEROMEM". (CTD. 135). OH YTEMAETCH TEM. что умных ченовек и не может ничем сделаться. "Да-с, умны человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обезан быть существом по преимуществу бескарактерны: человек же с характером дентель, - существом во преимуществу ограниченным" (стр. 135). Отметим, как веземетно пля себя самого (он) не для автора) проговаривается тассказчик, выставляя себя тином "умного человека деватнадцатого столетия". Но вдесь важнее пругое: перадоксальное прогивопоставление имеет таквый съест оченилно более понятный читателям 1864 года. Всим умный человек нравственно обязан быть бескарактерным, а человек с характером, "деятель" - существом ограниченным, то следовательно цля умного человека быть дентелем - безиравственно. В "Зимних заметках о летних внечатлениях" Достоевский заявлял, что молчалин в Бетербурге достиг наивысшего успека: поднецы у власти так можно это прочитать (Адмерберги, Барановы, Панин, Мураньев). В питированном ранее письме к (трахону от 18

сентябри 1863 г., издагая план повести, Гостоевский писал оее будущем рерое: "Он услокаивает себя тем, что ему вечего делать в России, и потому жестокая критика на люней, вовущих из России наших заграничных русских". В этом контексте декларация рассказчика "Подполья" о бесхарактерности как нравственном долге обозначает его отказ от всякого действия. Действовать вместе с Молчалиным безвранственно, действовать против них... На эту возможность он откликнется далее. Пока что сделает еще одно попутное примечание: "умный человек девятналцатого столетия" нащимает казаться довольно точно покализованным во времени. Вто человек пореформенных лет России, наступающей эпохи страха и растерянности.

развертывать свою исихологическую интроспекцию, исследуя причины своей бездентельности и своей безличности. Снова повторяется символ насекомого, который, если верить западным исследованиям, внушил францу Кафке идею его знаменитото "Превращения". "Скажу вам торкественно, что я много раз котел сделаться насекомым. Но даже и этого не удостоился. Кланусь вам, воспода, что слишком сознавать — это болезнь... Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обык-вовенного сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достигается на долю развитого человеным нашего несчастного девятнадцатого столетия и, сверх того, имеющего сугубое несчастье обитать в петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре" того. 136)

Здесь воздействие Петербурга, большого современного города и борократического центра России, подчеркивается как фактор, обостряющий сознание рассказчика. И вскоре инсль его гипербонизируемя в формуне: "гсякое сознание болезнь" (стр. 137).

Начинаются признания рассказчика о том, что именно в минуты, когда он наиболее способен был сознавать токкости всего "высокого и прекрасного" (выражение из комедии "Горе от ума"), именно тогда егу случалось делать гадости, т.е. предваться грязному разврату, и это при полном совнании, что гадостей этих "совсем бы не надо делать". Противоречие между моральным идеалом и поведением вызывало у рассказчика стыл и горечь тайные угрывения совести, но усиленное осознание повора вело к тому, что "горечь обращалась, наконец, в какую-то поворную, проквную сладость и "наконец, - в решительное серьезное наслаждение!". (стр.137-138). Это наслаждение вызванное слишком нрким сознанием своего унижения, можно определить как моральный мазохизм. Рассказчик не может и не хочет переделываться: "все это происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции. прямо вытеквющей из этим законов, а следовательно, тут не только не переделаенься, а и просто ничего не поделаень" (стр. 138). Возникает перадоксальная формула конфликта разума и морани: "прав что поплен". Но ведь сознание собственной подлости не может служить утелением, и рассказчик это прекрасно понимает. Однако, все понимая, он продолжает наслаждаться своей подлостью, ибо эта необычайность, эта моральная аномалия при исном сознании, свидетельствует ему самому об его исключительности, словно осознавмая подность возвывает его над скучной тояпой благонравных и серых существ на тротуарах Петербурга.

Он поясняет ото примером, гогорь, что при всей своей крайней мнительности и ужасном самолюбии смог бы и в полученной пощечине отыскать "своего рода наслаждение". Он анализирует этот пример мазохизма с величайшей чет-костью: "наслаждение отчаяния, но в отчаяния—то и быва—ют самые жгучие наслаждения, особенно когда уже очень сильно сознаель безвыходность своего положения" (стр. 138). Возвращаясь к предвлудему, мы заключаем, что вообще моральный мазохизм рассказчика есть результат отчаяния, его безвыходной общественной и билософской ситуации. Он сам "во всем виноват", "без вины виноват и, так сказать, по законам природы". Виноват потому, что сознает бесполезность великодушия (если бы оно у него было). Он не сумел бы и отомстить за пощечину, если б даже и мог. Но почему он не решился бы отомстить?

. Db

· (-)

Ответу на этот нопрос он посвящает третью главу
исповеди. Он рассуждает о чувстве мести у "непосредственных людей и деятелей", и здесь у него впервые появляется символ "стены", т.е. необходимости. "Перед стеной
такие господа... искренно пасуют. Для них стена - не
отвод, как, например, для нас, пюдей думающих... не предпот воротиться с дороги, предлог, в который наш брат обыкновенно и сам не верит, но которому всегда очень рад.
Нет, они пасуют со всею искренностью. Стена имеет для
них что-то ускокоительное, правственно-разрешающее и
окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое..." (Стр. 139).

ОТИ нарадоксальные зинтеты Достоевского весьма точни: речь идет о механическом детерминизме, в котором веобходим сть превращается в сатум, успокаивает совесть столкнувшегося с ней человека, вранственно разрешает его в освобождает от моральной ответственности. Да, "стена" саталистического детерминизма имеет, пожацуй, мистический смыси. Но рассказчик заниляет, что не верит в это оправдание подей, складывающих оружие перед "стеной" и усповинающихся на невозможности продолжать борьбу. Для нето самого это имыь "предлог воротиться с дороги".

Усиленно сознающий, "ретортный человек", это искусственное создание "отвлеченной" жизни великого города, пасует перед своим "антитезом" - непосредственным деятелем. Этот гомункулюс пасует вообще перед действием. считая себя не человеком, а мынью (повме появляется выражение "подпольная мышь"). Несчастные усиленно сознаюная мыть не способна к прямой мести, мбо живет не чувством. • рефлексией; усиленное сознание парадизует ее волю. поненоле кругом нее набирается какан-то роковая бурла. какан-то воничая грязь, состоящая из ее сомнений, волнений и наконец из плевков, сышюдихся на нее от непосредственных дентелей предстоящих торжественно кругом в виде судей и диктаторов и хохочущих над нею во всю свою здоровую глотку" (стр. 140). Яростная экспрессия этого пассажа прямо порождает наыковые крайности, как, например, невозможное и чисто "достоевское" словосочетание "роковая бурда", напоминающее некоторые строки Державина ошеломляющим сопоставнением высшего поэтического стиля с вульгарным. даже бранным лексиконом.

вие сознающего человека с мышью, которой "остается махнуть на все своей лапкой и с ульбкой напускного презренья, которому и сама она не герит, постыдно проскользнуть в свою щелочку. Там, в своем мераком, вонючем подполье"...(стр.140). Здесь понымается слово "подпелье" в значении: прибежище неспособного к живой жизни человека из реторты.

Итак, усиленное сознание парадизует волю и заставинет отказаться от действия, например, мести за пощечину. Пощечина служит вдесь символом не социального осперблевин, в всякого внешнего побуждения к действию. Проскользнув в свое подполье убекав от действия ретортный человек "погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную элость" (стр. 140-141). "Но именно вот в этом жолодном, омераительном полуотчаянии, полугере, в этом совнательном погребении самого себя закиво с горя, в пошнолье на сорок лет в этой усиленно совданной и все-таки отчасти сомнительной безныходности своего положения, во всем втом нде неудовлетворенных желаний вошедших внутрь во всей этой лихорадке колебаний... и ваключается сок того странного наслаждения, о котором я говорил". (стр. 141). Здесь мы находим очень важнае оговорки: отчанние подпольного человека неполно, это "полуотчаяние, полувера", и безвыходность его положения "отчасти сомнительна", т.е. выход все-таки где-то есть. Не будем пока затрагивать этот предмет; нужно лишь заметить, что в карактеристике приведенной нами выступает та идея недоконченности, о которой мы говорили в предыдущей главе в свяви с письмом к Страхову от 18 сентноря 1863 года:

• в беру... ченовеке во всем медеконченного". Негоконсенный ченовек не может ин отомстить ин простить и скрывет яд колодной элобы под умыбкой напускного превренья, каслаждансь собственной инвостью, создавая в своем "воноши подненье" искусственную тратедию, имитацию настоящей квим, выдужьтая переживания, не требующие претворения в дело. И при этом он еще гордится и возвеличивается неред непосредственными деятелями, ибо они смираются "перед квюзможностью", а он — нет.

"Невозможность - значит каменная стена? Какая кашенная стена? Ву,ранумеется, законы природы, выводы естественных наук, математика". (стр.142). Лигнув мимоходом эвопоцьонную теорию Дарвина и утилитарную этику Бентана, подпольный парадоксалист переходит к сути дела. Он издевательски осменвает самое Необходим ость, символизированную вобразах каменной стены и математической аксиомы. Он отказывается принимать законы природы, как они есть, ибо баталистический детерминизм унизителен и вморален.

"Господи боже, да какое мне дело до законов природы и арисметики, когда мне почему-нибудь эти законы и
правды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробыр
такой стены ибом, если и в самом деле сил не будет пробить, но и и не примирось с ней потому только, что у меня
таменная стена и у меня сил не хватило" (стр. 14%). Но
что же он может предложить размен примирения с необходимостью? Он и сам понимает, что предложить не может ничето кроме чувства боли:

"То ли дело все понимать, все сознанать, все невозможности и каменные стени; не примираться ни с одной из
втих невозможностей и каменных стен, если вам мераит примиряться; дойти путем самих неизбежных логических комбинаций до самых отвратительных заключений на вечную
тему о том, что даже и в каменной-то стене как будто
чем-то сам виноват, хотя опять-таки, до ясности очевидно,
что вовсе не виноват, и вспедствие этого, молча и бессильво скрежеща зубами, сладострастно замереть в инершии,
мечтая о том, что даже и злиться, выходит, тебе не на кого; что предмета не находится, а может быть, и иногда не
найдется, что тут подмен, подтасовка, вумерство, что тут
просто бурда..., но, несмотря на все эти неизвестности и
подтасовки, у вас все-таки болит, и чем больше вам неизвестно, тем больше болит !" (стр. 145).

Завершение этой имхорадочной тырады нео жиданно серьезно. При раздноении сознания подпольного человека, при конфликте разума и морали, возникает черное пятно, провал: эло совершается необходимо, эпиться не на кого, каменная стена необходимости снимает с человека ответ-ственность, никто не виноват, протест оскорбленного не имеет адресата. Но ведь протест не может оставаться неизлитым, и запертый в мышиную нору человек отказивает-ся согласиться со вноим собственным разумом, не желает примириться с его выводами относительно стень, испытывает неумолкающую боль - моральное страдание. Он наслежнается этой болью, наслаждается высоким сознанием антиномии разума и морали. Если у него "все-таки болит", вначит он более человек, чем непосредственный деятель,

которого он несколько выше сравнивает с быком и даже наделяет рогами. Больная совесть новышает жалкого ретортного человека над его здорогым и самодогольным противником, который с тупым фатализмом взирает на каменную стену. Моральное страдание застанляет подпольного человека искать выход. Он лично унижен, лично оскорблен гравнодущной природой": "законы природы постоянно и более всего всю жизнь меня обижали" (стр. 145). Так в своем подполье он начинает развичать этическую критику детерминизма и рационализма, созданного эпохой Просвещения. Сначала ничего, кроме чувства боли, но именно эта боль, по замыслу Достоевского, должна разружить каменные стены. Тайная мысль автора, подспудню быюцаяся в процитированных выше тирадах, есть идея снободы воли.

Но достоим ли подпольный челожек свободы? Что он делал для того, чтобы жить свободной «Сам себе приключения выдумывал и жизнь сочинял, чтоб жоть как-нибудь да пожить».

"И все от скуки, господа, все от скуки; инерция задавила. Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознавил - это инерция, то есть сознательное сложа - руки сиденье" (стр. 145). Парадоксалист наглядно размативает
бесконечную причивно - следственную цепь и провозглашает,
то бесконечность, понимаемая им в смысле гегелевской "дурвой бесконечности", недлется сущностью всякого "сознания
мышления". Усиленно сознающий человек не находит первопричин для действия. Он не верит ни в справедливость, ни
в добродетель. Гействовать из влости? Она "могла бы
совершенно успешно послужить вместо первоначальной пришны именно потому, что она не причина" (стр. 146).

Но у него и элости нет,его элость "вспедстие этих проклатых законов сознания" подвергается химическому разложению. "Смотринь, - предмет улетучивается, резоны испераются, виновник не отнскивается, обида становится не обидой, а батумом..." (стр.146). Разум разлагает и элобу; всю жизнь подпольный человек "ничего не мог ни начать, ни окончить" (стр.147). Опять идея недоконченности, бесцельного топтания на месте - перед распутьем, отказ от привятия решения и от действенного участия в жизни.

И все же этот человек считает себя свободным лемеет свою свободу, никак на нее не надышится и не променяет ее ни на какие блага в мире. Свобода воли - единственное, что новышает человека над мертым царством разума и необходимости, такова мысль подпольного человека. Он осменнает теорию разумного эгоняма, согласно которой правильно понимающий свою выгоду челонек будет по необкодимости творить добро. Он противопоставляет ей "миллионы фактов" когда люди, отбросив свои выгоды, бросались в риск и неизвестность, упримо отыскивая в потемках и пробивая пругую, трудную, нелепую порогу. Человеческая выгода "Иной раз" может состоять в том, чтобы пожелать себе невыгодного. "... Смейтесь господа но только отвечайте: совершенно ли верно сосчитаны выгоды человеческие? Нет ли таких которые не только не уложились, но и не могут уложиться ни в какую классификацию?" (стр.149). И он с торжеством показывает воображаемым оппонентам "самую выгодную выгоду", которую любители рода человеческого забыли вписать в свой реестр: ото "свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, ховогда хоть бы даже до сумашествия". Свободная воля, вприз и фантавия не желают знать никаких выгод, законов риродь и разумных доводов, и от них "все системы и теории постоянно разлетаются к черту". И с чего это мудрень вообразили, что человеку надо "какого-то нормально-то, какого-то добродетельного... благоразумно выгодного хотенья"? "Человеку надо - одного только самостоятельного хотенья" (стр. 153). Иначе гогоря, воля не является ни разумной, ни необходимо стремящейся к добру.

Но подчинить волю разуму - на это он не согласен. "Рассудок... удовиетроряет только рассудочной способности человека (...), то есть какой-нибудь одной двадцатой дели всей моей способности жить". "Рассудок знает только то, что успел узнать... а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессовнательно ..." (стр. 155). Жизнь, ограниченная только рассудком, это не жизнь, а одно лишь "извлечение квадратного корин", воля есть проявление всей жизни, и с ней мы имеем "вачастую дрянцо, но все-таки жизнь" (стр. 155). И он упорно прославляет каприа, который "сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность" (стр. 156).

Человек феноменально неблагодарен, и его воля по Самой человеческой природе не сонивдает с разумом.

Итак, в изложенных выше восьми главах "Подполья" главную идею можно определить как парадокс о свободе воли и разумной необходимости. При всей разветеленности полемики подпольного человека против метафизического материализма и ужилитарной морали, основное в этой полемике —

утверждение иррациональной природы челонека и непринятие каких бы то ни было внешних бакторов, детерминирующих
пичность челонека. Не отрицание этих бакторов, в именно
неженание согласиться с ними, нежелание позволить им
детерминировать собственную личность рассказчика. Эта
парадоксальная позиция не знакома традиционной философии: "да, законы природы обязательны для всех, но я не
телаю им педчиняться". В этом нежелении подчиняться
"природе" выступает бунт индигидуальной воли против
исторической необходимости: это и есть гланный смыси
"подполья".

По мнению парадоксалиста, история бессмысленна, кровь нодей во все исторические эпохи пьется, как шампанское, и никакого прогресса не существует. Социалистический общественный идеан означает принудительную сстановку в беспредельности человеческого развития, он предполагает гармонизацию частных интересов путем их равумного осмноления и ограничения. На это подпольный человек отвечает что свободная воля принципиально не подпается разумному осмыслению, уходит из-нод власти разума. в конце концов недоступна ему. Он выделяет ее из мира необходимости, выключает из причинно-следственной цели. С другой стороны, подпольный человек не признает права разума ограничивать волю. Ложет быть неограниченная свобода воли вплоть до самоистребления только и дает личности ощущение человеческого достоинства. Разум. этот верховный математик, исчисляющий выгоды и невыгоды. составляет лишь часть человеческой личности.

разумом жить нельзи, человек живет всем своим существом, приви и немотивированный воленой акт.

Критика просветительской философии ведется в основ
и с этических позиций. Подпольный человек не может даже

несить мысль о превосходстве законов истории над его во
и. Эта мысль для него отвратительна, это предположение

расквачиком) - значит предать свое человеческое "я", пос
тупить безиравственно.

Загнанный в подполье непрерычным давлением тупой и холодной действительности, он тщится сохранить свое достинство в иливаорной независимости от нее. Демонстративный отказ от человеческого общежития — единственное проявление его свободы. Оскорбленное самолюбие перадоксалиста исцепить будущим благополучием, он требует не: едленного вабсолютного возмездия: все или ничего. Если это неразумно — тем хуже для разума! Он предпочтет сойти с ума, лишь и не примириться с необходимостью. Это восстание против тегелевского облективного идеализма отчасти в терминах самой гегелевской философии.

Если Гегель утнерждал, что развитие мира и сознашин завершено, то и утопический социализи считает, что с
осуществлением утопии история подей достигает своей цели: "хрустальный дворец" будущего - цель и предел развития человечества (именно это утверждал, например, автор
популярного "Путешествия в Укарию" Этьен Кабе).

отот взгини вызывает у подпольного человека резкое возражение. "... Человек существо легкомысленное м меблаговидное и может быть подобно шахматному игроку, прбит только один процесс достижения цели, а не самую пель. И кто знает (поручиться нельяя), может быть, что и вся-то цель на вемле к которой человечество стремится, только и заключается в окной этой беспрерывности процесся достижения иначе сказать - в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, полжна быть не что иное, как дважды два четыре, то есть формуна, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь господа а начало смерти" (стр. 160). Имыми словами, всякая остановка в развитии означает смерть: побое общественное устройство не самоцель, а ступень в бесконечном движении человечества, и цель последнего, а следовательно и смысл индивидуального существования остаются великим "может быть" неприступным для лобовых атак разума. Аналогичные мысли впоследствии высказывал Достоенский уже от своего лица в январском выпуске "Дневника писателя" за 1876 год (глава B. "CHUDUTUSM").

В этом месте следует отметить, что, согласно философии марксизма, коммунистический общественный идеал
не есть ни самоцель, ни остановка в бесконечном развитии
человечества. Конечная цель революционного движения рассматривается марксистами не как цель и завершение истории, а как переход в царство свободы что касается роли
разума, то он, по марксистскому пониманию, отныць не предписывает человечеству целей: историей управилит об ектив-

ряведение разумной деятельности людей в соответствие с

Совершенно иной была философская ситуация первой пологины лал века. Для философии эпохи Просвещения харакверны гордость и упоение собственной силой. Это об"ясняети не столько успехами естественных наук (ученые верили, то они близки к разгадке последних тайн бытия), сколько оссознательным чувством всемирноисторической победы: торвства разума над мраком заблуждений, справедливости над произволом, победы буржувани над феодализмом. Люди верили, то мир пересоздается на основе разума, что великие идеи просвещения одеваются в камень и железо.

К 1864 году они уже оделись: бедствия нового класв пролетариев, банкиры на ступенях тронов, байня в Сентвтуанском предместье и сипаи привязанные к жерлам пушек .таким оказалось "царство разума". Энгельс назвал буржуваобщество "вызывающей горькое разочарование карикатувой на блестящие сбещания просветителей" 1). Револючил 1848 года и ее странные итоги ознаменовали собой полную пральную катастройу буржуазии се гуманизма се рационалисмуеской билособии. На смену гордости билособии ХУШ века пришли ужас, отвращение к разуму и предчувствие новых кавстрой: достаточно привести в пример позвию Боллера или типосодию Шопентауэра. Прачное сознание катастройн разума было свойственно и Достоевскому. Однако, опираясь на инучтивное понимание исторического пол тема России, он преоколен глубокий пессимизм европейской мысли; вера в русский прод послужила ему основой для нового хотя и весьма протиоречивого утверждения живни.

¹⁾ Энгельс, "Анти-Дюринг", 1957, стр. 241.

В процессе идейной эволюции писателя отрицание ры в разум приняло крайнюю форму возмущения против сстыдства рационалистической философии, которая к тому премени превратилась в оправдание буржуваного общества. не располагая средствеми философской критики фаталиститеского девермин изма или ранионалистической теории прогресса, он поднял против них знамя этического бунта, кашеднего яркое выражение в "Зимнил заметнах о летних течатлениях" и "Записках из подполья". Таким образом, подпольный ченовек выражает мысли своего создателя именко в той части исповеди, где развертывается критика рационализма просвещения и гегелевской философии в форме моральной дискредитации этих систем. Совершенно прав Б.Бурсов, говоря: "Это быю ... такое подполье в котором человек котя и ожесточался против людей и самого себя, даже клеветал на других и на себя тем не менее стоял лицом к лицу с цельм миром, со всей человеческой историей, требовал восстановления правды на земле, не зная новых путей к правде, все старне отвергая" 1)

"Все старые отвергая..." Подпольный человек выступает против метафизического материализма, против немецкого идеализма (особенно гегелевского), но сам он остается пленником метафизических понятий и представлений, он сам рассматривает необходимость метафизически. Аргументатия его критики бессицьна против диалектического материализма, и представлений против диалектического материализма, и представлений против диалектического материализма, и представлений против диалектического материализма.

^{1) &}quot;Достоевский и модернизм", "Звезда", 1965, № 8, стр. 185.

. Что представляло

русское Просвещение? Задачей освободительного движеповла буржувано-демократическая революция, и потому бурпвивя просветительская билособия сохраняна для России, в пичие от Западной Европы, величайшее вначение. Достоевский выступая против этой билособии именно в силу ее буржувареги, распространял на Россию исторический опыт Запада.

Но конечне устремления русского авангарда намного ревосходили буржувано-демократические идем движения. Внутине сознавая странную бливость своего идеала к социалистиккой утопии 1), Достоевский с тем большею ревностью насинал на "материальном", наражимом, буржуваном характере соинама Чернышевского. Поскощьку последний не до конца
редолел буржуваную ограниченность своей философии, Достоевий окаривался прав в деталях, но не прав в главном. Его
ричка идей Чернышевского была критикой "справа", с консервивных повиций.

Это не значит, что она была цельком и полностью ложной.

Вымем такой пример. "Арустальный дворен", с его закончен
встью и абсолютной гармонией, противоречит идее бесконеч
встью и абсолютной гармонией г

¹⁾ Эту близость васвидетель ствовал один из гланных идейных врагов писателя - М.Е.Салтьков-шедрин (Полное собр.соч., Госполитивдат, т.Уш., М., 1941, стр. 438).

Представление о будущем счастливом обществе без потиворечий и борьбы совершенно чуждо марксизму, который предполагает, что развитие бесклассового общества будет совершаться путем борьбы противоположных тенденций и раглядов. Таким образом, мысль Достоевского о неизбежных противоречиях в жизни людей, высказываемая подпольным человком, совершенно справедлива.

Но эта верная мысль облекеется парадоксалистом в ворму манерно-иронической апологии страдания. "Страдание, выпример, в водевилях не допускается... В хрустальном дворре оно и немыслимо: страдание есть сомнение, есть отрицание, в что за хрустальный дворец в котором можно усумниться? 🛦 между тем я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется. Страдание - да ведь это единственная причина сознания. Я хоть и доложил вначале, что совнание, по-моему, есть величайшее ия человека несчастие, но я внаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения". (стр.161-162). Вдесь между прочим, поражает язвительное сопоставление двух совершенно несопоставимых вещей: водевиля и "хрустального дворна". Лостоевский в лихорадочной поспешности полнольной исповеди не развивает, отбрасывает это странное сопосзавление однако недосказанная мысль проясняется самим контекстом: душа художника восстает против блаженного, соверцательного покоя утопии с точки врения трагического провосприятия.

Развитие человечества — не водениль, а трагедия, страдание в той илимной форме неотделимо от истории. такова мысль / остоевского, и апологию страдания, если отбросить на момент желино-полевические крайности подпольтого человека, можно расшифровать как утверждение вечного трагизма человеческой истории.

Но самое интересное - это то что содержится в у главе "Попполья" и что обычно не отмечается исследовазалями. Подпольный человек совершает вдесь сенсационное сальто моргале, не замечаемое порой дишь из-за чрезмерной темноты стиля. Он до сих пор только нападал на "хрусталькое вдание" только доказывал, что в нем человек превратил-🔐 в фортеньянную клавищу или штифтик органного вала, но в I-И главе в голосе парадоксалиста внезапно появляются новые нотки. Из его вавим озаменяющих ся сравнений мы начинаем понимать, что, собственноговоря, "хрустальный дворец" - это его собственный идеал. Но проект всесбыего благоденствия со строгим уравнением потребностей подей (так он интерпретирует утопический социализм, и не вполне безосновательно) полнольный человек сравнивает то с "муравейником" то с "курятником", то с "капитальным домом". Сто, по его мнению, ве настоящий "хрустальный дворец", это компромисс, а подпольный человек не желает илти на компромиссы. "Ну перемените. предьстите меня другим, дайте мне другой идеал. А покамест я ук не приму курятника за дворец" (стр. 162). У далее он говорит о "хрустальном адании", что оно "существует в моих

теланиях", более того - это венец его желаний.

"Я не приму за венец желаний моих — капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тнскну лет и на всякий случай с зубным врачом Багенгеймом на вывеске" (стр.16). Смысл этого развернутого сравнения в том, что до сих пор все "пюбители рода человеческого" предлагали только уютный, буржузвно-благополучный социативы, с материальными заботами о бедных и с разрешением вкономических проблем, спрашивая за это непомерно высокую цену — прекращение безграничных стремлений и поисков человека. Но эта страстная инвектива вовсе не значит, что подпольный челогек вообще не желает лучшего устройства человеческого общества.

"А покамест я еще жику и желаю, - отсохни у меня руке, коль и хоть один кирипчик на такой капитальный дом принесу! Не сметрите на то, что я дареча сам хрустальное здание отверг единственно по той причине, что его нельзя будет навком подравнить. Я это говорил вовсе не потому, что у так любию мой наык выставлять. Я, может быть, на то только и сердился, что такого здания, которому бы можно было и не выстаниять языка, из всех ваших зданий до сих пор не находится". аксиманиям своих требований он обосновывает собственной природой: "Какое мне дело до того, что так невозмежно устроить и что надо довольствоваться квартирами. Зачем же я устроен с такими желаниями? Неужели к я для того только и устроен, чтоб дойти до заключения, что все мое устройство одно надувание? Кеужели в этом вся цель? Не верю" (стр. 165).

318

Здесь нет никакого "диалогического разложения".

(Выражение М.М. Бахтина). Мысль подпольного человека обрымется категорическим "не верю". И еще любопытно промелькмется категорическим "не верю". И еще любопытно промелькмется в виду уже не цель жизмеловечества, имманентно ему присущая, а цель определенмого устройства человеческой личности, цель, которую имел
мекий устроитель, называемый у Канта "Виновником природы".
мо процитированный пассаж прерван в силу внешних обстояместв: Х главу, которую Достоевский считал "самой главной",
моловину уничтожила цензура.

Вот что писал об этом сам автор, получив в Москве первую книжку "Эпохи" со своим "Подпольем": "... Уж лучше (нло совсем не печатать предпоследней главы (самой главной, где самая-то мысль и высказывается), чем печатать так, как оно есть, т.е. надерганными фразами и противореча самой себе. Но что же делать ‡ Свиньи цензора, там, где и глумился всем и иногда богохульствовал для виду — то пропущено, где из всего этого я вывел потребность веры и христа — вапрещено 1). (Письмо к М.М.Достоевскому от 26 марта 1864 года).

Итак, из безвыходного положения подпольного человевытекала "потребность веры и христа". Первоначальный
мисел Достоевского содержал весьма конкретный выход религиовное обращение. Очень важно, что эта идея соседствовла и, может быть, прямо соединялась с идеей будущего
устройства человеческого общества. С большой долей вероятможно утверждать, что если в "Зимних заметках о летмх впечатлениях" Достоевский осторожными штрихами набраснвал свое учение русского этического социализма, то в
"Записках из подполья" он намеревался связать настоящее

¹⁾ Письма, т.1, стр. 353.

тоустальное здание" с религиозно-этическим возрождением мженного и озлобленного человека. В одном из последних тусков "Дневника писателя" он назвал свой общественный пеал "православным социализмом". Очевидно он трактовал его вак конкретное воплощение пророчества Апокалипсиса о тысячезатнем парстве божием на земле. Эта теория, конечно не имеет пуего общего с поплинным социализмом, хотя она отнодь не ужда например, учению Сен-Симона. Но при всей своей реакпонности, доктрина жристианского социализма жовалем воргания

послужила как бы

обоснованием для интуитивной, ничем иным не обоснованной веры Достоевского в булушее России. той самой меры, которая литала пламя его вдохновения при совдании пяти больших оманов.

Высказанное прешоложение прямо связано с "Записками из подполья". Однако в их наличном тексте за семналшть лет после первой публикации Достоевский не сцелал и одной поправки. Очевидно, он под влиянием критики охладел к"Запискам", считал их уже "пройленным этапом" 1), а образ поппольного человека - недостаточно подготовленным **жа** обращения "человеческим материалом". Свою схему рели-Тюзного обращения он еще использует в дальнейшем. 1) См. воспоминания В.В.Тимо еевой (Починаовской) "Lостоевский в воспоминаниях современников", т. 2, 1964 г., стр. 176. М.М.Бахтин в своем блестящем анализе "Слова у Достоевмого" большое внимание уделяет "слову" подпольного человев. Не соглашаясь с Бахтиным во всей полноте его концепции, поднако считаем возможным и необходимым опереться на его

изтреннюю диалогизацию" речи, которая корчится "под влияшем предвосхищаемого чужого слова", "предвосхищенной чужой
реакции". Предвосхищение чужих реплик у подпольного человка "стремится к дурной бесконечности", стремится "непрешенно сохранить за собой последнее слово", которое должно
вравить "независимость героя от чужого взгляда и слова",
го моральную свободу, говоря иными словами, его непризнание
вих-либо прав на моральную оценку его исповеди. "Но именвотим предвосхищением чужой реплики и ответом на нее
в снова показывает другому (и себе самому) свою завитмость от него. Он боится, как бы другой не подумал, что
н боится его мнения. Но этой боленныю он как раз и покавывает свою зависимость от чужого сознания..."

"Благодаря такому отношению к чукому сознанию получается своеобразное perpetuum mobile его внутренчей полемики с другим и с самим собою, бесконечный диалог, где одна реплика порождает другую, другая третью и так до бесконечности, и все это без всякого продвижения вперед".

¹⁾ М.М.Бахтин, "Проблемы поэтики Достоевского", М., 1963 г., стр. 305-318.

Для подпольного человека характерна исключительная вависимость от чумого сознания и вместе с тем крайная враждебность к нему и неприятие его суда. Отсюда и "нарочитое неблагообразие" в стиле исповеди, рассчитанный цинизм и юродство как своего рода эстетизм наизнанку. Первая часть "Записок из подполья", говорит Бахтин, "это своеобразная лирика, аналогичная лирическому выражению вубной боли".

Полпольный челорек, по Бахтину, и не осрободился от власти чужого сознания, и не признал над собой этой власти, он озлобленно полемивирует с ней, не в силах ни принять, ни отвергнуть ее. Такой же безысходный диалог он ведет и с самим собой. Замечательно метким представлялся наблюдение Бахтина о том, что подпольный человек "ненавилит свое лицо, ибо и в нем чувствует власть другого над собой". Сходные черты Бахтин усматривает и "в его идеологическом споре": "во всем он ощущает прежде всего чужую волю . препопределяющую его. В аспекте этой чукой воли он воспринимает мировой строй, природу с ее механической необкодимостью и общественный строй. Его мысль развивается и строится как мысль лично обиженного мировым строем, жично униженного его слепой необходимостью" (стр.317). Бахтин правильно указывает, что слово героя о себе самом идеологический спор являются, в сущности, одним словом. которое имеет целью самоопределение, отыскание себя самого.

Перед подпольным человеком стоит дилемма: приятие **Сатальной** необходимости или провозглашение беспредельного этоцентризма. В первом случае он становится рабом "чужого совнания" во втором случае - неограниченным порежителем вселенной презирающим исякое суждение. Но первое гля METO COMEDURANO MEMEDENOCUMO TOPRE MAK C BOSMINN APO-HERT DUSMA OH HENDEDHBHO COCKANDSHBAET W CKATHPAETCH. CORкавая в глубине души, что ему невозможно унержаться на етом гребне. Третьего не дано: подпольное мыпление антивомично. Он не в силах ни принять, ни отвергнуть власть исторической необходимости. Считая усиление сознание болезнью, он не может от него исцелиться, ибо вся его кизнь заключается только в сознании. Всеми силами своего разума он борется против разума. Унижаемый всем кодом исторического процесса, не находиций никакого спасения своему человеческому достоинству он необходимо восста ет против необходимости. В целях свободного самоопределения он отделяется от общества и противопоставляет ему свою личность; но это демонстративное утверждение изолированной и антисоциальной личности нужнается в пругих людях именно вследствие своей демонстративной прироим, оно не может наслаждаться собою в пустоте, оно нуждает-СЯ В КОНКРЕТНОМ ВНЕШНЕМ ВЫРАЖЕНИИ, В КАКОМ-ТО ЖЕСТЕ. ИНЯче говоря самоутверждение вне общества - понятие не имерщее смысла, как исповедь без слушателы. Социальное выражение антисоциальной позиции есть преступление. "Гурная бесконечность" может взорваться только актом отчанния, неизбежно направленным против другой человеческой личности: так роживется преступление из "ицеи".

Это не выдумка, а об"ективное снидетельство. Мысль Достоевского подтверждают примеры из истории и социологии. С нею совнадает то, что говорит о преступниках и хупиганах Горький в "Заметках о мещенстве". Социальная противоречивость мелкого буржув порождает раздвоенную спихику; это раздвоение ведет к натологическому и антисоциальному поведению. Гакова картина деградации, но это те раздвоение заложено в буржуваном индивидуализме этохи восхождения класса. Разве безграничное тдеславие Наполеона не противоречит его столь же безграничному презрению к подям?

Неприхотливый в личных потребностях, он окружал себя азиатской роскошью. Видевший людей насквозь, знавший цену своим приближенным, он с наслеждением впивал фимиам лести. Он расстрелял герцога Энгиенского, но осымал мивостями вернувшихся эмигрантов. Он назваи Австрию "старой шлюхой"; но женился на дочери австрийского императора. Презирая деньги и буржуванию страсть к накопительству, он сде пви весчтобы его подданные могии в безопасности предаваться этой страсти. Внутренний алогизм его действий не раз поражал вдумчивых наблюдателей, ибо великий император буржувани не был личностью звурядного буржуваного типа. Зачем этому своеобразному циническому философу понадобилось мировое господство? Но в том-то и цело, что колоссальная жадность к жизни убивала в нем всякую рефлексию. безграничная воля к самоутверждению сразу отвергала вопрос: "зачем?" Наполеон вряд ли когда-нибудь зацавался вопросом о смысле жизни, во всяком служе до Святой Елены и писания мемуаров.

Вта огромная иминость явилась выражением выслего исторического под тема буржувани. Голобного под тема некогда не знала слебая и поздняя русская буржуваня, и ее
парству сужщено было длиться неего патьдесят весть нет.
На таком коротком историческом промежутке все претиверечил ускоренного капиталистического развития приняли оссбо острую и подчеркнутую борму. В мире Гостоевского "наполеоновская идея" прямо связана с подпольем и нырастает
из него; оборванный студент в бесформенной иляпе сравнивает себя с Наполеоном, и это сопоставление, несмотря на
какущуюся фантастичность, соответствует исторической и
психологической правде.

Наполеониям Раскольникова и чреватое этим наполеониямом подполье вызывают углубленное внимание Гостоевского. По его убеждению, путь к моральному восстановлению задавленной чемовеческой личности (как это явствует из больших романов) идет через осознание этой задавленности, через противопоставление личности обществу и трагический бунт, приносящий гибель или просветление.

Исследователи согласно отмечают, что уже макар девушкий отличается от забитых гоголевских чиновников арким
сознанием своей забитости. Делее степень этого сознания
непрерывно возрастает, появинется фигура "мечтателя", интелцигентного "маленького человека", который спасается от
действительности в романтическое одиночество мечти. Этот
тип полностью вырождается в лице Мвана Петровича, рассказчика "Униженных и оскорбленных". Мечтатель озлобляется, он противопоставияет себя обществу, его сознание освобож-

дается от рожентических илиюзий: вся эта буря отчанния и ненависти закимчена в подполье. Бахтин назвал подпольного человека первым героем - идеологом в творчестве Достоевского, но это также и первый сознательный бунтонщик
против общества. Следующий этап - бунт перерастает подполье, выходит на поверхность вемли; перед нами Раскольников, который явияется трагическим героем не в меньшей степени, чем герои шекспира.

Но в "Записках из подполья" отсутствует та страстная сила возмущения которан так облагораживает в наших глазах Раскольникова. Подпольный человек истерически требует свободы и показывает язых тупой необходимости, но в его требованиях и издевательствах искренность сливается с установкой на эффект. Он не только страдает и унижается, но и хочет поразить читателя своим страданием и самоунижение: .не только выражает себя, но и всеми силами искажает себя, искажает свое столь ненавистное заурядно-человеческое липо. Это великоленно показано Бахтиным. Но ис-Спенователь считает невозможным сцелать из этого послетний вывод и произвести об"ект ное суждение о подпольном челонеке мбо такое суждение противоречит самому духу творчества Лосгоевского. По нашему мнению, замечательный интературовед все же ошибается: Достоенский не отказывается от собственного суждения, он лишь дает своим героям равный шанс, он включает суждение в их собственное сознание и тем самым дарует им возможность самозациты.

Однако над своими судьбами они не имастны: ими линзет таинственная сила, и в мире Достоерского только ход
событий выражает конечный авторский суд. Но на этом ми остановимся несколько навъез сейчас попытаемся понять, в чем
смисл тех особенностей "слова" подпольного человека, которые с неподражаемым блеском раскрыл М.ж.-Бахтин.

На наш вэгини исключительная зависимость от чукого сознания и вместе с тем яростное неприятие его суда полинь быть расшибровани как исключительная внутренняя вависимость от мировой (исторической) необходимости и вместе с тем яростное неприятие ес. Да,подпольный чедовек изделается нап необхогимостью, но у него порою вырываются странные признания: "... человек всегда как-то бонися этого пражды два четыре а я и теперь боювь" (стр. 160). Исповеть полнольного человека строится так, что у читателя создается впечатление страха рассказчика перед жизнью, стража перед свободой, перед выбором, решением и пействием. Илеи Достоевского о свободе известны: свобона предполагает величайшую моральную ответственность. Деная ченовека ответственных, - писал Лостоевский в 1873 г., - християнство тем самым признает и свободу его^{п1}). Он выступал не против учения о среде вообще, а против его фаталистического истолкования против снятия ответственности с человеческой личности. Именно этой ответственности не желяет нести полномьный человек: а это значит. что он не хочет и своболы.

Достоевский как явствует из самой утрированности.

¹⁾ Ф.Ж.Достоевский.Собр.соч.т.11, М. Л., 1922, стр.14.Та же мыслы в статье о жорж Санд.т.11, стр.315.

ривет его притявания как морально необоснованные. Подпольный человек страшится свободы, который он так яростно
в отчасти демагогически трабует, ибо свобода предполагает
ответственность человека за свои поступки. Между тем, вся
первая часть "Записок" есть декларация безответственности.
Ве признавая своей ответственности, т.е.не признавая за чуим сознанием права на моральную оценку подполья, он демонстрирует величайний, чисто наполеоновский эгоцентризм. Но
ваться смешным, т.е. ведичайную зависимость от чукой эстетивской оценки. Противоречие между этическим и эстетическим
составияет эмоциональную доминанту подполья.

Апология подполья превращает отчание в игру, в ородство. Однако любование собственным унижением и не худий ли вид самолюбования? Подпольный человек, этот Нарцисс, вокрытый чумными навами, приходит от бунта к невероятней—
вему из примирений — к самодовольству отчания, к самоусповоенности на гноище. Совесть терзает его, борьба никогда не
вончается, и он "в очах души своей" с наслаждением созерцает эту борьбу: "кто еще из вас способен на такие мучевин"? Не без основания он считает эти мучения свидетельством особой утоиченности, возвышенной извращенности интелтекта, сознает ее бесплодность, сознает бессилие и, подобно
иным импотентам, гордится этим бессилием. В отношении Достоевского к антигерою боль и состращание постепению окрашиваются тончайшим оттенком презрения.

^{1) &}quot;Ортімим душевного безобразия"—весьма метко определяет цель подпольного бунта П. Бицилли (Годишник на Софийския университет, историко-филологически факултет, т. XLII, София, 1946, стр. 32)

Подпольный бунт переходит из этического плана в остетический. Демонстратигный, нарочитый характер самоутверждения подпольного человака диктует ему преувеличенно
циничный, вызывающий тон. Это цинизм отчаяния, но, тем не
менее, это цинизм демонстративный, показной. Путем вызывающе
подлых поступков в жизни и путем самого вызова, броженного
читателю в испонеди, подпольный человек стремится к э-стетизации бунта. Сам бакт исповеди с ее специфическим "нецеломудрием" имеет эстетическое значение. Подпольный четовек превращает бунт в игру.

Если бы "Преступление и наказание" открывалось
спитично правитатом Раскольникова о праве гениев на преступление, а далее шли бы признания в мелких кражах, то мы
получили бы второй вариант "Подполья". Но муки Расколь—
никова неизмеримо серьезнее, в его поведении выражается вся
глубина его отчаяния. В "Записках из подполья" главным
ценнием парадоксалиста является сам парадокс— первая
часть повести. Между его образом и образом Раскольникова
существует тесная связь, но эти образы весьма неравноценны.

Дротиворечие исповеди подпольного человека заключается в том, что он требует полной свободы воли, с ненавистью отвергает необходимость, но (в отличие от Раскольникова) не пытается претворить свою философию в действие; от отвергает всякую ответственность и потому не способен на принятие морально обязывающего решения. Он парализован, обречен на бездействие, он не способен на реальную свободу (в том смысле этого слова, какой придает ему Достоевский). Подпольный бунт переходит из этического плана в эсзетический. Демонстратигный, нарочитый характер самоутверждения подпольного человека диктует ему преувеличенно
циничный, вызывающий тон. Это цинизм отчаяния, но, тем не
менее, это цинизм демонстративный, показной. Путем вызывающе
подлых поступков в жизни и путем самого вызова, брошенного
читателю в исповеди, подпольный человек стремится к э-стетизвции бунта. Сам факт исповеди с ее специфическим "нещеломудрием" имеет эстетическое значение. Подпольный четовек превращает бунт в игру.

Если бы "Преступление и наказание" открывалось
статичим трактатом Раскольникова о праве гениев на преступление, а данее вли бы признания в мелких кражах, то мы
получили бы второй вариант "Подполья". Но муки Расколь—
никова неизмеримо серьезнее, в его поведении выражается вся
глубина его отчаяния. В "Записках из подполья" главным
деянием парадоксалиста неляется сам парадокс — первая
часть повести. Между его образом и образом Раскольникова
сущестнует тесная связь, но эти образы весьма неравноценны.

Противоречие исповеди подпольного человека заключается в том, что он требует полной свободы воли, с ненавистью отвергает необходимость, но (в отличие от Раскольникова) не пытается претворить свою философию в действие; от отвергает всякую ответственность и потому не способен на принятие морально обязывающего решения. Он парализован, обречен на бездействие, ок не способен на реальную свободу (в том смысле этого слова, какой придает ему Достоевский). Посредством исповеди достигается эстетивация непосредственного возмущения, разрядка резльного бунта в области фиктивной.

Эти заключения подтверждаются анализом второй часги "Записок из подполья", без которого невозможна правильная оценкя исповеди и образа подпольного человека. Отношение Достоевского к нему пронимяется во второй части более полно.

山。

В первой части "Записок из подполья" тончайшая ирония Достоевского сказывается именно в чрезмерности, в утрированности декларации антигероя. В X1 главе первой части на миг обнажается отношение автора: "Бру,потому что сам внаю,как дважды два,что вонсе не подполье лучше,а что-то другое,сонсем другое,которого я жажду, но которого никак не найду! К черту подполье!" (стр.164). Но этот проблеск серьезности мгновенно затушевывается новой "лазейкой", новой серией взаимно опровергающихся оговорок — рассказчик возвращается в "дурную бесконечность", и порочный круг замыкается.

Во второй части ("По поводу мокрого снега")

ощутимо увеличивается дистанция между автором и рассказчиком. Это об"ясняется ее семетностью. Сколь бы полифонично ни было искусство Достоевского, скжет остается высшим выражением авторской воли. В испонеди не достает

собственно искусства, она чрезмерно публицистична. Синтез нового метода не завершен, и первая часть относится
во второй почти так же,как философия Раскольникова - к

сржету "Преступления и наказания". То, что в ромене орга-

Композиция второй части носит такой же цикличесий. "бесконечный" характер, кок и прижение мысли в испоети. Никакого "приговора" нет.и все же глагная мысль автора поднается прочтению. Возьмем для сравнения послепний роман Гостоевского. Филосой ия Ивана не находит в романе никакого опровержения, и его пламенный бунт справедливо считают ником духовного напражения в этой удивительвой книге. Однако Гостоевский знает, что порождаемый этим бунтом моральный хаос губителен шля человека. И автор опровергает философию героя не другой философией. а "живнью". т.е. всем холом событий в той совленной им "модели мира". где неслиянные голоса высказываются с полной свободой и авторская воля властвует лишь над судьбами героев. Роман для Lостоевского - философский эксперимент. где проверактся "на прочность" противоположные идеи. Какой голос прав, он не знает, но зато отмично знает, что произойдет с тем или иным голосом при воплощении в жизнь. Гостоевский купожник новой эры, в которой идеология приобретает по новому опасное значение идеи прямо вторгаются в жизнь а теоремы проверяются на черепах старух.

В романах Лостоевского теории не обсуждаются, а переживаются. В "Записках из подполья" это имеет несколько специфическое отличие: повесть "По поводу мокрого снета является одногременно своеобразной параливныю к "Подполью" (как таковая она выполняет илиостративную,понсняющую функцию) и экспериментом в вымеуказанном смысле
слова. Двоякая направленность второй части утяжеляет ее,

регствуют два основных эпивода: скандал в "Hôtel de Paris" в история с ливой. Эторой эпивод, как привнают все исследователи, образует ядро повести. Он имеет преобладающее значение, так как является собственно экспериментом, опровержением.

Приступан ко второй части "Записок", остоенский сразу задает обертон в пресловутом эпиграде: "Когда из мрека заблужденья... "Обертон задается иронической подачей жиграса: резко обравающим многоточием издевательской строчкой "и т.д., и т.д." и насменнивой, пренебрежительной ссыякой -"Из порзии Н.А. Некрасова". Это стилотворение Некрасова написанное в 1846 году, было символом веры двух поколений демократов: над ним плакал Белинский его пекламировали петрашевии и не раз интались воплотить в жизнь шестидесятники, в том числе сам Добролюбов друг Достоевского Апоилон Григорьев и сотрудник "Времени" Петр Горский. В стихотворении Некрасова выравинясь вера в побрую природу человека в разумное понимание.в "горичее слово убежденья". Но этот гуманизм был ограничен: известная сентиментальность стихотворения, торжественно-примиряющее чувство свидетельствует о непонимании подлинных размеров зла. Достоевского трагедия женщины в мире капитала волновала не менее, чем Гиго, и нет оснований считать что он осменвает гуманистический но ему претит наивный рационализм стихот-HODEB HOSTA. ворения, он смотрит на спасение падших женщин путем иич-

¹⁾ По некоторым свидетельствам, "Когда из мрака заблужденья" принадлежало к чиску любимых стихотпорении Гостоевского.

ного подвига как на лечение раковой опухоли свинцовыми примочками. Достоевский видит сентиментализацию действительности в этом стихотворении и воспринимает эту сентиментализацию как фальнь. Напомним, что речь, идет об одном из ранких стихотворений Некрасова; в нем совершенно отсутствует чувство трагизма, которое в представлении Достоевского неотделимо от социального зла.

Этот трагизм нарастает на протижении всей второй части "Записок из подполья". Первая глава ее содеркит экспозицию сюжета и пространный самоанализ, неребрасывающий мост между второй и первой частью. Сразу же
возникают поясняющие мотивы, вскрывающие с новой точки
врения психологию исповеди:

"Раввитой и порядочный человек не может быть тщеславен без неограниченной требовательности к себе самому
и не презирая себя в иные минуты до ненависти" (стр. 168169). "До болевни тоже боялся я быть смешным..." (стр. 169).
"Всякий порядочный человек нашего времени есть и должен
быть трус и раб. Это — нормальное его состояние" (стр.
169).

Перед нами развертывается обширная перекличка мотивов и образов между перьой и второй частый. Например, приведенное нами определение "трус и раб" перекликается с утверждением в первой части, что умный человек девятнадцатого сполетия должен быть "существом бескарсктерным" (стр. 135). Совнадает интереснейшая внешиня деталь: поднольный человек еще в первой части упоминал, что

микогна не мог смотреть лицым в глаза, и это же повторяется в первой глеве второй части (многие мемуаристы расскавывают о пронаительном, трудно переносимом вагляле самого Постоевского). Пространный знализ "необыжновенной многосторонности", цинического романтизма русских "широких натур" (1 глава второй части) звучит как эхо психологической карикатуры "лентня", всю жизнь со слевой умиления пьющего за "прекрасное и высокое" (У1 глава первой части). Эта перекличка мотивов имеет одну важную особенность: все повторяющиеся идеи мотивы детали, органически слиты с иным контекстом, сописанием предпествующей жизни и общественной ситуации подпольного человека. В первой части мы имели дело с" нирикой зубной боли", во второй эта саизя "зубная боль" в душе подпольного человека описывается в определенной временной последовательности и определенной среде. Перед нами - явная попытка Достоевского создать социально-психологическую детерминацию "лирической исповеди.

а стетивации протеста предельно обнажается Достоевским в эпизоде с "десятивершковым" офицером. После того, как последний в биллиардной молча "переставии" расскавчика, перадоксалист чувствует элобу и смущение. "Черт внает что бы дал и тогде за настоящую, более правильную ссору, более приличную, более, так сказать, литературную!" (стр. 173, выделено Достоевским). Но выразить протест он не смеет — не из трусости, а из панического страха окаваться сметным, Парадоксалист — раб собственной иронии.

Бызнаемые саморалобивчаясь в стоей испореди, пожет облечься в неуязвимую броню "дурной" бесконечности".

Но в повседневной жизни он не может ожидать от окружающих рого эстетического понимания, которого требует от читателя.

Проминй, грубый солдафон просто не поймет изысканной позывоего неожиданного оппонента. Подпольному человеку кепремно нужно, чтобы до окружающих дошел эстетиям его позывоетому и его месть офицеру неизбежно рылинается в литератрную форму: сначала в"абличительную повесть" с приправой в клеветы, которую он посылает в "Отечественные записки", ватем — другая крайность — в "прекрасное, принлекательное шесько" с намеком на дузль, которое он воксе не отсывает.

Здесь Достоенский повторяет одну из ситувций романа Униженные и оскорбленные в Когда Ихменев задумывает дуэль скнязем Валковским, Иван Петронич его отговаривает, указывая, то князь не примет вызова: "...вы будете совершенно осмеять. Ихменев шокирован, его дворянская гордость возмущена. презенекоторое время, после нового оскорбления, он шлет княть вростный картель и получает издевательски — вежливый отва. Вабешенный старик бросвется искать врага по всему тербургу, но он не может даже увидеть князя: его хватают жем на пестнице, передают полиции, полицейские отводят его часть и т.д. В этой картине детально обрисована механика правенства. В "Записках из подполья" и мотив дуэли, и бестиме отомстить за унижение повторяют ситуацию "Ухменев — Валковский" в гиперболически заостренной и почти символитьской форме: огромный офицер — вопнощение грубой силы, а

"низенький, истощенный" чиновник, подпольный герой, образ бессильной ярости. Но если гордый старик Ихменев
после отсидки в части заболел от унижения, то подпольный человек сознает свое бессилие с самого начала, и его
болезнь - хроническая. Тупая сила офицера так же фатальна, кек "стена" мировой необходимести. В мире Достоевского такие сопоставления соверженно правомерны.

но ведь подпольный человек в своей исповеди не велал признавать "стень". Он не желает признавать и превосходство десятивершкового обинера. Бунт против необходимости в эполетах выдивается в заранее обдуманный и тцательно отрепетированный символический жест: подпольный человек толкает обицера на Невском проспекте. "Я не уступил ни вершка и пронел мимо совершенно на равной ноге! Он даже и не оглянулся и сделал вид. что не заметии; но он только вид сделал, и уверен в этом. Я по сих пор в этом уверен! Разумеется, мне досталось больше; он был сильнее, но не в том было дело. Leno было в том, что я достиг цели, подцержел достоинство не уступил ни на ваг и публично поставил себя с ним на равной социальной ноге" (стр. 179). В этом изложении рассказчик, безусловно, иронизирует над самим собой, но оставияет громадную "назейку": он внушает читателю мыскь, что обицер в столкновении на Невском спасовал перел вызовом "штабирки". Но на эту мысль с "лазейкой" наслаивается ирония самого Достоевского: многочисленные повторы - перестановки, утрирующие повторы, до крайности уродливые "достоевизмы", т.е. экспрессивно-дебормированные, "нарочитые" обороты (напр., "на ранной сопиальной ноге"), вызваны не юродством рассказчика, в иронией автора. Достоевский дает читетелю понять, что обицер
дейстнительно не заметил антигероя. Камется, это понимает
и сам антигерой, но не хочет себе в этом сознаться; это
явствует на самоубеждающего повтора: "... я уверен в
этом. Я до сих пор в этом уверен!" Здесь у Достоевского
скрыто двойное дно, и его ирония дублирует притворную ировию рассказчика.

Изумительно заканчивается 1 гивна второй части:

"Офицера потом куда-то перевели... Что-то он терерь,мой голубчик? Кого давит? (стр.179). В этом "голубчике" слинось мнимое превосходство над тупой силой и тщеславное удовлетнорение идирворной местью. Если в первой части красноречиво провозгившается бунт против необходимости, против давнщей внешней силь,то во второй части эпизод с офицером дает конкретно-образную распифровку бунта: зак-мурив глава, страшным усилием воли бунтовщик ваставляет себя толкнуть на Невском обидчика, эту силу, давнщую уже в буквальном смысле. Свойственная Достоенскому сожетная и образная инсценировка борьбы идей здесь имеет совершенно явный пародирующий характер.

В последующих главах пародирующее снижение парадоксалиста продолжается Достоенским параллельно с
нагнетанием трагивма. В результате му ительное напряжение непрерывно растет. Подпольный человек сам первый
осменвает эстетский характер своих мечтаний о "высоком
и прекрасном": "Все... оканчивалось ленивым и упонтельным
переходом к искусству то есть к прекрасным (ормам бытив,

совсем готорым, сильно украденным у постов и роман истов ... " (стр. 180-181). Но дажее следует оправдание этих мечта ний, взаимно опрокидывающиеся оговорки цепляются одна за пругую. "И к тому же поверьте, что у меня кой-что былс вовсе недурно составлено... А. впрочем вы правы; действительно и пошло и подло. А подлее всего то,что я теперь начал перед намм оправдываться. А еще подлее, то, что и делаю теперь это замечание. Га дорольно впрочем. в то ведь никогда и не кончишь: все будет одно другого подлее..." (стр. 181). Бахтин цитирует этот пассаж как пример дурной бесконечности, безысходного регрешит mobile диалогизированного самосознания. Но сквозь это свмосознание с огледкой прокрадывается, пролезает, пробивается тайная претензия на высшую серьевность претензия на трагизм. Сам Гостовьский считает "подполье" положением трагическим как и положение иных униженных и оскорбленных в его романах, но претензия подпольного человека спелать осознание этого трагизма средством самоутвериления содержит в себе комическую черту: пщеславие, выражающееся столь ничтожно поворит реальную трагедию, снижает поллинную серьезность положения. Гурная бесконечность подполья не только трагична, но и сменна. Авторское отношение исполнено гигантского внутреннего напряжения благодаря скрывающимся в авторе прогиворечиям: глубокое сострадание - и беспощадное осуждение, боль - и ирония. Подполье как жизненная позиция в висмей степени чукдо Достоевскому, изображающему его трагикомически.

Этим отношением определяется и вся сцена в "Hôtel de .г.е. жизод с проводами Згеркога. Психологический подтекст эпизода - очередная судорожная полника парадоксатиста пробой ценой достигнуть эстетивированного самоутверыдения, на владть свою иминость пругим. "Больше трех месяцев в никак не в состоянии был сряду мечтать и начинал ощущать вепреодолимую потребность ринуться в общество" (стр. 181). Несмотря на пронию по отношению к самому себе рассказчик деет замечательно рерное об"яснение этой "непреодолимой потребности": она возникала, когда гозвыченные мечты его доходили до такого счастин, что надо было непременно и немерленно обняться с людьми и со неем человечеством; а вия этого напо было иметь хоть одного человека в наличвости, действительно существующего" (стр. 182). Подполье ве может существовать без периодических выназок на поверхность, в подполье живет неистребимая тоска по реинтеграции с людьми, потребность самоопределения среди людей.

Е связи с визитом к Симонову и нахленувшими воспоминаниями о "каторжных годех" школьной жизни подпольный челонек вновь делает отступление в прошлое, рисует картину одинокого и мрачного детства, в которой Достоевский повторнет свою попытку социально-клихологической детерминации образа. Гамее следует детальная психологическая подготовка эпизода, изображение противоречивых
чувств, волнующих подпольного челонека в день прощального обеда, на который он напросился. Гурная одежда рассказчика
варанее ввергает его нериную лихорадку. Он с отчаянием

представляет себе, кок унивительно будет его ноложение среди чуждых ему бывних соученихов "и главное, - как все это будет мизерно, не дитературно, обыденно" (стр. 191, курсив Достоевского). Автор настойчиво подчеркивает это стремление своего персонажа к э/стетизации своего положения.

низансцена процального обеда и диалог, в котором полиольный человек пытается "навичать себя", странным образом приобредают сходство с атмосферой рассказа "Скверини анекдот". подпольным человек, уже "раздавленный и уничтоженный", решает: "Сию минуту ухожу!..." "Разумеется, я остался. Я пин с горя набут и жерес стакацами. С непривички быстро хмелел, а с хмелем росла и досада" (стр. 196). Он произносит нелепый спич, чтобы оскорбить Зверкова, и все решительно бросают его и перестакт обращать на него внимание. Создается впечетнение кошмарного, постыдного сна. который не в силах прервать "видящий" его расскаячик. Он кодит взад и вперед по комнате, иво всех сил показывая своим врагам, что не обращает на них внимания. Но его напускное преврение Рнезапно оборачивается полной противоположностью: он "резко и решительно" просит у всех прощения и лаже выпраживает месть рублей у Симонова, отчално пытаясь сохранить в полнейнем унижении "эстетическую" позу.

Враги едут "туда" - к женщинам. Подпольный человек бросается вслед за ними. "Гли они все на коленях, обнимая ноги мои, будут вымаливать моей дружбы, или ... или я дам Зверкову пощечину!" (стр. 201). Однако уже в извозчичьих санках он понимает, что "дружба" - это вадор,

пошлый мираж, и потому он "должен дать Зверкову поцечину". в рагоряченном воображении мелькают картини предстояцего сканцала, избиения, дуэли. Он предстанияет, как его будет бить Трудольбор и как ферфичкин вцепится в волосы. "Но пусть, пусть! Я на то пошел. Их бараньи ба жи принуждены ве будет раскусить, наконец, во всем этом трагическое !" (сгр. 203). Здесь впервые в повести звучит это слово. Самоутвержцение подпольного человека заключается в том, чтобы поразить других трагизмом своего положения, но всякая подобная попыты в пошлой, низкой среде обречена заранее на прован, трагизм подполья несообщим, и он сам это прекрасно понимает: "... Мне яснее и ярче, чем кому бы то ни было во всем мире, представиямась вся гнуснейшая немепость моих предположений и весь оборот медали, но ... (стр. 203). Но остановиться он не может, его толкает несполимая потребность акции, жеста, выражающего его "я". Он уже представляет полицию, суд. Сстрог, Сибирь, возвращение через пятналиать лет с правом отсроченного выстрема, как Сильвио у Пушкина. И вдруг ему становится невероятно стыдно так стыпно, что он даже вынезает из саней среди улицы. Что делать? И туда нельзи - выйдет вадор, и оставить дела нельзя после таких обид". Он снова бросается в сани: "Нет!... это предназначено, это рок! погоняй, погоняй, тупа!" (CTp. 204).

Обратим внимание на эту многозначительную аккумуляцию черт трагической предопределенности: "должен" дать пощечину", "принуждень будут раскусить трагическое", "это рок", и далее уже подпольный человек с ужасом ощущает, что •это ведь уж непременно сейчас, теперь случится и уж викакими силами остановить нельзя" (стр. 205). Нагнетается предчувствие катастробы, создается атмосфера роковой неотвратимости. Но, приехав наконец в нелегальный притон, он уже не застает Зверкова с компанией. Подпольный человек чувствует, что он как будто "от смерти спасен", испытывает радостное облегчение: так странила его необходимость действия, принятие решения. Однако несостоявлийся трагический жест как бы повисает в воздухе; напряжение, подготовленное апизодом в ресторане и отчаянной скачкой по снежным улицам Петербурга, целиком "переливается" в следующий эпизод, самый важный в повести. Хозяйка притона выводит к нему простую и, видимо, добрую девушку. Сна и заплатит за всех и за все.

"Что-то гадкое укусило меня; и подошел примо к ней... Я случайно погляделся в веркало. Вабудораженное лицо мое мне показалось до крайности отвратительных: бледное, злое, подлое, с лохматыми волосами. "Это пусть, этому я рад, - подумал я, - я именно рад, что покажусь ей отвратительных; мне это приятно..." (стр. 206).

В голосе рассказчика звучат ноты интеллектуального садизма. Он перестал юродствогать, здесь начинается
"монологически твердое, неразложенное слово", и Бахтин в
своем внализе оставил в стороне эту важнейную часть
"Записок из подполья". В эпизоде с Лизой голос подпольного человека вдруг обретает чекенную ясность и недвусмысленность, ибо именно в этом эпизоде происходит его

самоутверждение, и душа его обнажается так глубоко, что смешное становится страшным. Пошлая и низменная ситуапия приобретает колоссальные масштабы, тесная комнатка
"модного магазина" превращается в филиал ада. "Скверный анекдот" начинает переходить в трагедию.

Глава У1 второй части начинается вловещим сравнением: "...Где-то за перегородкой, как будто от какогото сильного давления, как будто кто-то дулил их, захрипети част. После неестественного долгого хрипенья последовал тоненький, гаденький и как-то неожиданно частый ввон..." (стр. 206, разрядка всюду наша). Достоевский вводит нас в атмосферу кошмара, где "кто-то" дулит часы, где они неестественно долго хрипнт, прежде чем неокиданно часто прозвонить. Звон часов - "гаденький"; фраза изобилует словами с частицей "то" ("где-то", "как-то"), навевающими тревожную неопределенность. Все средства обращаются на создание мрачного, тягостного, томительного ожидания несчастья.

Далее спедует знаменитый диалог в постели, картина изощренного психологического мучительства. Под-польный человек сам не знал, зачем он начал говорить с лизой. Но вскоре явная непринянь девушки разозлила его, он вновь ощутил потребность самоутверждения, оставшуюся неудовлетворенной в предыдущем эпизоде. Он увлекается спором и начинает выкладывать "свои заветные идейки" (стр. 211), беспощадно раскрывая перед Лизой весь ужас ее положения, извлекая ее "падвую душу" из пресловутого

мрака заблужденьн. Однако в отличие от некрасовского героя не возвысить он стремится Лизу, а подавить ее бескомпромиссным, ясным, трезвым изображением ее падения, чтобы самому морально возвыситься над ней, овладеть ее дувой. "Более всего меня игра увлекла" (стр. 211).

Парадоксанист заговаривает вдруг совершенно несвойственным ему языком, лучезарными красками расписывая радости супружеской любви и счастые материнства. Эти картины уылекают его самого, он гонорит с неподдельным чувством, в нем спонно пробуждается тоска по "идевну Мадонны", но не в форме "высокого и прекрасного", т.е. эстевированной, а в форме реальной земной любви простых людей, в образах будничных, конкретныхии потому подлинно возвывенных (образ ребенка у материнской груди). Парадоксалист прославляет естественные человеческие чувства, прославляет.

Слабевщее сопротивление Лизы побуждает его произвести впечатляющую и образную речь о проституции, где слышатся самые огненные интонации Достоевского, где в реалистических жанровых сценках изображается страшная судьба всякой продажной женщины: алкоголь, преждевременная старость, Сенная, побои, чахотка, ранняя смерть. Но подпольный человек произвосит все эти жестокие истины лежа в постели денушки, которую купил два часа назад. Его проповедь фальшива в самой своей основе: он не имеет на нее морального права. Он обличает великое эло, царящее в мире, но сам является порождением и носителем этого эла.

"Игра, игра увлекла меня; впрочем, не одна игра..."
(стр. 23)). Эта оговорка знаменательна; в глубиве дуви
подпольный человек тоскует о любви, о единственном, быть
может, средстве воссоединения с миром людей. И вдруг неред ним открывается возможность такого воссоединения как он реагирует на это?

"Но теперь, достигнув эффекта, я вдруг струсил. Нет, кикогда, никогда еще я не был свидетелем такого отчанния! (...) Все молодое тело ее вздрагивало, как в судорогах. Спервиесь в груди рыдания теснили, реали ее и вдруг воплями, криками вырывались наружу. Тогда еще сильнее приникала она к подушке..." (стр. 220). Описание достигает трагической силы; его патетический стиль не только чист от какой бы то ни было деформации, но становится даже строгим, в нем возникают возвышенные повторения, торжественные инверсии.

По контрасту с грубо натуралистическим, разговорным стилем проповеди парадоксалиста это поэтически возвыченное и чистое описание рыдающей девунки приобретает
особенную силу. И в этот патетический момент парадоксист
испытывает чувство страха. "Я было начал что-то говорить
ей, просить ее успокоиться, но почувствовал, что не смею,
и вдруг сам, весь в каком-то ознобе, почти в ужасе, бросился ощупью, кое-как наскоро сбираться в дорогу (стр.
220). Он испытывает чувство вины перед ней, он растерян;
эта буря отчаяния, которую он вызвал, пугает ее своей подлинностью. Лиза с силой сжимает его руки, она начинает
вести себя, как влюбленная женщина. В растерянности он

подчиняется минутному порыву:

- -"Вот мой едрес.Лиза,приходи ко мне.
- Приду... прошентала оне решительно".

И он начинает прощаться. "Мне было больно; я спешил уйти, стушенаться" (стр. 221). В этот момент устами самого подпольного человека Достоевский показывает высокую
душевную красоту Лизы, выделяет поразительные детали, наброшенный на плечи платок, наивную ульбку, прекрасные глаза,
ее гордость и стыдливость. Подпольный человек уходит,
измученный и растерянный. "Но истина уже сверкала из-за
ведоумения. Гадкая истина!" (стр. 222). Это прямое утверждение чуждо всякой диалогизации. Во всем приведенном
зпизоде (в У1 и УП главах второй части) "павейки" исчезаит из рассказа подпольного человека, и его двусмысленная,
неуловимая интонация устущает место прямому, искреннему
самовнализу. Он сам признается в страхе перед жизнью.

"Что-то не умирало во мне внутри, в глубине сердца и совести, не хотело умереть и сказывалось жгучей тоской" (стр. 224). Такими необычными для рассказчика словами описывается его душевное состояние на другой день. "Точно как будто на душе моей лежало какое-то преступление" (стр. 225). Достоевский показывает страх рассказчика, что "Лива придет", и показывает в то же время, что подпольный человек испытывает чувство вины перед Лизой. Он совнает, что его увлечение во время ночного диалога было все же наигранным: "У опять, опять надевать эту бесчестную лживую маску!" (стр. 225).

Страх перед приходом Лизы доводит рассказчика до бешенства, до неистовой злобы к ней. Эта злоба перемежается ташнотворно-приторными эстетизирующими мечтами о том, так он будет развивать, образовывать Лизу, о ее "спасении", о женитьбе на ней и свадебном путешествии за границу. Здесь цитируются в пародийном осмыслении знаменитые закпрчительные строки все того же стихотворения Некрасова:

> И в дом мой смело и свободно Хозяйкой полною войли !

"Одним словом, -говорит подпольный человек, - самому подло становилось, и я кончал тем, что дразнил себя языком" (стр. 227). И Достоевский снове пускает в ход отточенное оружие своей иронии. Он рисует перед нами картину отвратительного беснованья "подпольной мыши", его комическую распрю с собственным лакеем. В разгар скандала входит лива. Подпольный человек "обмер от стыда". И в этот момент снова бьют часы, словно сигналивируя читателю о важности последующего эпизода: "В эту минуту мои часы принатужились, провишели и пробили семь" (стр. 232). У достоевского часы — живые, они чувствуют в действии. Они воввещать о приближении несчастья.

Эпиграф 1х глави - все те же две заключительные строки некрасовского стихотворения, со ссылкой: "Ив этой ве позвии". Таким образом, Достоевский трижды цитирует это стихотворение: для него вообще характерны троекратные варьирующие повторы 1).

¹⁾ В "Скверном анекдоте" генерал трижды спрашивает, "очень ли он унижен" в глазах окружающих, в бинале "Идиота" князь трижды спрашивает Рогожина, где Настасья филипповна, и т.д. Троекратный повтор — любимое усилительное средство русского больклора.

Троекратно заявленная ирония автора по адресу сентиментального описания "подвига" превращается, в конце концов, в яростную насмешку: автор как бы говорит, что получится, если "падшая и возрожденная" действительно "войдет в дом" своего "спасителя". И, действительно, происходит нечто странное, котя по началу эловещий комизм даже усиливается.

Прося лакея принести из трактира чар, подпольный человек выносит новое унижение: "Я ждал минуты три, стоя перед ним, с сложенными à la Napoléon руками" (стр. 234). В голосе подпольного человека здесь нет ироним к самому себе, имя Наполеона упоминается как бы случайно, по внешнему поводу. Но для Достоевского это не случайность, а еще одно средство резко подчеркнуть трагикомическое несоответствие позы и действительного положения. Когда лакей наконец снисходит до просьбы хозайна и отправляется в трактир, с подпольным человеком происходит нервный привадок.

" - Я убью его, убью его ! - вивжал я, стуче по столу, совершенно в исступлении и совершенно понимая в то же время, как это глупо быть в таком исступлении" (стр. 234).

Он разражается слезами и просит Лизу подать воды, котя отлично может обойтись без этого: он позирует даже в настоящем припадке. Чувствуя слабость своей эстетичес-кой позы, он справивает в упор: "Лиза, ты презираешь меня?". Сконфуженная девушка не отвечает.

"- ней чай! - проговории и элобно. А зликся на себя, ко, разумеется, достаться должно было ей" (стр. 55). В нем закинает "страшная влоба" к йизе, он сознает "всю омерзительную нивость" этой элобы, но не может удержаться. И первая же робкая попытка йизы оградить свое человеческое достоинство вызывает варыв: следует знаменитый монолог, полный бешеного цинизма.

Подпольный человек рассказывает ей о своем злокирчении и Hôtel de Paris и обнажает перед ней подлинный симси своей проповеди: " Меня унизики, так и я хотел унивить; меня в тряпку растерии, так и я власть захотел показать..." (стр. 236). И. признаваясь Лизе в ненависти, он сем об"ясняет: "Потому что я только на словах поиграть, в голове помечтать, а на деле мне надо, знасыь чего: стоб вы провалились, вот чего! мне надо слокойствия. Да я ва то. чтоб меня не беспокомии, весь свет сейчас же за колейку продам. Свету им провалиться, или вот мне чаю не пись?. Я скажу, что свету провалиться, а чтоб ине чай всегда пить (стр. 237). Этот афориам всегде рассматривают как деклараимо вгоцентрияма, вырывая эти слова из их бежумно-гиперболического контекста. Но ведь это прежде всего признание в бессидии. В неспособности к живни. это откая от реальной Свободы ("только на словах поиграть, в голове номечтать. в на деле... мне надо спокойствия").

Следуют каскады бешеного самоунижения, мазохистский порыв, в процессе которого подпольный челонек, подобно средневековому (пагелланту, непрерывно возвышается в собственных главах. Чудовищно гиперболизируя свое унижение, по подлость, он тем самым выводит свое "н" из сферы повпо и банального, парадоксально эстетивирует свою слабость.

петсы, что он обнажается до конца. Он заканчивает мононог
па:

"...Бедь человек раз в жизни так высказывается, да и
в в истерике!... Чего ж тебе еще? Чего ж ты еще, после всепо втого, торчинь передо мною, мучаень меня, не уходинь?"
(стр. 238).

Вывкая влся им он до конца? Напряжение возросло и предела, подготовлен драматический эффект - изгнание нам. Вот тут-то и вмешивается ростоенский: саморазоблачеше подпольного героя является неполным, автор хочет вырвать вего всю правду; он дает понять, что подпольного человека недует понимать вопреки его прямым декларациям. Достоевжий срывает ожидаемый эффект рарадоксальной реакцией Ливы.
Всиле, что ее собеседник сам несчастив, она поднимается и в мудержимом порыве протягивает к нему руки. Действие повести постигает кульминации:

"Тут сердце и во мне перевернулось. Тогда она вдруг росинась ко мне, обхратила мою шею руками и заплакала. Я не выдержал и зарьдал так, как никогда еще со мной не

- Мне не дают... Я не могу быть... добрым! - едва проговорил я, ватем дошел до дивана, упал на него ничком и тверть часа рыдал в настоящей истерике" (стр. 238).

В этом крике души ваключена важнейшая автохарактежетика антигероя. Достоевский не случайно поставил эти стова в самой высвей точке напряжения и применил все свое вскусство для драматического выделения этой фразы.

Это и есть глубочайшая тайна подпольного человека: он связан, детерминирован Гнетущими внешними симами ("не дают") и в то же время внутрение неспособен к добру ("не могу"), не способен к жизни, неспособен к любви и общению. Эта сраза - разгадка отвечает на вызывающий крик в первой строке "Записок из подполья": "Я человек больной... Я вмой человек". По сути дела, он вонсе не болен, котя и не отличается особым вдоровьем; точно так же и не вол, а лишь полон перализующего страха перед миром, готов этот мир (то есть сферу возможной реализации своей свободы) продать за копейку ради спокойствия. Как мы видели выше, зноба к Лизе возникла в нем из нечистой совести, из чувства вины, из страха. Га, он озлобляется от страха, что жизнь примет всерьез его возвышенные декларации, и спевит их дезавуировать. Из одной крайности он мгновенно бросвется в другую: с высот мнимого свмоутвержления ныряет в пучину столь же мнимого самоунижения. На самом деле - это слабый человек, измученный страхом, снецвемый тоской одиночестве и неспособный ни слиться с миром, ни противоспонть ему до конца.

Сближение с другим человеческим существом оказалось возможным только на пятнадцать минут, на четверть
часа об"ятий и рыданий. Сразу после кульминации начинается реакий спад. Возвращансь в свое обычное состояние,
подпольный человек начинает чувствовать стыд перед Ливой: ведь роли переменились, героиня теперь Лиза, а он
унимен и раздавлен. Лизей, он не может жить без
власти и тиранства. Уменно стыд, унижение порождает в
нем желание облагать Лизей.

"Как и ненагицел ее и как мени влекло к ней в оту минуту! Одне чувство усимивало другое. Это походило чуть не на ищение!" (стр. 259). Обманутая этим порывом, Диза восторжение обнимает его.

Скоро обман рассемвается. Тут скрыта одна мрачная деталь, перед которой дрогнуло перо Достоенского: "Я оскорбил ее окончательно, но... нечего рассказывать". (стр. 238). Речь идет о противоестественности головного сладострастия подромьного ченовека. Лива поняла, что он "не в состоянии любить ее", как и не может "быть добрым". "... Любить у меня - значило тиранствовать и правственно превосходствовать" (стр. 240). Любовь - ненависть в "Записках из подполья" об"ясняется разорванным сознанием социально ущемленной иминости, которая ищет в любви не любви, а самоутверждения, компенсации за унижении. Это иррациональное стремление компенсировать собственные унижения путем унимения сексуального партнера выходит за пределы интимных отношений и осовнается разорванным совнанием как красота влого поступка, эстетизация вла (сатаниям, боддерианство и т.д.). Именно сту эстетизацию полчеркивает затем Гостоевский последующей знаменитой спеной с пеньгами.

Удовнетворив свое извращенное желание, подпольный человек перестает питэть к Янае алобу: "...я не
очень уж так ее ненавидел, когда бегал по комнате и в щелочку заглядывал за мирмы (...). и хотел, чтобы она исченла" (стр. 240). Когда Лиза, одевшись, выходит из-за
вирм, он отвечает на ее тяжелый взгляд усмешкой: "Я элобно усмехнулся, впрочем, на сильно, для приличия..." (стр. 241,
курсив Достоевского).

Под "приличиек" здесь подразумевается эстетивация, сохранение появ. И та же самая потребность в эстетивации диктует еку завершающий жест, представляющий собой развянку повести: в руку Лизн парадоксалист всовывает синюю цитирублевую бумажку.

это символическое оскорбление вызвано уже не потребностью мести, компенсации, самоутверждения: "Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно
подсочиненная, книжная, что васам не выдержал ни минуте..."
(стр. 241). Увидев, что Лиза выбросила ассигнацию на стол,
потрясенный, охваченный раскаянием, он бросается за ней,
кочет догнать, вернуть: повдно - он ее больше никогда не
увидит. Услужливая бантазия тотчас начинает изыскивать
оправдания для неискупимого вла, и рассказчик возвращается к пурной бесконечности. Круг замыкается вновь, и подполье принимает в свои недра одичалого философа.

Он отлично совнеет жалкий характер своего "книжного"
"литературного", т.е. эстетивированного самоутверждения:
"... я манкировал свою жизнь нравственным растлением в
углу, недостатком среды, отвычкой от живого и тщеславной
влобой в подполье". Он сам навывает себя антигероем:
"В романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты
для антигероя" (стр. 243, курсив Достоевского). Именно
"нарочно", и Достоевский не случайно выделил это слово.
Однако подпольный человек заявляет, что все интеллигенты более или менее отореаны от "живой жизни", что сам
он только доводил в своей жизни до крайности то, что
другие не осмемивались доводить и до половины. Иными

сповами, он декларирует, что представляет собой русское образованное большинство. Он вызыванще ставит себя наравне с читателем.

y .

Достоевский убежден, что подполье типичное социальпо-психологическое состояние русский интеллигенции. В момент своего второго идейного кривиса он полагал, что с его
соственными сомнениями и терваниями уже покончено; с новой
высоты он судил и русскую интеллигенцию, и себя вчеравнего,
высоты он судил и русскую интеллигенцию, и себя вчеравнего,
высоты он судил и русскую интеллигенцию, и себя вчеравнего,
высоты он судил и русскую интеллигенцию, и себя вчеравнего,
высоты подная свою личность от большинства "умных людей деменадцатого столетия". По этому "Записки из подполья" содеркат элементы самоосуждения. Это самоосуждение и являетса основанием глубочайшей суб"ективной боли автора, того
раскаленного страдания, которого подчас не в силах перемести читатель, неделенный от природы спокойной и тяжелой
выпод"ем совестью. Между тем, именно это суб"ективное
страдание и пафос личного гнева составляют едва ли не
главные черты таланта Достоевского, его творческой личности.

Наша трактовка специфических особенностей трегитекого начала у Достоевского требует особой аргументации.

Воскольку эта трактовка примо касается взаимосвязи между
процессом художественного творчества и процессом читательского воспринтия, представляется необходимым ввести новый
тормин для обояначения особого вида такой взаимосвязи, в
менно — болевой эффект (в смысле эстетическом и психолотическом, но отнодб не в том смысле, в каком этот термин
тотребляется в нейрофизиологии). Попытаемся выделить и
обосновать это понятие.

Общепризнаво, что гиперболизация страдания - опна из главных черт творчества Достоевского. Однако заполго по него это средство широко применянось в живописи барокко (преимущественно религиозной), в затем - в романтическом искусстве. В произведениях, где страдания героев изображаются в гиперболизированном виде, торжествуют ужас и абсолютное эло (роман Грго "Собор Парижской Богоматери", его же драма "Король забавляется", расская Эдгара По "Падение дома Эшер" и др.). Гостоевский с его обостренным интересом к моральным проблемам человека своего времени уделнет наибольшее внимание не гипербомическому изображению страдания вообще, а гиперболизации нравственного страдания, картинам ужасающего унижения человеческой личности. Твк. в "Униженных и оскорбленных" говорится не о бедности, в об унижении человеческого достоинства, свяванном с федностью. Самое страшное оскорбление для Нелли не побои Бубновой, в ее попытка продать Нелли развратному купцу. В знаменитом описании лондонских рабочих ("Зимние ваметки о летних впечатлениях") показано не то как они напрываются на сабриках и заводах, а то, как они предаются пьянству и грубому разврату; "голод и рабство" линь упоминаются. Примеры можно приводить и далее. Социальные мотивы Достоевского всегда имеют продолжение в сфере морали. Унижение человека - самый важный пункт его обвинительного акта.

Первым эту особенность подметил Белинский, в своей известной рецензии полностью процитировавший зна-менитую сцену с оторвавшейся пуговицей из романа "Бедные поди": "... всякое человеческое сердце судорожно и болез-

менно сожмется от этой - повторяем - <u>стравной</u>, глубско патетической сценн..."1) Он гонорит, что благодарность какара Девучкина, смешанная с совнанием собственного падения и чувством "самоунижения", потрясает дуну.

Белинский говорит о болевненном, судорожном сжетии сердиа читателя. У Добролюбова появилется слово "боль".
В произведениях Достоевского автор "Забитых людей" нашел
одну общую черту: "это боль о человеке, который признает
себя не в силах или, наконец, даже не в праве быть человеком настоящим, полным, самостоятельным..." А несколько
ниже критик употребляет это слово в другом смысле: "Саинй тон каждой повести... так и вышибает из сердца раздражительный вопрос, так и подымает в вас какую-то нервную
боль..."

Добролюбов с яввительной иронией отчитывает
тех, кому не понравилось "подобное впечатление" и кому
хочется видеть в русской литературе "рассказы веселенькие, грациозные, розовне".

ку, данную Достоевскому молодым "социалистическим Лессингом", и пересмотрел именно в этом пункте. Он обвинял Достоевского в ненужной жесткости и налепил на него прозвище "жестокого таланта", державшееся много десятилетий.

Молодой Стебан Жеромский записал в своем дневнике: "Созданные им картины потрясают, гнетут, подчас его невозможно читеть".

^{1) &}quot;Достоевский в русской критике", 1., 1956, стр. 24

²⁾ Там же, стр.59 и 59.

Он отметил в тей же записи, что прервал чтение "Преступления и наказания", потушил ламиу и "в испуге бросился на кровать" 1).

Луначарский, говоря о противоречивости внилентического характера Достоевского, ваключает: "Даровитая и страстван натура Достоевского углубляла это в одну сторону до
того ужасного мучительства себя и других, которое неляется одной из доминирующих черт его писательства, а в другую до экставов" 2). Отметим это тонкое наблюдение: "себя и
пругих". Понимание этой двойной направленности приема
содержится уже в "Забитых людях", где Добролюбов словом
"боль" характеризует и авторскую нозицию, и читательское
восприятие. михайловский не понямал фундаментального закона паралмельности творчества и восприятия. Если Достоевский жесток, то он жесток в первую очередь по отношению к
самому себе.

Эту мысль с большой силой выразии один из самых эмоциональных исследователей достоевского англичанин миддатон морри: "... Не потому, что гений его жесток, как было сказано людьми в потому, что он, в ком человеческое сознание действовало острее, чем в других людях его века, он был в более страшной степени жертвой конечной жестокости вещей" 3).

Достоевскому свойственно яркое понимание того факта, что "конечная жестокость" окружающего его мира не только внанвает невероятное мучения людей, но и унижает достоинство человека, и для него последнее было немамеримо

¹⁾ Стедан Жеромский. Избр.соч., т.4, М., стр. 433-434

^{2) &}quot;Достоевский в русской критике", стр. 421.

³⁾ J. Middleton Murry, "fyodor Dostoevski, A Critical Study", London, 1916, p. 37.

стравнее побых (изических лишений. Если у Гоголн этот же факт вызывал "смех сквозь слезы", то у Достоенского смезы превратились в отчание, а смех - в гримасу невыносимой боли. Не напрасно названи его "перцом униженных и оскорбленных". Ошибка здесь лишь в том, что его само-го жизнь так унижала и оскорбляма, что он не мог нести один бремя боли. И он передавал эту боль читателям посредством сознательного приема гипетболизированного унижения, путем заострения и торможения сцен, в которых герои его произведений подвергаются униженлю, т.е. путем боле-вого вбфекта.

Симролический жест, выражающий оскорбление, есть ваушание побои пощечины. Общемовестно какую важную роль играет пощечина в романах Достоевского например, в "Удиоте" или в "Бесах". Подпольный человек предвется даже долгим рассужцениям о пощечинах, но он их никогда не получал, так как не рисковал подходить к жизни на доствточно близкое расстояние. Раскольникова кучер жлещет кнугом, проезжая мимо. Бтабс-капитана Снегирева таскает за бороду Митя Керамазов. Важнейшим из видов болевого зайскта у Достоевского янинется ввекародное осмения героя; Гроссман назвал этот прием "развизкой"Ревизора". в Бахтин сравнил с развенчением кариагольного короля. В этом отношении особенно характерен один из снов Раскольнивова где он видит себя выставленным на всеобщее осменние и посрамление: этот сон наполинает то видение. о котором Григорий Отреньев рассказывает Иммеку в трагедии "Борис Годунов". Большое место в произведения достоевского занимает такой специфический илд болевого эффекта, как исихологическое "витягивание жил", диалог - интка,
в котором сдин из участников злоупотребляет своим полотением для игры, унижающей достоинство другого участника:
ето беседи Раскольникова с Порфирием Петровичем, это ночная проповедь подпольного человека в ностели Лияв, это в
особенности диалоги и поучения боль Спискина, отдаленно
напоминающие ядовитке и слащание недругогельства Кудушки
Головиева на его умиравдим братом. Одник из видов болевого
сфекта является оскорбление женщин деньгами ("Записки
на подполья", "Игрок", "Идиот"), причем деньги всегда отвертентся. Наконец, стращную силу приобретает болевой эффект
в сценах "оскорблении ребенка": особенно потрясает неопубникованная глава ромена "Бесы".

Ттак, заушание, всенародное осменние диалог - ингка,
 оскорбление деньгами и насилие над малолетней - таковы
 самые гларные виде болевого эффекта в романах Достоевского.

В чем же сущность болевого обфекта? Каково его назначение в системе художественных средств Достоевского?

Для точного понимания этого необходимо коснуться проблемы эма у Гостоевского. По его мысли, вло коренится в самой природе вещей. Не только в преуспенающей капиталистической Англии, но, по сути дена, во всем вире Достоевского ваял царит и даже не требует покорности". Эло приобретает огромные, вселенские размеры и возвывает над человеческой повседневностью свой медика лоб — недысные чело гегелевской разумной необходим ости. Гиперболивируя вло, Гостоевский в то же время лишает его романтического ореола, изоб-

ражая его как тупую и подлую силу. Античный рок был посвоему красив; даже убивая трагического героя, он стил его достоинство. Фатум у Гостоевского не просто пожирает человека, но еще бессмысленно издевается над жертвой, дразкит, мучит, насилует и оскорбляет. "Высший разум событий" превращается, по определению Миддитона Мерри, в "метафизическое похабство" 1). Разумная необходимость аморальна: Достоевский, в противовес немецкой классической философии, подчеркивает противоречие между разумом и моралью.

Сцены нравственных пыток написаны им с таким яростным реализмом, что порождают болевненное раздвоение читательского восприятия между парализующим душу ужасом и
страстным протестом. Достоевский внушает совнание коренного противоречия человеческой ситуации в мире: бесплодность индивидуальной борьбы со влом и нравственную невозможность примирения с ним. Всем ходом действия в своих
романах он принуждал героев к бунту, доказывал неизбежность последнего.

Столкновение двух необходимостей есть трагическая колливия. Гегель говорит, что подлинной темой трагедии является "божественное в его мирской реальности", в той форме, в какой оно входит в мир — т.е. в форме нравственного. При переходе в реальную об"ективность гармония нравственных сил исчевает, они обособляются и выступают друг против друга. "Таким образом, непосредственно трагическое ваключается в том, что в пределах такой колли-

i) The metaphysical obscenity": J. Middleton Murry, op. cit., p. 36.

ми обе противоположные стороны сами по себе правомерны 1.

К этому основопологающему понимению трагедии Достоевский присоединил некоторые новые элементы, разрушающие цельность Гегелевской концепции. Кантианская эстетика Шиллера, как известно, оказала очень большое ылияние на Достоевского:

в шиллеровской теории трагедии центральным пунктом является страдание, ибо, как утверждает шиллер совершенно в духе кантовского ригоризма, высшее нравственное удовольствие всегда сопровождается страданием. Закон трагического искусства состоит в изображении страждущей натуры и ее правственного сопротивления страданию. У Достоевского трагический бунт героя всегда янляется морально обоснованным, ибо в своем возмущении против жестокости мира герой создает себе индивидуальную мораль, и подобно Раскольни-кову, разрешает себе пролить кровь "по повести".

В античной трагедии гибель героя носила предопределенный, роковой характер. По мнению Гете, которое он выскавывал Эккерману, идея трагической судьбы, как ее понимали греки, устарела. У самого Гете в эпилоге "Фауста" ангелы отвоевывают у сил зла бессмертную душу Фауста и возносят ее на небо. Это чудесное вмешательство божественного милосердия поразило воображение достоевского, горячего почитателя Гете; такой чудесный, почти мистический характер носит обращение Раскольников в эпилоге "Преступления и наказания" под влиянием весьма необычайного ангела — Сони мармеладовой.

Наконец, в эстетике романтизма принцип трагедии получил уже совсем иное освещение. Август Шлегель провозг-

¹⁾ Гегель, "Лекции по эстетике", Соч., т. 117, М., 1958, стр. 363-364.

дасил, что трагическое есть борьба свободы с необходимостью: завязка трагедии - ощущение свободы, ее развизка сознание необходимости. Эта концепция также повлияла на
Достоевского, в мировозврении которого идея свободы воли
сочетвлась с признанием нравственной необходимости трагического бунта. Свобода подпольного человека ваключается
дишь в отказе от реального действия, и запертый в подполье
бунт становится самопоеданием больной совести, моральным
мазохивмом, о которои говорилось выше.

В романе - трагедии Достоевского никогда не достигается антитевного снятия исходной ситуации: трагедия остается принципиально не вавершенной, катастроба героя не раврешает противоречин.

Идеей общей вины, совиновности всех людей, в том числе и самого вытора и читателя, обосновывается в романах Достоевского то, что Луначарский назвал "ужасным мучительством себя и других", т.е. болевой эффект, вызывающий сопротивление исихиниснитателя, невыносимый душевный скренет. Болевой эффект — самое сильное орудие воздействия на читателя. Его следует отличать от романтического гронеска, с которым он связан по своему произхождению. Выракансь фигурально, болевой эффект ествыгротескная ситуация, в которую вместе с героем попадает и читатель.

Поступки героев Достоевского могут быть страшными, но они не аморальны; в основе их лежит самое настойчивое моральное требование, своего рода "категорический императив", говорящий им: "Ты должен - значит им можешь". Но этот императив выкован личной, индивидуальной моралью героя, и возрести максиму его воли во всеобщий закон невовможно. Так или иначе, в своей эгоцентрической моради орагические герои Достоевского неуязвимы, они не подмежат поральной оценке автора, не поддамтся "об"ектному суждению", говоря словами М.М. Бахти а. Никто не в праве судить пругого человека. Достоевский и не судит их а развенчивает их CTETHYECKH.

Я.О. Зунделович в своем внанизе диалогов Раскольникова и Порфирия Петровича с вмешательством авторского говоса доказывает, что автор скрыто развенчивает героя, снижает •го, компроме тирует иден "все позволено"1). В романе "Идиот" Киполит Терентьев (новый вариант подпольного человека) не осуждается морально, и князь Мынкин паме просит его: "Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье !" Но Ипполит режительно смежон, и Достоевский безжалостно развенчивает остетивм его позы. В "Исповеди Ставрогина" Тихон, опуская глаза, смущенно шепчет демоническому герою, что всю его страшную и откровенную исповедь "убьет некрасивость". Сменным может преиставиться и положение Ставрогина после вочи, столь имачевно проведенной с Лизой Тувиной (Достоевский намекает на то, что цемон оказанся импотентом). Тончайшей иронией освещает Достоевский и метания растерянного Ивана Карамазова, испуганного карикатурным осуществлением его идеи при посредстве Смердякова. Во всех своих романах Достоевский не только ведет героя к катастроде, но и демонстрирует несостоятельность его "морального эстетияма" (по вырежению П. Биципли) или "эстетияма наизнанку" (М.Бахтин), разоблачая эстетизацию вла как фальшивую пову показывая, что человек - не демон, не ромянтический

¹⁾ О.Я.Зунделович, "Ромены остоевского", Тапкент, 1963.

таинственный изгой в черном плаце и надвинутой на глаза шлине, что человек слаб.

В этой связи чрезвычайный интерес представляет сопоставление Достоевского с Нармем Бодлером, впервые сделанное Р.Якобсоном , который ванвии, что прова Гостоевского подобно поэвии Бодлера принадлежит к литературе вапоздалого романтивма. Гостоевский по мнению Якобсона. это романтик. заблунившийся в эпохе резлизма. По нашему инению между Бодлером и Достоевским действительно существует очень много общего и в их проблематике в отношении к миру, в их психологических и моральных исследованиях своего века наблюдаются подчас поразительные совпадения; однако не может не броситься в глаза огромная разница, и причем именно в интересующем нас пункте. Поввия Бодлера проникнута глубочайшим пессимизмом и принципиально атрагична. "поральный эгоцентризм гордых героев Достоевского внутренне добрых но из ненависти к обществу избирающих путь вла, сродни моральному эгоцентризму Боглера. Эта гордость отчанния упоением собственным падением соответствует "новому трепету" Бодлера. Но Достоевский поднимается выше этого, и "комплекс Бодлера", если можно так выразить ся. вуодит как один из компонентов в систему обравов Гостоевского"23 Для автора "Цветов вла" характерна эстетивания низкого страшного могильного эстетивания обмана, порока, преступления и смерти. Таково его внаменитое стихотворение "Падаль", густо населенное червями. Достоевский же показывает вло во всей его хамской наготе:в

¹⁾ Roman Jakobson, "Na okraj lyrickych basni Puskinovych. Vybrane spisy A.S. Puskina", Praha, 1936.

²⁾ Р. Навиров, "Диккенс, Бодлер, Гостоенский. К истории одного интературного мотива". Ученые записки Башкирского ун-та серия филологических наук, 7 (11), 1964, стр. 179.

его романах мы тоже порой встречаемся с эстетизанией зла. и Ставрогин, находящий красоту в полярно противоположних поступках. В полвите и в растиении манолетней мог бы вызвать пожалуй, восхищение Бодлера. Но эту эстетизацию зла Гостоевский разрушает сгоей всесильной ирскией, снимает с нее романтический плаш и раскрывает рафикированную изврашенность Боллера как жуткую и отвратительную, как нечто крайне уродимвое. Эло у французского поэта устрашающе красиво, у великого русского романиста - устранарще гнусно, чудовищно несообразно со своими эстетическими притизаниями, витиэстетично. Так, финальный жест подпольного человека, всовывающего в руку Лизи синенькую ассигнацию, не находит никакого морального осуждения, но он эстетически бездарен, вто фальшивая нота, ложное самоутверждение. Б своем качестве трагического жеста ок в высшей степени несостоятелен. и это вызывает такую же нервную боль читателя, как скрип тупого ножа по тарелке. Развенчанию эстетизирующей позн героя служит прием "двойника": героя пародирует его "обезьяна", как Ставрогин назвал Петра Верховенского.

Таким образом, сущность боленого эффекта состоит в контрасте индивидуально-этического с обще-эстетическим. Реакое ощущение этого контраста приводит читателя к осознанию антивстетичности вла и стимулирует бессовнательную нравственную оценку. Болевой эффект варивает ложь эстетической повы, деляют невозможным порочных эстетивы антируманной идеи. Тем самым, разрушая эстетивы эла, болевой

фект восстанавливает нарушенное единство этического и ответического. Совесть читателя восстает против умежения ответся и против собственной успокоенности. Гостоенский отремится именно и этому: ранить совесть читателя розушить в человеке чувство великой ответственности за творжевся вирое вло, посенть в душе человеческой семена творческого отверения и визни. На вначение болевого обсекта — это профукцение ответственности.

Рассмотрим механизм болевого эссекта во второй часи "Записок из полнонья". Читатель с самого начала не питает сочувствия к подпольному человеку. Однако нам, быть может, мпонирует его нежелание примириться с необходимостью, ин MOHUMBEM ero Cynopownym norohm sa Cemochpehenenen. Hat Moтет увлечь его немагогическое требование "гарантировать капризп.т.е. свободу личности. Вот он унижен и оскорблен в компании его бывыми соучеников, мы ощущеем вверскую тупую такесть из самодовольства, и возрастающее напрявение властво требует разрядки. Но пощечина Зверкову не состоялась ничего полично трагического не произошло. Неутомомо зикумулируя укиженность "антигероя" Достоевский против воли четателя заставляет его желать какого-то конкретного вействия полнольного человека, бессовнательно требовать утверждения этой тые славной, мелкой и глубоко не счастной человеческой личности. И вот настает миг самоутверидения - инг садисткого надругательства над беззаципным человеческим существом. точно такого же надругательства, какое творит рок над самин портольным человеком: и в эпизоде проводов Зверкова, и в вимоде с Лизой символом висшего унижения слукат деньги.

олько в первом случае подпольный человек их берет, во второк - дает. Дардий деньги всегда явинется оскорбителе, морок налачем. Жест подпольного человека одновременно
гравен - и немен, фаньвив, антизстетичен. Симьнейшее столкновение эстетического чувства читателя с бессовнательным
манием самоутверждающего жеста эзставляет нас осознать
вор собственную противоречивость, свою собственную эгоиститекую "вторую природу", и этот момент осознания оказывается
фолезненным. Боль вызывает в душе читателя - соучастныха
необ понимие угрызения совести. Совесть читателя восстает
против унижения человеческой личности, а также и против себя
сымой, против своего спокойствия.

Болевой эффект об"ективно направлен на пробуждение сорального чувства читателя, но это пробуждение идет кружным путем — через раздражение эстетического чувства. Достоенский возбуждает совесть читателя, наделяет его сознавием совиновности. Это не только жестокость к читатель, но и величайнее важение к нему. Но что дает писателю силу для такого страстного, беспощадного обвинения? То, что и себя самого Достоевский считает виновным, что и к себе самому он столь же беснощаден. Не всякий читатель склонен разделять, лоти бы и стивсти, "чужие" угръзения совести; многие предлочитают спокоствие. Такие не принимают болевого эффекта и, подобно ребенку, вышевывающему горькое лекарство, обвиклют в жестокости врача, то-бинь Достоенского.

В сцене с иятирублевой ассигнацией Достоевский раскривает эстегизи ("сочиненность", "книжность") оскорбляющего Яизу жеста. Болевой эффект прямо противономожен эффекту рама мрака заблужденья": у Некрасова торжество гуканного вроя - и читатель участвует в торжестве; у Достоевского пубочайшее падение антигероя - и читатель участвует в этом мдении. Читатель "тоже виновен", в унижени и Лиан виноваты се. Никто не имеет морального права спасать падлую женщину, весчаствая Лиза в тысячу раз выте и благороднее своего спасителя". Не только спасение, но и вообще настоящая пизость двух человеческих существ, если хоть одно из них - усиленно сознающее", "варанее обречени на пеудачу. Пародия востоевского на стихотворение Некрасова приобретает трагиский смысл; стопь же трагичным выглядит и пародирование востоевским самой подпольной исповеди.

Вторая часть "Эаписок из подполья" есть тратическая гродин на стихотворение Некрасова и на первую часть испожеди. "Каприя", которого домогался подпольный человек в своей исповеди, выражается в циничном и эстетически сальшиком жесте. Требование свободы разоблачается как эстетивируюза поза. И в стот момент, в самом конце повести, подпольный человек заговаривает совершенно инымитоном, нежели в 1 части:

"И чего коновимся ми иногда, чего блажим, чего просим? Сами не внаем чего. Нам же будет ууже, если нави блакные просьбы исполнят. Ну, попробуйте, ну дайте нам, например, побольше са состоятельности, развижите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и ми... да унеряю же вас: мы тотчас же попросимся опить обратно в опеку: (стр. 243).

У слова. и ток знакомы уже читателю Гостоенского: почти то же самое гон рил дунегуб и черновнижник Мурин в повести "хозяйка" (1847), но говории не в первом лице: "Тыеславная она! За вслюшкой гонится, а и сама не внаст. о чем серпце блажит (...). Тай ему вимомку, слабому человеку. сам ее свяжет, назад принесет". Подпольный человек к себе и таким же,как он,принагает характеристику слабого человека, панную в "хозайке" за семнациять лет до подполья. Метания прекрасной и безумной Катерины между Ордыновым и Муриным, между добром и вном, кончаются уходом в провлюе, в полную власть демонического старика. Метания подпольного человека также заканчиваются отказом от свободы. Но после этого в концовке повести идет авторский комментарий: "Впрочем, вдесь еще не кончаются "записки" этого парадоксалиста. Он не вытеркал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что вдесь можно и остановится" (стр. 244). Сем бакт продолжевин записок поппольным человеком как бы говорит о продолкармемся круговращении его "вечного двигателя", но Гостоевский обрывает дурную бесконечность.

Мы уже товорили, что подпольного челонека следует понимать вопреки его прямым декларациям: "в романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты для антигероя" - это значит, подпольный человек нарочитым подбором и выдемением отталкивающих черт искажает свое липо. Одна из тайн его исповеди в том, что он действительно считает себя героем, героем великого самонаказания, человеком великой совести. На деле же он просто слабое существо, не способное на поддинно свободное действие, не способное возвысить - си до настоящей трагедии.

Резение сканстенциальных проблем, гопросов издилицуальной морали, невозможно в подпользово требует выхода в живур жизнь, столиновения с нею, преступления контенций, того
"первого дага", которого люди, по мнению Раскольнитова, бельне всего из снете боятся. Преступлен е вытеклат из подполья.
Но подпольный человек, дрожещий от страха перед жизнью, не
способен на преступление — его хватает только из подпость.
И все его самововеничение под видом самоунижения, его
скрытая претензия на геромам, его настойчивое подчеркиваное подпержание этого трагизма есть не что иное, как роментиям подпости. Ибо подпольный человек — романтический
мыслитель, он останся романтиком, как и был; но он стал
"романтиком наманаку", эстетизирующим свою подпость.

И ростоевский при посредстве болевого «Декта с огромной силой разоблачает этот романтизм подлости, эту эстегизацию подпольного бунта, "литературность" и фальшьподпольн. Достоевский не изрекает никакого судо над параденсанистом, но показывает ложь подполья и невозможность его кок жизненной позиции. Епоследствии в романе "Подросток" Аркадий Долгорувий будет мечтать: "Забьюсь в скордупу и стану совершенно свебоден". Но нельзя быть снободным в скордупе, в норе, в подполье: свебоду можно найти только в "живой жизни", в непосредственном личном деянии. Такова мысль Достоевского. Деяние может быть элем, но оно необлодимо: только в "жирой жизни" усиленно совнающий одиночка может найти себя — ценой жизненной трагедии.

произведениях Достоевского переплетаются / об этом уже говорилось выше, например. анализе "Зимних заметок о летних впечатлениях"/. Однако представляется все же несомнениим, что в вредий период приества у Достоевского преобладает этическое толкование нейших вопросов современного ему человечества. Окончательный переход на эту точку арения /подготовленвпрочем, всем предвествующим творчеством/ совершился вино в "Записках из полполья". Однако и в них социальные твы играют огромную роль , оставаясь непосредственно свяпыми с основной, морально-филосорской проблематикой. Это прежде всего мотив социального неравенства, в котои как бы воплощается гнет мировой необходимости. Острое созние своей социальной приниженности составляет фон мышления польного человека. Вот как, например, он гулял по Невскому спекту: " Я шмыгал, как выон, самым некрасивым образом, прохожими , уступая беспрерывно дорогу то генералам, в кавалергардским и гусарским сфицерам, то барыням; я чувствал в эти минуты конвульсивные боли в сердце и жар в спине опном представлении о мизере моего костюма, о мизере и оплости моей имыгающей фигурки. Это была мука-мученская, бесперывное невыносимое унижение от мысли, переходившее в бесрерывное и непосредственное ощущение того, что я муха перед

сем этим светом, гадкая, непотребная муха, всех умнее, всех ввидее, всех благороднее, это уж само собою, но беспревно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбенная"/стр.176/. И тем не менее, подпольного человека всегла

пуло на Невский, и он непрерывно растравлял в себе совнасоциальной униженности, хронически оскорбленное состояние, тотором жила его трусливан и амбициозная душа.

Но подпольный человек . котя он судорожно стремится огпить свое достоинство . отноль не в претензии на унижающий о социальный порядок. Сам он всеми силами ворет со своим жеем Аполлоном, заперживает жалованье, чтобы наказать лава воображаемую провинность, одним словом, старается поджнуть свое социальное превосходство; с десятивершковим офитом он во что бы то ни стало хочет себя поставить." на равсоциально ноге", в мечтах же он видит себя " внаменитым том и камергером". Маленький чиновник , он левет вон из чтобы поплержать светский bon ton и пятно на панталотуть не сводит его с ума. "Черные перчатки казались мне солиднее и бонтоннее, чем лимонине..." /стр.177/. При этом польный человек сам сознает низость своего рабского снома; кстати, этому снобивму противоречит обычная небреж сть его одежды и запущенность его наружности. Но когда он бирается зачем-нибудь из подполья , то прежде всего стрется произвести впечатление светскости: так, отправляясь на оводы Зверкова, он нанимает жихача за последний полтинник. подкатить барином к "Hôtel de Paris."

Во время этих проводов ненависть его к Зверкову и вся ора за столом возбуждается именно непрерывным подчеркивази социального неравенства. До бешенства унижает антигероя энание бедности. Простой житейский диалог становится чем-то оде изопренного издевательства:

[&]quot;- Ну - у - у, а как ваше содержание ?

⁻ Какое то содержание ?

То есть ж-жалованье ?

- да что вы меня экзаменуете !
 Впрочем , я тут же и назвал , сколько получаю жалованья.
 - Небогато, важно заметил Зверков.
- да-с, нельвя в кафе-ресторанах обедать! нагло прибавил рфичкин.
- По-моему, так даже просто бедно, серьевно ваметил удолюбов" /стр. 195/.

Но как же жарактерно для этого бедняка, для этого жалкого сенка гигантской бюрократической системы, что он считает бя не только више "податного сословия", но просто не зачает, что люди этого сословия — тоже люди, а не скоты. В тый трагический момент своего ночного приключения, гонясь верковым, чтобы дать ему пощечину, подпольный человек истово кричит на извозчика, бранит его: "Погоняй, извозчик, огоняй, шельмец,погоняй!" А несколько далее он в нетерпении ариет извозчика кулаком в шею. Нам хорошо известно, какое рашное впечатление произвел на юного Достоевского фельдерь, избивавший ямщика /см. "Дневник писателя" за 1876 г./. сивая сту черту зверской, тупой местокости к низшим в рактер подпольного человека, Достоевский лишний раз подкивает его страшную оторванность от народа, резко отделяего от своего собственного взгляда на мир.

Бедность й социальная приниженность в соединении с мун - рным, казенным "благородством" чиновничьей касты опреде - социальную психологию подпольного человека, этого ти - чного продукта бюрократической империи, ее "табеля о тах" и самого умишленного в мире города - Петербурга.

Но почему же в таком случае подпольный человек представчется столь странным, чуть ли не исключительным существом? та потому, что Достоевский наделил его таким пронизывающе стрым совнанием униженности, которого у обычных чиновниов никогла не бывало и с которым, вероятно, ни служить. жить вообще просто невозможно. Для сравнения хотелось бы пивести замечание одного художественного критика о Рубенсе: сли бы реально существовали люди с такой мускулатурой, как туры на полотнах." короля живописцев", то эти люди не огли бы ходить. Это излушество плоти, эта гипертрофированмускулатура - необходимая условность в живописи Рубенса. рямо противоположна одна из главных условностей романа гостоевского: его герои не показаны в будничной земной жизпедеятельности, их живнь протекает в сфере "усиленного созвания. "Гипертрофированное сознание героев Достоевского срате резкой чертой отделяет их от героев обычной реалистиеской традиции. Рубенс писал условные, фантастические фигукоторые, если бы каким-то чудом вдохнуть в них живнь, смогли бы ходить по вемле; тем не менее, он замечательно предал дух своего времени и завещал потомкам на своих поотнах жирную, веселую и могучую элендрию эпохи ее недолгого псцвета. Точно так же Достоевский, совдавая свои исклюпельные фантастические лица, в изобретенной им новой сисме условностей воплотил дух своего бурного и идеологичеснасыщенного времени, которое преднествовало русской репроции. Вся жизнь Достоевского была пронизана напряженной Мотой мысли, интеллектуальным неистовством, которое поджегивали бедность и болезнь; это высокое напряжение мысли в

риемы создания образа до степени психологической фантастики.

В таком фантастическом, очищенном от материальных забот ранании все особенности социально-психологического типа выстивот, так сказать, в чистом виде, в крупном увеличении, то придает им обманчиво неожиданный вид. Если у реального твовника сознание униженности выливается в приступах хандры, токи, пьянства и т.д., то у фантастического коллежского асестов острое и бескомиромиссное сознание не позволяет забыться и на миг, намертво блокирует всякие примиряющие тенденции, кавывается от всяких, сознательных или бессовнательных, телок с жестокостью вещей. Сознание внутренней свободы придавсему ходу мысли подпольного человека нетипичный характер.

В своей основе подпольный человек есть социальный тип.

предыные черты его психологического облика совпадают с конктию-историческими чертами психологии русского разночинца

времени, но только чрезвычайно заостренными, гиперболированными. Можно сопоставить "Записки из подполья" с таким стейним реалистическим произведением, как роман-дилогия изловского "Мещанское счастье" и "Молотов", точнее со вточастью этой дилогии. "Молотов" был напечатан в 1861 году;

тоевский лично знал Помяловского, любил его и всю жизнь последствии с теплотой вспоминал о нем. В "Молотове", в обчаство отдельных черт и мыслей, так или иначе отразившихся записках из подполья".

Вот, например, Игнат Васильевич Дорогов, небольшой, но успевающий чиновник, читает свою газету. "Антонелли, Кавур,

Обрав Худсжника Череванина в "Молотове" во многих отношепредваряет образ подпольного человека, а так называемая ереванинцина", "кладбищенство" предвосхищает психологию подмъя. Ядовитая, всеразлагающая ирония Череванина, с которой внализирует окружающих и самого себя, была в русской литемуре крупным психологическим нововведением. Но, несмотря на иронир, Череванин горько спокоен, чужд всяким метаниям опит свою тоску и мрачные мысли в вине. Внутренняя борьба напряжение между полюсами трезвого рассудка и больной ести многократно ниже , чем у подпольного человека. Мы натим между этими двумя образами целый ряц второстепенных падений как , например, насмешки над теорией среды , над прогресса / в том понимании, какое придал ей Бокль/. ванин утверждает, что в жизни нет ни виноватых, ни невинвсе то "пустые слова". "Один чудак приходит к другому: подлец", - говорит ену: а тот и струсит: "Что же, говорит. ать, обстоятельства"; первому станет жалко, он и давай утеъ его: "Ну, ну, успокойся, ничего, это тебя среда заела".

Н.Г.Помядовский,Полн.собр.соч.,том 1, М.-Л.,1935, стр.155.

раное пустословие!" . Этот вимилениий Череваниим диалог однольный человек схимает в яростно- экспрессивний парадокс:

Несколько далее Череванин говорит Молотову: "Если можно, к сделай, чтобы я не думал, уничтожь мои мысли. Не сделать же этого, практический человек". Подобние слова с торэством повторяет своим воображаемым оппонентам подпольный еловек. "Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеали... и за вами пойду". Эти слова имеют одинаковое вначение аргуента, апеллирующего к самому факту мыслей и желаний отдель-

Вот что говорит Черевании о совести: "Мне только остаети добоваться на то, как она меня мучит..." Он называет свою овесть "сожменной совестью". По утверждению Череванина, го сгубило то, что он всегда честно мыслил. "Ито надувает обя, тот всегда спокоен; но я не хочу вашего спокойствия. Тъ страшние мысли в мире идей, и бродят они днем и ночью... собенно, когда находилься один , глухо вокруг тебя, задушенься, замечтаешься , фантавии и образи растут, мысли подимаются на такую высоту , что кажутся дикими; но идет за ними уша до тех пор , что начинаеть болться за свой рассудок и в трахе кватаешь в руки голову. Мысли рождаются, растут и живут ободно, их не убъешь, не вадавишь, не подкупиль. В этом ретутся они. Свобода, которой добиваются люди, из-за которой ретутся они. Свобода, вечная невависимость здесь только возможна, и только в этом мире можно жить в собственном

Tam me. cap. 182.

Tam me, crp.183.

мысле" . Здесь в зародиме уже заключено подполье с его сего сего раниченной "свободой" в норе, в скордуне, в изолиции от мвой живии".

Это подтверждается и далее: "У меня так голова устроена, то я во всяком слове откриваю бессодержательность, во всяком явлении - какую-нибудь гадость. Торичеллиева пустота и отженная совесть! " "... Я не живу и не умираю, и всегда сам обе гадок... Себя я не любяю, не уважаю, вас тоже..."

... Вместо пораци в жизни мерзость какая-то, скука и тоска висходная ..."

Но особенно характерно для Череванина его знаменитое падбищенство", его экзистенциалистская склонность к размышниям о смерти. Эти размышления заслуживают более подробного тирования: "Положат тебя на стол; под стол поставят жда овскую жилкость; станут курить ладаном, запоют за душу квапощие гимны /... /. Дельше ? ... что дальше ?... Захлопнут об крышкой, и завинтит ее вечным винтом вечного цеха масв, гробовшик Иван Софронов, и опустят тело в подземные жипа ... Могила ... То такое там? ... Я уже вижу, как ипут, вут и ползут черви, криси, кроти... Веселенький пейзажик!.. рез десять лет провалится кришка от гроба ... Я все это знаю. терез трипнать лет останется только череп да две кости от В таких черных красках развивает Череванин свою пософию " кладбищенства": экаистенциалисты в наше время цвесто окрестили его " трагедией конечности". Но "кладоищенстне является привилегией Череванина, он не так уж и ори-

Там же, стр. 185.

Tam we. cmp. 189-180

инален. Подобные мысли и настроения в высше степени хараксерны для позднеромантической поэзии стчаяния, определившей селовеческую жизнь в таких выражениях:

... That the play is the tragedy, "Man",

And its hero the Conqueror Worm.

(Edgar A. Poe, "Ligeia"),

... Что пьеса - это трагедия "Человек",
А ее герой - Завоеватель Червь.
/Эдгар А.По, "Лигейя"/.

Нужно ли напоминать об основополагающем значении самого рафинированного "кладбищенства" в поэзии Парля Бодиера? "Цвев вла" буквально пропитаны сладковатим запахом смерти; изо ражения гниющей падали, трупов, отчанно рыдающих под гро овой плитой, воронов, пожирающих повешенного, червей, глоущих покойника, подаются Бодлером с мрачным и вызывающим паосом. Только Эдгар По или Шарль Бодлер слагают гимны смерти
своего собственного лица, тогда как русский художник череинн - литературный персонаж реалистического романа.

Но специфическая картина "петербургской смерти" наводила и мрачные мысли и такого трезво-реалистического поэта, как жирасов. Вот как он описывает в цикле "О погоде" /1858/ по-

Наконец, вот и свежая яма
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Нидкой грязью его эавалили
И конец...

В таких же тонах "как Помяловский и Некрасов, рисует под-

польний человек перед Ливой воображаемую картину ее погребепия: "В могиле слякоть, мразь, снег можрый, - не для тебя же
перемониться? /... / Засиплют поскорей мокрой синей глиной
уйдут в кабак /... / имя твое исчезнет с лица вемли - так,
как бы севсем тебя никогда не бывало и не рождалось!"
/стр.219/. Еще ранее он расскавывал Ливе о подобной смерти
ревушки из "дурного дома" на Сенной и говорил о воде в могите. "Как же, вода на дне, вершков на шесть. Тут ни одной мотим, на Волковом, сухой не выроешь"/стр.209/. То, что
приь Бодлер или Эдгар По эстетивируют, освещают вловещим светом романтического пафоса, Помяловский и Достоевский в обратах своих "кладбищенских ромаетиков" подают с тревени, беспощадным реализмом / Достоевский с его тяготением к драмативации вводит даже циничный диалог могильщиков над гробом Ливы/.

Особенностью "кладбищенства" у Череванина является то, что полностью чуждо тщеславия, эгоивма, стремления к самоутрядению. В некоторых отношениях Череванин напоминает "рустие широкие натуры" Достоевского. К тому же Череванин, когда чотов противопоставняет кладбищенской философии обычную в годы этическую теорию "разумного эгоизма", неожиданно легодает себя убедить и решает начать новую жизнь.

Тем не менее , нельзя отрицать, что между образом Черевашна и образом подпольного человека существует явное генетиское родство. Но между этими двумя образами пролегают три
ода, три очень больших года русской истории. Это одна из
причин принципиального различия между "кладбищенством" и под-

Мы уже говорили выше о том, какие это были годы. Звезда - стидесятых годов клокилась к закату, вожди революционного

разброд" - далекий прообраз мдейного патания русской интел-

Слишком много надежд возлагалось на "утреннюю варю освосидительной эрм " и слишком жестоким было разочарование!

среде разночинцев, которые в начале 60-х годов выступали
так единая сила, началось быстрое расслоение. В своей статье
"Записках из подполья" В.Я.Кирпотин говорит, что Достоевский
"тевольно заменил тип передового разночинца подпольним разпочинцем, разночинцем-мещанином". Это было бы совершенно
праведливым, если бы не беспочвенный домнося о "невольной.

жимене", произведенной Достоевским. Замену эту произвела сама

Hexomopas 7 a en 1 pagnorunial nocce

педа революционной ситуации 1861—1868 годов начала постепенто проникаться цинивмом и отчаннием, которое порождало богемнастроения, алкоголивм / прогрессивное пьянство", по слотого же череванина/, самоубийства и даже идейное и полинческое предательство. Вышем расправы защими полидинишими нациими темприципальна расправнами посте движеразночинием правичаниями многие" пали жертвой в борьбе ро-

[/] Русская литература",1964,№ 1,стр.47.

отой", еденсисинае - вибрали путь бурдуавной карьеры и пренеми со временем, но изминичением просто "сломались", внали апатию, отошли от общественной живни. И в то время как леве крыло движения во главе с Писаревым, Цедриным и другими родолжало легальную деятельность, маленькие группы революонеров с отчаяния уходили в романтическое революционное ополье, с символическими торорами и кинжалами на печатях, роде московской органивации Ишутина и его боевого центра под вванием "Ад", откуда вышел первый русский террорист Д.В.Каковов.

Выше мы скавали: "циниам и отчанния". Это не совсем точно: очнее было бы выравиться "циниам отчанния". Именно этот цинам отчанния порождал ренегатство, порождал то умонастроение, оторое Горький, говоря о философии подпольного человека, вывал "анархивиом побежденных". Ибо после разгрома революцишного движения было немало случаев ренегатства.

Мы далеки от того, чтобы обвинять шестидесятников в массоти предательстве. Одно лишь бесспорно: ренегат стал одним из
метных социальных типов эпсхи. И на первом плане этой ирачтой, но совершенно реальной картины выступает аловецая и жалпредательного ренегата — виминивного Всеволода Костоматова, прославского дворянчика, уланского корнета и переводчика,
тогорый предал Михайлова и Чернышевского, а затем умер от заньюй, тяжелой болевни в воврасте 26 лет. Видный революциовер-шестидесятник Н.В. Велгунов в своих "Воспоминаниях" дал
ным детальный и впечатляющий портрет Костомарова, которого он
неал довольно хорово.

"Главными отличительными чертами характера Костомарсва ... были трусость и хвастливость ... Вообще это была натура при-

паленная, приниженная и нассивная". "Личное чувство, и так в нем, должно быть, безмерное, в заключении развилось больше; он преувеличил свое несчастье и озлобился. Неосторимо, что это был человек больной и несчастный". Шелгунов удивляется озлобленности Костомарова, его мрачности, понявленной сосредоточенности, его злобному упрямству. "И пранное дело, этот обвинитель возбуждал сострадание; в нем чествовалось что-то ноющее, какая-то внутренняя болеющая

Трусливый, тщеславный и больной индивидуалист, то ли из щеславия сочиняемий стихи нелегального содержания, то ли в смом деле на какой-то момент увлеченный общим под темом — на или иначе, в 1861 году он дебютировал в роли предателя при первом же аресте поступил на службу в Третье отделение. На ненавидел революционеров именно потому, что предал их; тительно завидуя их мужеству, цельности, духовному здоровью, и должен был считать себя выше, сложнее, интереснее их. Этот п был своего рода романтиком подлости, поэтом предательна. Портрет Костомарова, обрисованный Шелгуновым, местами комперьного нарадоксалиста из повести стоевского.

Теперь припомним только несколько общензвестных историских деталей, на которые мы обычно не обращаем внимания. грая - Всеволод Костомаров, поэт-переводчик, печатался в гране "Русское слово", "Светоч" и " Зремя" /переводы из Байгла, Бернса, Лонгфелло и др. /. В десятом номере журнала "Зремя" 1861 год была помещена его статья "Легенды сербов" с при-

VH.В. Шелгунов, "Воспоминания", М.-Пг., 1923, стр. 142.

сением ряда народных сказаний. Представляется почти бесорным. ЧТО ВО Время СВОМХ Неоднократных приездов из Москвы. Летербург Костомаров лично посетил редакцию "Времени" и вязал знакомство с редакторами журнала. Вторая деталь - в 62 г. Всеволом Костомаров и Алексанир Петрович Милюков совестно издали компилятивную "Историю литературы древнего и ового мира"; при таком сотрудничестве личные свяви необходии. Между тем. А.П. Милюков был давним другом Федора Михайнота Достоевского, и его дочерей романист пригласил на венчапе с Анной Григорьевной в 1867 году. В доме Милюкова Достоевсий был своим человеком. Третья деталь - Костомаров занимался переводами стихов Генриха Гейне, необычайно популярного в оссии: на этой почве он сбливился с таким же молодым поэтом пором Бергом, который был постоянным сотрудником журнала время". В 1864 г. Берг и Костомаров совместно издали том переводов из гейневского "Романсеро". Эти факты свидетельсттот о бливости Всеволода Костомарова к кружку " Времени". востоевский мог внать Всеволода Костомарова.

Считаем нужным подчеркнуть, что вдесь нет речи о "подыскивынии" какого-то жизненного прототипа к образу подпольного человека. Дело не в этом. Но то, что Достоевский мог в непосредственной близости наблюдать озлобленных и больных индивиучалистов, ниших, отравленных гипертрофированным самолюбием, вмеет большое значение для понимания генезиса "Записок из подполья". А Костомаров не был исключением.

Мы только что наввали имя Федора Берга, внакомство которого с достоевским не подлежит сомнению. Берг дебютировал в 1860 г. в "Современнике"; ему было двадцать лет, и он носил под пиджаком красную косоворотку, как символ свободы. Печа-

тся он в разных журналах, его переводы из Гейне имели усон писал и прозу под звучным псевдонимом "Боев". В 1869г. современник" опубликовал его роман "Закоулок". А к 1870 г. посится нашумевшая статья Берга Скорое наступление золоого века", которую он поместил под псевдонимом "Д.Анфовский" славянофильском журнале "Заря". В этой статье бивший сотруд-"Времени" издевался над мечтами социалистов. Злобная иро-"Анфовского", по мнению Г.М. Триплендера, побудила Достооского "изложить и защитить - в противовес Бергу - свой поэтиеский идеал "волотого века", а менно - вписать картину счастпвого человечества в сон Ставрогина . Впоследствии Берг шелал совершенно сногомибательную черносотенную карьеру, репктировал "Ниву", а с 1889 года - "Русский вестник", лишь и ва года осиротевний по смерти Каткова. Но интересно до турое: еще будучи молодым и "ужасно" либеральним, в год пестыянской реформы, Федор Берг не только гримировался под прибальнийца и носил красную рубашку; каждый вечер он выходил невский и Литейный для ловли дешевых приключений с проститками низшего разряда. Это был совершенно иной тип циника, вели Костомаров, но с тою же хвастливостью и с тем же проментизмом подлости". Подобно подпольному человеку Достоевского. тот переводчик Гейне и потенциальный ренегат сочетал "прекрасное и высокое" с грязным развратцем.

Но дух цинивма, "череванинщина", хаотическая мораль отнюдь не исчерпываются приведенными примерами. Несколько повже, в 1867 г. на всю Россию прогремело сенсационное ренегатство мельсиева, который считался ближайшим помощником Герцена м

V г.м. гридлендер, "Реализм Дост оевского", М.-Лг., 1964, стр. 38.

терева. Человек непомерно раздутого самолюбия, Василий Кельтев не выдержал лишений эмиграции, вернулся в Россию, дал
тастям подробные показания и был прощен. "Обращение "Кельсиева
тьно ваволновало Достоевского, который в переписке с Аполломайковым разделил восторги поэта по тому поводу. Отметим
тнако, что это случилось повже интересующего нас момента,
те после выстрела Караковова.

Большой интерес представляет обобщение, сделанное тем же ртуновим, и характеривующее ренегатство обывательской части вночинцев: "Лвойственный тип. к которому принадлежал Кельсине составляет редкости, и именно у нас, в России, но шестисятые годи выдвинули его только в количестве более обыкнонного. Формы этого типа были не только разные, но и многоравные, ядро же оставалось всегда одно и то же. Немножко монности к увлечению, немножко критической мысли и отрицаи, немножко доброжелательных чувств, очень много самолюжелания играть роль и стоять на первом месте, преувелиание своих сил, воображение, увлекающее заманчивных картии широкой деятельности, немножко даже хвастливости все из же побуждений самолюбия и удовольствия видеть себя в ореов всегла очень много трусости. Не у всякого . конечно. подей этого типа хватало мужества, чтобы разрешиться всеодно исповедью, полною цинического отношения к своему прошу и публично ваявить неуважение к самому себе, как это пал Кельсиев" . Если в этой характеристике " двойственнотипа" выделенные квантитативные наречия вседу усилить до ерболической степени, то противоречивость этого исихологи-

Н.В. Пелгунов, "Зоспоминания", стр. 152-153. Выделено всюду нами.

В мелкобуркуавных революционных движениях чередуются прив и отливы, валеты и падения, варывы наделд и бездны песизма. Классическая марксистская характеристика психологиекой противоречивости мелкого буркуа не нукдается в комменриях. По мере развития капитализма угроза классовой гибели
неотвратимее нависает над мещанином, и он борется изо
к сил за спасение своей неповторимой индивидуальности,
пролетарская революция страшит его не меньше, чем колесп Джагернаута.

в подпольного человека у достоевского явился гиперболививиным и отвлечения, но исихологически совершенно достоверпортретом виссовий равновидности равночинца, в портовить разновидности равночинца, в портовить портовить последующего погружалась в безодное отчаяние, бросалась в разврат , пьянство, игру и препление / четре главных темы последующего творчества дос-

Вечного мужа" и " Крот ой" - более поздних вариантов "Под-

ревского/. И в этом социально-психологическом типе, как сочка в коконе, шевелился будущий тщеславный убийца, инмектуальный садист, который обрел плоть и кровь в лице та бы Бориса Савинкова, писателя и террориста. Ибо достокий все же не без оснований был навван пророжом русской олюции; только термин Мережковского нуждается в уточнениименикий романист на деле пророчествовал о черных страницах тории революции, об ее предателях. Своим подпольем, своим весами он предвосхитил в первую очередь появление тихорова, Азефа, Савинкова и подобных им героев мелкобуржувар революционности.

Постоевский глубоко проник в историческую , классовую траедию мелкой буржуазии, в раздвоенность мелкобуржуазного созиния. Великий романист мог восхищаться покаянием Кельсиева в оих письмах, но он никогда не был постом аморализма и претельства. Понимая идейные основания подпольного бунта. остоевский отноды не принимал самого подполья как жизненной и пософской повиции .Но в момент совдания Записок из полтолья", переживая свой второй идейный кризис, великий писаель еще не пришел в той схеме морального возрождения через реступление, которую он будет применять в различных варианвах в своих больших романах. Путь греха и покаяния, путь к овообретенной религии еще только нашупывается в Записках подполья", и автор сам еще не вполне отдает себе отчет: де же выход из трагического тупика? Порочный круг, в котором ечется мысль подпольного человека, находит себе буквальное соответствие в циклической композиции повести, в том же самом озвращении к исходному состоянию, какое характерно для Вечного мужа" и " Кроткой" - более поздних вариантов "Подполья".

Приведенные нами выше исторические и историко-литературне факты свидетельствуют о том, что " подполье" не является каким-то откровением в области психологии. Все предпринимаемые западными исследователями попытки отождествить "подтолье" и фрейдовское " бессовнательное" свиделельствуют липь в глубочайшем непонимании исторических условий в России их века, условий, породивших отчаяние, пессимизи и душевные етания мелкобуржуавной интеллигенции. Термин "подполье" педует понимать не как психологическое состояние или бессовтельную сферу психики / все "подполье" пронизано светом мого влобного и ясного самоаналива , оно насквовь совнаельно/, но как определенную жизненную позицию , которая в пстоящей работе последовательно карактеривовалась как мораль магохиям, эстетивация протеста или романтиви подлости. ия подполья характерно стремление утвердить свою свободу **Утем** отказа от всякого действия: Достоевский прекрасно повывает невозможность такого положения. Замена этического вна эстетическим , произведенная в "усиленном сознании" оппольного человека, наслаждение собственной поплостью ик художественно выразительным явлением искусства означает вмую плачевную неспособность к жизни. Трагизм подполья, траэм униженности, выражает конкретные исторические явления: мавленность, слабость, безвиходное социальное положение сской мелкобуркуваной интеллигенции изображаемой эпохи: проение сознания подпольного человека стражает противорепость мелкобуржуваного совнания в момент крушения революлонных устремлений. Подпотыный человек типичен как явление чиальное; он от этого однако не менее исключителен как явение художественной литературы.

Спор о принципах создания образа в творчестве Достоевсто имеет за собой уже долгую историю. Одно из последних о времени виступлений в этом споре принадлежит В.Я.Кирпону как автору статьи "Типология русского романа" . По его шению, идея у Достоевского не предикат, а сущность героя. нако в романе Достоевского действуют не идеи, а люди, охченные идеей..." Это утверждение Кирпотин противопоставлявзглядам Н.Бердяева и Б.Энгельгардта, которые сводятся к выу, что творчество Достоевского есть лишь "трагическое двиние идей" /Н.Бердяев/ и что " его героиней была идея"/Б. тельгардт/. Полемивируя с этими и подобными ваглядами, Киртотин ванвляет, что Достоевский изображал "всестороннего че пека", что "философское содержание идеи" сливается у него с рактером, поступками, социальной природой человека в живое пинство. Постоевский взял не только идею, но и самого скольникова из жизни". Его роман строится не на "образе ен", а на свободном выборе решения вадачи.

далее В.А.Кирпотин говорит о претворении идеи в действие, сожете у Достоевского, о перенесении им в роман принципов эгедии. Все это отнедь не аргументирует ващищаемую им точку ения, согласно которой герои Достоевского — это "всестороне" человеческие жарактеры, сущностью которых являются их и. Повиция В.А.Кирпотина представляется несколько неопременной, его утверждения шатки. Сбликая приемы создания разв у Достоевского с общей реалистической традицией, он

Вопросн литературы", 1965, № 7, раздел о Достоевскомм— стр. 117-

отчасти жертвует своеобравием метода Достоевского. Называя эго характеры "всесторонними", Кирпотин грешит против фактов. Например, один из самых сильных образов Достоевского - образ ивана Карамазова - обрисован чрезвичайно односторонне: вне социальных занятий и связей, без всякого внимания к его будничной, повседневной деятельности / таковой у него, по сути дела, вовсе нет/. Очень слабо, полунамеками, освещены заимоотношения Ивана и Кати. Наконец, на протяжении едва ли не всего романа, вплоть до своего неожиданного появления на суде. Иван не совершает никаких поступков. Вот чистейший герой - идеолог, за которого "грязную работу" делает его природный брат и двойник Смердяков. О какой "всесторонности" может щти речь? Да, его идея слита с его характером в "живое единство", но лишь потому, что его характер - порождение этой деи.

В живни детерминированные средой характеры постепенно вбирают близкую им идеологию, которая, в свою очередь, наинает ватем влиять на своих носителей, вачастую даже пребравуя эти характеры. Герой реалистической литературы — это
сильный характер, усваивающий ту или иную идею и действующий ообразно с нею и с самим собой. Характеры первичны: куда делись идеи, убеждения Евгения Онегина, когда он влюбился повырослевшую Татьяну? "Каратаевщина", народное мировоспритие, сильно изменили характер Пьера Безухова, но разве он обил с самого начала предрасположен к идеям Каратаева, разне по этой мужицкой правде тосковала его душа между попойзами и васеданиями масонских лож? У Достоевского дело обстоит оямо противоположным образом, его интересует йишь "обратная
зака": идея изначальна и первична, характер формируется финк-

мально от идеи. <u>Идея завладевает человеком всецело и дейст-</u> т сообразно с ним и с самою собой.

и это не только не противоречит реализму, но и поднимает на более высокую ступень. Ибо если на людей влияют одинане исторические, социальные и бытовые условия, то чем об"ясь неповторимое своеобразие и неожиданность каждой челове кой личности? Очевидно, оригинальным , неповторимым сочемем идеи и характера: мыслительная деятельность людей, по тоевскому, бесконечно шире и разнообразнее окружающих внешобстоятельств. Свобода, фантазия, каприз и парадокс от пот мысль развитого человека . тогда как внешний мир поден закону причинности. Поэтому Достоевский оставляет "царнеобходимости и совершает примок в "царство свободи", вовим , согласно учению Канта и убеждению саморо Достоевсво является сфера чистой идеологии, ноуменальное /непознаваесовнание личности. В этой сфере царит, по кантовскому еделению, причинность из свободи". Идеи, свободно вознипие в ноуменальном "А", подчиняют себе вемное эмпиричес-"я": характер человека. Если сильная идея, поселившаяся туше героя, противоречит его нравственным чувствам, то пенами - трагический карактер. Ибо Достоевский, в отличие Канта, не считает разум необходимо добрим. Одержимость ей - первое условие трагической судьбы. "Все наше достомно заключается в мысли" - сказал Паскаль. Достоевский полоэту мысль в основу своего изображения человека, рисул люживущих только для того, чтоби "мысль разрешить".Поэтому ершенно справедливо . что в качестве прямых предшественков гертев Достоевского нередко называются Гамлет и Дон-LOT.

Итак, характеры у Достоевского являются функциями идей.

ваче говоря, идея - формообразующее начало характера. Значит

тэто, что характер произвольно конструируется от идеи ?

отько в исключительных случаях. Так, путем произвольного

онструирования от заданной наперед идеи Достоевский создал

орез князя Залковского /см.1 главу настоящей работы/. Но в

релых романах Достоевского дело обстоит гораздо сложнее.

Из показаний самого писателя явствует, что в первой гадин творческого процесса он / в отличие, например, от Туренева/ видел прежде всего не героя, а драматическое собитие, одимано, анеклот. Восемь планов "Идиота" свидетельствуют, по замысел художника вращался не вокруг главной идеи /у первого "идиота" и у князя Мышкина доминирующие идеи прямо промвоноложны/, а вокруг главного собития - убийства геромия. пля развивки романа поити и писался и задуман был весь ро-. Роман " Бесн" написан под свежим впечатлением дела ечаева. В письме с изложением плана "Игрока" Достоевский. вазалось бы, раскрывает перед нами чисто "тургеневский" по своей последовательности вамысел: сначала намечает "один тип заграничного русского" и развивает мысль о "недоконченности" того героя; однако тут же писатель поясняет Страхову: "главная же штука в том, что все его жизненине соки, силы, буйство, смелость пошли на рулетку". И далее он подчеркивает, что задача этого расскава - наглядное и подробнейшее изображение рудеточного ада, этой драматизированной "дурной бесконечности". стория духовного одичания игрока предчувствуется уже в этом пане. Драматическое собитие, назденное в жизни, и даже га -

^{1/}Ф.М.Д. стоевский, Письма, т.П. стр. 138.

етный анекдот - вот первый импульс творческого процесса остоевского. Такое событие заранее распределяет роли между о участниками, в какой-то степени предопределяет их жаракты; между тем, разработка "ищем-силы" здесь еще не имеет ста.

Таким образом , мы приходим к противоречию: с одной стоны, идея первична, и характер - функция идеи; с другой
гороны , характеры не создаются произвольным конструированиот идеи , а предопределяются их участием в первопричинной
раматической ситуации. Однако это противоречие можно преодо-

Вспомним, каким жадным читателем газет был Достоевский. к ловил он всякое необычайное происшествие, анекд отический учай, скандальный процесс. То не была обывательская жажда нсации. В необычайных происшествиях он видел выражение илей ремени и стремился " вычитать между строк" драгоценную информапо о движении этих идей, о тенденциях их развития. Покупалась хурналистка Каирова на жизнь своей соперницы, сек ли железпорожный деятель Кронеберг свою семилетною дочь или швея эрья Борисова выбрасывалась из окна с образом богородицы пуках, Достоевский во всем видел противоборство идей, попматнвал , развивал смысл события, порою доводил его до масштав своего космогонического мишления/"Кроткая"/. Его осмыеление вседневных фактов отнодь не было каким-то прибавлением из оственного воображения: идеи, которые Достоевский извлекал событий, были иденми его времени, идении его самого и его временников.

Творческий процесс, процесс моделирования жизни, говоря чимом современности, протекви у него в обратном порядке. кыча но чуткий ко всем новым веяниям, непрерывно обдумывавсе новые и новые вопросы человеческого бытия, Достоевсрасполагал огромным запасом художественно осмисленных то или иное драматическое событие / чаще всего убийство самоубийство/, особенно сильно поразив его творческое приводило в движение механизм изобретения фабу-Само праматическое событие могно и не содержать в себе идей, какие вкладывал в него Постоевский. В свою очередь, идеи, возникшие из других источников / долголетние разления писателя, чтение, беседы и споры с друзьями, истотеский опыт и самонаблодение/, для своего воплощения трепали трагической коллизии. Достоевский советовал начинаюписателям ничего не выд мывать, а черпать сюжеты из реной действительности. Он и сам так поступал, однако драпическое собитие из жизни - это было для него только ргіm mobile для дальне мей весьма богатой и свободной вработки.

Таким образом, характеры Достоевского рождаются в результе художественного слияния реального события с отвлеченныидеями самого писателя. Это положение представляется неспько общим. Можно уточнить его конкретными примерами. Турнев, например, видел сначала лицо героя /иногда даже второстеиного/, задумывался над его характером, образованием, про сождением, группировал вокруг него других героев, а уж засм составлял фабулу рассказа: это была для него, по свидепьству Генри джеймса, самая неприятная часть работы. "Заодые повести никогда не принимал формы истории с завязкой
развязкой.". Романы Тургенева одноэпиводны, их фабулы

^{1/&}quot;Русские пи тели о литературе", т.1, Л., 1939, стр. 361.

тв прости. То романи о героях, проникнутие элегическим ризмом. У Льва Толстого исходним пунктом для творческого оцесса являлась история народа, грандиовное понятие закотерности всего происходящего; в "Войне и мире" он "любил оль народную". Толстой отправлялся от главной идеи, центыной исторической мысли, подчинявшей себе все события и та. У достоевского же драматическое событие, характерный вненный конфликт, является прежде всего; идеи, занимающие сль писателя, и событие из жизни / или реальная драматиская ситуация/ находят друг друга.

Наше положение о равноправности идеи и реального конфлику достоевского можно прояснить в применении к "Запискам
подполья". Подполье, как говорилось выше, есть реальная
вматическая ситувция, возникшая в условиях поражения русте разночинцев 60-х годов. Крушение надежд, отчаяние, "анарвм побежденных" делают положение мыслящего разночинца не
тько трудным, но почти безвыходным и в выслей степени
рагическим. Но эта конкретная социальная ситуация не связане обходимо с моральным мазохизмом, бунтом против мировой
вобходимости и обращением к религии.

Все эти идеи и философские мотивы вародились в совнании остоевского невависимо от конкретной ситуации, но вато в есной связи с общим развитием русской общественной мысли. рьеризм бывшего петрашевца, выродился в "этический социами" под влиянием каторжного опыта общения с народом и переда от социальный путей изменения общества к моральным поскам; конец революционной ситуации породил разочарование и оску; трах перед капиталистическим Ваалом привел писателя отказу от приятия "разумной необходимости"; в безвыходном

пиже передее "стеной" единственным спасением стал казаться лет на крыльях религиозного экстаза. Если свобода человека вирепо задавливается в бюрократической Российской империи, сли власть золотых мешков на Западе превращает само слово свобода" в насметку, если даже социалисты требуют разумного граничения свободы воли, значит одинокому человеку остается пре один религиозный идеал самопожертвования, любви и братство комический моральный бунт с последующим религиозным возрождением — это отнюдь не атрибут реального исторического подполья, это идея самого Достоевского, возникшая кономерно и одновременно с реальным подпольем.

Кстати . эта илея не является столь уж исключительной ия своего времени. В "Дневнике" профессора Никитенко под 3 я 864 года записано о сильном споре автора с Чивилевим о вободе воли. " Он придерживается новейшей философии и отрицасвободу воли./... / Он полагает, что для ума человеческои нет ничего недоступного, и что внание должно разоблачить е тайны вещей". Не один Никитенко отстаивал свободу воли. России, наряду с Гегелем, больной популярностью пользовал-Пеллинг с его мистической философией откровения, которая скала истину за пределами разума - в " религиозном опнте". орнем свободы воли Пеллинг провозгласил личное начало, исочник которого находится в сверхчувственном /интеллигибельмире. Ярым шеллингианцем был Иван Киреевский, один из тов славянофильства. Вилософия Пеллинга послужила основой органической критики" Аполлона Григорьева и через него могла какой-то степени повлиять на вагляды Постоевского.

хотя Достоевский в своей трактовке проблемы свободы воли свидался на христианскую традицию, его понимание свободы весь отлично от учения отцов церкви. Согласно доктрине Фомы

приского, вера и разум образуют полную гармонию; разум есть прочим свободи воли, которую он превращает в элемент порядка гармонии, сотворенного богом мира. Воля стремится к добру необходимостью, ибо разум уже в силу своей природы не может плятствовать человеку в спасении. Достоевский же в отличие томы Аквинского рассматрявая свободную волю как неразумную моральную. Тем самим, он внетупал, сам того не замечая, только против рационализма Просвещения, либо отрицавшего пободу воли, либо стремявшегося примирить ее с детерминизмом, также и против традиционной христианской философии, искавая согласия между предопределением и свободой, необходимой и божьего суда и нравственной жизни человека.

Проблема свотоды воли именно в 60-не годы привлекла в Рости большое внимание. Для характеристики важности проблемы
остаточно сказать, что Иван Михайлович Сеченов в своих "Рефисах головного мозга"/"Медицинский вестник", 1863/ последний параграф этой знаменитой работы посвятил опровержению теоим свободы воли. Он называет волю "бесстрастным хотением" и
заявляет, что касим он независимим от внешних явлений оно
им казалось, в сущности оно "столько же зависит от них, как
побое опущение". Волевой акт — это "психический рефлекс"
впервой части " веписок из подполья" достоевский ведет
гростную борьбу против идеи детерминированности волевого актоевского, по каталогу А.Г. достоевской/ находилось отдельное
вадание книги веченова /1866 год/.

^{1/}И.М.Сеченов, "Рефлексы головного мозга", М., 1961, стр.91.

отическая проблематика в 60-не годы волновала все русское ощество. Известно, что вопрос о смысле жизни занимал и реромоционных демократов. Огромный интерес вызывает письмо

к.А. Некрасова льву Толстому от 5/17/ мая 1857 года, представиющее собой замечательный человеческий документ и вместе с

важное свидетельство из истории этической мысли:

"Хорошо ли, искренно ли, сердечно ли/ а не умоврительно олько, не головою/ убеждены Вы . что цель и смысл жизни посовь / в широком смысле/? Без нее нет ключа ни к собственкому существованию, ни к существованию других, и ею только ясняется, что самоубийства не сделались ежедневным явленим. По мере того жак живешь - умиляясь светлеешь и охлажцаенься, мысль о бесцельности жизни начинает томить, тут делаемь посылку к пругим / . . / - каль становится их - и вот вляется любовь. Человек брошен в жизнь загадкой для самого ебя, каждый день его приближает к уничтожению - страшного обидного в этом много. На этом одном можно с ума сойти. Но вот вы замечаете, что другому / или другим/ нужны вы - и ивнь впруг получает смысл. и человек уже не чувствует своей сиротливости, обилной своей ненужности, и так круговая порука. / ... / Человек совлан быть опорой пругому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу - и вы припете в отчаяние"

это письмо написано одним из самых умных и "усиленно совнающих" русских людей X1X столетия, прошедшим сквовь свое собственное подполье. Эквистенциальные проблемы подпольного

^{1/}Н.А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т.), М., 1952, стр. 334-335.

повека суммировани здесь с великолепным лаконизмом:тут и регедия конечности" /"стравного и обидного в этом много"вино обидного!/, и мисль о бесцельности жизни, и острое
ванание, что индивидуалистическая повиция обречена на отча-

Приведенное нами свидетельства об остроте проблем личной орали и индивидуального существования в России времен достовского весьма отривочны, но и они показывают с достаточной сностью, что идеи романиста носились в воздуже, а отнодь не осили книжного, отвлеченного характера. Таким образом, и сальная драматическая ситуация /"подполье/, и жгучие пробремы индивидуальной морали и смысла жизни принадлежали самой сействительности. Достоевский ничего не выдумал, он лишь гиперомически заострил как ситуацию, так и постановку проблемы: овел своего подпольного человека до предельного одиночества отчаяния, в то же время возведя в квадрат этическую дискуство эпохи, и эти две крайности соединил в парадоксальном, втипичном для повседневности сочетании. На этом противоречии в ду живненной ситуацией и идеологией героя и строится его омпирический карактер",

Так разрежается указанное выше противоречие: действительно он то же время отчасти предопределен драматической ситуацией; то столкновении, вернее, на встречном движении этих двух протифечивых творческих тенденций Достоевский строит образ трагишеского мыслителя, героя-идеолога. Постому, говорн о том, что идея служит формообразующим началом характера, необходимо

^{1/} Tam ze.

шенть, чез принципом соедания характера является <u>пара-</u>

Признативе определение парадокса - выражение мысли в дие ренило противоречия с общепринятым мнением; парадокподчеркнутая вастресть, четкость и подчеркнутая ваостренот бормультовых. В современной формальной логике парадокпання при в водионскиочающих, но в равной мере докастата Тататове в искусстве - это своего рода бомба, вышення вырывающая крепость традиционного представления. выпринение Достоевского парадокс является столь частым и принцина принци, что никакой Оскар Уайльц, ни Анатоль не на выра сопереметь с русским романистом по части жен в передона. В "Записках из подполья" первая часть педставляет собой парадонс о свободе воли и мировой необделения не утверждает , что последней не су ветель он просто не келает ее принять, поскольку необходана унимет его. Стиль подпольного человека изоштет паратовским, и Гостоевский сам навывает его "паралоквидина в подадул, вичуть не меньше подпольного человев дого парадонов и сам автор. В настоящей работе уже неоппитеты шенеро парадоксальные эпитеты, щедро рассыпанные вышения произведения Достоевского. В поведении многих парадоксальная реакция: вышения можеты они ведут себя не так, как обычно постаки лин, а противоположным образом.

ту осименность первым с ядовитой иронией отметил Тургета. Сертей Гавович Толотой в "Очерках былого"/глава "Тургетакие замечания Турге"Знаете, что такое обратное общее место? Когда человек пролен, у него бъется сердце, когда он сердится, он красмеет и т.д. Это все общие места. А у Достоевского все делается наоборот. Например, человек встретил льва. Что он сделает? Он, естественно, побледнеет и постарается убежать или скрыться... А Достоевский скажет наоборот: человек покраснел и остался на месте. Это будет обратное общее место. Это дешевое тредство прослыть оригинальным писателем".

Тургенев остроумен "ноне справедлив. Парадоксальная реактия героев достоевского — не просто дешевый трюк, основанный
та опрокидывании банального , а выражение коренного противоречия между конкретной ситуацией этих героев и владеющей
ти идеей. Именно в силу своей внутренней логичности эти парадоксы действия производят столь сильное впечатление. Такова,
папример, сцена заумания Ставрогина в "Бесах", когда демонитекий герой романа хватает Шатова за плечи , но тотчас отдергивает руки и скрещивает их за спиной, бледнея "как рубатти... Сцена имеет глубокий внутренний смысл , и парадоксальня реакция Ставрогина совершенно логична по законам его

Таким обравом , парадокс является одним из самых универзлыных принципов искусства Достоевского , начиная от речи
тероев и самого автора и кончая построением образа и даже
асти какого-либо произведения, в тех случаях, когда эта
асть служит развитием парадоксальной идеи. Говоря о сожетной
теожиданности у Достоевского , о широком применении контраси антитевы, необходимо отличать от этих более первичных,

[/]С.Л. Толстой. "Очерки онлого", М., 1956, стр. 335.

основных приемов особый прием, родственный, но не тождестзенный им: прием парадокса, т.е. того или иного художественного построения, противоречащего общепринятому суждению им представлению, но внутрение логически сообразного.

Образ подпольного человека строится как парадокс социльно-психологической ситуации разочаровавшегося разночинцаи идеологии самобичевания и предрелигиозного отчаяния.

Воспринятый современниками как характер скорее фантастичесий, он оказал впоследствии мощное влияние на русскую и западто-европейскую дитературу, включая Федора Сологуба, Леонида
идреева, Андрея Белого, Андре мида, Альбериз Камю, ман-Поля
сартра и многих других. После достоевского люди современной
вохи воочию убедились, что в мире существуют норы, в которых
крежещут вубами одичалые "романтики подлости". Парадокс уже
терся от частого употребления, но все еще продолжает припекать литературы, наблюдающие те ситуации и идеи, которые
то породили.

Чтобн до конца быть точными, отметим, что в некоторых оразах достоевского парадокс оказывается слушком напряжении и сохраняется больший или меньший разрыв между социальносихологической ситуацией и идеей. Разрыв не овначает противоречия, ибо оно как таковое входит в природу парадокса; разрывато художественная незаконченность, пробел, подобный пробеми, которые иногда оставлял на своих холстах французский хуожник Сезани, не найдя нужного ему тона. Такой разрыв ощутим образах подпольного человека, Ставрогина /впрочем, как изестно, в последнем случае не по вине автора/, Ипполита Тесентьева в "Идиоте", молодого князя Сокольского в "Подростке" и некоторых других. Это как бы следы творческого процесса пи-

вля, остатки черновика в окончательном тексте; однако это дает никакого основания вообще отривать жизнь идеи от жизни носителя, принижать значение характера или социальнокологической ситуации в романе Достоевского. В этом смысв.Я.Кирпотин прав, так же как прав Бахтин, говоря: "Образ неотделим от образа человека - носителя этой идеи".

Ревкие возражения В.Я.Кирпотина вызывает термин Бахтина образ идеи". Действительно, этот термин нельзя приложить к ждому отдельному случаю: к случаю Раскольникова, Порфирия этровича, князя мышкина и т.д. Но в ряде случаев Достоев — ий создал самые настоящие типические образы идей, давшие зань таким употрабительным в литературном языке выражениям, и "свидригайловщина", "духовное подполье", "карама зовщина", эрдяковщина", "шигалевщина" и другим. Эти образы идей облатов замечательной конкретностью и насыщенностью именно блатовеческих фигур. Представляется вполне в саможным именно этих случаях говорить об "образе идеи", что никоим образом препятствует существованию образа ее "носителя".

В целом образ подпольного человека является в висшей стежим достоверным реалистическим образом, построенным по приншлу перадокса.

Полведем итоги проделанного выше знаимаз "Записок из подсолья". Первая часть повести — парадокс о свободе и необхомости: Достоевский показывает грагическую разорванность заума и морали у современного человека, разрушает градицион-

И.Бактин, "Проблемы поэтики Достоевского", М., 1963, стр. 113.

мораль. Отказываясь принимать фаталистический детерминиам истена" разумной необходимости/, антигерой однако не делает этого практических выводов, страшится "первого шага" к бунпереводит его из этической сферы в эстетическую. Моральстрадание превращается в нездоровую игру: подпольный чеек склонен сознательно усугублять свою нивость с целью надения этим страданием /моральный мазохизм/.

эта паредоксальная позиция связана с острым отчаннем, с знанием трагизма челореческого существорания. Трагизм челоеского бытия не имеет исхода в земной кизни; отсода вытет постулат быты бога и бессмертия души, подготовленный разшем идей повести, но не высказанный в ее наличном тексте
за вмешательства цензуры. Идеалом будущего /настоящим "хрусыным дворцом" / может стать лишь утопия христианского со-

Де кое перерождение ваглядов Достоевского означало его перена сторону реакции.

OTHAKO HOBER

могия Лостоевского отнюдь не тождествення хриственской траши: оне проникнута страстной дюбовью к земной жизни, гдубошей верой в красоту и моральную силу народа. С этой точки

мия Достоевский в образе подпольного человека изобразил именту двойственность, противоречивость мелкобуркуваного идеолоо которой в понятиях исторического изтериализма говорили

ркс и Ленин. Трагизм подполья бежит от грагедии, и безвытодное положение подпольного человека отчасти создано им сатм в целях эстетизированного самоутверждения. Разрыв этитеского и эстетического - доминанта подполья.

этот резрыв предельно заостряется путем болевого эффекта, пеющего целью создать реакий эстетический диссонанс, вызвать режическое сопротивление читателя и заставить его осознать собственную ответственность каждого за царящее в мире эло. Тем самым Дос тоевский как бы возлагает на читателя эздачу осуществления последней стадии творческого процесса: вынесения морального суждения. По его замыслу, это суждение должно быть прежде всего самоосуждением. Разгадка образа подпольного человека в том, что на об"ективную невозможность морального поведения / "не дают быть добрым" / накладывается суб"ективная неспособность к нему из стража перед жизнью, из болени веред жизнью достоевский объчняет всех мыслящих людей.

Подпольный человек - конкретный исторический и социаль - ый тип / двойственный тип", по выражению современника/, по в то же время этот образ является предсказанием, т.е. образом фантастическим. Психологическая фантастика Достоев - ского близка к научной фантастике по своему сочетанию фактов действи тельности с гипотетическими допущениями / но только не в сфере техники, а в сфере морали и психологии/. Это сочетание осуществляется по принципу парадокса. Почти все

прупные образы Достоевского парадоксальны по своему существу:

интеллектуальный убийца, ангелоподобная проститутка, грагическ
куртизанка, философствующий ростовщик, душевнобольной мудрец,
нетерпеливые нищие" и так далее.

В "Записках из подполья" социальные мотивы /бедность, сословное неравенство, проституция, живнь большого города/ служат почвой для вырастающих из них моральных проблем. В подполье вырабатывается индивидуальная мораль, постулирующая вечное искание истины и смысла живни.

Тще славие, рабский снобизм и манерный тон рассказчика диспредитируют его пылкие требования свободы. На деле ему нужно
только спокойствие, ради которого он готов на предательство:
его поведение по отношению к Лизе есть предательство, а в
конце повести он предает и самую свободу, отрекается от нее.
Достоевский создает не эпологию подполья, а трегическую пародию на эту социально-философскую позицию.

Образом своего парадоксалиста Достоевский стремится опровергнуть рационализм, веру в разум и прогресс, утилитерную морель и психологию среды, доказать не осуществимость социалистического идеала; в то же время он опровергает и само подполье, которое невыносимо для человека и из которого необходимо выреаться хотя бы ценою жизненной трегедии.

Таким образом, подполье непосредственно предмествует трагическому бунту, путем которого в больших романах Достоевского достигается самоопределение личности. Писатель отталкивается от эстетивированного бунта, от "романтизма подлости" и совдает трагедию. Повесть "Записки из подполья" страдает известной художественной незаконченностью, т.к. в ней весьма значителен разрив
между социальным свидетельством о мире и философским экспериментом. Тем не менее, сам метод эксперимента в области
плей, столь широко и полно впервые примененный в этой повесм, знаменует начало второго периода творчества Достоевского.

MI.

Вскоре после опубликования "Записок из подполья" в жизни Достоевского произошла целая серия несчастий: смерть брата имяния летом 1864 года, смерть Аполлона Григорьева в сентябре того же года и закрытие "Эпохи" в 1865 году.

Причиной гибели журнала явилась его полнал идейная изоляция, а также наумение Ф.М.Достоевского вести дела, его абсолютная неспособность в сфере частного предпринимательства /всю, живнь он нуждался в опеке со стороны практических подей/.

"Современник" стал главным врагом "Эпохи", и в полемике против него Достоевский потерпел сокрушительное поражение. Осменный, лишенный всякой поддержки лучших литературных сил, журнал Достоевского хирел; подписка на него непрерывно падала. Писатель восемь месятев отчалнно боролся за спасение журнала, делая всю работу, вплоть до правки корректуры; у него не оставалось времени для создания новых художественных произведений. "В "Эпохе" было просто нечего читеть, и в июне 1865 г. журнал прекратился за отсутствием средств, оставив 25 тысяч рублей долга, которые Достоевский выял на себя.

Вскоре после этого первые кредиторы подали векселя ко высканию, и у ног писателя ревералась бездна. В судорожных томсках какой-либо финансовой помощи он идет на унивение, обращаясь к давнему врагу и бывшему работодателю А.А. Краевскому. В письме от 8 июня 1865 г. Лостоевский предложил для
Отечественных записок" свой новый роман "Пьяненькие"; Краевский отретил отказом. Достоевский заключил кабальный контракт с книгоиздателем Стелловским получил от него 3.000
рублей, уплатил самые неотложные долги и уехал за границу.

Около 29 июля 1865 г. Достоевский приехал в Висбаден. После смерти жена, друга, брата, отказа любимой левушки /А.В.
Корвин-Круковской/, закрытия журнала он полагал, что судьба
должна ему наконец улабнуться. Он сразу же отправился к рулетке. Но рулеточная тортуна жестоко посменлась над ним. Он
проиграл все свои деньги и даже часы. На его отчанное письмо
Тургенев ответил присылкой 50 талеров, а Герцен, которого
Достоевский считал еще своим другом и на которого очень надеялся, не смог прислать ничего. В отеле "Виктория", где
остановился Достоевский, ему перестали подавать обед, и он
по три дня питался только чаем. В этот момент он написал в
Петербург А.П. Милюкову, прося старого друга выхлопотать в
жекой-нибудь редакции званс под будущий роман.

Миликов обошел все главные редакции, но "Современник",
"Отечественные записки" и "Библиотека для чтения" отказались
закупить роман Лостоевского /за аванс в ЭОО рублей/. Он уже
шачал в Висбедене писать этот роман при крошечных огарках,
т.к. ховяин отеля экономил на нем свечи.

в доме священнике висбеденской русской церкви отца иншера, сорый очень тепло относился к понавшему в беду писателю, Доствений познакомился с княжной Н.П. Паликовой, родственницей тепла Каткова /жена последнего была урожденная княжна Шалива/. Во время прогулки по аллеям Висбедена между Шаликовой достоенским состоялась короткая, но откроренная беседа, в врультате которой у писателя возникла мысль обратиться за потво к заклятому врагу - Каткову. И вот в начале сентября 1865 г. Достоенский в большем письме предлагает Каткову буду-

После довольно долгих размышлений Катков шлет Достоевскому се согласие и 300 рублей аванса. Но деньги и письмо не запарт писателя; с помощью отца знашева и своего старого друга рона Вренгеля, ставшего секретарем русского посольства в опенгатене, Достоевский вырвался из висбаденского плена. Он увез в Копенгатен рукопись начала романа. В последнем шсьме из Висбадена /от 28 сентября 1865 г./ Достоевский сообщи Врангелю: "Написать-то я написал, а здоровье стало куже; длучей нет, а смигает меня какая-то внутренняя лихорадка, озноб, кар вакдую ночь...".

Около десяти дней он прогостил в Копентатене у Врангеля

10 октября 1865 г. выехал домой, снабженный пледом и пальто радушного козяина. В Петербурге Достоенского ожидали деньти Каткова, которые переслал из Висбадена отец лышев. Началась усиленная работа над романом, но в конце ноября Достоенский сжег первую рукопись и начал все сначала.

^{1/} Письма, т.1, стр.423.

С января 1866 г. "Русский вестник" публикует роман "Преступление и наказание", ээдуманны в обстановка лишений, голода, болезим и постояни и угроз немецкого гостинника полицией и тюрьмой. Лостоевский вложил в роман всю свою ненависть к козлевам жизни - сытым и самодовольным буржув, которые преследорали и оскорблали его своими векселями, счетами, угрозами. Он изобразил клокотание чудовищного котла - великого Города капиталистической эры, в котором он сам был одной из кертв. "А литератор-пролетарий", - писал он в 1863 году. Его личным невзгодам аккомпанировали стоны неисчислимых страдальцев вокруг него. Все это породило в Достоевском такой мощный протест против неспроведливости мире, что идейный кризис резрешился сознанием необходимости действия. Дурная бесконечность раздвоенного сознания прежнего героя-идеолога взорвалась бунтом, словно топор Раскольникова заносила рука его создателя, словно в этом бунте выразилась личная месть автора враждебному обществу.

"Преступление и неказание" - один из крупнейших русских социальных романов. Картины ницеты, пьянства, проституции, административного деспотизма и человеческой униженности написаны с реалистической достоверностью и пронаительным драматизмом. Ресь комплекс урбанистических проблем, намеченный в "Униженных и оскорбленных", развернут в новом романе с такой полнотой, какой не достытал Достоевский ни до, ни после атого. В "Преступлении и наказании" нашли свое место пристальные наблюдения автора над жизнью Малой Мецанской,

^{1/} Письма, т.1, стр.333.

мова закономерно рождается из "всего этого кроменного ада месемесленной и ненормальной кизни", как говорит Достоевский "Униженных и оскорбленных" о трагедии Нелли. Поилть историю текольникова вне социального ўона, вне Петербу рга невозможно.

Однако идеи Д.И.Писарева, об"яснявшего эту историю непоредственно борьбой за существование, содержат вультарное упрощение смысла романа. Да, преступление это порождено жестокой действи тельностью капиталистического города, но оно не меет ничего общего ни с преступлением бедняка, крадущего глеб, ни с преступлением светского франта, подделлевющего тексель, не города уже о пројессиональном убийстве и ограблеми. Расколь ников идет на преступление, имея для него тверне. чуть ли не математические обоснования в морельно-философских идеях его времени. Он последовательный мислитель, свою THE O OH HOLKEH HOE TEOPHIE B KUSHL, MHS48 OH YIPS THI YESKSтие к себе, иначе его жизнь станет невыносимой. Раскольников считает подлостью смирение людей перед необходимостью: в силу своих убеждений он морально обязан нарушить, переступить конвенции социального поредения. Убийство старуки - процентпицы в его внутренней логике эсть не просто "идейное преступление", но акт нравственно необходимый. Проблема преступления в этом романе ставится в основном как проблема моральная.

Почему в тэком случае Раскольников выбрал именно Алену Ивановну, ссужающую деньги под залог вещей, а не ювелира, не купчику, не бого того чинов ника? Выбор "об"екта" для осуществления идеи не случаен. Ведь бунт Раскольникова направ-

тен не против государства или класса, а против всего мирового вла в нелом. Как уже говорилось в 1 гларе нашей работы, понятие мирового зла v Лостоевского - это мистифинированное понятие социального эла. Между тем, дрегняя Традиция европейской культуры символивировала сопиальное зло именно в ростовщике.В библейской моральной градации людских профессий ростовщик занимает нижшую ступень, а "лихва" рессматривается в Ветхом вавете как грек /см.псалом X1У/. В евангелии от Луки Христос учит ссужать без процентов. Превнеримские писатели тоже восставали против ростовщичества, и Катон Пензор говорил, что ростовтик вдвое хуже вора. Карл Маркс в 1 томе "Капитала" с одобрением нитирует одну из проповедей Мартина Лютера: "Кто грабит и ворует у пругого его пищу, тот творит такое же великое убийство, как если бы он морил кого-нибудь голодом... Так поступает ростовшик и сидит спокойно в своем кресле, межну тем как ему. по-настоящему, нало бы быть повешенным на виселине. чтобы его подирало такое же количество воронов, сколько он украл гульденов /.../ Поэтому нет на земле для человека врага большего /после диавола/, чем скряга и ростовщик..."

Наконец, Тихой Задонский, любимый религиозный писатель Достоевского, говорил, что "лихва" противна любви христиенской. Таким образом, ростовщичество рассматривалось как занятие не только поворное, но и антихристивнское.

Ростовщичество - одна из важных тем европейской литературы.

^{1/ &}quot;Капитал", т.1, 1949, стр. 598.
2/ Примеры ваяты из ниит: Ryszard Przybylski «Dostojewski i przeklęte Problemy» и Г.В.Плеханов "К вопросу о развитии монисти-

ростаточно назрать котя бы "Венецианского купца" Мекспира,

тобсека" Бальзака или "Нашего общего друга" Диккенса. В горолевском "Портрете" ростовщик символизирует силы эла, он явреста слугой дьявола. Эта тема всегда привлекала внимание Досровского, об этом свидетельствуют "Преступление и наказание",

тот", "Подросток" и "Кроткая". Осебенно запоминается читаелю гневное и изумленное восклицение Настасыи Филипповны:

"Сам ребенок, а лезет в ростовщики". Для Раскольникова старута-процентщица не человек, а "вошь", омераительное насекомое,
роплощение зла. Выбор жертвы преступления морально обоснован.

Само преступление имеет в ромене дволиую мотивировку. Перрен вытекает из "моральной арифметики" разумного эгоизма /в

том аспекте ромен полемически заострен против этики Черны;

выского/: если моральность поступка есть арифметическая сумполезных и вредних последствий его, то моральный суб"ект

толет позволить себе совершить нечто, по видимости элое, но в

дельнейшем дающее перевес добрым плодам. Единственно важное в

этой морали — точно рассчитать все последствия. "Моральная

рифметика" компрометируется образом Лужина, который придер
твается утилитарной этики Бентама в ее чистом, буржуваном виде
/микакой "путаници социальных адресов" элесь нет./.

Вторая мотивировна преступления восходит к "Философии исторат" Гегеля: "Что касается вообще упадка, нарушения и уничточния нравственных целей и отношений, то надо сказать, что, удучи бесконечными и вечными по своей внутренней сущности, они ограничены во внешних своих проявлениях и полчинены закови природа, а также действию случайности. Поэтому они преходяпоэтому они подлежат нарушению и уничтожению". "Право всерного духа превыше всех частных прав", - гордо провозглашает галь.

Носителей "права всемирного духа"/ das Recht des Weltgeis
у /философ называл героями, "... Они являются нарушителями

естерющих законов. Поэтому они гибнут, но гибнут как отдель
лица; их наказание не уничтожает представляемого ими прин
в... принцип торжествует впоследствии, хотя бы и в другой

ме". Так что Аристофан справе дливо обвинял Сократа в разруше
нравов, но и Сократ был прав, и даже более, чем его судьи,

как представлял новый, высший принцип. Согласно Гегелю, дея
героев не подлежат этической оценке.

тестокость исторической необходимости давно уже волновала тоевского. Во обусловлен уже бунт подпольного человека. Осоную ценность для нас в этом аспекте представляет дневниковая шсь А.П.Сусловой, сделанная 17 сентября 1863 г. в Турине во ия путешествия вместе с Достоевским:

"Когда мы обедали, он, смотря на девочку, которяя брала уросказал: "Ну вот, представь себе, такая девочка со стариком,
друг какой-нибудь Наполеон говорит: истребить весь город.
гда так было на свете". Великий гуманист с ужасом и отврамем думал о "праве" какого-нибудь носителя гегелевского
втгайста истреблять ни в чем не повинных людей.

В духе вультерного гегельянства была написана книга Наполеоп "История илия Цезаря" — апология цезаризма, при создании сорой с августейшим автором негласно сотрудничал се на гор Прося мериме. Книга вышла в 1865 г., и очень скоро в России появилс

А.П.Суслова. "Годы близости с Достоевским". М., 1928.

перевод, вызваний в печати рад откликов, мимо которых не 1/ог пройти Достоевский, как это справедливо отметил Ф.И. Ввнин. предисловии Наполеон Ш утверждал, что обычными законами нельруководствоваться при оценке деятельности посылаемых провинием героев, "мировых гениев".

Возможно, что от Аполлона Григорьева, восторженного почитаеля Карлейля, Достоевский узнал о концепции "ге роя и толин", преботенной английским философом еще в 40-е годы. Но совершено бесспорным является факт, что в Семипалатинске Достоевский итал и даже собирался вместе с Врангелем перевести на руский я зак именно "Философию истории" Гегеля, откуда ваята протированные выще строки о правоте героев, нарушающих законы. горая мотивировка преступления Раскольникова вволится Достоввким в целях разренчания герельянской философии, и в этом асвекте роман заострен против идеи исторической необходимости. то все та же критика разумной необходимости с точки эрения общечеловеческой морали, какую мы видели в "Записках из подполья". Только Раскольников восствет против гетелевской необкодимости с ее оправданием человеческих страданий, оставаясь стере понятий философии Гегеля, и требует права на преступление", как гепелевский исторический герой.

Бесспорно, весьма серьезно значение "Истории илия Цеваря"

для геневиса "наполеоновской идеи" Раскольникова. Однако испольворание имени Наполеона как слова — символа свойственно Достоевскому задолго до появления компилятивного труда П. Мериме

л. Бонапарта. Более того, это слово — символ и обозначаемая

Творчество Достоевского". М., 1959, стр. 154.

но полробнее этот вопрос будет рессмотрен насколько ниже.

Теория Рескольниково о "праве на преступление" имеет два польса: утили периям и герсическую этику. Л.П. Гроссивн связивет каг јилосојию поднолья, так и илею Раскольникова с индиридуализмом "тирнера. Апполон Григорьев в одной из статей сопоставлял индивидуализм Байрона с "јилосојией чистого эгоизма" тирнера. Но Раскольникова весьма трудно привязать к штирнеривнству, которое отридало всякую нравственность и сами понямя добра и але. Анархический индивидуализм Штирнера, при всей своей "укасной революционности", не отвергал частной собственности, бли проникнут ненавистью к народной массе, демократи, революции. "Кроме меня для меня нет ничего", говорил Макс тирнер. Бунт Раскольникова вызван не эгоистическими чувствами интересами. "Наполеоновская идея" его - не "чистый эгоизм" тирнера, а вариант гегелевской идеи о превосходстве историского деяния над этикой.

Обе наавенных мотиве преступления Раскольникове, утилитарный и героический, не совпадают полностью с подлинными причинами его поступков. Американский исследователь Эрнест Симмонс
деже звявляет: "Ни Раскольников, ни читатель романа не внают в
точности, почему совершено преступление". Это утверждение несеновательно. Для того, чтобы до конца уяснить "наполеоновскую
дею" Раскольникова, следует изучить ее развитие. Начнем с
Записок из подполья".

В "Записках" Достое вский "философствует молотом" - он разрущает традиционную мораль, показывает лепвость и безиравст-V Ernest Simmons, "Dostoevsky: The Making of a Novelist", N.Y., 1962, р.126.

ность буржуваной нравственности. Самым моральным лицом повес-SPARETCE HOOCTHIVING. BCS HOPECTS KOMUNT P YEM UNTETEND, нельзя построить мораль на принципах резума, будь то раиный эгоизм утилитеристор /который есть ложь/ или разумная обходимость Гегеля /которая несправедлива и чудовищна/. В ппольном человеке разум и мораль вступают в трагический но "антигерой" превращает его в предмет самолюбовав, извращенного интеллектуального насладения. Трагизм подпъя бесконечен, конфликт превращается в чередование самоунивия и самоу тверждения, и это замкнутое чередование формирует руктуру повести, обусловливает ее контресты и парадоксы, яростдеформирует явык, эплоть до отдельных словосочетаний /мы продили в пример необачайнай оксюморон: "роковая бурда"/ высходность подполья отчести искусственна, т.к. совдается им витигероем из страха перед жизнью, из желания сохранить обство эстетического самоу довлетворения. Его эстетивированмечты ресьме напоминают безудержные грезы человека, ээниощегося мастуровцией; это еще более акцентируется его неспобностью как к живой живни, так и к подлинной любви. Доминанта опполья - разрые между этическим и эстетическим, ложная эстевания, на ходящая предельное выражение в болевом аббекте спеоскорбления Лизы, где эстетизм подполья рушится в прах. раблачая скрытое под ним духовное бессилие.

В "Преступлении и наказании" перед нами, на первый вагляд, вершенно другой человек. Тот был "антигероем", Раскольниковрой. Тот был трусом и рабом, этот горд и смел. Несмотря на тои лохмотья, Раскольников "замечательно хорош собою". Он не эится жизни, но он глубоко ненавидит окружающую его среду,

мерситет, порывает с людьми и замыкается в своей норе, в рем собственном подполье — в тесной комнате, похожей на роб" или на "морскую каюту" /сравнения Достоевского вызывает ассоциации со смертью и путешествием/. "Он решительно ушел всех, как черенаха в свою скорлупу, и даже лицо служенки, назанной ему прислуживать и заглядываещей иногда в его комнау возбуждало в нем желчь и конвульсии". Вспомним, что "скорупе" — один из синонимов подполья. Слово "скорлупа" внервые потреблено в "Записках из подполья": "моя квартира была мой собняк, моя скорлупа, мой футляр". Вспомним о войне подполього человека с лакеем Аполлоном. Эти подробности подтверждают ление о том, что Раскольников также переживает период своего одполья.

Причина его отчаяния в том, что он остро сознает бессилие елогека перед лицом мировой необходимости. С нашай точки рения это не что иное, как мистифицированное понимание классового бессилия мелкой буркувани, к которой Раскольников привидаемит не по рождению, а по социальному положению, перед литом неумолимого капиталистического развития. Неужели он, Рассольников, должен покориться необходимости? Эта мысль унивает сто человеческое достоинство. Он должен восстать против мирового порядка: дерановенный, титанический бунт, полобный бунту зайроновского Каина или Карла Моора из "Разбойников" Пиллера. Он должен доказать самому себе, что он не "тварь дрожащая"

[№] Достоенский. Собр.соч., т.У, 1957, стр.32; делее ссылки на то же издание романа с указанием страниц в тексте.

врежение Пушкина в "Подражении корану/", а "прево имеет" - раво действовать внеисторически. Он должен доказать самому обе, что он герой.

Психология Раскольникова определяется формулой "все или ниго", его мышление ан иномично. По своей природе он добр стремится к добру, он кочет уничтожить эло, но для решения роблемы вла ему нужно прежде всего установить, обладает ли ловек свободой воли или он действительно полностью детермирован природними законами. В последнем случае, по мысли Расмьникова, борьба против эла невозможна. Он мыслит метафически: абсолютная необходимость и абсолютная свобода взаимотрицают друг друга. Он не кочет верить, что человек невободен в своих поступках, но для проверочного эксперимену него нет иного об"екта, кроме себя самого. Утвердить свое и доказать самому себе свою свободу значит доказать свооду челогека вообще. в следовательно- принципиальную возжность победы человека над необходимостью, над природой с в жестокими законами. Так самоутвередение личности слигается туменистической зедечей, с открытием пути к добру.

Главная цель действия для Раскольникова - это знание.

амопознание для него есть познание человека вообще, открытие

жайны человека". Или человек действительно раб необходимости,

то он обладает свободой и может действовать вопреки мораль
м установлениям. Или - или. Вот как думает он о семье Мар
эльдовых: "Ко всему-то подлец - человек привыкает!" Но тут

с в голову ему приходит противоположная мысль:

"-Ну, а коли я соврал, - воскликнул он вдруг невольно, -

род, то есть, человеческий, то аначиг, что остальное все редрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!..." /стр.31/.

Это значит: если род человеческий "не подлец", то в нем полжны быть люди, не согласные, привыкать ко всему"; он, быть южет, один из них, он должен восстать против мирового порядта, сравиться с мировым элом. Но способен ли он, Рескольников, преодолеть "предрассудки" и "стражи", возвыситься над посредственностью? Способен ли он на свободу? Эти вопросы касаются не только его лично, но решают также судьбу его матери и сестры, семейства Мармаладовых и даже пьяной девочки на Конно-грардейском бульваре.

Последний эпи вод особенно интересен. Поведение героя передоксально: он бросился в драку, чтобы оградить опоенную девочку от приставаний какого-то сластолюбивого франта, которого он на вывает "Свидригайловым" /перенесение ситуации, при котором девочка тотчас ассоциируется с сестрой Раскольникова/, и вдруг "как будто что-то ужалило Раскольникова", резко измение его настроение в прамо противоположную сторону, и он с циничным смехом предлагает городовому оставить девочку в распорятении франта. Парадоксальное поведение героя вполне об"яснимо в свете мучительных раздумий, пронизывающих все его сознание и все его реакции на мир: имеет ли смысл помогать людям, вступаться за их честь и достоинство, вообще любить людей, если ало необходимо, если сластолюбивый франт не виновен в своей прироле, если девочка неи збежно должна стать "жертвой общественного тамперамента?" Признание абсолютной необходимости /фа-

истический детерминизм/ ставит пед вопрос существование манизма вообще. Любовь к людям терлет всякий смысл, если вессильна изменить их положение. Рационалистическая фиссојия вступает в противоречие с гуманизмом, и нужно любой ной разрешить конјликт разума и морали — ради себя, ради стры и матери, ради Мармеладовых, ради денсчки на бульваре, ди всего человечества. Не разрешив предварительно эту пробму своболы и необходимости, нельзя ни действовать ,ни жить. Таким образом, эксперимент с целью разрешения этой проблезеляется для Раскольникова суб"ективной необходимостью, а произволом. Он должен произвести опыт над самим собой и становить: свободен он или раб? Если он свободен, значит возокно во обще освобождение людей от ига необходимости и борьба чности ва свободу имеет смысл,

Своеобразная "научность" его эксперимента подчеркну та одной еталью. Излагая Порфирию Петровичу свою статью о "праве гемен на преступление", он пользуется не только зналогиями с эконодателями человечестве /Ликурт, Солон, Магомет, Наполеон/, но привлекает также и тени реликих ученых: "По-моему, если бы сеплеровы и Ньютоновы открытия, вследствие каких-нибудь комбинаций, никоим образом не могли бы стать известными людям иначествие, пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути вак препятствие, то Ньютон имел бы право и деже был бы обязан. Устранить этих десять или сто человек, чтобы сдалать и звестными свои открытия всему человечеству" /стр.269/. Этот кощунственный образ исаака Ньютона с ножом в руках отлично об"яс-

т один из эспектов "идеи" Раскольникова: он не считает себя онода телем, Ликургом, Наполеоном, но он, конечно, пионер уки, смелый первооткрыватель нового принципа. Он призван осветить человечество от рабского повиновения ложным богам трапионной морали; он относится к разряду "собственно людей, то
ть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово"
тр. 270/. Это "новое слово" обременяет собой душу Раскольникои требует обнародования: не все люди - рабы необходимости,
все согласны терпеть это добровольно принятое иго, и он,
скольников, первый докажет миру, что человек принципиально
ободен. Он стремится восствновить в правах индивилуалистичеий гуманизм, отвергая ради этого доктрину детерминизма и довывая ее несостоятельность на деле, путем свободного деяния,
детерминированного внешними факторами.

Он полон отвржения к этой кровавой и грязной задаче, его риродное доброе начало сопротивляется этому, он тоже /после на о забитой лошади/ мечтает о спокойствии, но чувство долга, заванное с "идеей", сильнее его. Идея вошла в его плоть и ровь, он все равно не сможет жить, не разрешив ее, и не будет чу никакого спокойствия. Раскольников — настоящий трагический трой, он повинуется своему моральному сознанию, даже если оно осстанавливает его против всего мира. "Идея" овладела его дуой и трансформировала его превственное сознание, так что тесерь оно целиком подчинено разуму.

Встав после кошмарного сна о забитой ловади, он сбрасивает с себя дьярольское наваждение "идеи". Но, проходя через Сен-

дома одна. Его изумление постепенно сменяется ужосом. "Он ошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем он не реставл и совершенно не мог рессуждать; но всем существом своим друг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, воли и что все вдруг решено окончательно" /стр.68/. Убий-

Сильно развившееся сознание долга подчиняет себе волю. Оно эйствует в человеке подобно внешней силе, и в поступках ченовека в такие моменты наблюдается больший или меньший автотивм. Гипертрофированное сознание долга, вступья в конфликт индивидуальными влечениями и склонностями, может привести ченовека к психической болезни, к той или иной степени деперсовализации. Достоевский вамечательно точно описывает ее симптомы в Раскольникове: "Последний же день... подействовал на точти совсем механически: как будто его кто-то ваял ватуку и порел за собой, неотразимо, слепо, с неестественном силой, без возражений. Точно он полал клочком одежды в коле со машины, и его начало в нее втягивать" /стр.77/.

Когда Раскольников авонил у дверей старухи, "ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе..." /стр.81/. После совершения двойного убийства "ка-кая-то рассеянность, как будто даже задуминвость, стале понемногу овладевать им". /стр.87/. В момент совершения преступления он действует автоматически, как бы полусознательно, его мысль "прилепляется к мелочам", она уже не действует, все резкции рефлекторны, и страшная "идея", ставшая суб"ективным моральным императивом, осуществляется помимо воли Раскольникова. Убийство совершается человеком, находящимся на грани безумия.

Достоенский с прозоримностью гениального психопатолога оказывает нам, что в момент "свободного" акта Раскольников в ысшей степени несвободен, что всякая способность критического анализа в нем исчевля, что последовательно и исключительно вщиональное машление породило иррациональное поведение. Так нестенский средствами почти научного анализа поступков героя опровергает, как ему представляется, принципиальную возможность действовать в соответствии с требованиями разума: разум ограничен и не может предвидеть ни собитий, ни собственных движений. Бунт Раскольникова, рациональный бунт против рационаливации.

Подобно подпольному человеку, Раскольников рессуждает рационально, когда доказывает себе неразумие и кестокость законов
природы. Но едве лишь его рессуждение претворяется в действие,
как оно оказывается неразумным и кестоким /точно так ке, как
и у подпольного человека/. Разум бессилен изменить мир — вот
что говорит Достоевский в "Записках из подполья" и в "Преступлении и наказании". Эта идея представляется в ее общем изложении в высшей степени реакционной. Но необходимо помнить, что
у Достоевского рачь идет о суб"ективном разуме изолированного
индивида, пытающегося повнать мир путем интроспекции, действующего в отрыве от всякой кивой человеческой практики. Такой
разум, конечно, не способен изменить мир, и в этом Достоевский
совершенно прав. Именно это прежде всего "сказалось" в его
замечательном романе.

Противоречие между разумной мыслью героя и безумным поведением отражает противоречие между его гуманистической целью и антигуманистическим средством ее воплощения. Гуманизм Раскольникова носит индивидуалистический характер.
В эпоху Возрождения гуманизм означал борьбу за освобождение
ичности от среднеевкового расства, утверждал естественное равнство и достоинство людей, культ равума, ценность человечекой личности. Великие гуманисты, например, Пико делла Мирандола, были великими индивидуалистами, и это слово в применении
эпохе Возрождения не может содержать привычного для нас
суждающего оттенка. Туманизм имел своей нравственной основой
индивидуализм и "разумный эгомам", материальной его основой
была частная собственность, а идеалом — всестороннее развитие
обстрактно мыслимой человеческой природы.

Принцип абсолютных прав личности и признание ее свободы лежели в основании вдохновенной антифеодальной критики жанТака Руссо, идейного отца якобинцев. Индивидуализм отнюдь не вып антиобщественным, он означал несогласие с законами феодального общества. Принцип разумного эгоизма в этике французских материалистов ХУШ века носил революционный жарактер.

но в X1X веке, вместе с банкротством философии Просвещения, о котором говорилось выше, произошло крушение индивидуалистического гуменияме. Иеремия Бентви применил принцип пользы к прославлению эгоизма, стакательства и эксплуатации. Гуменистический идеал вступил в резкое противоречие с практикой века, и всестороннее развитие личности буржуваной стало возможным только за счет всестороннего ущемления личности наемного рабочего. Достоевский не эря был ученикой социалистов и в частности турье, особенно зорко отмечавшего противоречие между гуманистическим идеалом личности и личностью действи тельной. Достоевский не эря вглядывался в пьяных пролетариев Лондоне с

татью вырождения на лицах. В записи у гроба Марии Дмитриевны писал, что христивнская любовь к человеку невозможна, ибо швет чувство личного "я", эгомам личности; что "авкону гума-тыме" /идеалу гармонического человека/ противодействует в повеческой душе "авкон личности" /разльно существующий эгомам/. И самым, он смешивал буржуваный индивидуализм с инстинктом мосохранения и мистически абсолютизировал противоречивость любуржуваного сознания. Он изображал кризис гуманизма как ченый, внеисторический процесс борьбы идеала и эгомама, со-сти и разума, наконец, борьбы Дьявола и Бога в душе человека. Рагедию гуманизма в XIX веке он показал в своих романах как семирную и вечную трагедию индивидуального сознания вообще, ота на заре капителистической эры, в эпоху Воврождения, та-

Иными словами, новаторское искусство Достоевского порождено еликой исторической эпохой. Он трагически переживал крижис уманизма: это обусловило принцип романа - трегедии.

Мечта ту манистов, перенесенная в "век пара и электричества",
те узнала самое себя в том кровавом чудовище, каким стала
свободная" личность. При этом было принципиально безразличто, обладает ли эта личность всей полнотой власти и широчайтей возможностью исторического действия или находится на никтих ступенях социальной лестницы и требует обещанной свободы
та подпольной норы. В том и другом случее индивидуалистический
туманиям переживает трагедию. В том и другом случае он несет
в себе начало большой лим, эстетизирующей повы, направленной
на то, чтобы скрыть несоответствие между высоким идеалом и
трязной реальностью деяния.

Деятельность императора Наполеона была исторически прогрессивной и "разумной" она означала осуществление идеалов Просвещения на практике, укрепление и кодификацию новых общественных
отношений. В то же время она была неизбежно связана с завоевательными войнами, подавлением народных восстаний, расстрелом
заложников, грабежами и обманом. Это трагическая сторона деятельности великого императора буркувами.

Но Неполеон был также и великим актером, мастером эффектной позы, "литературного" жеста и стилизованного ораторского пафоса. Враги утверждали, что знаменитый трагик Тальма давал ему уроки эктерского искусства. "Если это и неправля, то хорошо выдумано". Известна бурная ссора между Наполеоном и римским папой. " Comediante!" - крикнул ому папа, но, ваметив простное дрижение императора, тотчас исправил свое определение: "Tragediante!" В этом случейном контрастном определении /"комедиант - тратик" / была немалая доля превды. Лучше все это понял сам Наполеон, сказевший в Вильно после русского похода: "От великого до смешного только один шаг". А окаваримсь в неволе, он внезапно осознал себя литературным пер-COHEREM. OCOSHBI CBON OCTOTUSM: "Tout de même, quel roman que ma viel" написал он восвоих "Мемуарах на святой Елене". Вот где до конца сказался актер, просящий аплодисментов, одержимий косимческим тщеслявием; он мог бы повторить последние слова Не-POHE: " Qualis artifex pereo!"

Вскрытие этого противоречия, развенчание наполеоновской легенды - большая и своеобразная традиция русской литеротуры коренящаяся в истории русской нации, в срежениях и в чувствах 1812 года. Все началось с лубочных кармкатур и басен

онлова, связанных с Отечественной войной. Денис Давыдов, сам артижен этой войны, назвал Изполеона "раздавателем слава".

о уже в позвии Пушкина это тема получает более разносторонее развитие. Для него Наполеон - не только тирен и элодей, е только "муж судьба", увлекательная жержка истории; Пушкин исал не только о грандиозной личности французского императова, но и об отрежении ее в умах людей. Он превратил имя Наполеона в слово - символ. В кабине те Евгения Онегина стоит бюст "властителя дум" европейской романтической молодежи, а об эгоцентризме поколения говорится:

Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей мидлионы Для нас орудие одно, Нам чувство дико и смешно.

Здесь в четарех строчках заключена будущая проблема творчества Достоевского. Но Пушкин отнодь не ограничился четарьия строчками. Наполеоновская идея, требование неограниченной свободы личности хотя бы в ущерб другим личностям, составляет мрачную тайну характера Германна, который похох душой на Мефистофеля, а лицом на Наполеона. Однеко романтический герой с профилем Наполеона убивает /нечалнно/ старуку, надает в обморок в церкви, видит во сне привидение, выпрывает огромные суммы в карты, а затем, вследствие роковой случайности, теряет сразу все и сходит с ума: сидет, предвещающий Достоевского, развенчание демонизма. Недаром "Пиковая дама" всегда представляла сь Достоевскому высочайщим образцом искусства, он не раз говорил о ней, воскралян образ Германна как тип "петербург-

кого периода" русской истории. Влилние пушкинской повести с ольшой силой сказалось в "Преступлении и наказании" и в "Игро-

Лермонтов, котя и на жал Наполеона — "трехнедельный удалец", ставил в основном героико-романтическую тректовку наполео-ромской темы. Гоголь ввел в "Мертвые души" остроумную и глу-токую деталь: в глухом российском захолустье Чичикова принивыт за пере одетого Наполеона. Слово — символ приобретает ко-мический симсл и в то же время оттенок нового значения: уживе онегинского дендизма, в буржуваной предприничивости, буржуваного властолюбия. Наконец, в 60-е годы выступил с острым развенчанием наполеоновской идеи Лев Толстой в "Войне и мире".

Молодой Достоевский использовал имя — символ для создения комических контрастов гоголевского типь. Так, у него марк Ивенович в бешенстве спрешивает у господина Прохарчина: "...Для вас свет, что ли, сделан? Наполеон вы, что ли, какой?... Наполеон вы, в? Наполеон или нет? Говорите же, сударь, Наполеон или нет?" В "Записках из подполья" антигерой в своих мечтех "разбивает ретроградов под Аустрелицем". В другом месте упоминается, что он стоял перед лакови со сложенными à la Napoléon руками. Эти намеки способствуют образованию у чита теля полу сознательных ассоциативных связей: подполье духовно родственно наполеонизму, оно столь же замкнуто и эгоцентрично.

В "Преступлении и наказании" Достоевский приближается к пушкинской трактовке темы. Давний вопрос: "Наполеон или нат?" наполняется трагическим содержанием. С этим вопросом как бы обращается к себе самому Раскольников. В целом освещение темы наполеониема в романе сочетает обе главные трактовки этой тем

русском ромене: ироническое снижение и роментико-героическое овеншение. Мы усматриваем в истории Раскольникова <u>трагедию</u> льной личности, осложненную моментом авторской иронии.

На "Преступление и наказание" оказали влияние многие произсдения современных Достоенскому западноевропейских писателей:
Тец Горио" Бальзака с его анаменитым примером "убийство киайского мандарина" /на это давно уже указал Л.П.Гроссман/,
Отверженные" В.Гюго с их урбанистической таматикой и гуманисическим пафосом, быть может, "Разбойники" Пиллера, где Карл
оор сочетает преступление с высокими идеалами. В черновиках
остоевский сопоставляет Раскольникова даже с благородным разойником Таном Сбогаром из романа Парля Нодье . Но тем не
тенее, мы должны констатировать, что разработка главной темы
романа — темы наполеонияма — связана не с западными влияниями,
с национальной русской тредицией. Для Гюго и Бальзака имтератор Наполеон всегда представлял героическое прошлое их рошины, которое они элегически противопоставляли ее мещанскому
встоншему /напр., "Полковник Пабер"/.

Анализ наполеонизма как социально-психологического явления как литературной темы приводит к убекдению, что в центре романа "Преступление и наказание" - кривис буркуваного, индиридуалистического гуманизма, всемирно-историческое явление, осмысленное автором в свете русских литературных традиций, реалистических и романтических, и в свете нового этического христианства Достовнского.

Кривис гуманивма перажил сам писатель. Он бил захластнут
общим отчанием похмельных пореформенных лет, и подлинным уже
1/ Из архива Лостоевского, "Преступление и наказание".

^{1/} Из архива Лостоевского. "Преступление и наказание". Подготовил к печети И.И. Гливенко. М.-Л., 1931, стр. 77.

ом веет уже от рассказо "Скверный анекдот" /1962/, представвющего собой невероятное соединение жесточайшей насмешки над сентиментальной "гу-гуманностью" с какор-то сплошной судорогой шкой боли. Но "Скверному анекдоту" не доставало осознания рагизма.

То же самое сочетание насмещки и боли, но уже в предельно рком свете всепроницающего самосовиения героя, образовало дейно-эмоциональный строй "Записок из подполья" /1864/. Сцена Hôtel de Paris" есть вариация сцены изоляции и осмения генерала Пралинского. Теперь уже сам подпольный человек очет, чтобы "бараньи башки" антагонистов поняли трагизм его тувции.

В "Преступлении и наказании", созданном после второго идейого кризиса, Лостоевский преодолевает свое собственное отчанме /1866 гол/. Он не просто переходит на позиции реакции,
мк полагает, например, л.П.Гроссман: было бы упрощением повтать, что именно эти новые реакционные политические и релимозные взгляды писателя дали нам гениельный роман. Нет, в
остоевском в тажелые годы перерождения /1863-1864 / произолю колоссальное обострение внутренних противоречий, фиксация
полярных противоположностей мирово зарения: гуменистического
порыва к освобождению личности и пессимистического сознания
выкротства всех освободительных идей, созданных до него человческим разумом. Это коренное противоречие Достоевский, как
навестно, преодолел с помощью христианской религии. Но поввоительно спросить: только ли религии?

В цитированной выше авписи у гроба Марии Дмитриевны он наввал "авконом гуманиама" следование идеалу или <u>личному примеру</u> Тоис тв. Таким образом, христивиство для него имело ценность прежде всего как втическая система. Однако его кристианство весьма отличается от ортодоксального. Это первым отметил все тот же Константин Леонтьев, заявивший по породу пушкинской реи Достоевского: "Пророчество всеобщего примирения людей о христе не есть превослевное пророчество, а какое-то общетувым гарное". Ле онтьев прямо противопоставляет "новоевропейскую гуманность", которой, по его мнению, заражен Достоевский, "христианскую гуманность". Леонтьев считает, что писатель маменил своему пути, и делает следующее интереснейшее примечание: "Напр., в "Записках из подполья" есть чрезвычайно остроумные насмешки именно над этой окончательной гармонией или над благоустройством человечества". Критик не заметил слов подпольного человека о том, что "настоящий" хрустальный дворец - это его собственный идеал. Но в основном Леонтьев прав. Указывая на противоречие между подпольем и розовым христивнством Лостоевского.

Только это противоречие возникло не в 1880 году, в много раньше, когла Достоевский откавался от предельно мрачной оценки перспектив человека и вновь обрел веру в будущее человечества. Эту роль сиграла для него своеобравно истолкованная вера в "русского "Ариста", аввершением которой и была его реакционная теократическая утопия. Леонтьев авпоздал со своей критикой: во всех больших романах христианство Достоевского носит "розовый оттенок" "Разражение Леонтьева". Это не просто религия /в сфере собственног религиозной Достоевский 1/ К.Леонтьев. Собр.соч., т.8, М., 1912; "О всемирной любви. Речь Ф.М.Достоевского на пушкинском праваднике".

всю визнь только искал и сомневался/, это религиозная интерпретация гуманизма.

Согласно советским историкам культуры, гуманиям Возрождения с самого начала содержал в себе две тесно связанные, но тем не менее самостоятельные тенденции: собстренно буржуваный гуманиям, постовивший проблему свободной и гармоничной личности, и народный гуманиам, обращенный в основном к проблемам человеческих связей и отношений. Ко второй тенденции относился, в частности, Томаво Кампанелла. Как гуманизм в осбще, так и лее тенденции его резвития были явлениями не жекельными, в общеевропейскими. Картина развития гуманистических идей в России весьма своеобразна, однако и она не позволяет нам говорить о какой-то исключительности, о выпадении России из общего развития. Выше мы уже говорили об утопических элементех пусского народного мировозврения /мий о Беловодье, о нарстве свободных крестьян/. Этот утопизм был сродни утопивму самого Достоевского, он чувствовал себя единомышленником не роде, и после того, как он пережил кривис своего раннего. сентиментального гуманизма, унаследованного от просветителей. Достоевский обратился к стихийному народному гуманизму с его небывалой стойкостью, побеждающей всэ муки, и с его мощной верой в будущее.

Однако он не мог подвергнуть народное мировозврение вдуминовому внализу и принял его целиком, некритически, вместе с религией. В его представлении русский народный гуменизм и "русский Христос" оказались слитыми воедино: так возник известный образ "народа-богоносца". Разумеется, гуманистические идеи русского крестьянства чразвычайно отличны от гуманизма

тальниских утопистов эпохи повинето Возрождения, и прямое отождествление того и другого было бы нелепым; однако это явмения одного порядка, несмотря на все различия и разко бросаюмеся в глаза особенности. Христианский гуманиям Достое вского
ость народный гуманиям, интерпре тированный в духе христианской оразли.

Попытаемся промилюстрировать это утверждение конкратным примером. При анализе "Скверного анекдота" /гл.П нашей работы/
ы уже выделяли образ матери Пселдонимова, проходящий на втором плене, но написанный с необыкновенной теплотой и задушевмостью. Это единственное положительное лицо рассказа, изобратенное без всякой иронии. Простая русская женщина, бесконечно
добрая и самоотверженная, она ухаживает за пьяным генералом,
переживающим самые унивительные физиологические последствия
свесто "поднига", в утром жеставляет его умыться. Эта женщина
воплощает в "Скверном анекдоте" совесть народа.

В "Записках из подполья", как мы уже говорили выше, самым правственным лицом является проститутка Лиза. Ве также карактеризуют добров и самоотверженность, она чиста душой, бескорыств; только ей одной, как ранее матери Пселдонимова, ден этот редкий дар проникновения, которым Достоевский далее неделяет своих положительных героев. Сцена свидания в подпольетвенные сцена повести. Порыв сострадания к человеку, несмотря на всю его алобу и низость, вдохновляет Лизу на патетический мест, от которого даже в подпольном человеке "сердце перевернулось". Тут автор как бы предоставляет ему возможность спасения. Но после минутного духовного прояснения, после об"ятий и реданий, подпольный человек вновь чувствует прилив ненавис-

ти к Ливе и оскорбляет ее. Порочный ируг вамыкается вновь, привыв гуманизма отвергнут ради мазохистского наслаждения собстренным падением: бунт подполья не имеет разрешения.

В "Скверном внекдоте" и в "Записках из подполья" молот ввтора, дробящий все "высокое и прекрасное", щадит среди хаоса
и разрушения только два светлых человеческих образа, две женских фигуры, воплощающих надежду: они-то подлинно высоки и
прекрасны, несмотря на подчеркнутую "неастетичность" их положения, они-то и несут избавление стралающему человеку, ибо в
них воплотилось стихийное нравственное сознание народа, народный гуманизм, понимание и сочувствие даже к самой погибшей
и униженной личности. Народное сострадание чуждо всякого астетивма и сохраняет любовь к человеку даже в самом глубоком
его падении и унижении, словно прощая его вину, не считая его
подлинно виновным, стремясь разделить его несчастье.

В обоих рассмотренных случаях нет никакой примеси религиозной ида ологии, никакого чтения библии, ни молите, ни упоминаний о боге. И старуха Пселдонимова, и Лиза представляют народный гуманизм в его простом, витайском, чистом виде; именно потому они так кманенно убедительны.

Соня Мармеладова - это своего рода развитие образа Ливы из "Подполья"; в этом развитии необходимо появляются черты отвлеченной схемати эеции, связанные с новыми задачами образа.

Соня играет в романе роль неизмеримо большую, чем Лиза в повести. Еще бесконечнее ее доброта, еще поравительнее ее самоотверженность. Но этого мало: она должна не просто посрамить гордость героя контрастным примером своей доброты и смирения.

оне должна переубедить Раскольникова. Лиза в "Подполье" почти имего не говорит: она молча провягивает руки, обнимает, ласкает, молча одевается, молча уходит, незаметно выбросив синень-

Для идейного спора этого мало. Бунту гордого одиночки в мане Достоевский противопоставляет не смирение забитого существа, а живую, горячую идею: "Это человек-то вошь?" Он долен найти полноценное, на сыщенное идеологическое "слово", ести пользоваться терминологией м.М.Бахтина. В роман "Преступнение и наказание" Достоевский внел религиозное обращение героя, вырезанное цензурой из "Подполья", и во обще противопоставил призыв к божьей правде /Мармеладов, Соня/ бесчеловечному "разумному" бунту. В ображи семьи Мармеладовых представлены продное горе и на родный гуманизм; не случайно, что "благородная "Катерина Ивановна остается чужой в этой семье, сохраняет свою гордость и непримиримость до конца, так что психология здесь приобретвет подчеркнутую социологическую окраску.

Образ женщина — избавительници возводится Достовеским из огромную высоту. Писатель полностью переворачивает общие представления. В известном симхотворении Некрасова, о котором уже столько говорилось выше, герой спасает "падшую девушку"; в "Записках из подполья" Достовский показывает, что никто не имеет морального права спасать этих девушек; в ромене "Преступление и наказание" "падшая" девушка сама спасает героя.

Так писатель шел ко все более смелому заострению своих маслей, ко все большей парадоксальности своих художественных построений; Проститутка, не смерщая сесть рядом с дамой, открывает своей "греховной" /в по мысли Достоевского — безграш-

ном/ рукой священное писание християн. Уж это само по себе достеточно соблазнительно, а когде/ Соня начала еще подробнее проповедовать Раскольникову християнство - Катков не выдержал. Он увидел тут следы нигилизма, он вдруг вспомнил, что его автор и в Петропевлов же гащивал, и четыре года счител пали Омского строга... Произошел известный спор, и Достоевский был вынуж-

Так или иначе, Соня Мармеладова - это прежде всего воплопение народной, инстинктивной мудрости, и быть может, не напрасно ее вонут Соня, т.е. Соймя /греч.мудрость/. Ее предшественницы в "Скверном анекдоте" и "Записках из подполья" гораздо проще, обыденнее, но и они уже несут в себе эту надежду.

ту возможность избавления от страданий, возможность реинтеграции бунтара с человечеством.

И в. Рескольникове еще что-то осталось от подполья, и он временами чувствует странную, необ"яснимую ненависть к Соне. В то же время он преклоняется перед ней, перед ее поистине огромной духовной силой. Можно говорить о скеметизме образа Сони, о ее моралистической идеализации, но нельая не признать, что сила ее сопротивления миру, ее потрясающей любви к живни производит величайшее впечатление на чита теля. Эта сила сродни мощным натурам "праведников" Лескова и символизирует пассивную силу народа. Християнская религия вдесь - вторичное пвравние.

Соня глубоко проникает в трагедию Раскольникова, материнским инстинктом чувствует, что он несчастен. Оне не обвиняет

^{1/} Каг ни странно, этого не учитывает профессор М.С.Аль тман в своей интересной статье "Имена и прототипы литературных героев Лостоевского" /уч. зап. Тульского пед.ин-та, выпуск 8, 1953/.

ной / рукой священное писание христивн. Уж это само по себе досточно соблазнительно, а когде Сони начала еще подробнее проповедовать Раскольникову христивнство - Катков не выдержал. Он увидел тут следы нигилизма, он вдруг вспомнил, что его автор и петроповлов ке гащивал, и четыре года считал пали Омского острога... Произошел известный спор, и Достоерский был вынувнен отступить.

Так или иначе, Соня Мармеладова - это прежде всего воплошение народной, инстинктивной мудрости, и быть может, не напрасно ее вонут Соня, т.е. Сойия /греч.мудрость/. Ее предшественницы в "Скверном анекдоле" и "Записках из подполья" гораздо проще, обыденнее, но и они уже несут в себе эту надежду, эту возможность избавления от страданий, возможность реинтетреции бунтаря с человечеством.

И в Рескольникове еще что-то осталось от подполья, и он временами чувствует странную, необ"яснимую ненависть к Соне. В то же время он преклоняется перед ней, перед ее поистине огромной духовной силой. Можно говорить о схематизме образа сони, о ее моралистической идеализации, но нельзя не признать, что сила ее сопротивления миру, ее потрясающей любви к жизни производит величайшее впечатление на чита теля. Эта сила сродни мощным натурам "праведников" Лескова и символизирует пассивную силу народа. Христизнская религия адесь - вторичное правение.

Соня глубоко проникает в трагедию Раскольникова, материн-

Мак ни странно, этого не учитывает профессор М.С.Альтман в своей интересной статье "Имена и прототины литературных гарова Лостовского" /уч. зап. Тульского пед.ин-та, выпуск 8, 1968/.

ной рукой священное писание христивн. Уж это само по себе достеточно соблазнительно, а когда Соня начала еще подробнее проповедовать Раскольникову христивнство - Катков не выдержал. Он
увидел тут следы нигилизма, он вдруг вспомнил, что его автор и
в Петропавлов ке гащивал, и четыре года считал пали Омского
строга... Произошел известный спор, и Достоерский был вынуж-

Так или иначе, Соня Мармеладова - это прежде всего воплотение народной, инстинктивной мудрости, и быть может, не напрасно ее вонут Соня, т.е. Сојия /греч.мудрость/. Ее предшественницы в "Скверном знекдоле" и "Записках из подполья" гораздо проще, обыденнее, но и они уже несут в себе эту надежду,
ту возможность избавления от страданий, возможность реинтеграции бунтаря с человечеством.

И в Раскольникове еще что-то осталось от подполья, и он временами чувствует странную, необ"яснимую ненависть к Соне. В то же время он преклоняется перед ней, перед ее поистине огромной духовной силой. Можно говорить о схематизме обрава Сони, о ее моралистической идеализации, но нельзя не привнать, что сила ее сопротивления миру, ее потрасающей любви к жизни производит величайшае впечатление на чита теля. Эта сила сродни мощным натурам "праведников" Лескова и символивирует пассивную силу народа. Христивнская религия адесь — вторичное явление.

Соня глубово проникает в трегедию Раскольникова, материнским инстинктом чувствует, что он несчастен. Оне не обвиняет

^{1/} Кат ни странно, этого не учитывает пробессор М.С.Альтман в своей интересной статье "Имена и прототимы литературных гарова Лостоевского" /уч. зап. Тульского пед.ин-та, выпуск 8, 1952/.

ого, а стремится ревделить его страдение, облегчить его крестпур ношу. Сцена "перерождения" Раскольникова, когда он, в апипоге романа, плачет у ног Сони, напоминает центральный эпизод
Подполья". Но только нужно быть Раскольниковым, нужно разорвать дурную бесконечность двойственного сознания трагическим
вктом, чтобы возможность ремнтеграции с людьми превратилась в
разльность.

В момент второго идейного кризиса Достоевский увидел единственное решение кризиса гуманизма в "подражании Христу", в ориентации на личность Христа вместо ориентации на прежний гушенистический идеал абсолютно свободного человека. Христианство Достоевского представляется нам не традиционной религиозной верой, а моралистическим обормлением народного гуманизма. Так мы уже говорили, он никогда не мог достичь цельного религиозного мировозарения.

В романах Достоенского правда всегда с народом, правду выравает голос народа /vox populi, vox Dei / . Иногда этот голос звучит как голос кристианских вероучителей, и тогда наблюдается реакая схематизация образов, однако и она не может
окончательно уничтокить верное, реалистическое начало авторского замысла. Несмотря на клерикальные переодевания этих
глашатаев "бокьей правды", несмотря на отвлеченный характер
их суждений, мы узнаем в них представителей народной совести.
Достоевский наделяет этих мудрецов внутренними противоречиями,
религиозными сомнениями, непрерывной душевной борьбой. Сама
прозорливость архиерея Тихона и старца Зосимы, их глубокое
интуитивное понимание причин индивидуалистического бунта и
увежение к бунтарям означает, с одной стороны, что правед-

ники семи испытали соблазн бунте, а с другой - что им свойстрен народный, гуманистический подход к человеческой личности.

Но не только Соня Мармаладова или мудряе христивнские священнослужители являются выразителями народного суда. В "Преступлении и наказании" мы видим, как народ тысячью голосов оценивает поступок Раскольникова. Когда он после убийства старухи, обессиленный, мокрый от пото, бредет в свою каморку, то его принимают за пьяного. "Ишь нарезался!" — крикнул ему кто-то..." /стр. 93/. М.С.Альтман верно указывает, что это слово имеет двойной смысл. Сам говорящий имеет в виду, что Раскольников пьян; но в то же время он бессознательно изобличает убийцу. Двлее "голос народной совести" становится все настойчивее.— "Это кровь, — отвечала она..." /стр. 123/ Настасья имеет в виду, что у Раскольникова кровь начинает "печенками запекать—ся" и вызывать галлюцинации, но на него слова Настасьи понечалу производят совсем инсе и прямо-таки ошеломляющее впечатление.

Некоторое время спустя, споря с ним, его собственная сестре говорит: "Если я погублю кого, так только себя одну...

н еще никого не зарезале!.." /стр.241/. Словесный штами, употребленный Дуней совершенно бессовнательно, в понимении Раскольникова приобретает прямое аначение и доводит его почти до обморока.

И уже совершенно его потрясает необ"яснимое появление таинственного мещанина, самого заурядного "человека толпы", кото-

^{1/} М.С.Альтман. "Использование многозначности слов и выражений в произведениях Достоевского", уч.вап. Тульского пад. ин-те, т.Х1, 1959.

рый благодаря этой заурядной и потрепанной внешности выглядит еще более темиственным. "-Убивец!" - проговорил он вдруг тиким. но ясным и отчетливым голосом..." /стр.283/. Раскольников не может понять, "кто этот вышедший из-под земли человек".
Таинственный мещанин тоже олицетворяет народную совесть.

Однако народ не только изобличает преступление Раскольникова, но и берет его вину на себя. В момент наивысшей опасности, когда Порфирий Петрович вот-вот уличит убийцу /Раскольников чувствует это, хотя не знает - как/, в комнату, где
происходит беседа, вравается маляр Миколка Дементьев, сектант,
сам "из раскольников" и приносит повинную в убийстве старухипроцентщицы и ее сестры. Тем самым он хоть на время спасает
Раскольникова. Это драматическое торможение действия или "перипетия" имеет большой идейный смысл: убийца не должен быть
изобличен, он должен сознаться сам, и поэтому народ в лице
бетуна Миколки как бы вмешивается в хитроумные планы следовазала Порфирия Петровича и расстраивает их.

Наивисией силы эти требования народной морали достигают в голосе Сони Мармеладовой, которая считает Раскольникова самым несчастным из людей, испытывает к нему величайщее сострадание, но настоятельно советует, даже приказывает ему новимиться в преступлении — и в первую очередь не неред властнии, перед народом. "Поди сейчас... стань на перекрестке, по-глонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а по-гом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслук: "Я убил! "Тогда бог опыть тебе жизни пошлет" /стр.438/. И когда он идет доносить на себя, он подвет свой последний пятак бабе с ребенком. "Сохрани тебя бог! — по-

мет "с наслаждением и счастием" гравную землю Сенной площади.

В 1 главе нашей работы уже говорилось о том особом значении,
такое имеет в романе Сенная - символ народного страдания, нищев, отчаяния, порока. Когда окружающий народ начинает смеяться над Раскольниковам, какой-то пьяненький мещенин комментирует
го кест в том смасле, что Раскольников "в Иеру селим идет" и
всему миру поклоняется". В пьяной щутке опять-таки заключено
верно бессовнательной истины.

Примеры можно продолжеть и делее, но сказанное уже позволяет сделеть вывод, что на всем протяжении действия, от самого убийства и до признания. Раскольников окружен подлинным окезнои народного морельного сознания. Не только Соня, но и множество совершенно случайных голосов из народа опровертают его плею" и мощио влияют на его судьбу.

Итак, индивидуалистическому гуманизму Раскольникова противопоставлен народный гуманизм. Отсюда и следует такая огромная роль социального фона, какой не было ни в каких социального фона, какой не было ни в каких социальной фон них романах. Этот фон не двется в описании, как некий элемент окружающей среды; он показан Достоевским в действии, он является мивым и участвует в развитии сожета. Социальный фон имеет свою идею, противостоящую идее Раскольникова; это братская любовь к человеку, признание общности людей, идея общечеловеческого единства. Она принимает форму сострадания в отношении к униженной личности и форму совиновности в отношении к униженной личности и форму совиновности в отношении к преступнику. Необходимо подчеркнуть, что незанисимо от форм своего проявления эта главная идея народного гуманизма имеет величайшую ценность и выражена Достоевским с не мень-

шей силой, чем Толстым, хоты, быть может, с меньшей ясностью.

Одной из особенностей исследования М.М.Бахтина является полнейшее игнорирование значения фона в романах Достовского, невнимание к контрасту между героем-идеологом и окружающей его "живой жизнью". Между тем, этот контраст сознательно и с величайшим мастерством создается самим писателем. Это эначит, что Достовский, отнодь не предрешая моральной оценки бунга героя, показывает его трагическую ошибочность.

Невнимание М.М.Бактина к социальному фону связано с его принципиальной недооценкой эпического слова в романах Достоевского. Согласно Бахтину, оно является "сухим, осведомительным, протокольным словом - как бы безголосым словом". Действительно, эпическое слово, в сфере которого дается весь социельный фон, весь внешний мир в романах Достоевского. а ТВ Кже ряд вежнейших моментов действия, есть слово без суб"екте. Но это как раз и составляет его реличайщую пенность. Эническое слово представляет об"ективную данность, которая не подвергается никакому расцеплению, никакой диалогизации. которая остается выше совнания суб"екта. Примером этого может СЛУЖИТЬ ХОТЯ ОН ВИВМЕНИТЫЙ ЭПИЗОД С "ВОЗНИКЗЮЩИМ ИЗ-ПОД ЗЕМли" мещанином. Казалось бы, этот эпивод дан целиком в восприятии Раскольникова, как об этом говорит Бахтин. На деле же в этом эпизоде восприятие героя /"слово суб"екта/ чрезвычейно четко отграничено от эпического / осведомительного / слова, жак раз на контрасте между полубе зумным от ужа са видением Раскольникова и протоколом автора строится великолепный драметический эффект. Подобные факты ускользают из поля эрения Бахтина, т.к. не вписываются в его концепцию. не представляют для нее интереса.

Роль социального тона в ромене Достоевского, и в первую передь в "Преступлении и наказании", порой разительно напомивет роль кора в античной трегедии: этот кор побуждает героя действию, сочувствует, оплакивает, осуждает, но главное всегда активно участвует в действии. Это возможно только потому, что сам герой, котя и оторван от народа, противопоставлен жизни, тем не менее, представляет собой как бы крайний элемент этой жизни и частицу этого народа. Искание истины, борение духа не является враждаеным жизни, даже если ведет к трегическим ошибкам. Достоевский считает, что именно лоди типа Раскольникова и только они способны сказать "новое слово", но путь, избранный ими, очибочен, это напоминает его отношение к революционной молодежи.

Итек, в результе те второго идейного кризиса произошло предельное вазимоудаление поларных идей Достоевского: горчайшего чем когде-либо разочарования в действи тельности и острейшего чем когде-либо убеждения в невозможности изменить ее на
разумных основаниях. Поэтому всякал полытка разрешить антиномир свободы и необходимости, понимаемых метафизически, т.е.
неограниченно, на путях бунта индивидуального разума - представляется Достоевскому трагическим заблуждением, ведущим
разум к самоотрицению, вплоть до безумия, самоубийства или
веры. Однако это трагическое заблуждение, этот бунт выгладит в романах Достоевского как закономерный этеп духовного
развития человека. Бунт есть высшее проявление жизни, и это
очень хорошо понимают герои Достоевского. Вот как Разуммхин
расписывает Зосимову все предести романа с Прасковьей Вавловной: "Тут, брат, этакое перинное начало лежит, - эх! да и

одно перинное! Тут втягивает; тут конец свету, якорь, тив пристанище, пуп земли, трехрыбное основание мира, эссенв блинов, хирных купебяк, вечернего самовара, тихих воздыхаи и теплых капавеек, натопленных леханок, — ну вот точно ты
вер, а в то же время и жив, обе выгоды разом! "/стр.217/. Эта
вликолепная тирада внушает мысль о том, что сладко васаснавитвя тина мещанства есть духовная смерть. Зато челожек, нахоащийся в противоречик с миром, живет наиболее интенсивной
канью, так как находится на пороге воскресения, бливок к
"благодати господней".

Как указал М.С.Альтман в питированной выше статье о многовначности слов и выражений в произведениях Достоевского, в "Преступ лении и наказении" искусно развита символика смерти и воскресения героя. И комната Раскольникова похожа на гроб, и чтение евенгелия у Сони - отрывок о чудесном воскрешении Лазаря - читеется на четвертый день после убийства старуки. м Соня энергично вкцентирует слово четыре, читая слова Марби. обращенные к Имсусу: "Господи! уде смерлит. ибо четыре лии. как ош! во гробе". Вообще, Альтиан убедительно доказывает. что лейтмотив Лазаря, используемый голландским ученым Мейером для дока зательс тра "рифиз ситуаций", имеет в виду семого Раскольникова. Раскольников уподобляется Лазарр, который был воскрешен фистом через четкое дня после смерти. Герой романа, как говорит он сам, "принцип убил", т.е. убил в себе стерый нравственный закон. "принции гуманизма". Таким образом. если животное спокойствие мещанина означает смерть мыслящей личности, то бунт ведет к ее моральной гибели. Между этими двумя крайностями, sacrificium intellectus и разрушением

орели, как между Сциллой и Харибдой, мечутся герон Достозекого: отказаться ли от разума и покорно принять необходимость
прового зла? восствть ли, ради поруганной свободы личности
переступить морельный принцип? Решение необходимо, то или
пругое. Гером Достоевского восствот и либо погибают, либо
перерождаются. Но хотя их бунт неизбежно терпит поражение,
он закономерен и необходим, он всегда суб ективно оправлен.

Таким обравом, тратический герой Лостоевского восствет против условной, традиционной морали меданского благополучия. но при этом доводит свою идею до крайности, переступеет чере в черту, нарушеет самый принцип туменияма /абсолютная ценмость каждой человеческой личности/ и тем самым обрежает себя на крушение, т.к. без этого принципа невозможна его собственная живнь. Бунт оказывается самоубийственным - не это им говорят нам столь многочисленные самоубийства в романах Лостоевского ? Спасти человека, в самом себе убившего "закон TYMEHNEMS", MORET TORERO OGHO: OH HORE HOTKESSTECH OT CHOOPE гордого индини дувлистического резума и безоговорочно примкнуть к народу, носителю высшего морального идеала. т.е. прийти к неродному гумениему, воссоединиться с людьми. Альте риз тива этого воссоединения - бенумие или смерть. Смысл "романа-трателии" Достоевского есть призыв к воссоединению с народом.

BAKJIOYEHME

С моменте возвращения Достоевского к творческой деятельности 1859/ до опубликования ромене "Преступление и наказание" 1866/ писатель прошел путь сложной эволюции, приведший к возжиновению новых особенностей его резлизма. Эти особенности или связаны с новыми элементами его мировозарения.

Утопический социализм молодого Достоенского не исчез беследно в результате каторги. По возвращении из Сибири под
лиянием революционной ситувции писатель создает "Записки из
вртвого дома" и роман "Униженные и оскорбленные". В начале
переходного периода" Достоенский сохраняет известные симпами к демократическому лагерю, верит в мирное обновление Росии под эгидой царя-реформатора и призывает социалистов к терпению.

Знакомство с западной цивилизацией вызывает в Достоевском ненависть к буржувами и Западу вообще, обостренную польским восстанием 1863 года и энтирусской кампанией в Европе. Он цри-кодит к мысли об антипатриотическом характере русского социвимама, начинает содижаться со славянофилами. В "Зимних замет-ках о летних впечатлениях" он излагает свою этическую утопию: высшее развитие свободной личности состоит в ее самоотречении в пользу всех — общество же должно посвятить себя благу каждой личности. Эта утопия — идеализация русской крестьянскої общины и ее внутренней этики.

Спад революционной ситуации в России, жестомие конфликты между властью и народом, разочарование и отход срединной массы разночинцев от общественной борьбы развеяли иллюзии Достое ского о близком "слитии образованности с началом народнам". меное разочарование в идеях "освободительной эры" порождает учительные самоистязания "Скверного анекдота". За этим расказом последовали "Записки из подполья", где устроение общества" ставилось в зависимость от свободы воли. Переустройство
казим на разумных началах невозможно, люди не потерпят ограниения их свободной воли, для них важно не счастье, а свобода,
арантирующая бесконечность развития. Образом подпольного четовека Достоевский опровергает рационализм и утопический социализм, однако в то же время он разоблачает бунт подполья
как эстетизирующую позу, отвергает его и показывает его невов-

Второй идейный кривис преодолевается в романе "Преступление и наказание". Из подполья вырастает наполеоновская идея
Раскольникова. Если "антигерой" боялся жизни, то Раскольников
с героической последовательностью претворяет идею в действие.
Его преступление — философский эксперимент с целью проверки
идеи свобода воли. Эксперимент кончается неудачей, герой не
выдерживает "свобода". Его обращение в эпилоге носит в основном этический характер: оно означает слияние с народным гуманизмом, самоотречение личности в пользу всех. Трагедия индивидувлистического гуманизма развивается Достоевским на протяженим всей его последующей творческой деятельности.

Трегедия предполетает надежду. Достоевский, гениальный наблюдатель своей эпохи, предвидел исторический под"ем России. Благодаря этому его мышление прониклось своеобразным оптимизмом, верой в будущее. Эта вера придавала борьбе его героев трагический смысл. Необходим был разрыв с философией Просветения, чтобы прийти к новой, поистине огромной надежде и выреботать взамен узко-рационалистического идеала новый, динамичтый идеал. Динамизм - величайшая ценность искусства Достоевското, которое целиком устремлено в будущее.

"При полном реализме найти в человеке человека" означало иля него найти в сегодняшней несовершенной личности потенциальтые возможности лучшей жизни. Эти возможности Достоевский устривал в высочайшем личном сознании героев-интеллектуалисков и безграничной, самоотверженной любви своих праведников. Решение экзистенциальных проблем он видел в слиянии личности народа: это же самое решение составляет сущность его новой удожественной манеры. "Записки из Мертвого дома" прославляли народ. В "Записках из подполья" на первое место выступает "усиленно сознающая" личность, требующая свободы. В "Преступпении и наказании совершается синтев этих двух важнейших тем Достоевского с добавлением урбанистической тематики Униженных и оскорбленных". Вопреки утверждениям Бехтина. роман "Преступление и наказание" позволяет сделать "идеологический вывод " - это идея о превосходстве неродного гуманизма над индивидуалистическим разумом, призыв к воссоединению личности с народом.

Конфликт у Достоевского строится не как столкновение изолированных миров-сознаний, а как столкновение суб"екте с об"ективным миром, который именно в катастрофе внезапно открывается действующему суб"екту как внешняя данность, как вердый мир еще не познанных вещей.

Столкновение героя с об"ективным миром есть тратическая коллизия. Своеобразие трагических конфликтов у Достоевского

том, что борьба героя носит интеллектуальный х рактер, оргамауется как научный эксперимент мыслителя, стремящегося на
решающем опыте / experimentum crucis / познать себя и мир.
герою обычно удается решить лишь одну часть жарачи - самопозмание, ибо тайна мира, по мысли Достоевского, поддается лишь
нтуитивному пониманию /Алеша Карамазов, целующий землю в порыве религиозного экстаза/.

ИТВК, МИР ДОСТОЕВСКОГО ЛИШЬ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ

ИМРОМ СУО"ЕКТОВ. На деле же, именно в трагическом деянии он

обнаруживает себя как об"ективная двиность, таинственная си
ив, противостоящая атакам человеческого разума. Мир Достоевско
то обладает ярко выраженной телеологической направленностью,

но целеобразующий принцип есть тайна. Поэзия Достоевского
ато поэзия вечного постижения, вечной погони человека за тай
ной кизни. Телеологизм мниления Достоевского пронизивает струк
туру его романов, придавая им величайщую целеустрешленность.

Французский эквистенциалист Альбер Камю в своем эссе "Le mythe de Sisyphe" утверждает, что Достоевский относится к кудожникам, изображавшим абсурдность мира. Это утверждение произвольно, оно основано на неправомерном отождествлении автора с его героем /в данном случае с Кирилловым из Бесов"/.

Мир Достоевского — не абсурд, а загадка. Герои Достоевского, в отличие от героев Камо, яростно борются "желая вырвать у мира его тайну. Они терпят поражения, но сама надежда рескрыть тайну означает веру в парадоксальную целесообразность сущего. Эта вера — полярная противоположность "философии абсурда".

Реалисты X1X века считали, что их художественная картина мира адекватна истине. При этом они не замечали таких психологических явлений капиталистической эры, как "отчуждение" ошественных сил, товарный фетишиям. Достоевский первым почувпорал, что мир капитализма эсть не то, чем он представляется вооруженному глазу рационалистического философа. Сущность миокутан в тайной, отношения людей овеществлены, отношения веей мистифицированы. Вещи в романах Достоевского живут тайной менью, не зависимой от воли лодей /"говоряшие часы" в "Записах из подполья", зеленый платок семьи Мармеладовых/. Окружаюий предметный мир текже мистифицируется, цепи бесчисленных слувиных совпадений обнаруживают присутствие рока. Все это говадо полнее, чем романы других писателей-реалистов, соответстует психологической повседневности буржуваного мира. для котоой основным является феномен отчуддения. Действительность фанвстична, и потому "фантастический реализм" Лостоевского оказывется более адекватным этой новой действительности, чем траи ционно- реалистические творческие методы. Средний человек каиталистического общества, классический товаропрои вводитель врксовского "Капитела", воспринимает мир именно так, как мнотие герои Достоевского.

Но сам писатель не принимает фантастическую "кажимость" окрувющей жизни за ее сущность. Для Достоевского кошмарный мир его
романов, его Город-приврак, был лишь вавесой перед миром сущностай, "покрывалом Майи", за которым однако таилось "живое
тело" бога. "...Никогда нам не исчерпать всего явления, не добраться до конца и начала его. Нам знакомо лишь насущное видимо-текущее... а концы и начала — это все еще пока для человека

1/ ф.М.Достоевский, Собр.соч., т.Х1, стр.423.

поразительно противоречивы: с одной стороны "никогда" не исчерпать всего явления", с другой - "пока еще фантастическое". Пафос бесконечности противоречит надежде познания ее. Но. изображая мир, чья сущность "пока еще" не повнана и чье столкновение с человеком оказывается поэтому пугающе неожиданным. Достоевский вдохновляется верой в человека. Вера и сомнение борются в его душе и в его романах: бунт его трагических философов терпит крушение, об"ективный мир мощно и суверенно вступает в замкнутые миры героев-идеологови разрушает их. Бак-Тин в своем исследовании обходит молчанием картины крушений в романах Достоевского, так как язык этих картин не интересен с точки врения его концепции: это дивлогически не равложенное, чистое, эпическое слово /сцены с Ливой в "Записках из подполья", самоубийство Свидригайлова, приход Раскольникова с повинной/. В узловых моментах действия слово Лостоевского является монологически цельным, точным и по преимуществу коммуникативным. У Достоевского есть точка опоры, на которой он устанавливает архимедов рачаг своего искусства. Не располетая местом для аргументации, мы все же осмеливаемся утверждать, что этой точкой опоры служит христивнство Лостоевского. представляющее собой обоготворение народной совести.

Понимание народного гуменизма у Достоевского весьма односторонне, но для нас важен его призыв к воссоединению с народом. Хотя этот привыв мистифицироран христианской моралистической проповедью, в целом творчество Достоевского не имеет религиозного характера. Оно поэтивирует борьбу человека с миром, прославляет жизнь даже /и в особенности/ в ее самых трегических проявлениях. Приятие жизни как деяния означает одновременное отрицание существующего мира, зараженного злом.

Достоевский постулирует вечное искание, вплоть до последвей искры разума. Спокойная совесть — преступление против морами, и если человек не знает за собой никакой вины, он должен ее найти, лишь бы не жить в довольстве. Страдание — начало мысли, страждущий начинает искать и в движении обретает
свободу. Если страдание не заслужено героем, то тем лучше:
он бливок и спасению /Митя Карамавов/. Счастье "покупается
страданием", и Достоевский понимает счастье как трагическую
борьбу утверждения и отрицания, как героическое усилие свободного духа, ищущего свой путь к человечеству.

Постулат речного искания, идея совиновности людей за все вло мира, утверждение самоценности катдой человеческой личности, понимание человека в его предельном падении и братская любовь к людям - таковы основные черты парадоксальной этики Достоевского, в которой сливаются идеи Паскаля и Канта с поисками русских раскольников. В этой динамической, чрезвычайно противоречивой и запутанной этической системе убийца и проститутка оказываются неизмеримо выше, нравственнее и чище, чем добропорядочный, юридически безгрешный буржув, накопитель, рассматривающий людей как предмет купли и продажи. В мире Достоевского неизмеримо нравственнее убивать людей, чем торговать ими: такая мораль многим обязана николеевской России и омскому острогу. Человек не полностью, не всецело детерминирован окружающей средой, он способен действовать свободно, выбирать свой путь вопреки обстоятельствам, и риск может быть

гозна гражден дорого добатым познанием самого собя. Совершив свой выбор, приняв решение, человек должен идти до конца и без жалоб нести свою ответственность. Свобода личности - залог вечного и безостановочного развития человеческого духа.

Этина Достоевского динамична и в высшей степени антитрадипионна. Она не совпадает ни с рационалистической этикой Просвещения, ни с кристианской. Глубокие противоречия разрывают
ату новую этику: с одной стороны, мы видим в ней суб "ективноидеалистические элементы, поскольку она исходит из проблем
изолированной личности; с другой стороны, отождествляя высший моральный идеал с народом, Достоевский бессовнательно
становится на стихийно-материалистическую точку врения.

Это заявление, естественно, должно вызвать во зражения:

и в самом деле, ведь высший моральный идеал для Достоевскогопичность Христа /именно личность, он сам не раз это подчеркивал/. В ответ мы можем лишь напомнить о пантеизме Спинозы
и деизме Вольтера. Глубочайшей основой реализма Достоевского,
по нашему убеждению, является стихийно-материалистический
народный гуманизм. Осознанию этого факта препятствуют не
только субективно-идеалистические элементы его мышления,
но и то, что сам этот гуманизм русского народа интерпретирован в религиозном дуже.

Религиозная форма гуманизма Достоевского уже много лет

отпугивает советских исследователей, и этот страх мещает нам
по-настоящему исследовать его мировозарение, хотя религиозность писателя весьма проблематична и даже не раз вызывала
сомнения у его современников. Пора советским исследователям
обратиться, наконец, к углубленному изучению религиозных вопросов творчества Достоевского. Мы никогда не решим проблем его

творчества, обходя его религиозное мышление. Марксистский анализ "христианского гуманизма" Достоевского в наше время становится настоятельной необходимостью.

В нашей работе мы ватронули эту проблему и попытались в некоторой степени раскрыть конкретное содержание гуманизма писателя. Вместе с тем, наш знализ носит ограниченный характер и может претендорать лишь на значение историко-литературной постановки проблемы.

Несмотря на религиозную интерпретацию народного гуманиама, Достоенский все же сохранил "почвенную", стихийно-материалистических тическую силу, необходимую для создания неликих реалистических произведений. Как человек и как писатель он весь — плоть от плоти и кровь от крови великого народа, глашатаем которого он себя осознал. "Записки из подполья" — трагическая пародия на сентиментальный гуманиям и философию разума, на все идеологическое прошлое, с которым он порывал. "Преступление и наказание" — это уже трагедия духа, который в деянии реализует свою свободу, терпит крушение и возрождается к новой жизни в стихии общенародного сознания.

Рок в мире Достоевского — это мистификация социального вла.

Писатель верил, что этот рок может быть преодолен. В слиянии пичности с народом он видит высшее развитие свободы воли, слияние свободы и необходимости, которые до этого пункта остают ся у него метафизически разделенными. Антиномия свободы и необходимости в принципе разрешима — такова глубокая надежде Достоевского, питающая его творчество. В сравнении с эпигонами, до сего дня воздвигающими ему пышные алтари, эта надежда — именно та отличительная черта, которая делает его Достоевским.

Принципиальная незетершенность роменного мира Достоевского означает открытый выход в мир новых возможностей, означает устремленность в будущее.

Великое противостояние личности и мира, которое героизирует Достоевский, выражается приемами антитезы и параллелизма, гиперболы и психологической фантастики. Таинственность мира выражается в символике и аллегории. Возвышенный и мучительный характер борьбы современного человека, какою она представляется Достоевскому, превращается в его романах в трагический пафос, страстную ваволнованность, пламенную экспрессию. Прием парадокса служит организующим началом этих художественных полярностей, реализма и символики, физиологического очерка и трагизма. Парадокс означает совпадение противоположностей, ту самую coincidentia oppositorum, к которой устремлена как философская мысль Достоевского, так и действие его романов.

Сюжет Достоерского — это система тайн и роковых случай—
ностей, проникнутая строгой внутренней целенаправленностью;
отсюда и ступенчатая композиция с заключительной катастрофой.
Образ героя-идеолога строится по принципу перадокса; контраст между величием его мысли и банальной жизненной ситуацией обнаруживается как внутренне необходимая связь. Трагический характер действия выражается с особой силой в болевом
эффекте — приеме, сущность которого заключается в торможении
сцен гиперболизированного унижения и который генетически
связан с гротеском. Для языка романов Достоевского характерны
выразительное смещение различных стилевых пластов, многообразное переосмасление и перенесение понятий, деформация фра-

вы, разговорный синтаксис, а также такие художественно-речевые средства, как гипербола, литота, повтор, каламбур, оксюморон.

Во всей поэтике Достоевского воплотилась его трагическая концепция мира и человека, обязанная своим существованием русской истории и личной судьбе писателя.

4

PARTIMOTPATAR

1.

"Пеллинг и откровение". В книге: К. Меркс и Ф. Энгельс, "Из ранних произвецений", М., 1956. 1. Л. Энгельс, "Teauch o emerdaxe", Coy., T. 3: 2. K. Marke. "Диелектика природы", Соч., 20. 2. Т. Энгельс, "Анти=Дюринг". Соч. т. 20. 4. Ф.Энгельс, 5. Ф.Энгельс. "Люцвиг дейербах и конец немецкой клас-"Капитал". Соч. тт. 23-27. 6. K. MEPKC, "Материализм и эмпириокритицизм", Полное собрание сочинений (5=ое изд.), т. 18. 7. В.И.Ленин, 8. В.И.Ленин. "Анархизм и социализм". т. 5. о. в.И.Ленин. "Лев Толстой, как зеркало русской революции". т. 17. 10. В.И.Ленин "Об отношении рабочей партии к религии", "К вопросу о развитии монистического вагляда на историю", в книге: "Избранные тилосотские произведения" в 5 томах, т. 1, Госполитивдет, 1956. 11. Г.В. Плеханов. 12. Г.В. Плеханов, "К вопросу о роли личности в истории", тем же, т. П. 1956. "Душа русской литература". В книге: "Роза Люксемоург, "О литературе", М., 1961. 13. Р.Люксембург.

- 1. Blaise Pascal, «Les Pensées», texte établi et annoté par Jacques Chevalier, P., 1962.
- 2. Рене Декарт, "Рассуждение о методе". В книге: Декарт: "Избранные произведения", М., Госполитиздат, 1950.
- 3. Генецикт Спинова, "Этика", в кн.: "Избранные произведения в двух томах", М., Госполитивдат, 1957.

"Умели к объяснению природы", в кн.: 4. Тени шиго. "Уабранне тилосойские произведения, Госполитиздат. 1941. "Племенник Рамо", там же 5. Дени Дипро. 6. Клод Адриан Гельреций. "Ок уме", М., 1938 "Кандил" - В кн.: "Дилосојские новести". М., Гослитиздат, 1960. 7. Вольтер. "Микромегас", там же. в. Вольтер. "Об общественном договоре или 9. Жан-Жак Руссо. Принципн политического права", М. "Исповедь.-Прогулки одинокого мечта-10. WeH=Hak Pycco. теля". М., 1949. "Критике чистого разума", СПБ. 1896--1897. 11. Уммануил Кант. "Критика практического разума", СПБ, 1897. 12. Иммануил Кант. "Критика способности суждения". СПб. 13. Иммануил Кант. 14. Фридрих Вильгельм Шеллинг. "Философские исследования о сущности человеческой снободы, СТБ, 15. Георг Вильгельм Фрицрих Гегель, "Феноменология духа", Соч.,т. 17, М., 1959. 16. Реорг Вильгельм Трицрих Гегель, "Лекции по истории фило-софии", Соч., т. 13, М., 1932, т. 3., М., 1932, т. X1, М.-Л., 1935. 17. Георг Вильгельм Фрицрих Гегель, "Лекции по эстетике" Соч., т. XII, М., 1938, т. XII, М., 1940, т. XIV., М., 1958. 18. Иеремия Гентам. "Принципн законодательства", М., 1896. "Основные положения философии буду-щего". В кн.: "Избранные философские произведения", т. 1, Госполитиздат, 1955. 19. Люцвиг Фейербах, 20. Artyr Moneurayar, "Мир как воля и представление", 21. А.М. Герцен. "Письме об изучении природы", в кни-ге: "Избранные д илософские произведе-ния", М.-Л., 1948.

"С того берега", там же.

22. А.И. Герцен,

23. Н. А. Прогродюбов;

"Органическое развитие человека в сенаи с его умственной и нравственной деятельностью". - "Избранные философ-ские произведения",т. 1,1948.

24. Н.Г. Чернышевский, "

 "Антропологический принцип в философии", Госполитивцат, 1943.

25. П.И. Писарев,

"Исторические идеи Огюста Конта", В кн.: Сочинения, СПБ, изд. Павленково, т.У, 1904.

26. Д.И. Писарев,

"Мыслящий пролетариет", -В книге: "Мабранные философские и общественно-политические статьи", М., 1949.

27. Фридрих Ницше,

"Происхождение трагедии", Полное собресоч., т. 1, М., 1912.

28. Фридрих Ницше,

"Тек говорил Заратустра", СПв, 1913.

29. Albert Camus,

"Le mythe de Sisyphe, P., 1956.

30. "Existentialism New York, 1956. from Dostoevsky to Sartre," edited by W. Kaufmann,

11.

1. Ф.М.Достоевский,

Собрание сочинений в 13тт., под редакцией Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева, 1926-1930.

2. Ф. М. Постоевский,

Собрание сочинений в 10 тт., М., 1956-

з. Ф. М. Достоевский,

Письма, подготовка к печати А.С. Долинина, тт. 1-Ш, 1928-1934, и т. 1У, 1959.

17.

1. "Fиография, письма и заметки из записной книжки Ф.М.Достоевского, СПб, 1883:

О.Ф. Миллер, "Метериалы пля жизнеописания Ф. М. Цо стоенского".

Н.Н.Ограхов, "Воспоминания о Ψ.М.Достоевском".

2. В.П. Мещерский,

"Мои воспоминания", ч.П. СПв, 1898.

з. А.В.Врангель,

"Воспоминания о Ф.М.Достоевском в Сибири", СПС, 1912.

A. (Л.Ф. Постоенская)

"Постоевский в изображении его дочери Л. Достоевской", под редакцией и с правительным в достоем в достоем

5. В. Е. чешихин = Ветринский, "Достоевский в воспомин ниях современников и его письмах", чр. 1, П, М., 1923

6. А.Г. Постоенская, "Дневник", М., 1923.

7. Л.Гроссман, "Путь Достоевского., Л., 1921.

8. А.Г. Достоевская, "Воспоминания". - В книге: "Достоевский. Статьи и материалы", сб. 2-й, под резекцией А.С. Долинина, Л., 1925.

9. Молан Нейдельц, "Достовяский. Психоаналитический очерк", под редакцией З.Фрейда, Л.-М., 1925.

10. А.П. Суслова, "Роде близости с Достоевским", вступит. статья и примечения А.С. Долинина., М., 1928.

11. А.М. Скабичевский, "Литературные воспоминания", М.-Л.

12. П.Д. Роборнкин, "За полвека. Мои воспоминания", М.-Л., 1929.

13. П.В. Баков, "Силуэты далёкого прошлого", М.-Л., 1930.

14. Л.П. Гроссман, "Низнь и труды Ф.М.Достоевского. Биограния в датах и документах", Асадетіа. 1935.

15. Н.Ф. Гельчиков, "Достоевский в процессе петрашевцев", М.-Л., 1936.

16. Е.Н. Опочинин, "Беседы с Достоевским", В кн.: "Звенья", т. У1, М. -Л., Academia, 1936.

17. В.С. Нечаева, "В семье и усальбе Достоевских", М., 1939.

18. А.В. Никитенко, "Дневник", тт. 1-Ш, М., 1955-1956.

19. Л.Ф. Пантелеев, "Воспоминания", М., 1958.

20. "Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников", тт. 1-П, М., 1964.

y.

1. В.Г. Fелинский, "Вагляд на русскую литературу 1846 года", Полное собр. соч., т. Х., М., 1956.

2. В.Г. Белинский, "Вегляд не русскую литеретуру 1847 года", там же.

8. Н.А. Добролюбов, "Зебитне люди", Полное собр. соч., т.П., Л.: 1935.

. Л.И. Писарав, "Погибшие и погибающие", Ооч., т. 19, М., 1956.

5. I. W. Imceres. "Forece se Euses", TER Ee.

6. М.Е. Селтыков = Щедрин, "Светлов, его взгляды, херактер, делтельность", Полное собр. соч., т. УП, М.-Л., 1937.

7. Н.К. Михайловский, "нестокий талант", Полное собр. соч., т.У, СП., 1908.

В. А.Волинский, "Достоевский, СПо, 1906.

9. Д.С. Мережковский, "Пророк русской революции", СПо, 1906.

0. Д.С. Мережковский, "Толстой и Достоевский", Полное собр.

1. К.Леонтьев, "Наши новые христивне", Собр. соч., т.УШ, М., 1912.

2. К.Леонтьев, "Достоевский о русском дворянстве, там же,т. УП, СПо, 1913.

13. А. Fелни, "Грагедия твогчестве. Достоевский и Толстой, М., 1911.

14. В. Иванов, "Достоевский и ромен трегеция", в книге: "Бороедн и межи", М., 1916.

15. Ю. Тенянов, "Достоевский и Гоголь. (К теории пародии)", Пг, 1921.

16. "Достоевски». Статьи и материалн", сб. 1-й, под редакцией А.С. Долинина, 16, 1922.

17. Л.П. Гроссмен, "Три современника", М., 1922.

18. Hermann Hesse, "Blick ins Chaos," Bern, 1922.

19. Н.П. Анцијеров, "Петербург Достоевского", Пг. 1923.

20. André Gide, "Dostoïewski", P., 1923.

21. "Творческий путь Косто евского", сб. статей под редакцией Н.Л. Гродского, Л., 1924.

22. "Достоевский. Стетьи и метеривля, сб. 2-й, под редакцией А.С. Долинине, Л., 1925.

23. Л.П. Гроссивн, "Поэтике Достоваского", М., 1925.

- 24. "Достоевский", М., 1929. (Труды Государственной академии художественных наук, литературная секция, вып. 3).
- 25. М.М. Faxтин, "Проблемы творчества ретоевского", Л., 1929.
- 20. В.В. Виноградов, "Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский", Л., 1929.
- 27. А.П. Скаўтымов, "Записки из подполья" среди публицистики Достоевского"- Slavia, 1929, т. УП, вып. 1 и 2.
- 28. О.В. Цехновицер, "Достоевский и социально-криминальный роман 1860-1870 годов".- Уч. зап. Денинградского университета, 1939, 48. веп. 4.
- 20. Г.И. Чулков, "Как работал Достоевский", М., 1939:
- 80. А.С. Долинин, "Ф. М. До стоевский и Н. Н. Страхов", В книге: "Местидесятье годы", М. -Л., 1940.
- 31. E.J. Simmons, "Dostoevsky," London, 1940.
- 32. Л. Погожева, "Мечты Достоевского о золотом веке", "Красная новь", 1941, " 2.
- 33. П. Бицилли, "К вопросу о внутренней форме романа Достоевского", "Годишник на Софийския университет, историко Тилологически факультет", т. х 11, София, 1946.
- 34. Ф.И. Евнин, "О художественном методе Достоевского в 1860-1870 годах".-Известия АН СССР, ОЛЯ, 1955, т. X1У, вып. 6.
- 35. "Достоевский в русский критике", сб. статей, М., 1956.
- 36. В.Александров, "Идеи и образы Достоевского", В кн.: "Люди и книги", М., 1956.
- 37. В.В. Ермилов, "Ф.М.Досто ев ский", М., 1956.
- 38. Л. Розенблюм, "Повести и рассказа Ф. М. До стоевского", В книге: Ф. М. Достоевский, "Повести и рассказы", т. 1, М., 1956.
- 39. Б. Рюриков, "Великий русский писатель Досто звений", "Коммунист", 1956, # 2.
- 40. Jacques Madaule, "Dostoïevski," P., 1956.
- 41. В. Пкловский, "Зв и против", М., 1957.

"Имена и прототине дитературы и герова Лостоевского".-Уч. зап. Тульского пед-института, 1958, вып. 8. 12. М. С. АЛЬТМАН, вережени в произведениях Достоевского: Уч. зап. Тульского нединститута, 1959, т. X1. "Использование многовначности слов и 43. M. C. АЛЬТМАН. "Situation rhyme in novel of Dostoevskij." 11. J. M. Meijer, "Dutch Contributions to the IV International Congress of Slavicists," -s' Gravenhage, 1958. 45. Л.М.Лотман, Г.М. Триплендер, "Источник повести Достоевско-го "Дядюшкин сон", -В книге: "Из исто-рии русских дитературных отношений ХКШ-ХХ веков". М.-Л., 1959. 46. "TBoryectho T. M. Moctoebckoro" .co. ctatek, M., AH CCCP, 1959. "Tolstoy or Dostoevsky?" New York, 1959. 47. George Steiner, "Достоевский и Белинский", М., 1960. 48. B.A. Kupnorum. 19. Nina Gourfinkel, "Dosto ievski notre contemporain, P., 1961. 50. M. Tyc. "Идеи и образы Достоевского", М., 1962. "Dostojevski", P. 1962. 51. K. Motchoulski, "Достоевский и Кант", М., 1963. 52. 7. Э. Голосовкер. "О стиле Достоевского", М., 1963. 53. H. M. Yurkob. "Проблемы поэтики Достоевского, М., 54. M. M. FaxTUH. "Послецние гожены Достоевского, М.-Л. 1963. 55. А.С. Долинин, "Романы Достоевского", Ташкент, 1963. 56. 9.0. Зунделович, 57. Г.М.Фрипленцер. "Реализм Достоевского", М.-Л., 1964. "Записки из подполья", Ф. М. Достовн-ского". "Рукская литература", 1964, # 1. 58. В.Я.Кирпотин, 59. Л. П. Гроссман, "Ф. M. Достоевский", M., 1964. "Идеи и стиль", М., 1964. 60. А.В. Чичерин,

61. R. Przybylski,

"Dostojewski i przeklęte problemy, Warszawa, 1964

"Типология русского ромена". "Вопро-62. В. Кирпотин,

"достоевский и модернизм",-"Звезца". 63. F. Eypcou, 1965, 1 3.